

Бестселлер The New York Times

ЛИ БАРДУГО

ШЕСТЁРКА ВОРОНОВ

ШЕСТЬ ОПАСНЫХ ИЗГОВ.
ОДНО НЕВОЗМОЖНОЕ ПОХИЩЕНИЕ.

Annotation

Кеттердам – шумный центр международной торговли, где по сходной цене можно купить все, и лучше других это знает юный гений преступного мира Каз Бреккер. Ему выпадает шанс на ограбление века, которое может сделать его невообразимо богатым. Но один он не справится...

Узник, обуреваемый жаждой мести. Стрелок, который любит испытывать судьбу. Беглец из высших слоев общества. Шпионка, известная под кличкой Призрак. Девушка из магического ордена гришей с необычным даром. Вор с талантом выходить сухим из воды.

Шесть опасных изгоев. Одно невозможное похищение.

- [Ли Бардуго](#)
 -
 -
 - [Часть первая. Теневой бизнес](#)
 - [Часть вторая. Слуга и рычаг](#)
 - [Часть третья. Павшие духом](#)
 - [Часть четвертая. Фокус с падением](#)
 - [Часть пятая. Лёд не прощает](#)
 - [Часть шестая. Хорошие воры](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

Ли Бардуго

Шестерка воронов

Leigh Bardugo
Six Of Crows

Copyright © 2015 by Leigh Bardugo
© А. Харченко, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Кейт – моему тайному оружию и неожиданному
другу.*

Гриши́
Солдаты второй армии
Мастера малой науки

Корпориалы (Орден Живых и Мёртвых)
Сердцебиты
Целители

Эфиреалы (Орден Заклинателей)
Шквальные
Инферны
Проливные

Субстанциалы (Орден Фабrikаторов)
Прочники
Алкемы

Часть первая. Теневой бизнес

1. Йост

У Йоста было всего две проблемы: луна и усы.

Вообще-то он должен обходить дозором дом Худе, но вместо этого последние пятнадцать минут парень слонялся у юго-восточной стены сада, пытаясь придумать, что бы такое умное и романтическое сказать Ане.

Если бы только ее глаза были синими, как море, или зелеными, как изумруд... Но нет, они карие – добрые, мечтательные... Карие, как горячий шоколад? Как бурый кроличий мех?

– Просто скажи, что ее кожа сияет, как лунный свет, – советовал его друг Питер. – Девушкам такое нравится.

Прекрасное предложение, если бы только не безветренная погода в Кеттердаме. Ни малейшего ветерка не задувало в тот день с гавани, и потому городские каналы и косые переулки укрылись зябким, молочно-серым туманом. Даже здесь, среди особняков Гельдштрата, в воздухе стоял невыносимый запах рыбы и застоявшейся воды. Дым от заводов, расположенных на внешних островах, затянул ночное небо солоноватым маревом. Полная луна походила не столько на драгоценный камень, сколько на пожелтевший прыщик, который давно пора выдавить.

Может, польстить её смеху? Вот только Йост никогда его не слышал. Никудышный из него шутник.

Он взглянул на своё отражение в стеклянной двери дома, выходявшей в сад. Мама была права. Даже в новой форме он выглядел как мальчишка. Йост легонько провёл пальцем над верхней губой. Ну когда же у него наконец вырастут усы? Хотя... они определённо стали гуще за эту ночь!

Йост служил в городской страже почти шесть недель, однако все было не так радужно, как ему представлялось. В своих мечтах он ловил грабителей в Бочке или патрулировал гавани, осматривая груз, прибывающий в доки. Но с тех пор, как в мэрии убили того посла, Торговый совет всерьёз забеспокоился о своей безопасности. И чем же он занимался? Правильно – наматывал круги вокруг дома какого-то купца. Хотя нет, не какого-то. Советник Худе занимал едва ли не самую высокую должность в правительстве Кеттердама. Он из тех людей, кто знает, как делать карьеру.

Йост одернул китель и поправил винтовку, затем дотронулся до тяжелой дубинки на бедре. Может, Худе приметит новичка и поможет ему продвинуться по службе? *«Зоркий малый и дубинкой умело пользуется, – скажет он. – Этот парень достоин повышения!»*

– Сержант Йост ван Пуль, – прошептал он, наслаждаясь звучанием слов. – Капитан Йост ван Пуль.

– Хорош на себя пялиться!

Йост резко обернулся и покраснел, увидев Хенка и Рутгера, выходящих в сад. Оба были старше него, крупнее и шире в плечах. Мужчины патрулировали дом внутри и состояли в личной охране советника Худе. Это означало, что они носили светло-зеленые ливреи, были вооружены лучшими винтовками из Нового Зема и никогда не позволяли Йосту забыть, что он – всего лишь жалкий городской дозорный.

– Гладь свой пушок сколько влезет, от этого он не станет расти быстрее, – громко рассмеялся Рутгер.

Парень попытался сохранить остатки достоинства.

– Мне нужно закончить обход.

Рутгер пихнул локтем Хенка.

– Видать, снова намылился в мастерскую гришей, чтобы поглазеть на свою девушку.

– Ох, Аня, ты же можешь пустить в ход магию гришей и сделать так, чтобы мои усы начали расти? – глумливо пропищал Хенк.

Йост развернулся на каблуках и зашагал вдоль восточной стены. Щеки парня горели огнем. Эти двое дразнили его с тех самых пор, как он поступил на службу к Худе. Если бы не Аня, он наверняка попросил бы капитана о переводе. Они с девушкой обмолвились лишь парой фраз, но встречи с ней – лучшее, что происходило с ним во время смены.

Надо признать, дом Худе ему нравился – по крайней мере та часть, которую удавалось разглядеть через окна. Советник содержал великолепный особняк на улице Гельдштрат. Полы в доме были из сверкающих квадратов черного и белого камня, стены покрыты отполированным темным деревом, и вся эта роскошь освещалась люстрами из дутого стекла, похожими на плавающих под кессонным потолком медуз. Иногда Йост представлял, что это его дом и что он – богатый купец, гуляющий по своему чудесному саду.

Прежде чем свернуть за угол, паренёк сделал глубокий вдох. *«Аня, твои глаза такого же цвета, как... кора дерева?»* Ладно, что-нибудь да придумает. Спонтанность – его конёк.

К удивлению Йоста, стеклянные двери в мастерскую гришей были

распахнуты. Сама мастерская говорила о богатстве хозяина даже больше, чем расписная голубая плитка на кухне или каминные полки с горшочками тюльпанов. Услуги гришей стоили недешево, а у Худе их было трое.

Однако Юрия за рабочим столом не оказалось, да и Ани нигде не было видно. В мастерской находился лишь Ретвенко, который сидел, развалившись, в кресле в своей синей мантии. Его глаза были сомкнуты, а на груди лежала раскрытая книга.

Йост, потоптавшись у входа, откашлялся:

– По ночам двери следует запирасть.

– В доме жарко, как в парилке, – проворчал мужчина, не открывая глаз. Его сильный равкианский акцент немного искажал слова. – Можешь передать Худе, что я непременно их закрою, как только перестану истекать потом.

Ретвенко был шквальным и самым старшим из трёх гришей. В его волосах уже виднелись седые пряди. Ходили слухи, что в гражданской войне у себя на родине он сражался за проигравшую сторону и сразу после поражения сбежал в Керчию.

– С радостью передам твои жалобы советнику, – соврал парень. В доме всегда было слишком душно, словно Худе кто-то заставлял сжигать чёртов уголь, но Йост не собирался поднимать эту тему с хозяином. – А пока...

– Ты принес вести о Юре? – перебил Ретвенко, наконец приоткрыв тяжёлые веки.

Йост с тревогой покосился на миски с красным виноградом и груды бордового бархата на рабочем столе. Юрий работал над тем, чтобы придать цвет ягод шторам госпожи Худе, но приболел несколько дней назад, и с тех пор Йост его не видел. Бархат начал покрываться пылью, а виноград почти сгнил.

– Я ничего о нём не слышал.

– Ну конечно. Ты был слишком занят, расхаживая вокруг в этой дурацкой фиолетовой форме.

А что не так с его формой? И что вообще Ретвенко тут делает? Он работал личным шквальным Худе и часто перевозил ценный груз, обеспечивая попутный ветер, чтобы корабли поскорее добирались до безопасной гавани. Почему он не в море?

– Наверное, Юрий на карантине.

– Какая полезная информация, – ухмыльнулся мужчина. – Хватит шею выворачивать, как гусь весной. Ани здесь нет.

Лицо Йоста вновь залилось краской.

– А где она? – спросил он, пытаясь придать своему голосу

значительности. – Ей положено быть здесь с наступлением темноты.

– Худе забрал ее час назад. То же самое произошло с Юрой.

– В смысле? Он же заболел.

– Худе пришел за Юрой, после чего тот вернулся больным. Спустя два дня он пропал. Теперь черед Ани.

«Пропал?»

– Может, что-то случилось? Кому-то срочно понадобилась помощь целителя...

– Сперва Юра, теперь Аня. Я буду следующим, и никто ничего не заметит, кроме бедного офицера Йоста. А теперь уходи.

– Если советник Худе...

Ретвенко вскинул руку, и порыв ветра отшвырнул парня назад. Йосту пришлось схватиться за дверь, чтобы удержать равновесие.

– Я сказал – уходи! – шквальный нарисовал круг в воздухе, и двери захлопнулись. Еще секунда, и Йосту прищемило бы пальцы. Он так резво отскочил от входа, что рухнул спиной в кусты.

Затем как можно быстрее поднялся и начал смахивать грязь с одежды. От стыда все его внутренности скрутило узлом. После удара стеклянная дверь пошла трещинами. В ней он увидел ухмыляющееся лицо Ретвенко.

– Тебе придется за это заплатить! – крикнул Йост, тыча в треснувшее стекло. Ему самому был противен его жалкий тоненький голосок.

Шквальный взмахнул рукой, и дверные петли задрожали. Йост инстинктивно отпрянул.

– Иди работай, сторожевой щенок! – ответил Ретвенко.

– Вот и поговорили, – хихикнул Рутгер. Он стоял, прислонившись к садовой стене.

Как давно он там торчит?

– Тебе делать нечего, кроме как следить за мной? – сердито спросил Йост.

– Все стражники должны явиться в эллинг. Даже ты. Или ты слишком занят? Пытаешься завести новых друзей?

– Я просто попросил его запереть дверь.

Тот покачал головой.

– Ты должен приказывать, а не просить. Они – прислуга, а не почетные гости.

Йост пошел вслед за стражником, сгорая от гнева и унижения. Хуже всего то, что Рутгер прав. Ретвенко нельзя так с ним обращаться. Но что Йосту оставалось делать? Даже если бы у него хватило смелости вступить в схватку со шквальным, это было бы равносильно драке с дорогой вазой.

Гриши не просто слуги, они – бесценное имущество господина Худе.

Что имел в виду Ретвенко, когда сказал, что Юрия и Аню забрали? Может, он ее прикрывал? Гришей не зря держали в доме взаперти. Гуляя по улице без охраны, они рисковали угодить в лапы работорговцев и пропасть навсегда.

«Может, она с кем-то встречается», – предположил огорченный Йост.

Его размышления прервали вспышка света и шум из эллинга, который выходил на канал. Напротив стояли красивые дома других торговцев, высокие и изящные. Аккуратные фронтоны их крыш выделялись темными силуэтами на фоне ночного неба, сады и эллинги были освещены яркими фонарями.

Пару недель назад Йосту сообщили, что в эллинге Худе проводятся строительные работы, и он должен исключить его из своего маршрута. Но когда они с Рутгером вошли внутрь, то не увидели ни ведер с краской, ни лесов. Гондолы и весла убрали к стенам. Все личные стражники в ливреях цвета морской волны уже прибыли, и, кроме того, Йост узнал двух дозорных в фиолетовом. Большую часть помещения занимал огромный куб – просторная камера, выглядевшая так, будто ее сделали из армированной стали: крепкое строение, с кучей заклепок по швам и широким окном, сделанным в одной из стен. Сквозь выпуклое стекло Йост увидел девушку, сидящую за столом – она комкала подол своего платья из красного шёлка. За ее спиной стоял стражник.

«Аня!» – парень ее сразу узнал.

Карие глаза Ани были широко раскрыты от страха, лицо побледнело. Маленький мальчик, сидевший напротив нее, выглядел еще более испуганным. Волосы взъерошены, будто он только что проснулся, тоненькие ножки свисают со стула, нервно качаясь в воздухе.

– Зачем собрали всех стражников? – спросил Йост.

В эллинге их было больше десяти. Также присутствовали советник Худе и какой-то незнакомый купец, оба в черном. Йост увидел, что они разговаривают с его капитаном, и выпрямился, надеясь, что стряхнул с формы всю грязь из сада.

– Что происходит?

Рутгер пожал плечами.

– Не все ли равно? Хоть какое-то разнообразие.

Йост снова заглянул в окно. Аня смотрела прямо на него невидящим взглядом. В его первый рабочий день девушка залечила ему синяк на скуле. Ничего серьезного – просто желто-зеленый след от удара, который Йост

получил во время тренировки, – но, видимо, Худе это заметил, и ему не понравилось, что его охранник выглядит как бандит. Йоста послали в мастерскую гришей, где Аня усадила парня в яркий квадрат зимнего солнечного света. Затем пробежалась холодными пальчиками по коже, и, хотя скула нестерпимо зудела, секундой позже синяка как не бывало.

В ответ на его благодарность Аня улыбнулась, и песенка Йоста была спета. Он знал, что дело безнадежное. Даже если бы она им заинтересовалась, он никогда не смог бы выкупить ее у Худе, а выходить замуж без разрешения хозяина девушка не имела права. Но это не мешало Йосту время от времени заглядывать к ней и приносить небольшие подарки. Больше всего Ане понравилась карта Керчии – причудливое изображение их островного государства, окруженного русалками, которые плавали в Истиноморе, и кораблями, обдуваемыми ветрами в виде толстощеких человечков. Это был дешевый сувенир, такие продают туристам в Восточном Обруче, но Аню он порадовал.

Йост рискнул помахать ей рукой. Девушка никак не отреагировала.

– Она тебя не видит, идиот, – рассмеялся Рутгер, – это зеркальное стекло.

Щеки Йоста порозовели.

– Откуда ж мне было знать?

– А ты разуй глаза!

«Сперва Юра, теперь Аня».

– Зачем им целительница? Мальчик ранен?

– Вроде с ним все в порядке.

Капитан и Худе, видимо, пришли к какому-то соглашению.

Йост увидел, как последний зашел в камеру и ободряюще похлопал мальчика по спине. Должно быть, в металле были отверстия, так как до него донесся голос купца:

– Будь смелее, парень, если выдержишь испытание, то получишь пару крыг, – затем он взял Аню за подбородок своей рукой в старческих пятнах. Она напряглась, и у Йоста все сжалось внутри. Худе легонько встряхнул ее голову. – Делай, что велят, и все это скоро закончится, ja^[1]?

Ей удалось выдавить слабую улыбку.

– Конечно, мой господин.

Он обменялся парой слов со стражником и вышел из камеры. Дверь громко лязгнула, проскрипел тяжелый засов.

Худе и другой купец встали прямо перед Йостом и Рутгером.

Незнакомый Йосту торговец спросил:

– Вы уверены, что поступаете разумно? Эта девушка – корпориадка.

После того что случилось с вашим фабрикатом...

– Я бы волновался, будь это Ретвенко. Но у Ани мягкий характер. Она – целительница и не склонна к агрессии.

– Вы уменьшили дозу?

– Да, но мы же договорились: если результаты будут такими же, как с фабрикатом, Совет все мне компенсирует. Я не могу позволить себе такие расходы.

Торговец кивнул, и Худе дал сигнал капитану:

– Начинайте.

«Такие же результаты, как с фабрикатом...»

Ретвенко заявил, что Юрий пропал. Что он имел в виду?

– Сержант, – обратился капитан, – вы готовы?

– Да, сэр, – ответил тот из камеры и достал нож.

Йост с трудом сглотнул.

– Первое испытание, – сказал капитан.

Стражник наклонился и велел мальчику закатать рукав. Тот послушался и вытянул руку, а большой палец второй руки засунул в рот.

«В его возрасте палец обычно уже не сосут, – подумал Йост. – Наверное, мальцу очень страшно».

Сам он спал с плюшевым медведем до четырнадцати лет, из-за чего старший брат нещадно над ним издевался.

– Будет немного больно, – предупредил стражник.

Мальчик не вытащил палец изо рта, но кивнул.

– Это совершенно необязательно... – начала Аня.

– Тишина, пожалуйста! – крикнул Худе.

Сержант похлопал мальчишку по руке, а затем провел по ней ножом. Появился алый порез. Мальчик сразу же заплакал.

Аня попыталась встать со стула, но стражник жестко придержал ее за плечо.

– Все нормально, сержант, – сказал Худе. – Пусть исцелит его.

Девушка склонилась над ребенком и осторожно взяла его за руку.

– Тише-тише, – ласково прошептала она. – Давай я тебе помогу.

– А больно будет? – сглотнул он.

Целительница улыбнулась.

– Вовсе нет. Только рука слегка зачесется. Попытаешься не шевелиться?

Йост невольно подался вперед. Он никогда еще не видел, как Аня исцеляет других.

Она достала платок из рукава и вытерла капли крови. Затем аккуратно

провела пальцами по ране. Вытянув шею, парень в изумлении наблюдал, как кожа медленно соединяется и рана заживает.

Через пару минут мальчик улыбнулся и приподнял руку. Она была немного красноватой, но целой и невредимой.

– Это что, волшебство?

Аня легонько щелкнула его по носу.

– Можно и так сказать. Ту же магию использует твоё тело, если дать ему время и немного бинта.

Мальчик выглядел чуть ли не разочарованным.

– Отлично, отлично, – нетерпеливо вставил Худе. – Теперь *парем*.

Йост нахмурился. Он никогда прежде не слышал этого слова.

Капитан махнул сержанту:

– Переходим ко второму испытанию.

– Вытяни руку, – снова сказал тот мальчику.

Ребенок покачал головой:

– Я не хочу.

– Делай что говорят!

Его нижняя губа задрожала, но он послушался. Стражник снова сделал порез. Затем положил на стол перед Аней небольшой конверт из воценой бумаги.

– Проглоти его содержимое, – велел Худе.

– Что это? – спросила она дрожащим голосом.

– Тебя это не касается.

– Что это?!

– Это не смертельно. Мы попросим тебя выполнить простые задачи: нам нужно оценить эффективность препарата. Сержант проследит, чтобы ты делала только то, о чем тебя просят, и не более. Все ясно?

Стиснув зубы, она кивнула.

– Тебе не причинят вреда, – добавил Худе. – Но запомни: если ты нападёшь на стражника, то не выйдешь из этой камеры. Двери заперты с другой стороны.

– Что это за штука? – прошептал Йост.

– Не знаю, – ответил Рутгер.

– Да что ты вообще знаешь?

– Достаточно, чтобы держать рот на замке.

Йост помрачнел.

Аня дрожащими руками взяла конверт и открыла его.

– Продолжай, – настаивал Худе.

Она откинула голову и проглотила порошок. Пару секунд девушка

просто сидела и ждала, крепко сжав губы. Затем спросила с надеждой:

– Это обычная юрда?

Йост и сам на это надеялся. Юрды нечего бояться – это просто стимулятор, который принимали все ночные дозорные, чтобы не уснуть на посту.

– Какой он на вкус? – спросил купец.

– Как юрда, только слаще, он...

Аня резко втянула воздух. Её руки вцепились в край стола, зрачки расширились до такой степени, что глаза показались чёрными. – О-о-ох, – выдохнула она. Прозвучало это почти как урчание.

Стражник еще крепче схватил ее за плечи.

– Как ты себя чувствуешь?

Она уставилась в зеркало и улыбнулась. Затем слегка высунула язык, окрасившийся в ржавый цвет, и прикусила его зубами. У Йоста кровь застыла в жилах.

– Точно как с фабрикатом, – пробормотал торговец.

– Исцели мальчика, – скомандовал Худе.

Она снисходительно махнула рукой, и порез на руке мальчика мгновенно зажил. Красные капельки крови поднялись в воздух и испарились. Кожа стала абсолютно гладкой, даже без покраснений. Ребенок просиял.

– Это точно было волшебство!

– Это и *чувствуется* как волшебство, – сказала Аня все с той же пугающей улыбкой на лице.

– Она даже не прикоснулась к нему! – удивился капитан.

– Аня, – позвал Худе. – Слушай меня внимательно. Сейчас мы прикажем стражнику перейти к следующему этапу.

– М-м-м, – промурлыкала она.

– Сержант, отрежьте мальчику палец.

Мальчишка взвыл и снова заплакал. Он сунул ладони себе под тощие ляжки в попытке защитить их.

«Я должен остановить это, – подумал Йост, – должен защитить их!»

Но как? Он никто, всего лишь дозорный, новый в этом доме.

«Кроме того, я хочу сохранить работу», – он покраснел от стыда при этой мысли.

Аня всего лишь улыбнулась и подняла голову, чтобы взглянуть на стражника.

– Выстрели в стекло.

- Что она сказала? – спросил торговец.
- Сержант! – рявкнул капитан.
- Выстрели в стекло, – повторила Аня.

Лицевые мышцы сержанта расслабились. Он склонил голову вбок, будто прислушивался к тихой мелодии, затем снял с плеча винтовку и прицелился в смотровое окошко.

- Ложись! – крикнул кто-то в толпе.

Йост рухнул на пол, прикрыв голову. В ушах звучал непрерывный грохот ружейной пальбы, на руки и спину сыпались осколки стекла. Все мысли смешались. Он не мог поверить в то, что видел собственными глазами. Аня приказала сержанту разбить стекло. Она *заставила* его это сделать. Но это невозможно! Гриши-корпоралы специализировались на людских организмах. Они умели останавливать сердце, замедлять дыхание, ломать кости. Но чего они точно не умели, так это влезать кому-то в голову.

На пару секунд воцарилась тишина. Затем все стражники поднялись на ноги и схватились за винтовки. Худе с капитаном одновременно закричали:

- Взять ее!
- Пристрелить ее!
- Да ты хоть знаешь, сколько она стоит? – возмутился Худе. – Кто-нибудь, усмирите ее! Не стрелять!

Аня подняла руки, взмахнув широкими красными рукавами платья.

- Подождите!

Паника, охватившая Йоста, исчезла. Он знал, что напуган, но чувство страха скрылось где-то на задворках разума. Его наполнило ожидание. Он не знал, что именно и когда это произойдет, но что-то грядет, и он должен подготовиться. Может, это будет что-то плохое, а может, и хорошее. На самом деле, ему плевать. Его сердце освободилось от беспокойства и желаний. Он ничего не хотел, ни о чем не тревожился, его внутренний голос молчал, дыхание успокоилось. Ему нужно только одно – ждать.

Он увидел, как Аня встала и взяла мальчика на руки. Услышал, как она ласково напевает ему какую-то равкианскую колыбельную.

- Худе, открой дверь и зайди сюда, – сказала она. Йост слышал и понимал ее слова, но тут же их забывал.

Мужчина подошёл к двери, отодвинул засов и вошел в стальную камеру.

- Делай, что велят, и все это скоро закончится, *ja?* – пробормотала Аня с улыбкой на лице. Её глаза были черными и бездонными, как омут. Кожа девушки светилась и мерцала. У Йоста промелькнула только одна мысль: «Красивая, как луна».

Аня взяла мальчика поудобнее и прошептала ему на ухо:
– Отвернись, – а затем обратилась к Худе: – Возьми нож.

2. Инеж

Казу Бреккеру даже повод не нужен – так поговаривали на улицах Кеттердама, в тавернах, кофейнях и темных переулках квартала красных фонарей, также известного как Бочка. Парню, которого все звали «Грязные Руки», не требовались никакие резоны и уж тем более чье-то дозволение, чтобы нарушить договоренность, сломать кому-нибудь ногу или изменить судьбу человека одним движением кисти.

Конечно, они ошибались, думала Инеж, пока шла по мосту над черными водами Бёрсканала, направляясь к безлюдной главной площади у Биржи. Каждый акт насилия был неслучайным, каждый поворот судьбы происходил по воле невидимого кукольника, намеренно дергающего за ниточки. У Каза *всегда* имелись причины. Просто иногда Инеж сомневалась в их разумности. Особенно сегодня.

Девушка пересчитала ножи, мысленно называя их по именам, как неизменно поступала, если ждала неприятностей. Это была не просто полезная привычка, но и приятный ритуал. Клинки – ее верные союзники. Она знала, что они готовы ко всему, что принесет с собой ночь.

Инеж видела, как Каз и другие подтягиваются к большой каменной арке у восточного входа в здание Биржи. На стене над ними было высечено три слова: *Enjent, Voorhent, Almhent*. Трудолюбие, Честность, Процветание.

Она старалась держаться поближе к забранным железными решетками витринам магазинов вдоль площади, избегая островков мигающего света, отбрасываемого фонарями. Приближаясь к месту встречи, девушка бросила изучающий взгляд на команду, которую собрал Каз. Здесь были Дирикс, Ротти, Маззен, Кейг, Аника, Пим, а также его личные секунданты на сегодняшних переговорах – Джеспер и Большой Боллигер. Они дурачились, пихали друг друга, смеялись и притоптывали на месте, чтобы согреться. На этой неделе в городе внезапно похолодало – последнее дыхание зимы перед наступлением теплого сезона. Все ребята были отпетыми хулиганами и дебоширами, отобранными из самых юных членов банды «Отбросы», – людьми, которым Каз доверял больше всего. Инеж примечала блеск ножей, засунутых за пояс, свинцовые трубы, тяжелые цепи, дубинки, утыканые ржавыми гвоздями. То тут, то там мелькали маслянистые дула пистолетов. Она бесшумно прокралась в их ряды,

высматривая, не прячутся ли в тени у Биржи шпионы «Чёрных Пик».

– Три корабля, представляете, – воскликнул Джеспер. – От шуханцев! Они просто пришвартовались в Первой гавани: пушки выставлены, красные флаги развеваются на ветру, трюмы под завязку набиты золотом!

Большой Боллигер присвистнул.

– Хотел бы я на это посмотреть!

– Хотел бы я это *украсть*, – ехидно ответил Джеспер. – К ним спустилась половина Торгового совета: бегали и кудахтали как идиоты, пытаюсь решить, что им делать.

– Разве им не выгодно, чтобы шуханцы вернули долг? – спросил Большой Боллигер.

Каз покачал головой, и его темные волосы блеснули в свете фонарей. Он весь состоял из ломаных линий и отточенных краев – острый подбородок, сухопарая фигура в плотно облегающем плечи шерстяном пальто.

– И да, и нет, – сказал он хриловатым голосом. – Никогда не помешает иметь какую-то страну в должниках. Способствует дружественным переговорам.

– Наверное, дружелюбие шуханцев иссякло, – вставил Джеспер. – Необязательно же было присылать все сокровища разом. Думаешь, это они убили того посла?

Взгляд Каза безошибочно нашел в толпе Инеж. Кеттердам уже много недель судачил об убийстве посла. Это неприятное событие едва не рассорило Керчию и Новый Зем и вызвало суматоху в Торговом совете. Земенцы винули Керчию. Керчия подозревала шуханцев. Казу было плевать, кто за это в ответе; его восхищало само убийство, поскольку он не мог понять, как они все провернули. Это произошло в одном из самых оживленных коридоров Ратуши, где в тот момент находилась дюжина чиновников. Посол земенцев зашел в уборную. Больше туда никто не входил – и никто не выходил. Через несколько минут помощник посла постучал в дверь, но ему не ответили. Вломившись внутрь, вызванные на подмогу люди обнаружили посла лежащим на белых плитах лицом вниз с ножом в спине. Из открытого крана бежала вода.

Через пару часов Каз послал Инеж на разведку. Других выходов в уборной не было, как и окон или вентиляционных отверстий. И даже Инеж, при всех ее талантах, не удалось пролезть в водопроводную трубу. Тем не менее посол был мертв. Каз ненавидел головоломки, которые он не мог решить; они с Инеж придумали сотню версий, объясняющих, как произошло это убийство, но ни одна не выглядела правдоподобной. Как бы

там ни было, сегодня им нужно разобраться с более насущными проблемами.

Каз дал знак Джесперу и Большому Боллигеру избавиться от оружия. Уличные законы гласили, что каждый лейтенант должен явиться на переговоры с двумя безоружными пехотинцами. *Переговоры*. Это слово – слишком древнее и чопорное – отдавало каким-то жульничеством. Законы законами, но сегодня ночью в воздухе пахло насилием.

– Давай сюда пистолеты, – сказал Дирикс Джесперу.

Тот тяжело вздохнул и снял ремни с кобурами. Надо признать, без них он перестал походить на самого себя. Земенский стрелок был долговым, темнокожим парнем, который не мог и секунды постоять на месте. Он прижался губами к перламутровым рукояткам своих драгоценных револьверов и даровал каждой скорбный поцелуй.

– Позаботься о моих малышах, – Джеспер передал их Дириксу. – Если я обнаружу на них хоть одну царапину, то сделаю надпись «*прости меня*» из пулевых отверстий на твоей груди.

– Ты бы не стал тратить на меня патроны.

– И он бы умер на половине слова, – вставил Большой Боллигер, отдавая свой топор, складной нож и любимое оружие – толстую цепь, утяжеленную амбарным замком, – в жадные ручки Ротти.

Джеспер закатил глаза.

– Суть в том, чтобы оставить сообщение. Какой смысл в мертвом парне с надписью «*про*» на груди?

– Ищи компромисс, – отозвался Каз. – В «*мне жаль*» меньше букв, а смысл тот же.

Дирикс рассмеялся, но Инеж заметила, с какой осторожностью он держал револьверы.

– Что насчет этого? – Джеспер кивнул на трость Каза.

Тот невесело усмехнулся.

– Кто посмеет забрать трость у несчастного калеки?

– Любой здравомыслящий человек, если под «калекой» ты подразумеваешь себя.

– В таком случае хорошо, что мы встречаемся с Хейлсом. – Каз достал часы из кармана жилетки. – Уже почти полночь.

Инеж повернулась к Бирже. Сейчас это просто большой прямоугольный двор, окруженный складами и конторами. Но днем это место было сердцем Кеттердама, суматошным и бурлящим, где богатые купцы покупали и продавали свои акции торговцам, приплывшим на кораблях в городские порты. Скоро пробьет двенадцать. Биржа

практически опустела, если не считать стражников, патрулирующих периметр и крышу. Им дали взятку, чтобы они смотрели в другую сторону во время переговоров.

Биржа была одной из немногих частей города, которую враждующие банды еще не успели поделить между собой в бесконечных стычках. Поэтому она стала нейтральной территорией. Разумеется, только на словах. Здесь царила та же пугающая тишина, что и в лесу перед тем, как силки затянутся и кролик издаст последний писк. Инеж чувствовала себя в ловушке.

– Мы совершаем ошибку.

Большой Боллигер вздрогнул – до этого он не замечал присутствия девушки. Инеж знала, как Отбросы называли её между собой – «Призрак».

– Хейлс определенно что-то задумал.

– Естественно, – согласился Каз. Его голос походил на грубый скрежет камня об камень. Инеж всегда было любопытно, как звучал голос Каза, когда тот был еще мальчишкой. Если он вообще им когда-то был.

– Тогда зачем мы сюда пришли, да еще ночью?

– Потому что этого хочет Пер Хаскель.

«Старый человек, старая школа», – подумала Инеж, но промолчала. Она подозревала, что другие Отбросы были с ней солидарны.

– Из-за него нас всех убьют.

Джеспер потянулся, сложив свои длинные руки над головой и оскалившись. Его белоснежные зубы сверкнули на фоне темной кожи. Парень все еще не расстался со своей последней винтовкой, и ее силуэт за спиной придавал ему вид неуклюжей птицы с длинными конечностями.

– Если верить статистике, из-за него умрут лишь *некоторые* из нас.

– Это не повод для шуток! – ответила она.

В глазах Каза читалась насмешка. Инеж знала, что сейчас похожа на сердитую, нервную старую каргу, мрачно голосающую со своего крыльца. Ей это самой претило, но все же она была права. Кроме того, старухи явно не лишены мудрости, раз дожили до седых волос.

– Джеспер не шутит, Инеж, – ответил Каз. – Он просчитал наши шансы.

Большой Боллигер хрустнул костяшками пальцев.

– Меня ждет пиво и яичница в «Купероме» – я не могу сегодня умереть.

– Заключим пари? – спросил Джеспер.

– Я не собираюсь ставить на собственную смерть.

Каз надел шляпу и коротким жестом провел по полям рукой в

перчатке.

– Почему? Мы делаем это каждый день.

Он был прав. Инеж – должница Пера Хаскеля, а это значит, что она рискует жизнью всякий раз, когда берется за новую работу или выполняет очередное задание, всякий раз, когда покидает свою комнату в Клепке. Сегодняшняя ночь ничем не отличалась от других.

Каз стукнул тростью по брусчатке, и в ту же секунду забили колокола церкви Биржи. Все замолчали. Для болтовни больше не осталось времени.

– Хейлс не отличается сообразительностью, но достаточно смышлен, чтобы создать проблемы. Что бы вы ни услышали, не смейте лезть в драку, пока я не дам команду. Будьте внимательны, – затем он коротко кивнул Инеж. – И не высовывайтесь.

– Ни траура, – сказал Джеспер, передавая винтовку Ротти.

– Ни похорон, – дружно пробормотали в ответ Отбросы. Так они желали друг другу удачи.

Прежде чем Инеж успела раствориться в тени, Каз постучал по ее руке тростью с головой ворона.

– Присматривай за стражниками на крыше. Возможно, они подкуплены Хейлсом.

– Тогда... – начала было она, но Бреккер уже ушел.

Девушка раздраженно взмахнула рукой. У нее накопилась сотня вопросов, но Каз, как обычно, держал все ответы при себе.

Затем она поспешила к стене Биржи, выходящей на канал. На переговоры разрешалось приходить лишь лейтенантам и их помощникам. Но если Черные Пики решат играть не по правилам, Отбросов будут ждать прямо за восточной аркой с оружием наготове. Им также было известно, что вооруженные люди Хейлса соберутся у западного входа.

Инеж найдёт другой путь, чтобы пробраться внутрь. Правила честной игры среди бандитов канули в Лету вместе с молодостью Пера Хаскеля. Кроме того, она – Призрак. Единственный закон, которому она подчиняется, – это закон всемирного тяготения, да и то не всегда.

Нижний этаж Биржи занимали склады без окон, потому Инеж решила воспользоваться водосточной трубой, чтобы забраться наверх. Что-то заставило ее замешкаться, прежде чем схватиться за нее. Девушка достала фонарик из кармана и встряхнула его, посветив вокруг зеленоватым сиянием. Труба оказалась скользкой от масла. Инеж пошла вдоль стены и обнаружила каменный карниз со статуей трех летучих рыбок Керчии. Затем встала на цыпочки и осторожно пощупала карниз. Битое стекло.

«А мне здесь рады», – подумала она с мрачным удовольствием.

Девушка присоединилась к Отбросам чуть меньше двух лет назад, сразу после своего пятнадцатого дня рождения. Это был вопрос выживания, но ей льстило, что за столь короткое время она стала той, против кого нужны меры предосторожности. Однако если Черные Пики думали, что эти маленькие хитрости удержит Призрака, то они сильно ошибались.

Она достала два альпинистских крючка из карманов стеганого жилета и воткнула их между кирпичами. Девушка поднималась все выше и выше, нащупывая ногами даже малейший выступ в стене. Когда Инеж была маленькой и училась ходить по канату, она делала это босиком, но на улицах Кеттердама слишком сыро и холодно для босых ног. После нескольких неудачных падений она заплатила гришу-фабрикатору, тайно работающему в пивнушке на улице Вайнштрат, чтобы тот сшил ей пару кожаных тапочек с бугристой резиновой подошвой. Они идеально сидели на ноге и помогали справиться с любой поверхностью.

Добравшись до второго этажа, она залезла на подоконник, ширины которого хватило, чтобы сесть.

Каз обучил ее всему, чему мог, но ей все равно не хватало его мастерства опытного взломщика: пришлось предпринять несколько попыток, прежде чем удалось открыть замок. Наконец раздался приятный щелчок, и окно распахнулось. Инеж увидела пустой кабинет, стены, увешанные картами с торговыми путями и досками, на которых были записаны цены на акции и названия кораблей. Девушка скользнула внутрь, закрыла окно и прошла мимо столов с аккуратными стопками распоряжений и счетов.

Затем подкралась к узким дверям на балкон, выходящий на центральный двор Биржи. Такие балконы были у каждой конторы. Оттуда объявляли об отправлении или прибытии торговых судов и новых товаров или же вешали черный флаг, оповещающий о потере в море корабля, утонувшего вместе со всем своим грузом. Днем Биржа была охвачена ураганом торговых сделок; отсюда, с этого двора, гонцы распространяли новости по всему городу, здесь оглашали цены на товары и акции отправляющихся в рейс судов, которые беспрестанно то поднимались, то опускались. Но сейчас здесь царила тишина.

С гавани подул ветер, принесший с собой запах моря и взъерошивший пряди волос Инеж, выбившиеся из собранной в пучок на затылке косы. Взглянув на площадь, она увидела покачивающийся фонарик и услышала тихий стук трости Каза, а также шаги двух его помощников. С противоположной стороны тоже мелькнул свет фонарей – Чёрные Пики

прибыли.

Инеж натянула капюшон. Потом перелезла через перила и беззвучно перепрыгнула с балкона на балкон, следя за Казом и остальными и стараясь подобраться к ним поближе. Темное пальто Каза хлопало на ветру; его хромота была сейчас особенно заметна, как всегда при холодной погоде. До нее донеслись звуки болтовни Джеспера и басовитый смешок Большого Боллигера.

Перебравшись на другую часть площади, Инеж увидела, что Хейлс, как и предполагалось, пришел с Элзингером и Оменом. Девушка знала все слабые и сильные стороны каждого члена «Черных Пик», не говоря уже о Псах Харли, Обломщиках, Портовых Лезвиях, Грошовых Львах и других бандитах, разбойничающих на улицах Кеттердама. В ее обязанности входило знать, что Хейлс, к примеру, не доверял Элзингеру, потому что они оба пробивали себе теплые местечки в «Черных Пиках», и еще потому, что его телосложение походило на гору валунов – два с лишним метра роста, крепкие мускулы, широкое, сплющенное лицо и короткая кабанья шея.

Она вдруг обрадовалась, что с Казом был Большой Боллигер. То, что вторым помощником он выбрал Джеспера, никого не удивило. Подвижный и суетливый, парень даже без своих драгоценных револьверов мог надрать зад любому; она знала, что он пойдет на все ради Каза. А вот по поводу Большого Боллигера у нее поначалу возникли сомнения. Он работал вышибалой в «Клубе Воронов» и идеально подходил для того, чтобы выпроваживать пьяниц и дебоширов, но когда дело доходило до настоящей потасовки, от его габаритов было мало проку. И все же, по крайней мере, он был достаточно высоким, чтобы заглянуть в глаза Элзингеру.

Думать о втором помощнике Хейлса Инеж и вовсе не хотелось. Омен заставлял ее нервничать. Он не внушал страх своими физическими данными, как Элзингер. Вообще-то он больше походил на безобидное пугало – не то чтобы совсем тщедушный, но его скрытое под одеждой тело, казалось, сложено под неправильным углом. Однако ему это не мешало: ходили слухи, что как-то раз он проломил человеку череп голыми руками, а после вытер их о рубашку убитого и вернулся к выпивке.

Инеж попыталась унять беспокойство и прислушалась к беседе Каза и Хейлса. В это время их помощники обыскивали друг друга, проверяя, не пронес ли кто оружие.

– Ишь, проказник! – сказал Джеспер, достав крошечный нож из рукава Элзингера и откидывая его в сторону.

– Чисто, – объявил Большой Боллигер, закончив обыск Хейлса и приступая к Омену.

Каз и Хейлс беседовали то о погоде, то о том, что с повышением цен за аренду в «Купероме» начали разбавлять алкоголь водой – в общем, о чем угодно, кроме истинной причины встречи. В теории они должны поболтать, извиниться, согласиться, что следует придерживаться границ Пятой гавани, и пойти куда-нибудь выпить. По крайней мере, на этом настаивал Пер Хаскель.

«Но что он знает о подобных переговорах?» – подумала Инеж, выискивая темные силуэты стражников, патрулирующих крышу.

Хаскель был главой «Отбросов», хотя в последние годы предпочитал отсиживаться в теплом кабинете, пить пиво, делать макеты кораблей и рассказывать о своих подвигах любому, кто станет слушать. Он наивно полагал, что споры за территорию можно разрешить тем же способом, что и раньше: короткой потасовкой и дружеским рукопожатием. Но шестое чувство Инеж подсказывало, что это не сработает. Ее отец сказал бы, что сегодня даже тени не станут лезть в чужие дела. Здесь произойдет что-то ужасное.

Каз уперся ладонями в набалдашник трости в виде вороньей головы. Он выглядел совершенно спокойным; его узкое лицо было скрыто полями шляпы. Большинство членов банды любили кричащие наряды и украшения: безвкусные жилеты, часы с фальшивыми драгоценными камнями, штаны с пестрыми узорами и рисунками. Каз был редким исключением – образцом сдержанности. Его темный жилет и брюки отличались простым кроем и строгим, деловым стилем. Поначалу ей казалось, что это дело вкуса, но вскоре Инеж поняла, что так он насмехался над богатыми торговцами. Ему нравилось выглядеть как они.

– Я – бизнесмен, – заявил он ей однажды. – Ни больше ни меньше.

– Ты вор, Каз.

– Разве я сказал не то же самое?

Сейчас, в этой позе, он походил на священника, собравшегося проповедовать группе цирковых артистов. «Очень юного священника», – подумала Инеж с вновь накатившим волнением. Каз называл Хейлса стариком, которому давно пора на покой, однако лейтенант «Черных Пик» не выглядел старым. Может, у него и были морщинки в уголках глаз, а кожа под бакенбардами обвисла, но он производил впечатление опытного и уверенного мужчины. На его фоне Каз смотрелся... ну, семнадцатилетним.

– Давайте начистоту, *ja*? Мы всего лишь хотим получить свою долю, – сказал Хейлс, постукивая по зеркальным пуговицам своего зеленого жилета. – Это несправедливо, что ты забираешь себе всех денежных туристов с прогулочных катеров, заплывающих в Пятую гавань.

– Пятая гавань наша, Хейлс. Право обобратить этих простофиль, приехавших немного поразвлечься, принадлежит Отбросам.

Тот покачал головой.

– Ты молод, Бреккер, – снисходительно улыбнулся он. – Тебе, видимо, невдомек, как здесь все устроено. Гавани принадлежат городу, и мы имеем на них столько же прав, сколько и все остальные. Всем нам нужно как-то зарабатывать на жизнь.

Строго говоря, он был прав. Но Пятая гавань считалась бесполезной и заброшенной до того, как за нее взялся Каз. Он углубил дно, построил причалы и набережную – чтобы осуществить все это, пришлось заложить «Клуб Воронов». Пер Хаскель был вне себя от ярости и назвал его дураком, но в конце концов сдался. Если верить Казу, точные слова старика были такими: «Поди и удавись». Старания парня, однако, оказались не напрасны: меньше чем за год Пятая гавань окупилась все затраты. Сейчас туда заходят торговые корабли, а также катера с туристами и солдатами, желающими поглазеть на достопримечательности и вкушать все удовольствия Кеттердама. Отбросы обрабатывали каждого из прибывших, заводя их – и их кошельки – в бордели, таверны и игорные дома, принадлежащие банде. Пятая гавань обогатила Хаскеля и укрепила положение «Отбросов» среди банд Бочки, сделав их одними из главных игроков – такого успеха не имел даже «Клуб Воронов». Но с прибылью появилось и нежелательное внимание. Хейлс и Черные Пики весь год доставляли Отбросам неприятности, посягая на Пятую гавань и ощиывая простаков, которые не принадлежали им по праву.

– Пятая гавань наша, – повторил Каз. – Это не обсуждается. Кроме того, вы влезаете в наш трафик, идущий из доков, и перехватили партию юрды, которая должна была прибыть два дня назад.

– Не понимаю, о чем ты.

– Я знаю, что у тебя это хорошо получается, но хватит косить под дурачка, Хейлс.

Тот выступил вперед. Джеспер и Большой Боллигер напряглись.

– Прекрати петушиться, мальчик. Мы оба знаем, что у твоего старика не хватит пороха на настоящие разборки.

Смех Каза был сухим, как шорох опавших листьев.

– Но с тобой разбираюсь я, и мы пришли сюда не шутки шутить. Хочешь войны, Хейлс? Я сделаю все, чтобы ты набил ею брюхо.

– А что, если тебя не станет, Бреккер? Все знают, что ты – позвоночник банды Хаскеля. Сломай его, и «Отбросы» самоустроятся.

Джеспер фыркнул.

– Брюхо, позвоночник... Что дальше, селезенка?

– Захлопнись, – рыкнул Омен. По правилам переговоров лишь лейтенанты имели право подавать голос. Джеспер прошептал извинения и искусно изобразил, как закрывает рот на замок.

– Кажется, ты мне угрожаешь, Хейлс, – сказал Каз. – Но я хочу убедиться в этом, прежде чем решу, что делать дальше.

– Ты настолько уверен в себе, Бреккер?

– В себе и ни в ком другом.

Хейлс расхохотался и пихнул Омена:

– Ты только послушай, что несет этот дерзкий, маленький кусок дерьма! Бреккер, ты не хозяин этих улиц. Такие детишки, как ты, просто блохи. Каждые пару лет появляются новые, они прыгают, кусают, раздражают всех ровно до того момента, пока большая собака не решит почесаться. Признаться, я устал от чесотки, – мужчина сложил руки на груди, от него так и веяло самодовольством. – Что, если я скажу тебе, что сейчас два городских стражника наводят на тебя и твоих мальчиков свои винтовки?

Сердце Инеж ухнуло вниз. Не это ли имел в виду Каз, когда сказал, что стражники под колпаком у Хейлса?

Парень посмотрел на крышу.

– Нанял их, чтобы они сделали за тебя грязную работу? Я бы сказал, что это недешевое удовольствие для такой банды, как «Черные Пики». Не уверен, что вашей казны на это хватит.

Инеж забралась на перила и полезла с безопасного балкона на крышу. Если они переживут эту ночь, она убьет Каза!

Крышу Биржи всегда патрулировали двое дозорных. Несколько крюге от Отбросов и Черных Пик гарантировали, что они не будут вмешиваться в переговоры – стандартная сделка. Но Хейлс намекал отнюдь не на это. Неужели ему действительно удалось подкупить стражников, чтобы те поиграли за него в снайперов? Если это так, шансы Отбросов на спасение ничтожны.

Как и у большинства зданий в Кеттердаме, у Биржи была остроконечная крыша, которая не протекала во время сильного ливня, поэтому дозорные ходили по узкому проходу, огибающему крышу, – оттуда был виден внутренний двор. Инеж решила пренебречь им. Идти по проходу было бы легче, но так девушку могли заметить. Вместо этого она начала взбираться вверх по скользким черепицам. Ее тело изогнулось под опасным углом, она ползла, как паук, приглядывая за дозорными и прислушиваясь к разговору на площади. Может, Хейлс блефует? Или два

стражника действительно скрываются за перилами и целятся в Каза, Джеспера и Большого Боллигера?

– Пришлось попотеть, – признался Хейлс. – Обороты у нас сейчас небольшие, а услуги городских стражников – недешевы. Но они того стоят.

– То есть стоят меня?

– Тебя-тебя.

– Я польщен.

– Отбросы не продержатся без тебя и недели.

– Я бы дал им месяц. Просто из щедрости.

Эта мысль давно крутилась в голове Инеж.

«Осталась бы я, если бы Каз умер, или плюнула на свой долг? Рискнула бы пойти против Пера Хаскеля?»

Если она не начнет двигаться быстрее, то вполне может узнать ответ.

– Самодовольный трущобный крысеныш, – засмеялся Хейлс. – Поскорее бы стереть это выражение с твоего лица!

– Так давай, вперед, – ответил Каз. Инеж рискнула посмотреть вниз. Его голос изменился, исчезли все нотки веселья.

– Что мне сделать, Бреккер? Приказать им прострелить тебе здоровую ногу?

«Где же стражники?» – гадала Инеж, набирая скорость. Она бежала по крутой вершине фронтона. Здание Биржи тянулось почти по всей длине квартала. Слишком большая территория, чтобы уследить за всем.

– Хватит *трепаться*, Хейлс. Пора стрелять.

– Каз... – нервно начал Джеспер.

– Ну же! Раз ты такой смелый, отдавай приказ!

Что за игру он вел? Может, Каз предвидел это? Или просто надеялся, что Инеж вовремя доберется до дозорных?

Она снова поглядела вниз. Хейлс был весь в предвкушении. Он сделал глубокий вдох, надувая свою грудь. Девушка оступилась и чуть не скатилась с края крыши.

«Он сделает это! На моих глазах убьют Каза».

– Огонь! – выкрикнул Хейлс.

Воздух задрожал от звука выстрела. Большой Боллигер издал слабый стон и рухнул на землю.

– Черт! – Джеспер опустил руку рядом с другом и прижал руку к месту, куда попала пуля. – Жалкий коротышка! – заорал он на Хейлса. – Ты только что нарушил правила нейтральной территории!

– А что мешает мне сказать, что вы стреляли первыми? – ответил тот. – Никто из вас не выйдет отсюда живым.

Хейлс говорил высоким голосом. Он пытался сохранить хладнокровие, но Инеж расслышала нотки паники. Его слова затрепетали будто крылья напуганной птички. Почему? Минуту назад он выглядел уверенным, как никогда.

Тут она заметила, что Каз так и не сдвинулся с места.

– Плохо выглядишь, Хейлс.

– Я в полном порядке.

Ложь. Лицо бледное и встревоженное, глазки беспокойно бегают из стороны в сторону, будто ищут что-то на крыше.

– Точно? – участливо спросил Каз. – Все пошло не по плану, не так ли?

– Каз, – позвал Джеспер. – Боллигер истекает кровью...

– Ну и ладно, – ответил тот.

– Каз, ему нужен врач!

Парень мельком покосился на раненого.

– Что ему действительно нужно, так это прекратить ныть и радоваться, что я не приказал Холсту прострелить ему череп.

Даже сверху Инеж увидела, как передернулся Хейлс.

– Так зовут дозорного, не правда ли? – поинтересовался Каз. – Виллем Холст и Берт ван Даль – два стражника сегодняшней смены. Это их ты подкупил, опустошив казну «Черных Пик»?

Хейлс промолчал.

– Виллем Холст, – Каз говорил громко, чтобы его голос донесся до крыши, – питает ту же любовь к азартным играм, что и Джеспер, так что твои деньги ему пригодятся. Но у Холста возникли проблемы покрупней... назовем их внезапной необходимостью. Не буду вдаваться в подробности. Секреты не монеты – при передаче они теряют ценность. Просто поверь мне на слово, от такого даже у тебя волосы встали бы дыбом. Не так ли, Холст?

В ответ раздался еще один выстрел. Пуля врезалась в брусчатку у ног Хейлса. Тот заблеял и в шоке отскочил назад.

На сей раз Инеж удалось проследить, откуда стреляли: пуля прилетела с западной стены здания. Если там скрывался Холст, то второй стражник – Берт ван Даль – должен быть на восточной стороне. Получилось ли у Каза и его обезвредить? Или он рассчитывал на Инеж? Девушка побежала по крыше.

– Да пристрели его наконец, Холст! – взвыл Хейлс в отчаянии. – Стреляй в голову!

Каз фыркнул.

– Ты впрямь решил, что его секрет умрет со мной? Давай, Холст! –

крикнул он. – Прострели мне череп! Мои люди добегут до твоей жены и капитана прежде, чем я коснусь земли.

Выстрела не последовало.

– Как?! – лейтенант «Черных Пик» был в ярости. – Как ты вообще узнал, кто будет в смене? Мне пришлось заплатить бешеную сумму, чтобы добраться до списка наряда. Ты не мог перебить мою взятку!

– Скажем так, моя валюта ценнее.

– Деньги есть деньги.

– Я торгую сведениями, Хейлс, – сведениями о том, чем занимаются люди, когда думают, что их никто не видит. Позор веселей любых денег.

Он нарочно рисуется, затягивает разговор, чтобы дать ей побольше времени, поняла Инеж, прыгая по шиферу.

– Волнуешься за второго дозорного? Старого доброго Берта ван Даля? – спросил Каз. – Может, прямо сейчас он гадает, что ему делать? Убить меня? Убить Холста? Или я смог добраться и до него, и он готовится пробить дырку в твоей груди? – парень наклонился, будто собираясь поделиться с Хейлсом страшным секретом. – Почему бы тебе не дать ему команду и выяснить это?

Хейлс открыл и закрыл рот, словно выброшенная на берег рыба, а затем крикнул:

– Ван Даль!

Еще секунда – и стражник бы отозвался, но Инеж успела скользнуть ему за спину и прижать нож к горлу. У нее едва хватило времени разглядеть его тень и съехать вниз по крыше. Святые угодники, до чего же Каз обожает испытывать судьбу!

– Тише, – прошептала она на ухо дозорному. Затем легонько кольнула его в бок, чтобы он почувствовал острие второго ножа, прижатого к почке.

– Прошу вас, – застонал он. – Я...

– Люблю, когда мужчины меня умоляют. Но сейчас неподходящее время.

Девушка увидела, как грудь перепуганного Хейлса начала вздыматься и опускаться от учатившегося дыхания.

– Ван Даль! – повторил он. Его лицо исказилось, когда он повернулся к Казу: – Ты всегда на шаг впереди, верно?

– Хейлс, я бы сказал, что с тобой у меня хороший разбег.

Тот просто улыбнулся – напряженной, но довольной улыбкой. «Улыбкой победителя», – со страхом осознала Инеж.

– Гонка еще не окончена. – Хейлс достал из-за пазухи жилета большой черный пистолет.

– Наконец-то, – сказал Каз. – Какое открытие! Теперь Джеспер может перестать кудахтать над Боллигером как наседка.

Джеспер уставился на пистолет, в его глазах читались изумление и гнев.

– Но Боллигер обыскивал его! Он... О, здоровяк Бол, какой же ты идиот! – застонал он.

Инеж не могла поверить собственным глазам. Дозорный тихо заскулил. Забывшись, разъяренная девушка случайно сдавила его ножами.

– Расслабься, – сказала она, ослабив хватку. Но, святые угодники, как бы ей хотелось сейчас кого-нибудь пырнуть! Обыскивая Хейлса, Большой Боллигер никак не мог не заметить пистолет.

Он их предал.

Вот почему Каз настоял, чтобы взять его с собой – хотел получить публичное подтверждение, что Боллигер продался Черным Пикам? Это также объясняет, зачем Каз велел Холсту подстрелить его. И что теперь? Да, все поняли, Боллигер предатель. Но на Каза все так же смотрело дуло пистолета.

Хейлс усмехнулся.

– Каз Бреккер, великий мастер находить выходы. Как планируешь выбраться из этой передряги?

– Так же, как и попал в нее, – парень, игнорируя направленное на него оружие, повернулся к здоровяку, лежащему на земле. – Знаешь, в чем твоя проблема, Боллигер? – сказал Каз и ткнул в рану предателя кончиком трости. – Это не риторический вопрос. Знаешь, в чем твоя самая большая проблема?

– Не-е-ет... – захныкал тот.

– Угадай, – прошипел Каз.

Боллигер лишь издал очередной жалкий всхлип.

– Ну ладно, я скажу тебе. Ты ленивый. Я это знаю. Все это знают. Потому я не мог не заинтересоваться, почему мой самый ленивый вышибала вдруг завел привычку рано вставать дважды в неделю ради завтрака в «Силла Фрай», а ведь это две лишние мили шагать. Странная перемена, особенно если учесть, что яичница в «Купероме» куда вкуснее. Большой Боллигер неожиданно стал жаворонком, а Черные Пики начали околачиваться у Пятой гавани и перехватили самую большую партию юрды. Нетрудно уловить связь, – он вздохнул и обратился к Хейлсу. – Вот что случается, когда за дело берутся глупцы, *ja*?

– Сейчас это не имеет значения, тебе так не кажется? – ответил лейтенант «Черных Пик». – Еще один шаг, и я пристрелю тебя на месте.

Может, твои стражники и убьют нас, но не раньше, чем я спущу курок.

Каз встал прямо у дула, прижавшись к нему грудью.

– Этого не будет.

– Думаешь, я не выстрелю?

– О нет, конечно, ты бы с радостью это сделал, и твое черное сердце запело бы от счастья. Но ты не станешь. Не сегодня.

Хейлс взвел курок.

– Каз, – протянул Джеспер. – Что-то мне не нравится вся эта игра в «стреляй в меня».

На сей раз Омен не стал делать ему замечание за лишнюю болтовню. Одного уже подстрелили. Правила нейтральной территории нарушены. В воздухе висел резкий запах пороха, а вместе с ним и немой вопрос, словно сам Жнец дожидался ответа: как много крови прольется сегодня?

Вдалеке завывала сирена.

– Улица Берштрат 19, – произнес Каз.

До этого момента Хейлс переминался с ноги на ногу, но теперь замер.

– Это адрес твоей девушки, не так ли?

Мужчина сглотнул.

– У меня нет девушки.

– О, еще как есть, – пропел Каз. – И она очень симпатичная. Слишком симпатичная для такого прохвоста. И довольно милая. Ты ее любишь, да? – Инеж даже с крыши увидела, как бледное, словно восковое лицо Хейлса заблестело от выступившего пота. – Ну, конечно. Обычно такие красотки не заглядываются на мерзавцев из Бочки, но она – другая. Она считает тебя очаровательным. По мне, так это признак слабоумия, но любовь зла. Наверное, она любит сидеть рядом, положив свою прелестную головку тебе на плечо? Слушать, как ты провел день?

Хейлс посмотрел на Каза так, будто впервые его увидел. Мальчишка, с которым он вел переговоры, был наглым, безрассудным, забавным, но ни в коем случае не опасным. Теперь на его месте стоял монстр с ледяным взглядом. Каз Бреккер исчез, ему на смену пришел Грязные Руки, чтобы закончить черное дело.

– Она живет на улице Берштрат 19, – продолжал парень вкрадчиво. – Третий этаж, с геранью на подоконнике. Прямо сейчас под ее дверью ждут двое Отбросов, и, если я не уйду отсюда живым и с чувством восторжествовавшей справедливости, они подожгут весь дом. Он загорится в одно мгновение, превращаясь в пепел с обеих сторон, а бедная Элиза окажется в ловушке. Ее белокурые волосы воспламенятся первыми. Словно фитилек свечи.

– Ты блефуешь, – прошипел Хейлс, но его рука с пистолетом задрожала.

Каз задрал голову и тяжело вздохнул.

– Уже поздно. Ты слышал сирену. Я чувствую запах гавани, моря и соли, а еще... мне кажется, или это дым? – спросил он довольным голосом.

«Ради всех святых, Каз, – с ужасом подумала Инеж. – Что ты уже натворил?»

Палец Хейлса снова дрогнул на курке, и девушка напряглась.

– Знаю-знаю, Хейлс, – с напускным сочувствием проговорил Каз. – Столько планов, интриг, куча взяток – и все впустую. Вот о чем ты сейчас думаешь. Как тяжело будет возвращаться домой, зная, что ты проиграл. Как разозлится твой босс, когда ты придешь к нему с пустыми руками – и пустыми карманами. Как приятно было бы выстрелить мне в сердце. Сделай это. Нажми на курок. Можем умереть все вместе. Наши тела унесут на Баржу Жнеца и сожгут, как сжигают нищих и бездомных. Или ты можешь помахать ручкой гордости, отправиться на Берштрат, положить голову на колени своей девушке и заснуть, мечтая о возмездии. Решать тебе. Мы вернемся сегодня домой?

Хейлс заглянул прямо в глаза парня, и, что бы он там ни увидел, это заставило его сникнуть. Инеж неожиданно почувствовала к нему жалость. Он пришел сюда, лопаясь от куража и бравады, героем Бочки. А уйдет очередной жертвой Каза Бреккера.

– Ты еще заплатишься за это.

– Несомненно, – кивнул Каз, – если справедливость существует. Но мы все знаем, что это маловероятно.

Хейлс опустил руку, пистолет безвольно повис у него в ладони.

Каз отступил назад и отряхнул рубашку там, куда впивалось дуло пистолета.

– Передай своему генералу, чтобы Черные Пики держались подальше от Пятой гавани. И что мы ждем, что он возместит причиненный ущерб за потерянную партию юрды, плюс пять процентов за пронос оружия на нейтральную территорию и ещё пять за то, что вы такие грандиозные болваны.

Вдруг он резко замахнулся тростью – та очертила дугу в воздухе. Хейлс вскрикнул, кости его запястья хрустнули. Пистолет с грохотом упал на брусчатку.

– Я же сдался! – кричал он, прижимая изувеченную руку к груди. – Я же сдался!

– Еще раз наставишь на меня дуло, и я сломаю тебе второе запястье.

Придется нанимать помощника, чтобы сходить отлить. – Каз поправил свою шляпу набалдашником трости. – Ну или же милая Элиза окажет тебе услугу.

Затем он присел рядом с Боллигером, и тот всхлипнул.

– Посмотри на меня. Может, свершится чудо, и ты не помрешь здесь в луже собственной крови, тогда у тебя останется время до рассвета, чтобы свалить из Кеттердама. И если я услышу, что тебя видели недалеко от границ города – можешь не сомневаться, на следующий день твое тело обнаружат в бочке «Силлы Фрай», – он оглянулся на Хейлса. – Попытаешься ему помочь или позволишь сбежать с Черными Пиками – я приду и за тобой.

– Умоляю, Каз, – простонал Боллигер.

– У тебя был дом, но ты разрушил его сам, кирпичик за кирпичиком. Не жди от меня сочувствия, – он встал и посмотрел на карманные часы. – Не думал, что наши переговоры так затянутся! Мне лучше поторопиться, пока бедная Элиза не поджарилась на огоньке.

Хейлс покачал головой.

– С тобой что-то не так, Бреккер. Не знаю, что ты за человек, но в тебе есть что-то ненормальное.

Каз склонил голову на бок.

– Ты ведь из пригорода, Хейлс? Решил попытать счастья в столице? – он разгладил лацкан рукой в перчатке. – Поделюсь секретом: я один из тех подонков, каких производят только в Бочке.

Не обращая внимания на заряженный пистолет, валявшийся у ног Черных Пик, Каз повернулся к ним спиной и заковылял по мостовой к восточной арке. Джеспер присел рядом с Боллигером и нежно похлопал его по щеке.

– Идиот, – с грустью сказал он и последовал за Казом.

Инеж продолжала наблюдать с крыши. Она видела, как Омен поднимает и прячет в кобуру пистолет и как Черные Пики тихо перешептываются.

– Не уходите, – взмолился Боллигер. – Не бросайте меня! – он попытался схватить Хейлса за штанину.

Тот стряхнул его руку. Банда ушла, оставив Боллигера на мостовой – скрюченного и истекающего кровью.

Инеж забрала у Ван Даля винтовку и отпустила его.

– Иди домой.

Он испуганно оглянулся, а затем бросился бежать по проходу. Внизу Большой Боллигер начал медленно ползти к выходу. Возможно, ему и

хватило глупости встать на пути у Каза Бреккера, но он смог выжить в Бочке, а для этого нужна сила духа. У него был шанс пережить эту ночь.

«Помоги ему», – отозвался голос внутри девушки.

Ещё несколько минут назад этот здоровяк был её братом по оружию. Ей казалось неправильным оставлять его одного. Она могла бы спуститься и предложить ему быстро покончить с мучениями, и поддержать его за руку, пока он будет отходить в мир иной. Или же вызвать врача и спасти его.

Вместо этого Инеж прочитала молитву на языке своих святых и начала крутой спуск по наружной стене. Ей было жаль парня, которому придется или умереть в одиночестве, потому что некому утешить его в последние часы жизни, или выжить и провести остаток дней в изгнании. Но ее работа еще не закончена. У Призрака не было времени на предателей.

3. Каз

Из восточной арки Каз вышел под одобрительные крики Отбросов. Он видел, что Джеспер плелся следом за ним, впадая в уныние с каждым шагом.

Дирикс, Ротти и остальные окружили их, похлопывая по спине, выкрикивая победные кличи и поднимая над головой револьверы Джеспера. Команде удалось лишь мельком подсмотреть, как проходили разборки с Хейлсом, но зато они почти все слышали. Теперь они скандировали: «А Берштрат загоре-елся! А у Отбросов нет воды-ы!».

– Не могу поверить, что он просто сбежал, поджав хвост! – насмехался Ротти. – У него же был в руке заряженный пистолет!

– Расскажи, какую грязь ты накопал на стражу? – умолял Дирикс.

– Наверняка что-то из ряда вон выходящее!

– Я слышал о парне в Слокене, которому нравилось обмазываться яблочным сиропом, а потом брать двух...

– Я не стану ничего рассказывать, – отрезал Каз. – Холст ещё может нам пригодиться в будущем.

Все пребывали в приподнятом настроении, хотя в их смешках чувствовалась нервозность – обычная реакция в таких случаях: они знали, что едва избежали провала. Некоторые из Отбросов были уверены, что предстоит драка, и у них до сих пор чесались руки. Но Каз догадывался, что дело не только в этом – от него не ускользнуло, что никто не упоминал имя Большого Боллигера. Предательство Бола потрясло всех – и сам факт разоблачения, и то, какое наказание уготовил ему Каз. Под их бравадой

скрывался страх. «*Вот и хорошо*». Каз прекрасно понимал, что все Отбросы были убийцами, ворами и лжецами. Главное, чтобы у них не входило в привычку лгать ему.

Он отправил двоих из своей команды присмотреть за Боллигером и убедиться, что если он все же сможет встать на ноги, то покинет город этой же ночью. Остальные могут вернуться в Клёпку, а точнее в «Клуб Воронов», где будут запивать пережитое, устраивать беспорядки и распространять новости о сегодняшней стычке. Они разболтают, что видели, домыслят остальное, дополнят, приукрасят, и с каждым пересказом Грязные Руки будет становиться все более безумным и беспощадным. Они могут идти; однако у Каза ещё остались незаконченные дела, и первым делом он посетит Пятую гавань.

Дорогу ему заступил Джеспер.

– Ты должен был рассказать мне о Большом Боллигере, – яростно зашептал он.

– Не указывай мне, что делать, Джес.

– Думаешь, я тоже нечист на руку?

– Если бы я так думал, ты бы уже корчился во дворе Биржи, как Боллигер, так что хватит нести чепуху.

Джеспер покачал головой и положил руки на револьверы, которые только что забрал у Дирикса. Каждый раз, когда у него портилось настроение, он дотрагивался до оружия, как ребенок, ищущий утешения в любимой игрушке.

Помириться с ним ничего не стоило. Казу нужно было только подтвердить, что не ставит под сомнение его преданность, и напомнить, что сегодня он доверил ему роль единственного настоящего секунданта в битве, которая могла обернуться полным провалом. Но вместо этого он сказал:

– Иди, Джеспер. В «Клубе Воронов» для тебя открыт кредит. Играй до утра, или же до того момента, пока тебя не покинет удача.

Парень нахмурился, но Каз видел, как в его глазах мелькнул жадный блеск.

– Очередная взятка?

– Я человек привычки.

– К счастью для тебя, я тоже. – Он помедлил, но потом все же добавил:

– Не хочешь, чтобы мы пошли с тобой? Люди Хейлса будут на взводе после всего этого.

– Я с ними разберусь, – сказал Каз и без лишних слов повернулся и зашагал по Немштрату. Если ты боишься ходить по Кеттердаму в одиночку

после наступления темноты, то можешь сразу повесить на шею табличку «слабак» и лечь на мостовую в ожидании избиения.

Направляясь к мосту, он чувствовал на себе взгляды Отбросов. Ему не нужно прислушиваться к их шепоту – он и так знал, о чем они говорили. Им хотелось выпить с ним, выведать, как он сообразил, что Большой Боллигер продан Черным Пикам, услышать, какое было выражение лица у Хейлса, когда тот опустил пистолет. Но Каз не собирается ничего рассказывать, а если кому-то что-то не нравится, пусть ищет себе новую банду.

Что бы они о нем ни думали, сегодня они уйдут с высоко поднятой головой. Поэтому они и держатся рядом с ним и остаются преданными, насколько это возможно. Когда Каз официально стал членом «Отбросов», ему было всего двенадцать, а банда представляла собой жалкое зрелище: кучка беспризорников, замызганных попрошайек, зарабатывающих игрой в наперстки, и мелких жуликов, живущих в разрушенном доме в худшей части Бочки. Но он и не желал другой банды – он хотел ту, которую сам сделает великой, ту, которая будет нуждаться в нем.

Теперь у них есть своя территория и свой игорный зал, а тот заброшенный дом стал Клепкой – сухим и теплым прибежищем, где можно получить горячую еду и залечить раны. Теперь Отбросов боялись. И все благодаря Казу. Он не обязан еще и сказки им на ночь рассказывать.

Кроме того, с этим отлично справлялся Джеспер. Пара рюмок, несколько удачных партий, и к стрелку вернется обычное добродушие. Обижаться он умел так же долго, как находиться в завязке. К тому же у него был дар трезвонить о победах Каза так, словно они принадлежали всем.

Прогуливаясь вдоль небольшого канала, который шел через Пятую гавань, Каз вдруг понял, что именно он сейчас чувствует – святые угодники, он почти с надеждой смотрит в будущее. Может, стоит обратиться к врачу? Черные Пики неделями наступали ему на пятки, и теперь он заставил их играть по своим правилам. Нога тоже почти не ныла, несмотря на зимнюю стужу. Боль никогда не уходила, но сегодня она стихла до слабой пульсации. Тем не менее Каз гадал, не были ли переговоры неким испытанием, подготовленным для него Пером Хаскелем. Тот вполне способен убедить себя, что это он – гений, благодаря которому банда процветает, особенно когда один из его дружков постоянно нашептывает ему похвалы на ухо. Эта мысль не давала Казу покоя, но о Хаскеле он позаботится завтра. А пока нужно проверить, что в гавани все работает по графику, а потом отправиться домой в Клепку и наконец-то

поспать.

Он знал, что Инеж кралась за ним еще от самой Биржи. Но парень делал вид, что не замечает ее. Когда она будет готова, то сама выйдет из укрытия. Обычно ему нравилась тишина; честно говоря, он бы предпочел зашить рот большинству знакомых. Но Инеж, если хотела, заставляла чувствовать свое молчание, и это действовало на нервы.

Каз держался всю дорогу железных перил Зенцбриджа. Решетки моста были увешаны обрывками веревок, завязанными в замысловатые узлы, – их на удачу оставляли моряки, уходящие в море, в надежде на счастливое возвращение. Суеверная чушь! Наконец он сдался и сказал:

– Выкладывай уже, Призрак.

Ее голос донесся из темноты:

– Ты никого не послал на Берштрат.

– А зачем?

– Если Хейлс не успеет...

– Никто и не собирался поджигать дом на улице Берштрат.

– Я слышала вой сирены...

– Счастливый случай. Надо же мне откуда-то черпать вдохновение!

– Значит, ты блефовал! Та девушка не была в опасности.

Каз пожал плечами, не желая отвечать. Инеж вечно пыталась разглядеть в нем хоть толику порядочности.

– Когда все знают, что ты чудовище, можно не тратить время на чудовищные поступки.

– Зачем ты вообще согласился на встречу, если понимал, что это подстава? – девушка бесшумно скользила где-то справа. Члены банды говорили, что она двигается как кошка, но он подозревал, что кошка, скорее всего, прилежно сидела бы у ног Инеж, чтобы изучить ее методы.

– Я бы назвал этот вечер удачным, – сказал он. – А ты?

– Тебя чуть не убили. Как и Джеспера.

– Хейлс опустошил казну Черных Пик на бесполезные взятки. Мы нашли предателя, вернули свое право на Пятую гавань, и при этом на мне нет ни царапины. Хороший был вечер.

– Как давно ты знал о Большом Боллигере?

– Не первую неделю. Теперь у нас нехватка людей. Кстати, об этом: напомни мне, что надо выгнать Ройакке.

– Почему? За игральным столом ему нет равных.

– Многие сопляки умеют управляться с колодой карт. Ройакке слишком хитрый. Он утаивает выигрыш.

– Он отличный крупье, и ему нужно кормить семью. Ты мог бы

сделать ему выговор, отрезать палец.

– Тогда он уже не будет хорошим крупье, не так ли?

Когда крупье ловили на том, что он крал деньги из игорного зала, пит-босс^[2] отрезал ему мизинец. Одно из тех глупейших наказаний, которые были в чести у банд. Утратившему палец ловкачу приходилось заново обучаться тасовать карты, а для его будущего работодателя изувеченная кисть нового работника являлась предупреждением, что за ним нужен глаз да глаз. Но эта мера также приводила к тому, что крупье становился неуклюжим за столом, ему приходилось сосредотачиваться на простейших действиях, вроде сдачи карт, вместо того чтобы наблюдать за игроками.

Каз не видел лица Инеж в темноте, но чувствовал ее негодование.

– Жадность – твой бог, Каз.

Он едва не рассмеялся.

– О нет, Инеж. Жадность склоняется передо мной. Она моя верная прислужница и главный рычаг влияния.

– Тогда какому богу служишь ты?

– Любому, кто предложит хорошую награду.

– Не думаю, что боги так работают.

– Не думаю, что меня это волнует.

Она раздраженно фыркнула. Несмотря на все, через что ей пришлось пройти, Инеж продолжала верить, что за ней присматривают ее сулийские святые. Каз об этом знал, и ему отчего-то нравилось дразнить девушку. Хотел бы он сейчас увидеть выражение ее лица. Небольшая складочка между черными бровями Инеж доставляла ему особенное удовольствие.

– Как ты мог предугадать, что я успею вовремя добраться до Ван Даля? – спросила она.

– Ты всегда успеваешь вовремя.

– Тебе стоило предупредить меня.

– Я думал, что твои святые оценят этот вызов.

Какое-то время они оба молчали, а затем он услышал ее голос позади себя:

– Люди смеются над богами, пока не нуждаются в них, Каз.

Он не видел, как она ушла, но почувствовал, что ее нет рядом.

Каз сердито покачал головой. Сказать, что он доверял Инеж, было бы преувеличением, но он не мог не признать, что уже привык на нее полагаться. Решение выкупить ее из «Зверинца» было чисто интуитивным и сильно ударило по карману Отбросов. Пера Хаскеля пришлось долго убеждать, но Инеж оказалась одним из самых удачных вложений Каза. Она обладала талантом оставаться незаметной, что делало ее отличным

похитителем секретов, лучшим в Бочке. Правда, тот факт, что Инеж могла так легко исчезать, беспокоил Каза. У нее даже запаха не было. Все люди чем-то пахли. Слабый аромат карболки на пальцах у женщины или дыма в ее волосах, душок намокшего шерстяного пальто, исходящий от мужчины, или порох, которым провоняли манжеты его рубашки, – запах мог поведать многое о своем хозяине. Но только не об Инеж. Она в совершенстве владела искусством невидимости. Да, она была ценным приобретением. Но почему бы ей просто не выполнять свою работу? Ее переменчивость в настроении и упреки порядком надоедали Казу.

Внезапно он понял, что больше не один. Парень замер и прислушался. В тот момент он как раз срезал путь через узкий проулок, разделенный мутным каналом. Здесь не было ни фонарей, ни прохожих – лишь яркая луна и маленькие лодки, которые стукались друг о друга на причале. Он потерял бдительность, позволил себе отвлечься.

В конце проулка возник темный мужской силуэт.

– В чем дело? – спросил Каз.

Человек накинулся на него. Каз низко махнул тростью. Он намеревался сбить с ног нападающего, но трость рассекла пустоту, а парень оступился, потеряв равновесие.

Внезапно мужчина вырос прямо перед ним. Каз получил удар кулаком в челюсть. Он встряхнул головой, пытаясь избавиться от искр, прыгающих у него перед глазами, развернулся и вновь взмахнул тростью. Но там, куда он целился, никого не было. Тяжелый набалдашник просвистел в воздухе и врезался в стену.

Кто-то справа выбил трость из его рук. Значит, нападающих двое?

А затем фигура прошла сквозь стену. Разум Каза закипал, пытаясь найти объяснение увиденному, пока густой туман принимал форму плаща, ботинок и бледного лица.

«Привидения», – подумал он.

Детский страх, в реальность которого на сей раз он поверил безоговорочно. Джорди наконец-то пришел за отмщением.

«Пора оплачивать свои долги, Каз. Нельзя получить что-то, не дав ничего взамен».

При этой мысли его охватил приступ унижительной, тошнотворной паники. Привидение набросилось на него, и Каз почувствовал сильный укол в шею. «Привидение со шприцем?»

«Идиот», – подумал он. А затем мир погрузился во тьму.

Каз проснулся от резкого запаха аммиака. Его голова дернулась назад,

едва он пришел в сознание.

Перед ним стоял старик в халате университетского медика. В руке он держал пузырек с нюхательной солью и водил им перед носом Каза. Вонь была просто невыносимой.

– Отойди от меня! – прохрипел парень.

Медик окинул его бесстрастным взглядом и спрятал пузырек в кожаный мешочек. Каз пошевелил пальцами – единственное движение, на которое ему хватило сил. Он был прикован к стулу с заведенными за спину руками. Чем бы его ни накачали, он чувствовал себя так, будто его послали в нокаут.

Медик отошел в сторону, и Каз дважды моргнул. Когда у него наконец прояснилось в глазах, он огляделся вокруг. Как ни абсурдно это было, но Каз находился в помещении с роскошной обстановкой. Он ожидал, что окажется в логове «Черных Пик» или какой-нибудь другой конкурирующей банды, но это явно не дешевая показуха одной из бандитских нор Бочки. Для такой обстановки нужны огромные деньги – панели из красного дерева с резьбой в виде пенящихся волн и летучих рыб, полки, забитые книгами, витражные окна и, судя по всему, оригинал картины Де Каппеля на стене. Один из его портретов маслом, изображающий даму с раскрытой книгой на коленях и овечкой, лежащей у ее ног. Мужчина цветущего вида, наблюдавший за ним из-за широкого стола, походил на богатого купца. Но если это его дом, почему двери охраняют вооруженные стражники?

«Проклятие! – подумал Каз. – Меня взяли под арест?» Если так, то этого купца ждет сюрприз. Благодаря Инеж у него накопились сведения на каждого судью, пристава и высшего члена совета Керчии. Он выйдет из камеры еще до рассвета. Вот только его не посадили в камеру, а приковали к стулу. Что, черт возьми, здесь происходит?

Купец выглядел лет на сорок. У него было изможденное, но красивое лицо, а на лбу уже появились залысины. Когда Каз встретился с ним взглядом, сидящий за столом человек прочистил горло и сложил пальцы домиком.

– Господин Бреккер, надеюсь, вы не слишком плохо себя чувствуете.

– Уберите от меня этого старого слизняка. Я в порядке.

Купец кивнул медику.

– Можете идти. Пожалуйста, пришлите мне счет. И, конечно, я буду признателен за ваше благоразумие и молчание.

Старик закрыл свой саквояж и вышел из комнаты. В тот же миг купец встал и поднял кипу бумаг со стола. На нем были сшитый на заказ сюртук и жилет, – такой костюм носили все керчийские торговцы: темный,

изысканный, намеренно старомодный. Но его карманные часы и булавка для галстука сказали Казу все, что ему нужно знать – тяжелую золотую цепочку для часов украшали звенья из лавровых листьев, а булавку венчал огромный рубин.

«За то, что ты приковал меня к стулу, я оторву этот крупный камешек от булавки и проколю ею твою толстую шею», – подумал Каз. Но сказал лишь:

– Ван Эк.

Мужчина кивнул. Кланяться не стал, разумеется. Торговцы не церемонились со всяким сбродом из Бочки.

– Значит, вам известно, кто я такой?

Каз знал символы и камни всех керчийских купеческих домов. На гербе Ван Эка был красный лавровый лист. Не нужно быть гением, чтобы связать одно с другим.

– Известно, – подтвердил он. – Вы один из тех купцов, которые мечтают покончить с Бочкой.

Ван Эк снова кивнул.

– Я пытаюсь дать людям честно заработать деньги.

Каз рассмеялся.

– В чем разница между ставками в «Клубе Воронов» и спекуляциями на Бирже?

– Первое называется воровством, а второе – коммерцией.

– Для человека, который теряет все свои сбережения, нет никакой разницы.

– Бочка – это гнездо разврата, безнравственности, жестокости...

– Сколько кораблей из тех, что вы отправляете из кеттердамских гаваней, не возвращаются?

– Это не...

– Не возвращается каждый пятый корабль, Ван Эк. Каждое пятое судно, которое вы отправляете за кофе, юрдой и шелком, опускается на дно моря, разбивается о скалы или становится жертвой нападений пиратов. Каждый пятый экипаж погибает, и их тела теряются в чужих водах, становясь кормом для рыб. Так что давайте не будем рассуждать о жестокости.

– Я не стану спорить о порядочности с сопляком из Бочки.

Каз этого и не ждал. Он просто тянул время, пробуя крепость кандалов на своих запястьях. Парень провел пальцами вдоль цепи, насколько было возможно, все еще гадая, куда его притащил Ван Эк. Хотя Каз никогда прежде не встречался с ним лично, он знал планировку его дома. Где бы

они ни находились, это определенно не особняк купца.

– Поскольку вы похитили меня явно не для философских бесед, могу я узнать, какое у вас ко мне дело?

С такого вопроса начиналась любая деловая встреча. И звучали эти слова как приветствие от партнера, а не мольба заключенного.

– У меня есть к вам предложение. Если точнее, то не у меня, а у совета.

Каз ничем не выдал своего удивления.

– А Торговый совет всегда начинает переговоры с побоев?

– Считайте это предупреждением. И демонстрацией наших возможностей.

Каз вспомнил человека из переулка, как он появлялся и исчезал, словно привидение. *Джорди.*

Он мысленно одернул себя. *«Это был не Джорди, не глупи. Сосредоточься».* Им удалось его схватить потому, что Каз расслабился после недавней победы и потерял бдительность. Будет ему уроком – больше он никогда не совершит подобной ошибки. *«Это не объясняет появление фантома».* Пока что он отмахнулся от этой мысли.

– Так зачем я понадобился Торговому совету?

Ван Эк начал перебирать бумаги.

– Впервые вас арестовали, когда вам было десять, – произнес он, всматриваясь в страницу.

– Все помнят свой первый раз.

– Дважды в тот год и дважды, когда вам исполнилось одиннадцать. В четырнадцать вас схватила стража во время облавы в игорном зале, но больше вы не попадались.

Это была правда. За три последних года еще никому не удавалось поймать Каза.

– Я изменился, – ответил он. – Нашел работу, живу жизнью честного труженика и молитвами.

– Не кощунствуйте, – мягко сказал Ван Эк, но в его глазах мелькнула ярость.

«Значит, верующий», – отметил про себя Каз, вспоминая все, что ему известно о купце – состоятельный, благочестивый, вдовец, недавно снова женился на девушке, которая была едва ли старше Каза. Ну и, конечно, существовала тайна вокруг сына Ван Эка.

Купец продолжал листать досье.

– Вы работаете букмекером на боях, скачках и в собственном игорном зале. Больше двух лет были пит-боссом в «Клубе Воронов». Вы самый

молодой владелец букмекерской конторы и при этом умудрились увеличить ее прибыль в два раза. Вы шантажист...

– Я продаю сведения.

– Аферист...

– Я создаю возможности.

– Сутенер и убийца...

– Я не торгую женщинами и не убиваю без надобности.

– И что же это за надобность?

– Та же, что и у вас, купец. Выгода.

– Как вы добываете сведения, господин Бреккер?

– Скажем так, я взломщик.

– И весьма одаренный, я полагаю.

– Именно. – Каз слегка отклонился назад. – Видите ли, каждый человек – это сейф, хранилище тайн и стремлений. Есть те, кто идет путем насилия, но я предпочитаю более мягкий подход... надавить на нужные места в подходящий момент. Это деликатный процесс.

– Вы всегда выражаетесь метафорами, господин Бреккер?

Каз улыбнулся.

– Это не метафора.

Он вскочил со стула еще до того, как цепи упали на пол. Затем бросился к столу, схватил нож для вскрытия писем одной рукой и рубашку Ван Эка другой. Тонкий хлопок начал рваться, когда парень прижал лезвие к горлу купца. У Каза кружилась голова, а его конечности затекли от долгого сидения без движения, но с оружием в руках все теперь выглядело куда лучше.

Стражники Ван Эка нацелили на него дула пистолетов и обнажили клинки. Каз чувствовал, как заколотилось сердце торговца под тонкой шерстью его костюма.

– Не думаю, что мне стоит тратить силы на угрозы, – сказал Каз. – Говорите, где выход, или я выпрыгну вместе с вами в окно.

– Думаю, что могу заставить вас передумать.

Каз легонько встряхнул его.

– Мне плевать, кто вы, или насколько велик этот рубин. Никто не смеет похищать меня с моих же улиц. И никто не смеет заключать со мной сделки, пока я закован в цепи.

– Микка, – позвал Ван Эк.

И это произошло снова. Парнишка прошел прямо сквозь стену библиотеки. Он был бледен, как труп, и носил вышитую синюю мантию проливных с красно-золотой лентой на лацкане, означающей, что он

служит дому Ван Эка. Но даже гриши не могли ходить сквозь стены!

«Накачали, – подумал Каз, пытаясь не паниковать. – *Меня накачали наркотиками*». Или это был какой-то фокус иллюзиониста, вроде тех, что показывали в театрах Восточного Обруча: девушка, разрезанная пополам, голуби, выпархивающие из чайника.

– Что за чертовщина? – прорычал он.

– Отпустите меня, и я объясню.

– Можете начинать.

Ван Эк прерывисто вздохнул.

– То, что вы видите, является эффектом *юрды-парема*.

– Юрда – всего лишь стимулятор. – Маленькие высушенные цветы, выращенные в Новом Земе, продавались в лавках Кеттердама. Когда Каз только стал членом «Отбросов», то жевал ее, чтобы не заснуть, сидя в засаде. Его зубы еще долго не удавалось очистить от оранжевой пыльцы. – Она безвредна.

– Юрда-парем – это нечто совершенно другое и она определенно не безвредна.

– Значит, вы меня чем-то накачали.

– Не *вас*, мистер Бреккер. Микку.

Каз оценивающе посмотрел на болезненно бледное лицо гриша. Под его глазами пролегли темные круги, а хрупкое, дрожащее тело говорило о том, что он давно ничего не ел и совершенно об этом не заботился.

– Юрда-парем – это родственница обычной юрды, – продолжал Ван Эк. – Делают их из одного и того же цветка. Мы пока не знаем, как именно изготавливается порошок, но его проба была отправлена керчийскому Торговому совету ученым по имени Бо Юл-Баюр.

– Шуханец?

– Да. Он предпочел Керчию своей отчизне и прислал пробу новой юрды, чтобы убедить нас в правдивости заявления о необыкновенном эффекте порошка. Прошу, господин Бреккер, мне крайне неудобно так стоять. Если хотите, я дам вам пистолет, и мы сможем сесть и обсудить это более цивилизованным способом.

– Пистолет и мою трость.

Ван Эк кивнул одному из стражников, тот вышел на минутку и вернулся с тростью Каза. Каз был рад, что хотя бы стражники тут пользуются этой чертовой дверью.

– Сначала пистолет, – сказал он. – Медленно.

Стражник достал пистолет из кобуры и протянул его Казу рукояткой вперед. Парень взял оружие и быстрым движением взвел курок, затем

отпустил Ван Эка, швырнул нож на стол и выхватил трость из руки стражника. От пистолета больше проку, но трость принесла Казу облегчение, в котором он не хотел признаваться даже себе.

Ван Эк попятился, увеличивая расстояние между собой и заряженным пистолетом Каза. Видимо, расслабиться и сесть ему не хотелось. Впрочем, как и Казу, поэтому он старался держаться поближе к окну, чтобы в случае чего сразу выпрыгнуть.

Ван Эк сделал глубокий вдох и поправил костюм.

– У вас очень любопытная трость, господин Бреккер. Работа фабрикатора?

Она действительно была творением гриша-фабрикатора – освинцованная и идеально сбалансированная для ломки костей.

– Не ваше дело. Рассказывайте, Ван Эк.

Купец прочистил горло.

– После того как Бо Юл-Баюр прислал нам порошок юрды-парема, мы испробовали его на трех гришах, по одному из каждого Ордена.

– Счастливые добровольцы?

– Прислуга, – признал купец. – Первыми были фабрикатор и целитель – слуги советника Худе. Микка – проливной. Он принадлежит мне. Вы видели, на что он способен под воздействием порошка.

Худе. Откуда ему знакомо это имя?

– Я не уверен в том, что видел, – ответил Каз, посмотрев на Микку. Взгляд парня был полностью сосредоточен на Ван Эке, словно он ждал от него следующих приказаний. Ну, или же новой дозы.

– Обычный проливной способен контролировать потоки, призывать воду и влагу из воздуха или ближайшего источника. Они управляют приливами и отливами в нашей гавани. Но под воздействием юрды-парема проливной может трансформировать свое тело из твердого в жидкое или газообразное. То же самое он делает с другими объектами. Даже со стеной.

Каз удержался от соблазна заявить, что он отказывается в это верить: у него не было других объяснений тому, чему он сам стал свидетелем.

– Каким образом?

– Трудно сказать. Вам известно об усилителях, которые носят некоторые гриши?

– Доводилось видеть, – ответил Каз. – Кости животных, зубы, чешуя. Насколько я знаю, их трудно добыть.

– Очень. Но они лишь увеличивают силу гришей. А юрда-парем меняет их сознание.

– И?

– Гриши могут менять общие свойства материи. Они называют это Малой наукой. Под воздействием парема их действия становятся более быстрыми и точными. В теории юрда-парем всего лишь стимулятор, как и ее обычный родственник. Но она обостряет и оттачивает чувства гришей. Наделяет их исключительной скоростью. Невозможное становится возможным.

– А что она делает с обычными жалкими тварями, вроде нас с вами?

Ван Эк слегка нахмурился, словно отвергая предположение, что у них с Казом может быть хоть что-то общее, но ответил:

– Приводит к летальному исходу. Для обычного человека юрда смертельно опасна даже в самых малых дозах.

– Вы сказали, что дали ее трем гришам. На что оказались способны двое других?

– Вот, – произнес Ван Эк, потянувшись к ящику стола.

Каз поднял пистолет.

– Полегче.

Купец очень медленно засунул руку в ящик и достал большой кусок золота.

– Изначально это был свинец.

– Да конечно!

Ван Эк пожал плечами.

– Я говорю вам лишь то, что видел сам. Фабрикатор взял в руки кусок свинца, а через секунду мы получили это.

– Откуда вы знаете, что оно настоящее? – спросил Каз.

– У него та же температура плавления, тот же вес и пластичность. Если этот кусок не идентичен золоту во всех отношениях, то разницу мы не обнаружили. Проверьте сами, если хотите.

Каз взял трость под мышку, забрал из рук Ван Эка тяжелый слиток золота и спрятал его в карман. Настоящее оно или просто убедительная имитация, но такой шмат дорого стоит на улицах Бочки.

– Вы могли достать его где угодно, – заметил Каз.

– Я бы привел фабрикатора Худе, чтобы он лично показал вам, на что способен, но ему нездоровится.

Каз покосился на болезненное лицо Микки и его вспотевший лоб. У этого порошка определенно была своя цена.

– Предположим, что все это правда, а не дешевый фокус. Какое отношение это имеет ко мне?

– Вы, наверное, слышали новость, что шуханцы выплатили весь свой долг Керчии благодаря внезапному притоку золота? Слышали об убийстве

торгового посла из Нового Зема? О краже документов с военной базы в Равке?

Так вот что за тайна крылась за убийством посла в уборной! А золото, привезенное на трех кораблях шуханцами, наверное, было изготовлено фабрикатом. Каз ничего не слышал о равкианских документах, но все равно кивнул.

– Мы полагаем, что все эти случаи являются делом рук гришей, которые выполняли приказы шуханского правительства и находились под воздействием юрды-парема. – Ван Эк почесал подбородок. – Господин Бреккер, я хотел бы, чтобы вы всерьез задумались над тем, что я вам рассказал. Люди, которые ходят сквозь стены... ни один замок или крепость уже не будут залогом безопасности. Люди, которые могут превращать свинец в золото, да и все остальное тоже, которые могут изменить саму материю этого мира... финансовые рынки погрузятся в хаос. Мировая экономика рухнет.

– Очень увлекательно. Чего вы хотите от меня, Ван Эк? Украсть партию? Формулу?

– Нет, я хочу, чтобы вы похитили человека.

– Бо Юл-Баюра?

– Спасите его. Месяц назад мы получили от него сообщение, в котором он молил предоставить ему убежище. Его беспокоили планы правительства, связанные с юрдой-паремом, и мы согласились помочь ему сбежать. Мы организовали встречу, но в самый ответственный момент началась перестрелка.

– С шуханцами?

– Нет, с фьерданцами.

Каз нахмурился. Видимо, у фьерданцев были шпионы в Шухане или Керчии, раз они так быстро прознали о порошке и планах Бо Юл-Баюра.

– Так пошлите за ним кого-нибудь из своих агентов.

– Наши нынешние дипломатические отношения и без того довольно хрупкие. Очень важно, чтобы правительство Керчии никоим образом не стали связывать с именем Юл-Баюра.

– Вы же сами понимаете, что он, скорее всего, мертв. Фьерданцы ненавидят гришей. Они ни за что не позволят распространиться информации об этом порошке.

– Наши источники подтверждают, что он вполне жив и ждет суда, – Ван Эк прочистил горло. – В Ледовом Дворе.

Каз долго смотрел на Ван Эка, а затем разразился смехом.

– Ну, мне было приятно потерять сознание и быть похищенным вами.

Можете не сомневаться, когда придет время, я отплачу за ваше гостеприимство. А теперь прикажите одному из своих лакеев проводить меня к выходу.

– Мы готовы предложить вам пять миллионов крюге.

Каз спрятал пистолет в карман. Он уже не чувствовал себя в опасности, просто негодовал, что этот прохвост зря потратил его время.

– Может, это станет для вас неожиданностью, Ван Эк, но мы, канальные крысы, ценим свою жизнь так же, как и вы свою.

– Десять миллионов.

– Нет смысла умирать ради денег, которые я не смогу потратить. Где моя шляпа... ваш проливной оставил ее в переулке?

– Двадцать.

Каз помедлил с ответом. У него появилось жутковатое ощущение, что вырезанные на стене рыбы замерли в прыжке, чтобы подслушать их разговор.

– Двадцать миллионов крюге?

Ван Эк кивнул. Вид у него был отнюдь не счастливый.

– Мне придется убедить свою команду согласиться на самоубийственную миссию. Малыми деньгами дело не обойдется.

Это была не совсем правда. Несмотря на то что он сказал Ван Эку, в Бочке полно людей, которые ни в грош не ставили свою жизнь.

– Двадцать миллионов крюге едва ли малые деньги, – раздраженно ответил купец.

– Из Ледового Двора еще никому не удавалось сбежать.

– Поэтому нам и нужны вы, господин Бреккер. Может быть, Бо Юл-Баюр уже мертв или выдал все свои секреты фьерданцам, но мы считаем, что у нас есть еще немного времени на активные действия, прежде чем секрет юрды-парема выплывет наружу.

– Если шуханцы владеют формулой...

– Юл-Баюр утверждал, что ему удалось ввести в заблуждение свое начальство и сохранить детали формулы в тайне. Мы полагаем, что они работают лишь с тем ограниченным количеством данных, которые он им оставил.

«Жадность склоняется передо мной».

Возможно, Каз был слишком самоуверен на этот счет. Теперь жадность работала на благо Ван Эка. Рычаг пришел в действие, поборов сопротивление Каза и ставя его на место.

Двадцать миллионов крюге. Что же это будет за работа? Каз ничего не знал о шпионаже или правительственных разборках, но, с другой стороны,

чем похищение Бо Юл-Баюра из Ледового Двора отличается от изъятия ценностей из сейфа купца? *«Самого охраняемого сейфа в мире»*, – напомнил он себе. Ему понадобится особенная команда, из отчаянных людей, которых не испугает тот факт, что вероятность вернуться назад живыми очень мала. И ребятами из Отбросов дело не ограничится. В их рядах не было талантов, которые ему пригодятся. А это значит, что придется действовать еще осторожнее, чем обычно.

Но если им все удастся, даже после того, как Пер Хаскель получит свою часть, доли Каза хватит, чтобы все изменить. Чтобы осуществить мечту, которую он лелеял с тех пор, как впервые выполз из холодной гавани, с жаждой мести, прожигающей дыру в его сердце. Он наконец вернет свой долг Джорди.

Не говоря уже о других преимуществах. Керчийский совет будет обязан ему до скончания века, а его авторитет в городе взлетит до небес. Проникнуть в недоступный Ледовый Двор, оплот военной мощи Фьерды, и увести трофей из-под носа фьерданской знати? С такими заслугами за плечами и такими деньгами в руках он больше не будет нуждаться в Пере Хаскеле. Он сможет начать свой собственный бизнес.

Но надо кое-что выяснить.

– Почему я? Почему Отбросы? В Бочке есть и более опытные банды.

Микка закашлял, и Каз увидел кровь на его рукаве.

– Присядь, – ласково сказал Ван Эк, помогая парню устроиться в кресле и протягивая гришу свой платок. Затем кивнул стражнику. – Принеси воды.

– Ну? – поторопил его Каз.

– Сколько вам лет, господин Бреккер?

– Семнадцать.

– Вас не арестовывали с четырнадцати, и, поскольку я знаю, что с тех пор вы не стали ни на каплю порядочней, могу предположить, что у вас есть качество, которым должен обладать нанимаемый мной преступник: *вы не попадаетесь*. – Тут Ван Эк выдавил слабую улыбку. – Ну и решающим стал случай с моим Де Каппелем.

– Понятия не имею, о чем вы.

– Полгода назад из моего дома исчезла картина Де Каппеля, написанная маслом, которая стоила сто тысяч крюге.

– Какая потеря!

– Именно, особенно если принять во внимание мою уверенность в том, что галерея надежно охраняется, а замки на дверях невозможно взломать.

– Кажется, я читал об этом.

– Да, – признал Ван Эк со вздохом. – Гордость – опасная штука. Мне хотелось похвастаться своим приобретением и условиями, на которые пришлось пойти, чтобы защитить его. Тем не менее, несмотря на все меры предосторожности, охрану, сторожевых собак, сигнализацию и самый верный персонал во всем Кеттердаме, моя картина пропала.

– Мои соболезнования.

– Жду, когда она появится на мировом рынке.

– Может, у вашего грабителя уже был покупатель.

– Возможно, конечно. Но я склонен полагать, что вор украл ее по другой причине.

– И какой же?

– Просто чтобы доказать, что он может.

– Глупый риск, по-моему.

– Ну, кто их разберет, этих воров?

– Точно не я.

– Судя по тому, что мне известно о Ледовом Дворе, кто бы ни украл моего Де Каппеля, именно этот человек и нужен для такой работы.

– Тогда вам лучше его и нанять. Или ее.

– Ваша правда. Но придется довольствоваться вами.

Ван Эк задержал взгляд на Казе, словно надеялся увидеть признание в его глазах. Наконец он сказал:

– Значит, мы договорились?

– Не торопитесь. Что насчет целителя?

Ван Эк выглядел озадаченным.

– Кого?

– Вы сказали, что дали порошок гришам из каждого Ордена. Микка проливной – он ваш эфиреал. Фабрикатор, который сварганил этот кусок золота, был субстанциалом. А что произошло с корпориалом? Целителем?

Ван Эк, скривившись, произнес:

– Не откажете мне в прогулке, господин Бреккер?

Настороженно взглянув на Микку и стражников, Каз последовал за Ван Эксом из библиотеки в коридор. Обстановка дома буквально кричала о богатстве – стены с панелями из темного дерева, пол из черно-белой плитки, все обустроено со вкусом, в сдержанном стиле, и безупречно продумано. Но атмосфера напоминала кладбище. Пустые комнаты с задернутыми шторами, мебель под белыми чехлами. Каждое помещение, мимо которого они проходили, выглядело как красивый морской пейзаж со скоплением айсбергов.

Худе. Наконец-то все встало на свои места. На прошлой неделе в особняке Худе на Гельдштрате случился какой-то инцидент. Весь дом был оцеплен и кишел дозорными. До Каза доходили слухи о вспышке огненной оспы, но даже Инеж не удалось разузнать больше.

– Это дом советника Худе, – сказал Каз, и по его коже поползли мурашки. Ему не хотелось подцепить смертельную заразу, но купец и его охранники не выглядели обеспокоенными. – Я думал, это место закрыто на карантин.

– То, что здесь произошло, для нас не опасно. А если вы выполните свою работу, господин Бреккер, то никогда и не будет.

Ван Эк вывел его через дверь в ухоженный сад, в котором воздух разносил свежий аромат первых крокусов. Их запах ударил Казу в голову. Воспоминания о Джорди и без того были живы в его памяти, а благодаря цветам Каз на миг перенесся из сада богатого купца в разнотравье весеннего поля. Трава доходила до колена, жаркое солнце било в лицо, и брат звал его домой.

Каз помотал головой. *«Мне нужна чашка самого черного и крепкого кофе, который только можно найти, – подумал он. – Или хороший удар в челюсть».*

Ван Эк вел его к эллингу у канала. Свет, просачивающийся сквозь закрытые ставнями окна, отбрасывал узоры на садовую дорожку. Одиноким дозорный у двери стал по стойке смирно, когда Ван Эк достал ключ из кармана и вставил его в тяжелый навесной замок. Из закрытого помещения так воняло мочой и экскрементами, что Каз прижал рукав к лицу. Да уж, это вам не весенние крокусы.

Помещение освещалось двумя стеклянными лампами на стене. Группа стражников стояла перед большой железной коробкой, а пол под их ногами был усыпан осколками. На одних стражниках была фиолетовая форма городских дозорных, на других – светло-зелёные ливреи дома Худе. Через отверстие, которое, как догадался Каз, раньше было смотровым окном, он увидел еще одного стражника, замершего рядом с пустым столом и двумя перевернутыми стульями. Как и у остальных, его руки вяло свисали вдоль тела, лицо ничего не выражало, а взгляд был направлен в никуда. Ван Эк включил другую лампу, и Каз увидел тело в фиолетовом мундире, валявшееся на полу с закрытыми глазами.

Купец вздохнул и присел, чтобы перевернуть его.

– Мы потеряли еще одного.

Парень был довольно юным, над его губой только начали пробиваться усы.

Ван Эк дал распоряжение впустившему их охраннику, и они вместе со стражником из свиты Ван Эка подняли и унесли тело. Остальные стражники в помещении никак не отреагировали, просто продолжая смотреть в пустоту.

Каз узнал одного из них – Генрика Дальмана, капитана дозорных.

– Дальман? – обратился он, но тот не ответил. Каз помахал рукой перед лицом капитана, а затем грубо щелкнул его по уху. Тот лишь медленно и равнодушно моргнул. Парень достал пистолет и приставил его прямо ко лбу капитана. Взвел курок. Дальман не шелохнулся. Его зрачки не увеличились.

– Это живой мертвец, – сказал Ван Эк. – Стреляйте. Вышибите ему мозги. Он не станет возражать, а остальные – не отреагируют.

Каз опустил оружие, по его телу побежали мурашки.

– Что с ним? Что здесь произошло?

– Девушка-гриш была корпораличкой, служившей при доме советника Худе. Он думал, что раз она целительница, а не сердцебитка, то на ней протестировать парем не опасно.

Довольно здравое рассуждение. Казу доводилось видеть сердцебитов в деле. Они могли расщепить ваши клетки, взорвать сердце прямо в груди, выкачать весь воздух из легких или замедлить пульс до такой степени, что вы впадете в кому, и при этом не коснуться вас и пальцем. Если в словах Ван Эка была хоть доля правды, мысль о том, что один из них получит дозу юрды-парема, пугала до чертиков. Поэтому купцы испробовали порошок на целителе. Но, судя по всему, их план не сработал.

– Вы дали ей порошок, и она убила своего хозяина?

– Не совсем, – Ван Эк откашлялся. – Они заперли ее в камере. Через пару секунд после принятия парема она взяла под контроль стражника, охранявшего ее...

– Как?

– Точно не знаем. Но каким бы методом она ни пользовалась, он позволил ей подчинить себе волю и этих стражников.

– Это невозможно.

– Разве? Мозг – всего лишь один из органов, скопление клеток и импульсов. Почему бы гришу, пребывающему под воздействием юрды-парема, не установить контроль над этими импульсами?

Должно быть, шок отразился на лице Каза.

– Посмотрите на них, – настаивал Ван Эк. – Она приказала им ждать. Именно это они и делают с тех пор.

Каз присмотрелся внимательней к безмолвной группе. В самом деле,

их взгляды не были пустыми или безжизненными, а тела – не до конца безвольными. Они находились *в ожидании*. Парень постарался унять дрожь. Ему доводилось видеть странные, необычные вещи, но ничего подобного этому он никогда не встречал.

– Что случилось с Худе?

– Она приказала ему открыть дверь, а затем отрезать себе палец. Мы узнали об этом от паренька с кухни, который был здесь в тот момент. Девушка его не тронула. Он заявляет, что Худе отрезал себе палец с улыбкой на лице.

Казу совсем не нравилась мысль, что какие-то гриши могли управлять его разумом. Но Худе наверняка это заслужил. Во время гражданской войны в Равке многие из них бежали из охваченной боями страны и заплатили свободой за то, чтобы их пустили в Керчию. Согласившись работать прислугой, гриши не осознавали, что добровольно продались в рабство.

– Купец мертв?

– Советник Худе потерял много крови, но он не в таком состоянии, как эти люди. Его с семьей и прислугой отвезли за город.

– А целительница вернулась в Равку? – поинтересовался Каз.

Ван Эк указал ему на выход из эллинга и запер дверь, когда они покинули помещение.

– Похоже, что она этого хотела, – ответил он, пока они возвращались через сад к дому. – Нам известно, что она захватила небольшое судно и пыталась на нем отплыть в сторону Равки. Но два дня назад мы обнаружили ее тело, прибитое течением к берегу рядом с Третьей гаванью. Нам кажется, что она утонула, когда возвращалась в город.

– Зачем ей было возвращаться?

– За новой дозой.

Каз вспомнил блестящие глаза Микки и его бледную кожу.

– Порошок вызывает зависимость?

– Достаточно всего одной дозы. Как только порошок заканчивает действовать, тело гриша ослабевает и требует еще. Доза парема достаточно изнуряет.

«Достаточно изнуряет» – это мягко сказано. Совет приливов контролировал проход в кеттердамские гавани. Если целительница пыталась вернуться ночью на небольшой лодке, у нее не было никаких шансов из-за течения. Каз подумал об истощенном лице Микки и о том, как одежда висела на его исхудавшем теле. Таким он стал из-за порошка. Действие юрды-парема не закончилось, но он уже хотел еще. Казалось,

совсем немного, и он рухнет как подкошенный. Как долго могли продержаться гриши в таком состоянии?

Хороший вопрос, но сейчас он не имел значения. Они подошли к воротам. Пришло время заключать сделку.

– Тридцать миллионов крюге, – сказал Каз.

– Мы говорили о двадцати! – разозлился Ван Эк.

– *Вы* говорили. И дураку ясно, что вы в отчаянии. – Каз оглянулся в направлении эллинга, в котором стояла группа людей, ждущих своей смерти. – И мне ясно почему.

– Совет мне голову оторвет!

– И будет восхвалять вас, как только вы спрячете Юл-Баюра в своем укрытии, где бы оно ни находилось.

– В Новом Земе.

Каз пожал плечами.

– Мне плевать, хоть в кофейник его засуньте.

Ван Эк внимательно посмотрел на него.

– Вы видели, на что способен этот порошок. Заверяю вас, это лишь начало. Если юрда-парем распространится по миру, войны не миновать. Наши торговые пути будут уничтожены, а рынки рухнут. Керчия этого не переживет. Вся надежда на вас, господин Бреккер. Если вы не справитесь, пострадает весь мир.

– О, все гораздо хуже, Ван Эк. Если я не справлюсь, мне не заплатят.

Выражение отвращения на лице купца заслуживало быть запечатленным на холсте самим Де Каппелем.

– Ну же, не стоит так разочаровываться. Только подумайте, каким бы несчастным вы были, окажись у этой канальной крысы хоть капля патриотизма. Вам бы пришлось сменить гримасу на своем лице и проникнуться ко мне уважением.

– Спасибо, что избавили меня от этой участи, – брезгливо ответил Ван Эк. Открыв дверь, он помедлил. – Хотя мне любопытно, что бы получилось из мальчика с таким интеллектом при иных обстоятельствах.

«*Спросите у Джорди*», – подумал Каз с горечью и пожал плечами.

– Воровал бы у более богатых недоумков. Тридцать миллионов крюге.

Купец кивнул.

– Тридцать. Сделка есть сделка.

– Сделка есть сделка, – повторил Каз, и они пожали друг другу руки.

Когда ухоженная ладонь Ван Эка сжала перчатку Каза, купец прищурился.

– Почему вы носите перчатки, мистер Бреккер?

Каз поднял бровь.

– Уверен, до вас доходили слухи.

– Каждый новый нелепее предыдущего.

Каз тоже их слышал. Руки Бреккера были по локоть в крови. Руки Бреккера были покрыты шрамами. У Бреккера были когти вместо пальцев, потому что он полудемон. Прикосновение Бреккера обжигало, как сера, – стоит дотронуться до его оголенной кожи, как начинается гниение и отмирание плоти.

– Выбирайте сами, – сказал Каз, исчезая в ночи. Его мысли уже были заняты тридцатью миллионами крюге и командой, которая поможет ему их добыть. – Все они истинная правда.

4. Инеж

Когда Каз вошел в Клепку, Инеж узнала об этом в ту же минуту. Его присутствие ощущалось в каждой тесной комнатке, в каждом кривом коридоре. И каждый бандит, вор, шулер, жулик или зазывала почувствовал прилив бодрости. Любимый лейтенант Пера Хаскеля прибыл домой.

Клепка не была чем-то особенным: самый обычный дом в худшем квартале Бочки. Три этажа, увенчанных чердаком и двускатной крышей. Большинство зданий в этой части города строились без фундамента, многие стояли на болотистой почве, между наспех проложенными каналами. Дома поддерживали друг друга, как подвыпившие друзья в кабаке, пытающиеся найти опору. Инеж побывала во множестве таких домов, выполняя поручения Отбросов, и внутри они выглядели ничуть не лучше – холодные, сырые, от стен ломтями отваливается штукатурка, через щели в оконных рамах заливает дождем или засыпает снегом. Но Каз потратил собственные сбережения, чтобы избавиться от сквозняков в Клепке, укрепить и утеплить стены. Внутри было неуютно, криво и тесно, но, по крайней мере, сухо.

Комната Инеж находилась на третьем этаже – узкая конура, в которую едва вмещались койка и сундук, зато из окна открывался вид на остроконечные крыши и дымоходы Бочки. Когда дул сильный ветер, рассеивая угольный дым, нависший над городом, девушка даже могла различить синеву гавани вдали.

Хотя до рассвета оставалась всего пара часов, в Клепке никто не спал. Единственное время, когда здесь было тихо, наступало в дремотные послеполуденные часы. К тому же сегодня ночью всех лихорадило из-за

новостей о разборке на Бирже, о судьбе Большого Боллигера, а теперь еще и об увольнении бедного Ройакке.

После беседы с Казом Инеж отправилась напрямик в «Клуб Воронов», чтобы разыскать крупье. Он раздавал карты Джесперу и парочке равкианских туристов за столом для «Ежевики на троих». Когда он закончил, Инеж предложила выйти поговорить в одной из частных игорных комнат, чтобы избавить его от позора увольнения на глазах у друзей, но Ройакке не захотел все решить мирным путем.

– Это не честно! – взвыл он, когда она передала ему распоряжение Каза. – Я не жульничал!

– Обсуди это с Казом, – тихо ответила Инеж.

– И не кричи так, – добавил Джеспер, оглядываясь на туристов и моряков, сидящих за соседними столами. Хотя в Бочке давно привыкли к бандитским разборкам, в стенах «Клуба Воронов» они не дозволялись. Если у тебя какие-то проблемы, то, будь мил, решай их снаружи, где ты не рискуешь прервать священный ритуал по отниманию денег у простофиль.

– Где Бреккер? – прорычал Ройакке.

– Я не знаю.

– Ты всегда все обо всех знаешь, – процедил парень, подавшись вперед. От него разило пивом и луком. – Разве Грязные Руки не за это тебе платит?

– Я понятия не имею, где он и когда вернется. Зато я знаю, что тебе не стоит здесь задерживаться.

– Выдай мне мой чек. Мне должны еще за прошлую смену.

– Бреккер ничего тебе не должен.

– Он побоялся говорить со мной лично? Отправил маленькую девочку, чтобы выпереть меня? Может, мне просто вытрясти из тебя пару монет? – он попытался схватить ее за ворот рубашки, но Инеж с легкостью увернулась. Он повторил попытку.

Краем глаза Инеж заметила, как Джеспер встал со своего места, но девушка жестом показала ему не вмешиваться и скользнула пальцами в карман, который прятала в правом боковом кармане. Затем быстро врезала Ройакке по левой щеке.

Его руки взметнулись к лицу.

– Эй, я же тебя не трогал! Это была всего лишь шутка!

Вокруг начали собираться зрители, поэтому Инеж снова его ударила. Несмотря на правила «Клуба Воронов», ее действия были оправданы. Когда Каз привел Инеж в Клепку, то сразу предупредил, что не сможет постоянно приглядывать за ней, и она должна научиться защищать себя

сама. Так она и поступила. Самым простым решением было бы уйти, когда посетители начинали грубо окликать ее или придвигались бочком, желая облапать, но если бы она так делала, то вскоре обнаружила бы, что они суют руки ей в блузку или прижимают к стене. Вот почему она не прощала ни одного косого взгляда, ни одного обидного слова. Инеж всегда была первой, и была сильно. Иногда даже приходилось пускать в дело нож. Это утомляло, однако для людей в Керчии не было ничего святого, кроме торгов, и Инеж действовала жестко, чтобы показать всем желающим унижить ее, какому риску они себя подвергают, и заставить их задуматься, стоит ли того сомнительное удовольствие, которое они рассчитывают получить.

Ройакке приложил пальцы к щеке, на которой уже начал расцветать уродливый синяк. Он был ошарашен и уязвлен.

– Я думал, мы друзья, – тихо заметил он.

Самое печальное, что так оно и было. Ройакке *нравился* Инеж. Но сейчас перед ней стоял просто напуганный человек, желающий почувствовать свое превосходство над другими.

– Ройакке, – сказала она. – Я видела, как ты управляешься с колодой. Ты можешь найти работу где угодно. Иди домой и радуйся, что Каз не требует выбить из тебя все, что ты ему должен, ладно?

И он ушел, слегка покачиваясь и прижимая руку к щеке, как обиженный ребенок. К Инеж подошел Джеспер.

– Знаешь, а ведь он прав. Каз не должен посылать тебя выполнять за него грязную работу.

– В нашем деле любая работа – грязная.

– Но мы все равно ее выполняем, – вздохнул он.

– У тебя усталый вид. Ты вообще собираешься сегодня спать?

Джеспер подмигнул ей.

– Нет, пока карты горячи. Оставайся, сыграй с нами. Каз внесет за тебя ставку.

– Неужели, Джеспер? – спросила она, поднимая капюшон. – Если я захочу посмотреть, как мужчины копают себе могилу, я пойду на кладбище.

– Да ладно тебе, Инеж! – крикнул он ей вслед, когда она выходила через большие двойные двери на улицу. – Ты приносишь удачу!

«*Ради всех святых, – подумала она, – насколько надо быть безрассудным, чтобы в это верить?*» Ее удача осталась в сулийском лагере, на берегах Западной Равки. И что-то ей подсказывало, что туда она уже не вернется.

Инеж покинула свою крошечную комнатку в Клепке и съехала вниз по

перебрались по лестнице. Здесь ей не нужно было скрываться, но у девушки уже вошло в привычку быть незаметной, к тому же скрип ступенек напоминал писк совокупляющихся мышек. Доехав до второго этажа и увидев толпу внизу, Инеж остановилась.

Каз появился позже, чем все надеялись, и стоило ему войти в темную прихожую, как его окружили люди, желающие поздравить с победой над Хейлсом и спросить, нет ли известий о Черных Пиках.

– Ходят слухи, что Хейлс собирает банду, чтобы напасть на нас, – сказала Аника.

– Ну и пускай! – рявкнул Дирикс. – На рукоятке моего топора высечено его имя!

– Некоторое время Хейлс не будет ничего предпринимать, – ответил Каз, шагая по коридору. – У него не хватает людей, чтобы выступить против нас на улицах, а его казна сильно опустела – они не смогут нанять новеньких. Разве вы не должны быть в «Клубе Воронов»?

Поднятой брови оказалось достаточно, и Аника поспешила прочь, а за ней по пятам убежал и Дирикс. Другие подходили, чтобы выразить свое восхищение и погроzić Черным Пикам. Никто не осмеливался на большее, чем просто похлопать Каза по спине – за лишнюю вольность можно было поплатиться рукой.

Инеж знала, что Каз непременно зайдет поговорить с Пером Хаскелем, поэтому, вместо того чтобы спуститься на первый этаж, она пошла дальше по коридору. Там был чулан, забитый всякой всячиной: старые стулья со сломанными спинками, заляпанные краской покрывала. Инеж убрала ведро с моющими средствами, которое сама же туда поставила, так как знала, что никто в Клепке не станет к нему прикасаться. Решетка под ним открывала прекрасный вид на кабинет Хаскеля. Девушка чувствовала себя немного виноватой за то, что собирается подслушать их разговор, но ведь Каз сам превратил ее в шпионку. Нельзя тренировать сокола и ждать, что он не станет охотиться.

Через решетку до нее донесся стук в дверь, а затем и приветствие Каза.

– Вернулся живым? – спросил старик. Она видела, как тот сидел в своем любимом кресле, вертя в руках модель корабля, которую он соорудил уже почти год. Как всегда, кружка с пинтой пива стояла у него под боком.

– Больше проблем с Пятой гаванью не будет.

Хаскель хмыкнул и снова занялся кораблем.

– Закрой дверь.

Инеж услышала, как закрылась дверь, приглушив шум из коридора. В

поле зрения появилась макушка Каза. Его темные волосы были влажными. Должно быть, на улице шел дождь.

– Тебе нужно было попросить у меня разрешения на то, чтобы разобраться с Боллигером, – заметил Хаскель.

– Если бы я рассказал тебе, могли пойти слухи...

– Думаешь, я бы позволил этому случиться?

Каз пожал плечами.

– Это место ничем не отличается от любого другого в Кеттердаме. Здесь тоже протекает.

Инеж могла поклясться, что в этот момент он посмотрел прямо в вентиляционное отверстие.

– Мне это не нравится, мальчик. Большой Боллигер был *моим* солдатом, а не твоим.

– Конечно, – ответил Каз, но оба знали, что это ложь. Отбросы Хаскеля были старой гвардией аферистов и жуликов из прошлого. Боллигер был членом команды Каза – свежей кровью, юной и бесстрашной. Может, даже слишком бесстрашной.

– Ты смысленый, Бреккер, но тебе нужно научиться терпению.

– Да, сэр.

Старик громко рассмеялся.

– Да, сэр! Нет, сэр! – передразнил он Каза. – Когда ты становишься вежливым, значит, ты что-то задумал. Вот только что?

– Есть работа, – сказал Каз. – Возможно, мне придется надолго уехать.

– Большие деньги?

– Очень.

– Большой риск?

– И это тоже. Но ты получишь свои двадцать процентов.

– Ты не должен строить больших планов без моего разрешения, ясно? – Каз, должно быть, кивнул, поскольку Пер Хаскель откинулся на спинку кресла и сделал глоток пива. – Мы сильно разбогатеем?

– Будем как святые в золотых коронах.

Старик фыркнул.

– Чем бы дитя ни тешилось. Лишь бы мне не пришлось жить, как одному из них.

– Я поговорю с Пимом. Он может подменить меня, пока я буду отсутствовать.

Инеж нахмурилась. Куда это Каз собрался? Он не упоминал о новой работе. «*И почему Пим?*» От этой мысли ей стало немного стыдно. Она так и представляла, что сказал бы отец: «Ты желаешь стать королевой воров,

Инеж?» Одно дело, хорошо выполнять свою работу. Другое – жаждать успеха. Она не хотела вечно оставаться с Отбросами. Инеж планировала выплатить свой долг и освободиться от Кеттердама навеки. Так почему ей не все равно, что Каз выбрал Пима руководить бандой на время своего отсутствия? *«Потому что я умнее Пима. Потому что Каз мне больше доверяет»*. Но, возможно, он не верил, что банда будет слушать такую, как она, которая покинула бордель всего два года назад и еще не достигла семнадцати лет. Хотя Инеж и носила одежду с длинными рукавами, а ножны ее оружия почти полностью скрывали шрам на внутренней части левого предплечья, где когда-то была татуировка «Зверинца», все равно все знали об этом.

Когда Каз вышел из кабинета Хаскеля, Инеж покинула свое убежище, чтобы дожидаться, пока он поднимется по лестнице.

– Ройакке? – спросил он, проходя мимо нее и приближаясь к второму пролету.

– Ушел, – ответила Инеж, идя за ним следом.

– Сильно возмущался?

– Я справилась.

– Я не об этом спрашивал.

– Он разозлился. Возможно, с ним еще возникнут проблемы.

– Да уж, чего-чего, а создавать их он умеет.

Они добрались до верхнего этажа. Чердак дома был превращен в кабинет и спальню Каза. Инеж знала, что такое количество лестничных пролетов плохо сказывалось на его больной ноге, но Казу очень нравилось иметь в своем распоряжении целый этаж.

Он вошел в кабинет и сказал, не оглядываясь:

– Закрой дверь.

Большую часть комнаты занимал импровизированный стол, – старая дверь от склада, лежащая на ящиках из-под фруктов, – который был завален бумагами. Некоторые пит-боссы пользовались арифмометрами – клацающими машинками с латунными кнопками и бумажными рулонами, но Каз вел бухгалтерию «Клуба Воронов» у себя в голове. Он заполнял бухгалтерские книги только для того, чтобы порадовать старика, и чтобы ему было на что сослаться, когда он ловил кого-то на обмане или искал новых инвесторов.

Одной из самых серьезных перемен, которые произошли в делах банды после прихода Беккера, стало то, что Каз дал возможность обычным торговцам и законным предпринимателям покупать акции «Клуба Воронов». Поначалу те отнеслись к его предложению скептически, будучи

уверенными, что это очередная афера, но Каз завлек их мизерными ценами и умудрился собрать достаточный капитал, чтобы купить ветхое старое здание, довести его до ума и начать работать. Первые инвесторы получили с этого немаленькую прибыль. Ну, по крайней мере, так болтали. Инеж никогда не могла с точностью сказать, какие легенды о Казе были правдой, а какие – слухами, которые он сам же и распустил ради своей выгоды. Вполне возможно, что ему просто удалось запудрить мозги какому-нибудь несчастному честному торговцу и отобрать все его сбережения ради процветания «Клуба Воронов».

– У меня есть для тебя работа, – сказал Каз, просматривая цифры за предыдущий день. Ему хватало одного взгляда на бумажку, чтобы запомнить ее содержание. – Как ты смотришь на четыре миллиона крыуге?

– Такие деньги скорее проклятие, нежели подарок судьбы.

– Моя маленькая сулийская идеалистка. Все, что тебе нужно для счастья – это набитый живот и прямая дорога? – спросил он с издевкой в голосе.

– И легкость на сердце, Каз, – *этого сложнее всего добиться*, подумала она.

Он рассмеялся ей в лицо и прошел в свою маленькую спальню.

– Не стоит и надеяться. А я вот предпочту деньги. Так они нужны тебе или нет?

– От тебя подарков судьбы не дождешься. Что за работа?

– Невероятно трудное задание, почти верная смерть. Шансы на успех ничтожные, но если нам удастся... – он умолк, его пальцы замерли на пуговицах жилета, взгляд стал далеким, даже немного мечтательным. Редко когда ей доводилось слышать такое возбуждение в его хриплом голосе.

– Если нам удастся?.. – вопросительно повторила Инеж.

Каз внезапно улыбнулся – резко, как разряд молнии, – и его глаза приняли оттенок чернейшего кофе.

– Мы станем королем и королевой, Инеж. Королем и королевой.

– Хм-м, – уклончиво ответила она, делая вид, что рассматривает один из своих ножей, и намеренно игнорируя его ухмылку. Каз не глупый мальчишка, планирующий их совместное будущее. Он – опасный игрок, который всегда действует только в своих собственных интересах. «Всегда», – строго напомнила она себе.

Инеж старалась не смотреть на него и собирала бумаги в стопку на столе, пока Каз снимал жилет и рубашку. Она и сама не знала, приятно ей или обидно, что он ее не стесняется.

– И как долго нас не будет? – спросила девушка, бросая на него взгляд

через приоткрытую дверь в спальню. Жилистый торс парня с выпирающими мышцами украшало множество шрамов и всего две татуировки: одна, с вороном и чашей «Отбросов», была набита на предплечье, другая, с черной буквой «Р», на бицепсе чуть выше. Инеж никогда не спрашивала, что означает эта буква.

Ее внимание привлекли руки Каза, когда он снял кожаные перчатки и опустил кусок ткани в таз с водой. Снимал он их исключительно у себя в спальне и, насколько ей было известно, только перед ней. Какой бы недуг он ни скрывал, она не замечала ни малейшего его признака, – лишь тонкие пальцы взломщика и яркую полосу шрама, полученного в какой-то давней уличной драке.

– Пару недель, может, месяц, – ответил он, проводя намокшей тканью под мышками и по точеной груди, от чего капельки воды быстро побежали по его торсу.

«*Ради всех святых!*» – подумала Инеж, заливаясь румянцем. Конечно, она всякого повидала в «Зверинце», но всему был предел. Что бы сказал Каз, если бы она внезапно разделась и начала перед ним мыться?

«*Не закапай стол, наверное*», – подумала она, нахмурившись.

– Месяц? – переспросила девушка. – Тебе не кажется, что сейчас не время для отлучек? Черные Пики жаждут мести.

– Игра стоит свеч. Кстати, об этом. Позови ко мне Джеспера и Маззена. Скажи, что я жду их здесь к рассвету. И мне нужно завтра ночью встретиться с Уайленом в клубе.

– Уайлен? Если это важное задание...

– Просто сделай это.

Инеж скрестила руки. Еще минуту назад он заставлял ее краснеть, а теперь ей хотелось его убить.

– Не хочешь ничего объяснить?

– Когда все соберутся. – Он надел свежую рубашку, но остановился перед тем, как застегнуть воротничок. – Это необычная работа, Инеж. Ты имеешь право согласиться или отказаться от нее.

Внутри зазвенел тревожный звоночек. На улицах Бочки каждый день приходилось подвергать себя риску. Работая на Отбросов, она убивала, крала, наказывала плохих и хороших людей, но Каз никогда не намекал, что какое-либо из этих поручений было чем-то иным, кроме приказа. Такова была цена за то, что Пер Хаскель выкупил ее контракт и освободил от «Зверинца». Так чем же отличалось это задание от любых других?

Каз закончил застегивать рубашку, надел угольно-черный жилет и бросил что-то Инеж. Предмет мелькнул в воздухе, и она поймала его одной

рукой. Раскрыв ладонь, девушка увидела крупную булавку с рубином и золотыми лавровыми листьями.

– Спрячь ее, – велел Каз.

– Чья она?

– Теперь наша.

– А чья была?

Каз промолчал. Он взял щетку и начал чистить свое пальто от засохшей грязи.

– Того, кому стоило подумать дважды, прежде чем нападать на меня.

– Нападать?!

– Ты все правильно услышала.

– Кому-то удалось одержать верх над тобой?

Он посмотрел на нее и коротко кивнул. Беспокойство охватило Инеж и свернулось внутри тугим комком. Никто не осмеливался нападать на Каза. Он имел репутацию самого жестокого, самого страшного существа, бродившего по улицам Бочки. Она на это полагалась. Как и он.

– Больше этого не повторится, – пообещал парень.

Каз надел новую пару перчаток, взял трость и направился к выходу.

– Я вернусь через пару часов. Убери Де Каппеля, который мы украли из дома Ван Эка, в хранилище. Кажется, картина лежит свернутая у меня под кроватью. О, и закажи мне новую шляпу.

– *Пожалуйста.*

Каз тяжело вздохнул, приготовившись к трем мучительным лестничным пролетам. Затем оглянулся через плечо и сказал:

– Дорогая Инеж, сокровище моего сердца, ты не могла бы оказать мне услугу и заказать новую шляпу, *пожалуйста?*

Девушка многозначительно посмотрела на его трость.

– Долгой тебе дороги вниз, – пожелала она, а затем прыгнула на перила и заскользила по ним, как масло по сковороде.

5. Каз

Каз направился вдоль Восточного Обруча в сторону гавани, проходя через район игорных заведений. Печально известный клубок узких улочек и небольших водоемов, больше известный, как Бочка, был заключен между двумя основными каналами – Восточным и Западным. Каждый из них служил для определенной клиентуры. Дома здесь отличались от других зданий Кеттердама: они были больше, шире и выкрашены в броские цвета

– всем своим видом привлекая внимание прохожих. «Сундук сокровищ», Золотая излучина», «Речное судно Уэдделла». Лучшие из букмекерских контор располагались дальше к северу, в самом привлекательном районе Крышки. Этот участок канала находился ближе всего к гаваням – идеальное место, чтобы привлекать туристов и моряков, прибывающих в порт.

«Не то что «Клуб Воронов», – размышлял Каз, глядя на черно-красный фасад. Пришлось приложить немалые усилия, чтобы заманить туристов и азартных купцов, жаждущих развлечений, так далеко на юг. Скоро пробьет четыре утра, а толпа у клуба и не думала расходиться. Каз наблюдал за потоком людей, проходящих мимо черных колонн портика под пристальным взглядом потемневшего от времени серебряного ворона, расправившего свои крылья над входом.

«Боги, благословите этих простофиль, – подумалось ему. – Благословите этот добрый и щедрый народ, готовый опустошить свои кошельки и пополнить казну «Отбросов», а потом еще и поблагодарить нас за хорошо проведенное время».

Он увидел зазывал у входа, которые громкими голосами обращались к потенциальным клиентам, предлагая бесплатные напитки, горячий кофе и самые честные сделки во всем Кеттердаме. Каз кивнул им и пошел дальше на север.

Лишь один игорный дом в Обруче волновал его не меньше, чем «Клуб Воронов»: «Изумрудный дворец», гордость и отрада Пекки Роллинса. Здание было выкрашено в отвратительный зеленый цвет и украшено искусственными деревьями, с которых свисали поддельные золотые и серебряные монеты. Место оформили в едином стиле, как дань каэльскому происхождению Роллинса и его банды – «Грошовых Львов». Даже девушки, что выдавали фишки, щеголяли в сверкающих зеленых платьях из шелка, а их волосы были подкрашены в неестественный темно-рыжий цвет, чтобы они походили на уроженок Блуждающего острова. Проходя мимо «Изумрудного», Каз поднял взгляд на фальшивые золотые монеты, и почувствовал, как в нем закипает ярость. Сегодня она ему потребуется – в качестве напоминания о том, что он потерял и чего стремился добиться. Он нуждался в ней, чтобы подготовиться к своей безрассудной аванюре.

– Кирпичик за кирпичиком, – пробормотал Каз себе под нос. Это единственные слова, которые могли помочь ему контролировать себя и избежать соблазна пройти через пафосные золотисто-зеленые двери дворца, потребовать частную аудиенцию у Роллинса и перерезать ему глотку.

«Кирпичик за кирпичиком».

Это обещание помогало ему засыпать темными ночами, проживать день за днем и держать призрака Джорди в узде. Потому что Пекка Роллинс не заслуживал быстрой смерти.

Каз наблюдал, как люди заходят и выходят из «Изумрудного дворца», и заметил своих зазывал – мужчину и женщину, которых он нанял, чтобы переманивать клиентов Пекки на юг перспективами более выгодных сделок, более крупных выигрышей и более симпатичных девушек.

– Откуда это ты пришел такой раскрасневшийся? – спрашивала женщина у мужчины, говоря при этом гораздо громче, чем требовалось.

– Только вернулся из «Клуба Воронов»! Выиграл сотню кружек всего за один час!

– Да ты что!

– Правда! Вот, пришел в Обруч, чтобы взять пиво и встретить друга. Хочешь присоединиться к нам и пойти туда вместе?

– «Клуб Воронов»! Кто бы мог подумать?

– Пойдем, я куплю тебе выпивки. Всем бесплатная выпивка!

И они ушли, громко смеясь, оставляя посетителей, толпившихся у клуба, в раздумьях, не стоит ли им тоже пройти всего пару мостов через канал и посмотреть – вдруг там повезет больше? Прислужница Каза, жадность, заманивала их на юг, как Крысолов со своей дудочкой.

Ему приходилось постоянно менять зазывал, чтобы вышибалы Пекки ни о чем не догадались. Переманивая клиентов, он постепенно лишал «Изумрудный дворец» его дохода. Это был один из бесчисленных приемов, которые пускал в ход Каз с намерением стать сильнее за счет Пекки – он перехватывал его поставки юрды, присылал ему счет за доступ к Пятой гавани, скидывал цену за арендную плату, чтобы жильцы шли к Казу, а не к Роллинсу, и медленно-медленно дергал за ниточки, осложняя ему жизнь.

Несмотря на всю ложь, которую он распространял, и на то, что он сделал с Хейлсом, Каз не был подонком. Он даже родом не из Кеттердама. Ему было девять, а Джорди тринадцать, когда они впервые приехали в город. Во внутренний карман старого пальто брата был вшит чек от продажи фермы их отца. Каз мог представить себя тогдашнего, бродящего по Обручу с мечтательным взглядом. Он крепко держался за руку Джорди, чтобы его не унесло толпой. Как ненавидел вспоминать о том, какими простофилями они были, словно так и ждали, чтобы их обобрали. Но тех мальчишек уже давно нет, и наказание за это должен понести Пекка Роллинс.

Однажды он приползет к Казу на коленях и будет молить о помощи.

Если Каз справится с заданием Ван Эка, то этот день настанет гораздо раньше, чем он надеялся.

«Я тебя уничтожу, кирпичик за кирпичиком».

Но если у него и есть шансы пробраться в Ледовый Двор, ему понадобится умелая команда, и скоро он станет на шаг ближе к этому, потому что найдет два очень важных кусочка пазла.

Парень свернул в аллею, идущую вдоль одного из мелких каналов. Туристы и купцы предпочитали ходить по освещенным улицам, поэтому здесь людей почти не было, и Каз быстро добрался до нужного места. Вскоре показались огни Западного Обруча. Звучала музыка, вокруг толпились жаждущие новых развлечений мужчины и женщины из разных слоев общества и разных стран.

Музыка доносилась из заведений через открытые нараспашку двери. Там на диванах отдыхали люди, одетые в какие-то обрезки шелка и увешанные безвкусными безделушками. Над водой на канатах покачивались акробаты – казалось, на их гибких телах одни лишь блестки; на мостовой уличные музыканты играли на скрипках, надеясь вытрясти пару монет из прохожих. Разносчики, громко расхваливая свой товар, толпились возле пришвартованных узких частных гондол купцов и больших шлюпок, которые привозят туристов и моряков из Крышки вглубь острова.

Большинство из них никогда не посещали бордели Западного Обруча. Они приезжали, чтобы поглазеть на толпу, – а это и впрямь было то еще зрелище. Люди предпочитали приходить в эту часть Бочки в маскарадных костюмах или скрывать свои лица под вуалями, масками и капюшонами плащей, так что видно было только, как блестят их глаза. Они покупали наряды в специальных лавках, расположенных чуть дальше от главных каналов, и иногда пропадали на несколько дней – все зависело от веса их кошельков. Тут можно было увидеть и Мистера Кримсона, и Потерянную Невесту, и Безумца в гротескной маске с выпученными глазами – всех персонажей «Зверской комедии». Были и Шакалы – группы буйных мужчин и юношей, ходивших по Бочке в красных лакированных масках сулийских предсказателей.

Каз вспомнил, что Инеж была оскорблена, когда впервые увидела такую маску в витрине магазина. Она не смогла удержаться от гримасы презрения.

– Настоящие сулийские предсказатели встречаются довольно редко. Эти люди – святые. А маски, которые продают здесь как дешевые сувениры, – священные символы.

– Я видел, как сулийские гадалщики промышляли в фургонах и плавучих борделях. Мне они не показались такими уж святыми.

– Они – мошенники. Устраивают цирк для тебя и таких типов, как ты.

– Таких типов? – рассмеялся Каз.

Она с отвращением махнула рукой.

– *Шеврати*. Невежды. Они смеются над тобой под этими масками.

– Не надо мной, Инеж. Я никогда никому не платил, чтобы узнать свое будущее – ни мошенникам, ни святым.

– У судьбы на всех есть планы, Каз.

– Так это судьба отобрала тебя у семьи и засунула в кеттердамский бордель? Или же просто невезение?

– Я пока не знаю, – сухо ответила девушка.

В такие моменты ему казалось, что Инеж его ненавидит.

Каз начал протискиваться сквозь толпу, незаметный в этом буйстве красок. У каждого из крупных борделей была своя тема: одни были более очевидны, другие – менее. Он прошел мимо «Синего ириса», «Гибкой кошки», мимо окна «Кузницы», из которого сердито выглядывал бородатый мужчина, «Темной комнаты», «Ивового прута», мимо блондинок с наивными глазами из «Снежного дома» и, конечно же, «Зверинца», также известного как «Дом экзотики», где Инеж заставляли носить поддельные сулийские шелка. Он заметил Танте Хелен в павлиньих перьях и знаменитом бриллиантовом колье, устраивающую прием в позолоченной гостиной. Она управляла «Зверинцем», находила девушек и следила, чтобы они вели себя надлежащим образом. Увидев Каза, она состроила кислую мину и, поджав губы, подняла бокал, словно произносила тост, хотя выглядело это как угроза. Он проигнорировал ее и пошел дальше.

«Дом Белой розы» был одним из самых роскошных заведений в Западном Обруче. У него была своя пристань, а сверкающий фасад из белого мрамора больше подходил для дома купца, нежели для борделя. Вокруг окон вились белые розы, их густой и сладкий аромат висел над этой частью канала.

Воздух в салоне был пропитан запахом парфюма. В огромных алебастровых вазах стояли те же белые розы, что и цвели снаружи; мужчины и женщины – некоторые в масках или вуалях, другие с открытыми лицами, – ждали на диванах цвета слоновой кости, потягивая белое вино и закусывая ванильными пирожными с миндальным ликером.

Парень на входе был одет в бархатный костюм кремового цвета, и в его петлице тоже торчала роза. Белые волосы и бесцветные глаза выдавали в нем альбиноса, но Каз знал, что работающий здесь гриш просто изменил

его так, чтобы парень соответствовал декору дома.

– Господин Бреккер, – произнес он, – Нина сейчас с клиентом.

Каз кивнул и проскользнул в коридор, украшенный горшком с кустом роз, подавив желание прикрыть нос воротником. Онкль Феликс – хозяин «Белой розы», любил говорить, что его девочки пахнут так же сладко, как эти цветы. На самом деле то была насмешка над клиентами. Именно этот сорт белой розы, единственный, что мог выжить во влажном климате Кеттердама, не имел запаха. Все цветы были обрызганы духами.

Каз провел пальцами по панелям за горшком с растением и нажал на зазубрину в стене. Открылся проем, и он взобрался по винтовой лестнице, которой пользовались только те, кто здесь работал.

Комната Нины находилась на третьем этаже. Соседняя с ней была открыта и никем не занята, и Каз скользнул внутрь. Отодвинув картину с натюрмортом на стене, он прижался лицом к отверстию. Смотровые щели были во всех борделях. Для владельцев домов это способ контролировать безопасность и честность своих девушек, а также продавать места тем, кто получал наслаждение от наблюдений за другими. Каз за свою жизнь вдоволь насмотрелся, как обитатели трущоб удовлетворяли свою похоть в темных уголках и подворотнях, поэтому это зрелище его ничем не привлекало. Кроме того, он прекрасно знал, что любой, кто в надежде на увлекательное зрелище решит подсмотреть за происходящим именно в этой комнате, будет глубоко разочарован.

За круглым столом, накрытым белой скатертью, сидел низенький лысый мужчина. Руки он аккуратно сложил у серебряного подноса с нетронутым кофе. За ним стояла Нина Зеник, закутанная в красную шелковую *кефту*, что свидетельствовало о ее принадлежности к гришам-сердцебитам. Одну ладонь она прижимала ко лбу мужчины, а вторую – к затылку. Девушка была высокой и походила на кариатиду на носу корабля, вытесанную щедрой рукой. Они застыли словно замороженные. В комнате не было даже кровати, лишь узкий диванчик, на котором Нина каждую ночь сворачивалась калачиком.

Когда Каз как-то спросил ее об этом, она ответила:

– Я не хочу, чтобы мужчинам приходили в голову дурные мысли.

– Мужчине не нужна кровать для дурных мыслей, Нина.

Она кокетливо улыбнулась.

– Ты-то что об этом знаешь, Каз? Сними свои перчатки, и мы посмотрим, какие мысли придут в наши головы.

Каз сурово посмотрел на нее, и девушка опустила глаза. Его не интересовал флирт с Ниной Зеник, да и сама она не питала к нему интерес.

Нине просто нравилось флиртовать со всеми подряд. Он однажды видел, как она строит глазки паре тувель в витрине магазина.

Нина и лысый человечек долго молчали, но, когда пробили часы, он встал и поцеловал ей руку.

– Ступайте, – сказала она торжественным голосом. – Пребудьте в мире. Лысый еще раз поцеловал ей руку, и его глаза наполнились слезами.

– Спасибо вам.

Как только посетитель исчез в коридоре, Каз вышел из комнаты и постучал в дверь Нины.

Она осторожно открыла ее, не снимая с цепочки.

– А, это ты.

Девушка не слишком рада была его видеть, но и не удивилась. Каз Бреккер на пороге твоей комнаты – не то чтобы хороший знак. Сняв цепочку и позволив ему войти, она сняла красную кефту, под которой обнаружилась рубашка из сатина, такого тонкого, что его едва ли можно было назвать тканью.

– Небеса, как же я ненавижу эту штуку, – сказала она, отбросив кефту в угол и доставая потрепанный халат из ящика.

– А что с ней не так?

– Она неправильно сшита, и у меня от нее все тело чешется.

Кефта была сшита на керчийской фабрике, а не равкианской – это костюм, а не униформа. Каз знал, что Нина никогда не надевала ее на улицу – это слишком рискованно для гришей. Ее членство в «Отбросах» подразумевало, что любой, кто осмелится напасть на нее, станет заклятым врагом всей банды. Но месть не будет иметь особого значения, если к тому времени Нина уже окажется на корабле работоторговца, везущего ее неизвестно куда.

Девушка плюхнулась в кресло у стола, скинула шлепанцы, украшенные сверкающими камнями, и зарылась ногами в мягкий белый ковер.

– О-о-о-о, – довольно протянула она. – Так гораздо лучше. – Нина взяла с подноса пирожное, отправила его в рот и пробубнила: – Что тебе нужно, Каз?

– У тебя крошки на груди.

– Мне все равно, – она откусила еще раз. – Я хочу есть.

Каз покачал головой, смеясь и удивляясь, как быстро Нина вышла из образа мудрой жрицы-гриша. Она могла бы блистать на сцене.

– Это был Ван Акстер, торговец?

– Да.

– Его жена умерла месяц назад, и с тех пор его бизнес пошел на спад. Теперь, когда он навещает тебя, нам ждать перемен к лучшему?

Нина не нуждалась в кровати, так как специализировалась на эмоциях: радости, спокойствии, чувстве уверенности. Большинство корпоративных работников работало с телом, – умерщвляли или исцеляли, – но Нине нужна была работа, которая позволила бы ей остаться в Кеттердаме и не попасть в беду. Вместо того чтобы рисковать жизнью, став наемницей, она замедляла сердцебиение, облегчала дыхание, расслабляла мышцы. У девушки был и другой заработок на стороне – она разглаживала морщины и убирала вторые подбородки богатым керчийцам, и все же ее главным источником дохода оставалась работа с настроением. Люди приходили к ней страдающими от одиночества, подавленными горем, иногда просто тоскующими без видимой причины, а уходили посветлевшими, вдохновленными, освобожденными от тревог и печали. Эффект длился недолго, но иногда хватало даже иллюзии счастья, чтобы ее клиенты смогли почувствовать, что в состоянии прожить еще один день. Нина утверждала, что этот эффект как-то связан с гландами. Казу было плевать на детали, лишь бы она являлась на его зов и вовремя отдавала Перу Хаскелю его проценты.

– Думаю, ты заметишь изменения, – ответила девушка. Она доела последнее пирожное и с аппетитом облизала пальцы. Затем вынесла поднос за дверь и позвонила, вызывая горничную. – Ван Акстер пришел ко мне в конце прошлой недели и с тех пор не пропускал ни дня.

– Замечательно. – Каз отметил про себя, что нужно будет купить акции компании, принадлежащей Ван Акстеру. Даже если у торговца хоть немного улучшится настроение благодаря работе Нины, это хорошо скажется на его делах. Каз чуть помедлил, затем продолжил: – Ты можешь помочь ему почувствовать себя лучше, облегчаешь страдания и все такое... А заставить его сделать что-то ты бы могла? Например, забыть свою жену?

– Изменить тропы его разума? Не будь дураком.

– Мозг – всего лишь орган, – процитировал Каз Ван Эка.

– Да, но невероятно сложный. Контролировать или менять мысли другого человека... ну, это не то же самое, что замедлять пульс или высвобождать химические вещества, чтобы поднять настроение. Слишком много переменных. Ни один гриш не способен на это.

«Пока», – мысленно поправил он.

– Значит, ты лечишь симптомы, а не причину.

– Он пытается *избежать* горя, а не исцелиться от него. Если я – его единственное средство, ему никогда по-настоящему не оправиться после

смерти жены.

– И что потом, ты отошлешь его? Посоветуешь найти новую жену и перестать маячить у твоей двери?

Она провела расческой по своим светло-каштановым волосам и посмотрела на него через зеркало.

– Пер Хаскель, случайно, не подумывает простить мне долг?

– Никак нет.

– Ну, тогда Ван Акстер и дальше будет справляться со своей печалью так, как сам считает нужным. У меня еще один клиент через полчаса. Какое у тебя ко мне дело, Каз?

– Клиент подождет. Что ты знаешь о юрде-пареме?

Нина пожала плечами.

– Ходят разные слухи, но я думаю, все это бред.

Помимо Совета приливов, не так много гришей работали в Кеттердаме, Все они хорошо друг друга знали и с готовностью обменивались информацией. Большинство из них были в бегах и очень не хотели привлекать к себе внимание работорговцев или равкианского правительства.

– Это не просто слухи.

– Летающие шквальные? Проливные, что превращаются в туман?

– Фабрикаторы, которые изготавливают золото из свинца. – Каз сунул руку в карман и бросил ей кусок золота. – Оно настоящее.

– Фабрикаторы работают с материей. Они возятся с металлом и тканью. Но превратить одну вещь в другую им не под силу, – она подняла золото к свету. – Ты мог достать его где угодно, – повторила она те же слова, что говорил Каз Ван Эку пару часов назад.

Не дожидаясь приглашения, парень опустился на плюшевую кушетку и вытянул больную ногу.

– Юрда-парем существует, Нина, и, если ты все тот же маленький стойкий солдат гришей, каким я тебя знаю, ты захочешь услышать, что она делает с людьми вроде тебя.

Она повертела кусок в руках, затем крепче укуталась в халат и свернулась на краю кушетки. Каз снова поразился ее трансформации. В этой комнате она играла роль, создавая образ, в котором нуждались ее клиенты: могущественная девушка-гриш, мудрая и спокойная.

Но сейчас, сидя с нахмуренными бровями и подобранными под себя ногами, она была самой собой – семнадцатилетней девушкой, выросшей в надежных стенах и роскоши Малого дворца, а ныне находящейся вдали от дома и с трудом зарабатывающей себе на жизнь.

– Расскажи мне, – попросила она.

Каз поведал почти все, что знал, скрыв лишь детали сделки с Ван Эком. Зато не утаил ни одной подробности о Бо Юл-Баюре, юрде-пареме, вызывающей привыкание, и упомянул о том, что недавно были выкрадены равкианские военные документы.

– Если все это правда, то Бо Юл-Баюра нужно устранить.

– Это не наша работа, Нина.

– Дело не в деньгах, Каз.

В этом она была не права, дело всегда в деньгах. Но Каз также понимал, что нужен еще один рычаг давления, чтобы убедить Нину. Она любила родную страну и свой народ. Верила в будущее Равки и Второй армии – военной элиты гришей, которая чуть было не распалась во время гражданской войны. Друзья Нины, которые остались в Равке, думали, что она мертва, стала жертвой фьерданских охотников на ведьм, и ей хотелось, чтобы пока все так и оставалось. Но Каз знал, что она надеется когда-нибудь вернуться на родину.

– Нина, мы похитим Бо Юл-Баюра, и для этого мне нужен корпориап. Я хочу, чтобы ты была в моей команде.

– Где бы он ни скрывался, ты наверняка его найдешь, и позволить ему жить будет самой возмутительной безответственностью. Мой ответ – нет.

– Он не прячется. Фьерданцы заперли его в Ледовом Дворе.

Нина выдержала паузу.

– Значит, он уже мертв.

– Торговый совет считает иначе. Они бы не стали идти на такие отчаянные меры и предлагать нам столь крупную награду, если бы он был нейтрализован. Ван Эк по-настоящему обеспокоен. Я это видел.

– Ты о том купце, с которым общался?

– Да. Он утверждает, что у них достоверная информация. Допустим, это не так – что ж, тогда я приму удар на себя. Но если Бо Юл-Баюр жив, *кто-то* должен вытащить его из Ледового Двора. Почему бы не мы?

– Ледовый Двор, – повторила Нина, складывая кусочки пазла вместе. – Тебе потребуется не только корпориап, верно?

– Да. Мне нужен человек, который знает Двор снаружи и изнутри.

Она встала и начала шагать по комнате, уперев руки в бока. Ее халат распахивался от резких движений.

– Ах ты, мелкий *скив*! Сколько раз я приходила к тебе, моля помочь Матиасу? А теперь, когда тебе что-то понадобилось...

– Пер Хаскель – не благотворительный фонд.

– Не переводи стрелки на старика! – рывкнула Нина. – Если бы ты

хотел мне помочь, то сделал бы это.

– И с чего бы мне этого хотеть?

Она быстро повернулась.

– Потому что... потому что...

– Когда я оказывал кому-либо услуги за «спасибо», Нина?

Она открыла рот, но снова его закрыла.

– Знаешь, скольких людей мне пришлось бы просить об одолжении?

Скольких подкупить, чтобы вытащить Матиаса Хельвара из тюрьмы? Цена была слишком высока.

– А теперь? – выдавила девушка, с пылающими от гнева глазами.

– Теперь свобода Хельвара чего-то стоит.

– Она...

Каз поднял руку и перебил ее:

– Чего-то стоит *для меня*.

Нина прижала пальцы к вискам.

– Даже если ты освободишь его, Матиас ни за что не согласится помочь.

– Просто нужно найти рычаг, на который следует надавить.

– Ты его не знаешь.

– Разве? Он, как и любой другой человек, движим алчностью, гордостью и болью. Кто-то, а ты должна это понимать.

– Хельваром движет честь и только честь. Его нельзя подкупить или запугать.

– Может, когда-то так и было, Нина, но прошел целый год, очень долгий год. Матиас сильно изменился.

– Ты его видел? – ее зеленые глаза широко раскрылись в нетерпении.

«Вот оно, – подумал Каз, – Бочка еще не выбила из тебя надежду».

– Видел.

Нина прерывисто вздохнула.

– Он захочет отомстить, Каз.

– Это то, чего он хочет, а не то, что ему нужно, – ответил он. – Рычаг у того, кто знает разницу.

6. Нина

Тяжесть в животе Нины не имела никакого отношения к мерному покачиванию лодки. Девушка делала глубокие вдохи и пыталась сосредоточиться на огнях кеттердамской гавани, исчезающей позади, а

также на ритмичном плеске весел о воду. Каз, сидящий рядом с ней, поправлял маску и плащ, а Маззен неутомимо греб, с бешеной скоростью приближая их лодку к Тереньелу – одному из крошечных островков Керчии. Ближе к Хеллгейту^[3] и Матиасу.

Над водой низко стелились влажные клубы тумана. Они несли запах смолы, машинного масла от верфей «Империи» и еще сладковатый запах горящих тел с Баржи Жнеца, где Кеттердам избавлялся от трупов людей, которые не могли позволить себе быть похороненными на кладбищах за городом. «Отвратительно», – подумала Нина, кутаясь в плащ. Она не понимала, почему вообще кто-то хотел жить в подобном городе.

Маззен радостно мурлыкал, продолжая грести. Нина виделась с ним мельком – он был вышибалой и телохранителем, как злополучный Большой Боллигер. Девушка старалась не посещать Клепку и «Клуб Воронов». Каз окрестил ее за это снобом, но ей было плевать на мнение Бреккера о ее вкусах. Нина оглянулась и посмотрела на широкие плечи Маззена. Интересно, Каз взял его только для того, чтобы он греб, или же Бреккер ждал неприятностей?

«Конечно, будут неприятности, – мы собираемся проникнуть в тюрьму. Так почему же мы одеты, будто идем на вечеринку?»

В полночь она встретилась с Казом и Маззеном в Пятой гавани, и, едва они сели в маленькую лодку, Каз вручил ей голубой шелковый плащ и такого же оттенка вуаль – наряд Потерянной Невесты, в который нравилось наряжаться искателям удовольствий, когда они пускались во все тяжкие в Бочке. Каз надел длинный оранжевый плащ и маску Безумца. На Маззене был такой же костюм. Осталось только найти помост, и тогда они могли бы исполнить одну из коротких мрачных сценок «Зверской Комедии», которую жители Керчии находили очень забавной.

Каз легонько ткнул ее локтем.

– Опusti вуаль.

Он тоже надвинул маску; длинный нос и выпученные глаза в тумане смотрелись еще безобразней.

Только Нина собралась наконец спросить, зачем они так нарядились, как поняла, что они уже не одни. Сквозь зыбкую пелену она увидела другие лодки, скользящие по воде, и люди в них тоже были одеты в костюмы Безумца и Невесты, а также Мистера Кримсона и Королевы Скарабеев. Что они все забыли в Хеллгейте?

Каз отказался делиться с ней подробностями своего плана, а когда Нина попыталась настоять, просто сказал:

– Садись в лодку.

В этом был весь Каз. Он прекрасно знал, что не обязан посвящать ее в свои тайны, поскольку соблазн освобождения Матиаса уже одержал победу над здравым смыслом. Нина целый год пыталась уговорить Бреккера вытащить Хельвара из тюрьмы. Теперь он мог предложить Матиасу нечто большее, чем свободу, но цена этого оказалась намного выше, чем она ожидала.

Когда они подплыли к скалистым берегам Тереньела, она оглянулась. Бухта освещалась лишь парой фонарей; все остальное тонуло во мраке. Слышался шум волн.

– Ты что, не мог просто подкупить надзирателя? – прошептала она Казу.

– Ему не следует знать, что у него есть что-то, чего я хочу.

Едва днище их лодки царапнуло песок, им навстречу бросились двое мужчин и стали затаскивать ее на берег. Другие лодки заплывали в ту же бухту, и мужчины с ворчанием и проклятиями вытягивали посетителей на сушу. Нина не могла как следует рассмотреть их лица сквозь ткань своей вуали, но заметила татуировки на их предплечьях: дикая кошка, свернувшаяся вокруг короны, – символ «Грошовых Львов».

– Деньги, – сказал один из них, когда они вылезли из лодки.

Каз вручил ему пачку крюге, мужчина пересчитал ее и, махнув рукой, пропустил их вперед.

Они последовали вверх за вереницей факелов по неровной тропинке к подветренной стороне тюрьмы. Нина запрокинула голову, чтобы посмотреть на высокие черные башни крепости, известной как Хеллгейт, – они напоминали черные кулаки, поднимающиеся из моря. Раньше ей доводилось видеть их только издали: однажды она заплатила рыбаку, чтобы тот отвез ее на остров. Когда девушка попросила подплыть ближе, он отказался.

– Тут водятся опасные акулы, – заявил он. – Их брюхи переполнены кровью каторжников.

Нина поежилась от этого воспоминания.

Дверь, к которой они подошли, была открыта, и член банды «Грошовой Лвы» завел их внутрь. Они оказались в удивительно чистой и темной кухне; вдоль стен стояли огромные чаны, которые больше подходили для стирки белья, нежели для приготовления пищи. В помещении странно пахло уксусом и шалфеем. «Как на кухне у торговца», – подумала Нина. Для керчийцев физический труд был сродни молитве. Может, сюда приходили жены купцов, чтобы драить полы, стены, окна с помощью мыла, воды и мозолистых рук, чествуя таким образом

Гезена – бога промысла и торговли. Нину чуть не стошнило. Пусть драят, сколько влезет. Под этим приятным запахом крылся несмываемый смрад плесени, мочи и немытых тел. Понадобится настоящее чудо, чтобы избавиться от него.

Они вышли в пропитанный сыростью, неосвященный коридор, и Нина подумала, что сейчас они поднимутся к камерам, но вместо этого их вывели через очередную дверь наружу, и они двинулись дальше по высокой каменной дорожке, похоже, соединяющей главную тюрьму с другой башней.

– Куда это мы? – прошептала она. Каз не ответил. Ветер усилился, задрал ее вуаль и отхлестав девушку по щекам солеными брызгами.

Когда они вошли во вторую башню, в тени обозначился чей-то силуэт, и Нина едва не вскрикнула.

– Инеж, – выдохнула она с облегчением. На сулийке были рога и туника с высоким воротом – костюм Серого Бесенка, но Нина все равно ее сразу узнала. Кто еще мог двигаться так, словно мир – это дым, сквозь который ей ничего не стоит пройти?

– Как ты вообще сюда добралась? – зашептала она.

– Приплыла раньше на барже снабжения.

Нина стиснула зубы.

– Люди что, приезжают в Хеллгейт ради развлечения?

– Да, раз в неделю, – кивнула Инеж, и ее маленькие рога затряслись.

– В смысле, что ты хочешь этим...

– Помолчите, – рыкнул Каз.

– Не затыкай мне рот, Бреккер, – яростно зашипела Нина. – Если в Хеллгейт так легко попасть...

– Проблема не в том, как попасть, а в том, как выбраться. А теперь заткнись и будь начеку.

Нина сдержала злость. Ей придется довериться Казу. Он сделал все возможное, чтобы у нее не осталось иного выбора.

Они двинулись по узкому проходу. Эта башня отличалась от предыдущей: очень древняя, с неотесанными каменными стенами, почерневшими от факелов. Их провожатый открыл тяжелую стальную дверь и жестом позвал следовать за ним вниз по крутой лестнице. Запах немытых тел и испражнений усилился, застоявшиеся испарения соленой воды не давали ему рассеяться.

Они спускались вглубь скалы. Нина цеплялась за стену. Перил не было, и, хоть она не видела нижней площадки, что-то ей подсказывало, что приземление не будет мягким. Путь был недолгим, но к тому времени, как

они дошли, ее тело дрожало от напряжения. Не столько от усталости, сколько от мысли, что Матиас где-то рядом, в этом ужасном месте.

«Он здесь. Под этой крышей!»

– Где мы? – прошептала она, когда они нырнули в тесный каменный туннель и прошли мимо темных пещер, оборудованных железными решетками.

– В старой тюрьме, – ответил Каз. – Они построили новую башню, но эту оставили нетронутой.

Из одной камеры донесся стон.

– Тут по-прежнему держат заключенных?

– Только худших из них.

Девушка всмотрелась в темноту между прутьями пустой камеры. На стене висели кандалы с пятнами ржавчины и чего-то похожего на кровь.

Через стены послышался ритмичный стук. Сначала Нина приняла его за шум океана, но затем сообразила, что это хор голосов. Они вышли в еще один туннель. Справа опять потянулись старые камеры, но теперь сюда проникал свет, льющийся из арок, расположенных с левой стороны. Заглянув в одну из них, Нина увидела ревущую беснующуюся толпу.

Грошовый Лев подошел к третьей арке, к которой был приставлен тюремный охранник в сине-серой форме. За его спиной висело ружье.

– Еще четверо, – перекрикивая толпу, сказал их провожатый. Затем повернулся к Казу: – Если захотите уйти, охранник вызовет проводника. Одним ходить запрещено, вам ясно?

– Конечно-конечно, мы даже и не думали о таком, – произнес Каз из-под своей дурацкой маски.

– Хорошего вечера, – ответил мужчина с гадкой ухмылкой. Охранник махнул им рукой, впуская в арку.

Войдя под своды арки, Нина почувствовала себя так, будто попала в какой-то кошмарный сон. Они стояли на каменном выступе перед топорно сделанным амфитеатром. Внутри башня была выпотрошена, чтобы получилась арена. От старой тюрьмы остались лишь почерневшие стены. Крыша давно провалилась, или была разрушена, поэтому над ними простиралось ночное беззвездное небо, затянутое облаками. Казалось, что они угодили в ствол пустого массивного дерева, давно умершего и воющего отголосками прошлого.

Террасы вокруг были заполнены людьми в масках и вуалях, они топали ногами и смотрели вниз. На стенах, окружавших яму, где происходил бой, полыхали факелы, а песок, покрывающий арену, был красным и влажным там, где пролилась кровь.

В зияющей дыре пещеры рядом с большим деревянным колесом, разрисованным фигурками животных, стоял тощий бородатый мужчина в кандалах. Когда-то он был силачом, но теперь его кожа обвисла, а мышцы ослабли. По другую сторону от него Нина увидела юношу в облезлой накидке из львиной шкуры и уборе, изображающем звериную морду. Между ушами к львиной голове прикрепили ослепительно яркую золотую корону, вместо глаз вставили серебряные монеты.

– Крути колесо! – скомандовал юноша.

Заключенный поднял руки в кандалах и сильно крутанул колесо. Внутри него завертелась красная стрелка, задевая края и издавая при этом веселый бряцающий звук. Колесо плавно остановилось. Нина не могла разобрать нарисованный символ, на который указывала стрелка, но толпа взревела. Плечи мужчины поникли, когда стражник начал снимать с него кандалы.

Узник отбросил их в сторону на песок, и через секунду Нина услышала дикий рев, перекрывающий даже возбужденные вопли зрителей. Мужчина в львином плаще и стражник спешно запрыгнули на веревочную лестницу, и их подняли из ямы на безопасный выступ. Заключенный подошел к забрызганной кровью куче оружия, лежащей на песке, и выбрал хлипкий на вид нож. Затем отступил на максимальное расстояние от выхода из туннеля.

Из него выползло чудовище, которое Нина прежде никогда не встречала. Это был какой-то вид рептилии: крупное туловище покрыто серо-зеленой чешуей, голова – плоская и широкая, глаза-щёлочки – желтого цвета. Рептилия двигалась медленно, волнообразно, лениво скользя по песку. Кожа вокруг ее широкой пасти была покрыта какой-то белой коркой, и, когда она снова взревела, что-то влажное, белое и вспенивающееся закапало с ее острых клыков.

– Что это за тварь? – спросила Нина.

– *Ринка мотен*, – ответила Инеж. – Пустынная ящерица. Ее яд – смертелен.

– Она кажется довольно медлительной.

– Да. Но только кажется.

Заключенный кинулся на ящерицу с поднятым ножом. Та увильнула так быстро, что Нина едва успела проследить за ней взглядом: вот узник бежит прямо на нее, а в следующее мгновение рептилия уже находится в другой части арены. Еще секунда, и она подмяла под себя человека, прижимая его к земле. Он закричал, когда ему на лицо закапал яд, оставляя после себя дымящийся след на коже.

Тварь навалилась на узника всей тяжестью своей туши, и раздался тошнотворный хруст. Затем она принялась терзать его плечи, и человек закричал еще громче.

Толпа начала свистеть.

Нина отвернулась, не в силах больше смотреть на этот ужас.

– Что здесь происходит?

– Добро пожаловать на Хеллшоу, – ответил Каз. – Идея устроить такое зрелище пришла в голову Пекке Роллинсу пару лет назад, и он поделился ею с нужным членом совета.

– Торговый совет в курсе?!

– Конечно, Нина. На этом можно заработать много денег.

Нина сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. От снисходительного тона Каза ей захотелось ему врезать.

Она хорошо знала имя Пекки Роллинса. Он был правящим королем Бочки, хозяином целых двух игорных домов – одного роскошного и другого, более доступного, для моряков, – а также нескольких дорогих борделей. Когда Нина прибыла в Кеттердам год назад, у нее не было ни друзей, ни денег, никого, кто мог бы ее приютить. Первую неделю ей пришлось провести в керчийских судах, где ее допрашивали в связи с обвинениями против Матиаса. Но как только дознание закончилось, ее тут же бесцеремонно бросили в Первой гавани с небольшой суммой денег, которой едва хватало, чтобы купить билет в Равку. Как бы отчаянно ей ни хотелось вернуться на родину, Нина знала, что не может бросить Матиаса гнить в Хеллгейте.

Нина понятия не имела, что ей делать дальше, но слухи о новом грише, девушке-корпоралике, уже разнеслись по Кеттердаму. Люди Роллинса ждали ее в гавани с обещаниями обеспечить кровом и охраной. Затем они отвезли ее в «Изумрудный дворец», где Пекка лично уговаривал Нину присоединиться к Грошовым Львам и начать работать в «Сладком ателье». Она почти согласилась – уж больно нуждалась в деньгах и боялась работоторговцев, патрулирующих улицы. Но в ту же ночь к ней в окно на верхнем этаже «Дворца» пробралась Инеж и передала предложение Каза Бреккера.

Нина так и не поняла, как Инеж удалось взобраться на шестой этаж посреди ночи, по скользкому от дождя камню, но условия Отбросов подходили куда больше, чем те, которыми заманивали ее Пекка и Грошовые Львы. Если она будет тратить деньги с умом, то сможет расплатиться с Пером Хаскелем через год или два! И, конечно, Каз не ошибся с выбором человека, который должен был убедить Нину, отправив к ней сулийскую

девушку, ее ровесницу, тоже выросшую в Равке и проведшую скверный год, работая в «Зверинце».

– Что ты можешь рассказать мне о Пере Хаскеле? – спросила у нее тогда Нина.

– Немного, – признала Инеж. – Он не хуже и не лучше остальных боссов Бочки.

– А Каз Бреккер?

– Бессовестный лжец и вор. Но он сдержит слово и выполнит свою часть сделки, если вы ее заключите.

В ее голосе звучало убеждение.

– Он освободил тебя из «Зверинца»?

– Свободы в Бочке не существует, только хорошие условия. Девочки Танте Хелен никогда не зарабатывают на своих контрактах. Уж она об этом позаботилась. Она... – Инеж замолкла, и Нина почувствовала, как девушка задрожала от гнева. – Каз убедил Пера Хаскеля выкупить меня. Если бы этого не произошло, я бы умерла в «Зверинце».

– Ты можешь умереть и с Отбросами.

Глаза сулейки заблестели.

– Могу. Но я умру стоя и с ножом в руке.

Следующим утром Инеж помогла Нине сбежать из «Изумрудного дворца». Они встретились с Казом Бреккером, и, несмотря на его холодность и странные кожаные перчатки, Нина согласилась присоединиться к Отбросам и работать в «Белой розе». Меньше чем через два дня в «Сладком ателье» умерла девушка, задушенная у себя в кровати клиентом, одетым Мистером Кримсоном. Его так и не нашли.

Нина доверилась Инеж и не пожалела, хотя сейчас, в этот самый момент, ее раздражали они все. Она наблюдала, как несколько Грошовых Львов кололи ящерицу пиками. Судя по всему, монстр насытился своей трапезой и позволил загнать себя обратно в туннель. Его крупное тело извивалось из стороны в сторону ленивой волной.

Толпа продолжала свистеть. Когда на арену вышли стражники и убрали останки несчастного, от его плоти все еще исходил дым.

– Почему они жалуются? – сердито поинтересовалась Нина. – Разве они не за этим сюда пришли?

– Им хотелось настоящей драки, – ответил Каз. – Заключение слишком быстро сдался.

– Это отвратительно.

Парень пожал плечами.

– Отвратительно то, что я не додумался до этого первым.

- Они не рабы, Каз, а заключенные!
- Убийцы и насильники.
- А также воры и мошенники. Как *твои* люди.

– Нина, милая, никто не заставляет их драться. Они сами выстраиваются в очередь. Для них это шанс. Если они выиграют, то получают хорошую еду, отдельную камеру, выпивку, юрду и свидания с девушками из Западного Обруча.

Маззен хрустнул костяшками.

- Похоже, им тут живется лучше, чем нам в Клепке.

Нина посмотрела на кричащую толпу, на зазывал, мельтешащих в проходах и принимающих ставки. Может, заключенные Хеллгейта и сами просились в бой, но деньги за это получал Пекка Роллинс.

- Хельвар... Хельвар же не участвует в боях, правда?
- Хочешь поддержать друга? Мы сюда не за этим пришли.

Он точно заслуживал хорошей оплеухи.

– Ты в курсе, что я могу заставить тебя обмочиться, слегка пошевелив пальцем?

– Полегче, сердебитка. Мне нравятся эти брюки. А если ты начнешь возиться с моими органами, Матиас никогда больше не увидит солнца.

Нина выдохнула и отвернулась.

– Нина... – пробормотала Инеж.

– Даже не начинай.

– Все получится. Позволь Казу делать то, что он делает лучше всего.

– Он ужасно себя ведет.

– Зато эффективно. Злиться на Каза за безжалостность – все равно что злиться на плиту за то, что она горячая. Ты же его знаешь.

Девушка скрестила руки на груди.

– На тебя я тоже злюсь.

– На меня? За что?

– Не знаю. Я еще не придумала.

Инеж быстро сжала ей руку, и через секунду Нина, смягчившись, сжала ее в ответ. Началась следующая битва, потом еще одна, а Нина сидела, ничего не видя, погруженная в свои мысли. Убеждала себя, что готова вновь увидеться с *ним*, даже в этом жутком месте. В конце концов, она гриш, солдат Второй армии. Ей доводилось видеть вещи и похуже.

Однако когда из пещеры вышел Матиас, она поняла, что ошибалась. Нина мгновенно его узнала. Каждую ночь, весь прошлый год, она засыпала, вспоминая его лицо. Эти золотистые брови и острые скулы ни с какими другими не перепутаешь. Но Каз не соврал – Матиас сильно

изменился. Парень, который с яростью смотрел на толпу, был ей незнаком.

Нина вспомнила, как они впервые встретились в залитом лунным светом каэльском лесу. Его красоту она расценила как несправедливость по отношению к ней. В другой жизни, наверное, он пришел бы для того, чтобы ее спасти – рыцарь в сверкающих доспехах с золотистыми волосами и светло-голубыми глазами цвета северных ледников. Но Нина сразу же догадалась, кто он на самом деле. Достаточно было услышать, что он говорит, и увидеть отвращение на его лице, появлявшееся всякий раз, когда парень смотрел на нее. Матиас Хельвар был *дрюскелем* – одним из фьерданских ведьмоловов, которым было поручено отлавливать гришей для суда и казни. Хотя ей он всегда напоминал воина Святого войска, от которого исходило золотое свечение.

Теперь он больше походил на того, кем являлся на самом деле – на убийцу. Его голый торс выглядел так, будто был высечен из стали, и, хотя она знала, что это невозможно, он казался крупнее, словно изменилось само строение его тела. Раньше кожа Матиаса была цвета позолоченного меда, теперь – грязной и бледной, как рыбье брюхо. Его волосы... у него были такие прекрасные волосы: густые, золотистые и длинные, как принято у фьерданских солдат. Теперь же, как и все заключенные, он был обрит наголо – наверное, чтобы вши не заводились. Кто бы это ни делал, со своей задачей он справился ужасно. Порезы и шрамы на голове Матиаса Нина заметила даже издали, как и светлый пушок в местах, где не прошли бритвой. Тем не менее он все еще выглядел красавцем.

Парень окинул зрителей убийственным взглядом и с силой крутанул колесо, едва не сорвав его с места.

Тик, тик, тик, тик. Змеи, тигры, медведь, кабан. Колесо начало замедляться и наконец остановилось.

– Нет, – ахнула Нина, увидев, куда показывала стрелка.

– Могло быть и хуже, – вставил Маззен. – Например, снова пустынная ящерица.

Она схватила Каза за руку и почувствовала, как напряглись его мышцы.

– Ты должен это остановить!

– Отпусти меня, – произнес он напоминавшим скрежет тихим голосом, но Нина слышала в нем реальную угрозу и убрала руку.

– Пожалуйста, ты не понимаешь! Он...

– Если он выживет, я вытащу Матиаса Хельвара из этой дыры, но сейчас он сам должен за себя постоять.

Нина расстроено покачала головой.

– Ты не понимаешь.

Охранник снял с заключенного кандалы, и, как только цепи рухнули на землю, они вместе с юношей в львиной шкуре быстро кинулись к лестнице, в безопасное место. Толпа взревела и затопала ногами. Но Матиас стоял молча и неподвижно, даже когда открылись ворота, даже когда из туннеля выбежали три волка – рычащие, клещающие челюстями и бегущие наперегонки, чтобы добраться до него первыми.

В последнюю секунду Матиас припал к земле, сбивая первого волка в грязь. Затем перекатился вправо и подобрал окровавленный нож, брошенный в песок предыдущим бойцом. Парень резво поднялся на ноги, выставив клинок перед собой, но Нина чувствовала его нежелание пускать оружие в ход. Склонив голову набок, Матиас смотрел на двух кружащих вокруг него волков своими голубыми глазами, в которых читалась мольба: он словно пытался вовлечь их в какие-то молчаливые переговоры. О чем бы ни была его просьба, она осталась не услышанной. Волк справа прыгнул. Матиас присел и развернулся, вонзая нож в его брюхо. Тот издал жалобный визг, и парня передернуло от этого звука. Это стоило ему бесценных секунд. Третий волк повалил его на землю и впился зубами в плечо. Матиас перекатился, потащив волка за собой. Тот клался челюстями, но парень вовремя схватил их. Он раскрыл волку пасть – вены на его руках вздулись, лицо исказила свирепая гримаса. Нина зажмурилась. Раздался тошнотворный *треск*. Толпа взревела.

Матиас склонился над волком. Челюсти животного были сломаны, и зверь дергался в агонии на земле. Парень взял камень и ударил волка по голове. Когда тот замер, плечи Матиаса поникли. Толпа радостно улюлюкала, топая ногами. Только Нина знала, чего это ему стоило, ведь он дрюскель! Для них волки – священные существа. Дрюскели их разводили для сражений, как и огромных коней. Волки были их друзьями и компаньонами и боролись бок о бок со своими хозяевами.

Первый волк уже пришел в себя и начал подкрадываться. «Осторожней, Матиас!» – подумала Нина в отчаянии. Он поднялся на ноги, но двигался слишком медленно и устало. Его мысли занимала не битва. Противниками Матиаса были серые волки, сильные и дикие – они являлись родичами северных фьерданских белых волков. Нож он потерял, оставшись с одним лишь окровавленным камнем в руке, а последний уцелевший волк вышагивал по арене прямо перед кучей оружия. Зверь опустил голову и оскалился.

Матиас прыгнул влево. Волк набросился на него, впиваясь зубами ему в бок. Хельвар издал сдавленный звук и тяжело повалился на землю. На

секунду Нине показалось, что он сдастся и позволит зверю лишиться его жизни. Однако он начал рыскать рукой по песку, пытаясь что-то найти. Его пальцы нащупали кандалы, которые прежде сковывали ему запястья.

Матиас схватил их, закинул цепь на шею волка и сдавил ее. От напряжения вены на его шее вздулись. Заляпанное кровью лицо было прижато к шерсти волка, глаза – крепко закрыты, губы шевелились. Что он произносил? Повторял дрюскельскую молитву? Прощался?

Задние лапы волка судорожно дергались. Его глаза закатились, так что остались видны только белки, ярко выделявшиеся на фоне вздыбившейся шерсти. Из груди донесся тонкий визг. А затем все кончилось. Зверь не шевелился. Оба бойца продолжали лежать на песке. Матиас не открывал глаз, зарывшись лицом в шерсть.

Толпа одобрительно гудела. Лестница с ведущим бой юношей опустилась, и тот поднял Матиаса на ноги, победно задрал его руку вверх, а затем легонько пихнул его, и Хельвар наконец поднял голову. У Нины перехватило дыхание.

По грязному лицу Матиаса текли слезы, оставляя влажные дорожки. Вся ярость куда-то ушла, словно пламя, которое задули. Его глаза были холоднее северного моря, не выражали никаких эмоций, и во взгляде не осталось ничего человеческого. Вот что сделал с ним Хеллгейт. И это ее вина.

Стражники снова схватили Матиаса, сняли цепь с шеи волка и надели кандалы ему на руки. Когда его поволокли прочь с арены, толпа начала возмущенно скандировать:

– Еще! Еще!

– Куда его повели? – спросила Нина дрожащим голосом.

– В камеру, чтобы отоспался после битвы, – ответил Каз.

– А кто займется его ранами?

– У них есть медики. Нам нужно дождаться, пока он останется один.

«Я могла бы его исцелить, – подумала она. Но тут в ее голове раздался мрачный голос, полный издевки: – Даже ты не можешь быть настолько глупа, Нина. Ни один гриш уже не исцелит этого парня. Ты об этом позаботилась».

Шли минуты, Нина места себе не находила от нетерпения. Другие смотрели очередную битву: Маззен – жадно, сжимая кулаки и пытаясь предугадать исход, Инеж – молча, окаменев, будто статуя. Каз был, как всегда, непроницаем и наверняка вынашивал свои коварные планы, прячась за этой отвратительной маской. Нина постаралась выровнять дыхание, замедлить пульс и взять себя в руки, но ничего не смогла поделать с

разбушевавшимися мыслями в своей голове.

Наконец Каз легонько толкнул ее.

– Нина, готова? Сперва охранник.

Она покосилась на тюремного стражника, стоящего у арки.

– Как сильно? – этот оборот речи, используемый в Бочке, подразумевал: «Как сильно ты хочешь ему навредить?»

– Закрывать глаза. – «Ничего серьезного, просто выруби его».

Они последовали за Казом к арке, через которую пришли. Люди вокруг ничего не замечали, поглощенные зрелищем внизу.

– Нуждаетесь в эскорте? – спросил охранник, когда они приблизились к нему.

– У меня вопрос, – отозвался Каз. Нина подняла руки под плащом, чувствуя поток крови в венах охранника, ткань его легких. – Хочу выяснить, правда ли то, что болтают о твоей мамаше.

Нина ощутила, как подскочил пульс стражника, и вздохнула.

– Обязательно все усложнять, Каз?

Охранник шагнул вперед и поднял пистолет.

– Что ты сказал?! Я... – его веки опустились. – Ты не... – Нина замедлила его пульс, и он начал падать.

Маззен подхватил стражника прежде, чем тот рухнул на пол, а Инеж накинула на него плащ, который снял с себя Каз. Нина не сильно удивилась, увидев, что под плащом Бреккер был одет в форму охранника.

– Ты не мог просто спросить у него время или что-нибудь такое? – поинтересовалась девушка. – И где ты достал форму?

Инеж надела на стражника маску Безумца, и Маззен закинул себе на плечо его руку, будто вел очень пьяного друга домой. Они бросили охранника на одной из лавочек у задней стены.

Каз поправил манжеты.

– Нина, люди любят оказываться во власти мужчин в красивой одежде. У меня есть формы дозорных, часовых из гавани и ливреи стражников всех домов Гельдштрата. Пойдем.

Все четверо выскользнули в коридор.

Они не повернули в ту сторону, откуда пришли: вместо этого Каз повел их против часовой стрелки вокруг старой башни. Стены арены вибрировали от гула толпы и топота ног. Стражники, стоящие у каждой арки, почти не обращали на них внимания, но некоторые из охранников кивали Казу в знак приветствия. Тот шел очень быстро и прятал лицо за воротником.

Нина так глубоко погрузилась в собственные мысли, что чуть не

упустила жест Каза, велевшего им остановиться и спрятаться в тени между двумя арками. Из ближайшей камеры вышел медик в сопровождении двух охранников, один из которых нес фонарь.

– Он будет спать всю ночь, – сказал врач. – Обязательно заставьте его выпить утром воды и проверьте зрачки. Мне пришлось дать ему сильное снотворное.

Когда троица удалилась в противоположном направлении, Каз разрешил им выйти. Дверь в скале была сделана из твердой стали. Посредине – узкая щель, через которую заключенным передавали еду. Каз наклонился к замку.

Нина рассматривала дверь.

– Что за дикое место!

– Большинство хороших бойцов держат в старой башне, – пояснил Каз. – Подальше от остальных.

Нина посмотрела влево и вправо, откуда лился свет с проходов на арену. Там стояли стражники. Они явно были чем-то увлечены, но стоит им повернуть голову, и Отбросов застукают. Интересно, если их поймают охранники, их отдадут под суд или просто вытолкают на ринг, на съедение тигру? *«Или кому-нибудь менее величественному, – подумала она, ощутив холодок в груди. – Например, стае разъяренных полевок».*

У Каза ушло всего несколько секунд на то, чтобы взломать замок. Дверь со скрипом отворилась, и они проскользнули внутрь.

В камере царила крошечная тьма. Через мгновение рядом с Ниной замерцал тусклый зеленый свет, исходящий от лампы. Инеж подняла маленькую стеклянную сферу над головой. Содержимое сферы составляла масса из высушенных и перемолотых тел светящихся глубоководных рыб. Такие самодельные лампы были популярны среди жуликов Бочки, которые не хотели быть пойманными в темном переулке, но и не желали таскаться повсюду с фонарями.

«По крайней мере, тут чисто, – подумала Нина, когда ее глаза привыкли к темноте. – Пусто и холодно, но не грязно». У стены она увидела тюфяк, покрытый попонами, и два ведра; на краю одного висела окровавленная тряпка.

Вот ради чего выходили на арену мужчины в Хеллгейте: отдельная камера, одеяло, чистая вода и ведро для испражнений.

Матиас спал, лежа спиной к стене. Даже в слабом свете лампы было видно, что его лицо опухло. На раны ему нанесли какое-то масло... календула. Нина узнала запах.

Девушка пошла было к нему, но Каз схватил ее за руку.

- Пусть Инеж осмолрит его.
- Я могу... – начала Нина.
- Мне нужно, чтобы ты поработала над Маззеном.

Инеж бросила Казу трость с вороном, которую прятала под своим костюмом Бесенка, и склонилась над телом Хельвара. Маззен шагнул вперед, снял плащ, нижнюю рубашку и маску Безумца. Его голова была побрита наголо, и на нем были тюремные штаны.

Нина перевела взгляд с Матиаса на Маззена, наконец разгадав план Каза. Оба парня были одинакового роста и телосложения, но на этом сходство заканчивалось.

- Ты же не хочешь сказать, что Маззен займет место Матиаса?
- Ну, он определенно тут не для светской беседы, – ответил Каз. – Тебе нужно воспроизвести все раны Хельвара. Инеж, что там?
- Ушибленные костяшки пальцев, сколотый зуб, два сломанных ребра. Третье и четвертое с левого бока.
- Его левого бока или твоего?
- С его.

– Это не сработает, – огорченно прошептала Нина. – Мне по силам воспроизвести травмы Хельвара, но я не настолько талантливая, чтобы сделать черты лица Маззена похожими на его.

- Просто доверься мне.
- Каз, я бы не доверила тебе и шнурки на своей обуви завязать. Ты бы обязательно их украл, – она всмотрелась в лицо Маззена. – Даже если я сделаю так, чтобы оно опухло, этого будет недостаточно.

– Сегодня Матиас Хельвар – или, если точнее, наш дорогой Маззен – подхватит огненную оспу, волчий штамм, который разносят волки и собаки. Завтра утром, когда стража обнаружит его покрытым пустулами до неузнаваемости, его отправят на месяц в карантин, чтобы посмотреть, переживет ли он болезнь, и переждать, когда пройдет зараза. Тем временем Матиас будет с нами. Теперь понятно?

- Ты хочешь, чтобы я придала Маззену такой вид, будто у него – огненная оспа?

– Да, и сделай это побыстрее, потому что через десять минут тут начнется суматоха.

Девушка уставилась на Каза. Что он задумал?

- Независимо от того, что я сделаю с ним, это не продержится целый месяц. Я не могу наделить его постоянной горячкой.

– Мои люди в лазарете сделают так, что его болезнь не пройдет раньше времени. Нам просто нужно, чтобы ему поставили диагноз. Давай,

за работу!

Нина осмотрела Маззена с ног до головы и предупредила:

– Больно будет так, словно ты сам дрался с волками.

Он скривился, собираясь с духом.

– Ничего, я выдержу.

Нина устремила взор вверх, затем подняла руки и сосредоточилась на работе. Резко ударив свою правую руку левой, она сломала Маззену ребра.

Тот закричал и согнулся пополам.

– Хороший мальчик, – похвалил Каз. – Держись молодцом. Теперь костяшки пальцев и лицо.

Нина нанесла синяки и порезы на костяшки пальцев и руки Маззена, следуя описаниям Инеж.

– Я никогда не видела вблизи людей с огненной оспой, – сказала девушка. Зараза была ей знакома только по иллюстрациям из учебника по анатомии, которым они пользовались на уроках в Малом дворце.

– Считаю, что тебе повезло, – сухо произнес Каз. – Потерпись.

Нина работала по памяти, делая кожу на лице и груди Маззена опухшей и потрескавшейся, а также выращивая набухшие волдыри и жуткие пустулы, чтобы он действительно преобразился до неузнаваемости. Парень застонал.

– Почему ты на это согласился? – пробормотала она.

Опухшее лицо Маззена исказилось, и Нине показалось, что он пытается улыбнуться.

– Хорошие деньги.

Она вздохнула. Ну да, разве в Бочке кто-то что-то делал по другой причине?

– Настолько хорошие, чтобы добровольно сесть в Хеллгейт?

Каз постучал тростью по полу.

– Хватит докапываться, Нина. Если Хельвар согласится с нами сотрудничать, они оба обретут свободу, как только мы закончим работу.

– А если нет?

– Тогда Хельвар вернется в камеру, а Маззен в любом случае получит деньги. И я обещал ему завтрак в «Купероме».

– Можно я закажу вафли? – пробубнил он.

– Мы все закажем вафли. И виски. Уж поверь, если наша миссия провалится, никто не захочет говорить со мной трезвым. Нина, ты закончила?

Она кивнула, и Инеж заняла ее место, чтобы наложить на Маззена повязки, как у Матиаса.

– Ладно, – кивнул Каз. – Буди Хельвара.

Нина присела рядом с Матиасом, пока Каз светил ей лампой. Даже во сне лицо парня было тревожным и хмурым. Она провела рукой по его побитой челюсти, борясь с желанием задержать ее там.

– Не трогай его лицо, Нина. Мне надо, чтобы он мог передвигаться, а не выглядел красавчиком. Быстро исцели его до нужного состояния, но не более. Не хватало еще, чтобы он нашел силы с нами бороться.

Нина убрала одеяло и принялась за работу. *«Всего лишь очередное тело»*, – убеждала она себя. Каз довольно часто вызывал ее среди ночи, чтобы исцелить раненых членов «Отбросов», которых нельзя было вести к медику, – девушек с ножевыми ранениями, парней со сломанными ногами или застрявшими в теле пулями, жертв потасовок с дозорными или другой бандой. *«Представь, что это Маззен. Или Большой Боллигер, или еще какой-нибудь дурак. Ты не знаешь этого парня»*. И в этом была доля правды. Парень, которого она знала, сейчас – только оболочка, внутри которой находится кто-то другой.

Она ласково коснулась его плеча и позвала:

– Хельвар... – он не шевельнулся. – Матиас.

В горле появился ком, а глаза защипало от желания расплакаться. Нина нежно поцеловала его в висок, хотя знала, что Каз и другие смотрят и что она выставляет себя идиоткой перед ними. Но, после столь долгой разлуки, Матиас снова был здесь, рядом с ней. Вот только изувеченный.

– Матиас, – повторила она.

– Нина? – его голос был хриловатым, но таким же чудесным, каким она его помнила.

– О, святые, Матиас, – прошептала она. – Прошу, проснись.

Он поднял веки и посмотрел на нее своими светло-голубыми глазами.

– Нина, – тихо произнес он. Затем погладил костяшками пальцев ее щеку и ласково обхватил грубыми ладонями лицо. Казалось, он не верил собственным глазам. – Нина?

По ее щекам покатались слезы.

– Тише, Матиас. Мы пришли спасти тебя.

Но не успела она моргнуть, как парень схватил ее за плечи и прижал к полу.

– Нина, – прорычал он.

И затем его руки сомкнулись на ее шее.

Часть вторая. Слуга и рычаг

7. Матиас

Матиасу вновь снился сон. Снилось она.

Во всех своих снах он преследовал ее: иногда по зеленым весенним лугам, но чаще по ледяным полям, ловко петляя между валунами и трещинами. Он всегда догонял и всегда ловил девушку.

В приятных снах он толкал ее на землю и душил, наблюдая, как в ненавистных глазах меркнет жизнь. Наконец-то, наконец-то! В кошмарах же они целовались. В этих снах она не боролась с ним, а смеялась, будто его преследования были всего лишь игрой, будто знала, что он ее поймает, будто хотела этого и больше всего на свете мечтала оказаться прижатой его телом. В объятиях Матиаса она была идеальна и желанна. Он целовал ее и утыкался лицом в нежный изгиб шеи. Кудри девушки ласкали его щеки и, казалось, если он сможет задержать ее подольше, все раны затянутся, все обиды забудутся, и все плохое улетучится.

– Матиас, – шептала она его имя бархатными губами. Эти сны были худшими из всех, и когда он просыпался, то ненавидел себя почти так же сильно, как ее. За то, что он мог предать себя, предать свою страну, хоть и во сне... Даже после всего, что она сделала, какая-то ущербная часть его все еще ее жаждала... это уже слишком.

Сегодняшний сон был ужасен. Девушка носила синие шелка – такой роскошной одежды ему еще не доводилось на ней видеть. На голове – прозрачная вуаль, и свет от лампы мерцал вокруг нее, как капли дождя. *Джель*, как же восхитительно она пахла! Влажным мхом и ароматом духов. Нина любила роскошь, и у нее были дорогие духи – розы и что-то еще, что его нищенский нюх не мог распознать. Девушка прижалась губами к его виску, и он готов был поклясться, что она плакала.

– Матиас.

– Нина, – выдавил он.

– О, ради всех святых, Матиас, – зашептала она. – Пожалуйста, очнись!

Он проснулся и сразу же понял, что сошел с ума, потому что она находилась здесь, в его камере, стояла на коленях подле него и ласково гладила по груди.

– Матиас, пожалуйста...

Ее голос был полон мольбы. Он столько раз мечтал об этом. Иногда она молила о пощаде, иногда о других вещах.

Матиас протянул руку и коснулся ее лица. Такая мягкая кожа. Однажды он насмеялся над ней из-за этого – у солдат не бывает такой кожи, ухоженной, изнеженной. Еще он смеялся над пышными формами ее тела, стыдясь своей реакции на него.

Парень опустил ладонь на ее щеку, ощутив мягкое касание ее волос. Такая милая. Такая настоящая. Это несправедливо.

И тут он заметил кровавые повязки на своих руках. С пробуждением пришла боль – сломанные ребра, ноющие костяшки пальцев. У него откололся кусочек зуба, и в какой-то момент он порезал об него язык. Во рту все еще ощущался медный привкус крови. *Волки*. Его заставили убить волков.

Он полностью очнулся.

– Нина?

В ее прекрасных зеленых глазах блестели слезы. Его охватила ярость. У нее нет права на слезы, на жалость!

– Тише, Матиас. Мы пришли за тобой.

Что это за игра? Что за новая пытка? Только он научился выживать в этом чудовищном месте, как пришла она, чтобы добавить ему мучений.

Парень бросился вперед, скидывая Нину на пол, и сомкнул руки вокруг ее горла. Затем сел на нее, придавив коленями ее руки. Ему было прекрасно известно, какая смертельная опасность таится в ее руках.

– Нина, – проскрежетал он. Та вцепилась в него ногтями. – Ведьма, – прошипел Матиас, наклоняясь вперед. Ее глаза расширились, лицо покраснело. – Моли меня. Моли о пощаде!

Он услышал щелчок, и чей-то замогильный голос сказал:

– Убери от нее руки, Хельвар.

Кто-то сзади прижал пистолет к его шее. Матиас не удостоил его даже взглядом.

– Давай стреляй.

Он лишь сильнее впился пальцами в шею Нины. Никто и ничто не лишит его этого удовольствия.

Предательница, ведьма, дрянь. Все эти слова приходили ему в голову наравне с другими: *красавица, само очарование. Рёд фетла* – маленькая красная птичка, как он называл ее за цвет ордена гришей. Ее любимый цвет. Он крепче сжал руки, пытаясь заглушить безвольный голос внутри себя.

– Если ты действительно потерял рассудок, все окажется гораздо сложнее, чем я предполагал, – вновь раздался скрипучий голос.

Матиас услышал звук, словно что-то рассекло воздух, а затем его плечо взорвалось мучительной болью. Казалось, его ударил крошечный кулачок, но вся левая рука онемела. Парень с кряхтением начал падать вперед, все еще сжимая горло Нины. Он бы рухнул прямо на нее, если бы неизвестная рука не дернула его за ворот рубашки.

Перед ним стоял незнакомец в форме охранника. Его темные глаза блестели, в одной руке был пистолет, в другой – трость с набалдашником в виде головы ворона с опасно загибающимся клювом.

– Соберись, Хельвар. Мы пришли тебя освободить. Я могу поступить с твоей ногой так же, как поступил с рукой, и тогда нам придется тебя тащить. Или же ты выйдешь отсюда на своих двоих, как мужчина.

– Из Хеллгейта невозможно выбраться, – сказал Матиас.

– Сегодня ночью возможно.

Матиас подался вперед, пытаясь сориентироваться, и прижал к себе онемевшую руку.

– Вы не можете просто взять и вывести меня. Стражники заметят, – прорычал он. – Я не собираюсь терять свои привилегии, добытые в бою, ради того, чтобы тащиться с вами *Джель* знает куда!

– Ты будешь в маске.

– Если охранники решат осмотреть...

– Им будет не до этого, – ответил странный бледный парень. И тут раздался крик.

Матиас резко поднял голову. Со стороны арены донесся топот ног, нахлынувший, как волна: люди начали прорываться в проход за стеной его камеры. Он услышал вопли охранников, а затем – рычание большой кошки и трубный рев слона.

– Ты открыл клетки, – голос Нины дрожал от изумления, хотя, кто знает, когда она бывает искренней, а когда разыгрывает представление. Матиас избегал смотреть в сторону девушки, иначе потерял бы всякое ощущение реальности. Он и так держался из последних сил.

– Джеспер должен был дожждаться третьего удара часов, – недовольно сказал бледный парень.

– Так часы уже пробили три, Каз, – ответила невысокая девушка с темными волосами и сулийской бронзовой кожей. На нее опирался парень в бинтах, покрытый рубцами.

– С каких пор он стал таким пунктуальным? – проворчал незнакомец, глядя на свои часы. – Вставай, Хельвар.

Он протянул Матиасу руку в перчатке, и тот уставился на нее.

«Это сон. Самый странный из всех, что мне снились, но определенно сон».

Или же убийство волков наконец-то свело его с ума. Сегодня он забрал жизнь у собственной семьи. Никакие молитвы за их дикие души этого не искупят.

Он посмотрел на бледного демона в черных перчатках. Каз – так девушка назвала его. Вытащит ли он Матиаса из этого кошмара или просто загонит его в новый ад? *«Выбирай, Хельвар».*

Матиас взял руку парня. Если это происходит наяву, он избежит любой ловушки, которую подготовили ему эти существа. До него донесся вздох Нины. Что она чувствовала? Облегчение, раздражение? С ней он разберется позже. Бронзовая девочка набросила ему на плечи плащ и надела уродливую маску с клювом.

В проходе за камерой царил хаос. Мимо с криками пробежали люди в маскарадных костюмах, отталкивая друг друга, чтобы побыстрее убраться подальше от арены. Охранники достали оружие, и вдалеке послышались выстрелы. У Матиаса кружилась голова и сильно болел бок. Левую руку он по-прежнему не чувствовал.

Каз указал на дальнюю правую арку, давая им понять, что они должны двигаться против течения толпы к арене. Матиасу было плевать. Он может кинуться в гущу людей, подняться по лестнице и сесть в лодку. Но что потом? Это сейчас неважно. Времени на то, чтобы придумать план, нет.

Едва он шагнул в сторону, как его мгновенно дернули обратно.

– Таким парням, как ты, Хельвар, думать – вредно, – сказал Каз. – Эта лестница ведет в узкий проход. Думаешь, стражники не заглянут под маску, прежде чем пропустить тебя?

Матиас насупился и последовал за остальными против толпы. Рука Каза оставалась на его спине.

Если в проходах было столпотворение, то на арене происходило настоящее безумие. Гиены прыгали и носились по выступам. Одна из них пожирала чье-то тело в алой накидке. Слон бился об стену стадиона, поднимая клубы пыли и ревя от раздражения. Белый медведь и самая крупная кошка из Южных Колоний крались по трибунам, оскалив зубы. В клетках также были змеи, и Матиасу оставалось только надеяться, что этому Джесперу хватило ума их не выпускать.

Они побежали по песку арены, на которой Матиас боролся за привилегии последние полгода, но, когда повернули к туннелю, на их пути встала пустынная ящерица. Из пасти капал пенящийся белый яд, толстый

хвост яростно бил по земле. Не успел Матиас и пальцем пошевелить, как бронзовая девочка прыгнула ей за спину и пронзила твердую чешую твари двумя блестящими кинжалами. Ящерица взревела и тяжело повалилась набок. Матиас вдруг почувствовал жалость – это гротескное существо никогда не проигрывало битву, и, в конце концов, тоже заслуживало жить.

«Никогда не проигрывало битву до этих пор, – поправил себя он. – За бронзовой девочкой с кинжалами стоит присматривать».

Он полагал, что они пересекут арену и вернутся на трибуны, чтобы не застрять в проходе с толпой, или же просто побегут по лестнице в надежде проскользнуть мимо стражников, наверняка ждущих наверху. Но Каз повел их по туннелю с клетками. Раньше они служили тюремными камерами, теперь же их отдали во владение тварям, которых удалось добыть хозяевам Хеллгейта на этой неделе. Старые цирковые животные, звери, пойманные в лесах, даже больной скот, угнанный из деревень.

Когда они прошли через распахнутые двери, Матиас заметил уставившуюся на него пару желтых глаз, светящихся в темноте, и тут же поспешил дальше. Парень проклинал свою онемевшую руку и отсутствие оружия. Он был совершенно беззащитен.

«Куда нас ведет этот Каз?»

Они обошли дикого кабана, пожирающего тело охранника, и чуть не врезались в хищную кошку. Та шипела на них, но ближе не подходила.

А затем сквозь мускусную вонь животных и смрад их отходов пробился свежий запах соленой воды. Послышался шум волн. Поскользнувшись, Матиас обнаружил, что камни под его ногами влажные. Он шагает по туннелю, в который ему запрещалось входить. Туннель, очевидно, ведет к морю. Что бы ни задумали Нина и ее люди, они действительно выводили его из недр Хеллгейта.

В зеленоватом свете шаров, которые несли Каз и бронзовая девочка, виднелась пришвартованная лодчонка. Сначала Матиасу показалось, что в ней сидит стражник, однако тот поднял руку и подозвал их к себе.

– Ты поспешил, Джеспер, – сказал Каз, заталкивая Матиаса в лодку.

– Нет, я все сделал вовремя.

– А для тебя это рано. В следующий раз, когда решишь меня удивить, не забудь предупредить об этом.

– Звери на свободе, и я нашел тебе лодку. Самое время сказать «спасибо».

– Спасибо, Джеспер, – отозвалась Нина.

– Не за что, красавица. Видишь, Каз? Вот как общаются цивилизованные люди.

Матиас их почти не слушал. Пальцы его левой руки начало покалывать – к ним возвращалась чувствительность. Ему не победить их всех – не в таком состоянии, не будучи безоружным. Но Каз и парень в лодке были единственными, у кого имелись пистолеты.

«Развязать веревку, отключить Джеспера».

Тогда у него будет и пистолет, и лодка.

«Нина может остановить мое сердце прежде, чем я возьмусь за весла, – напомнил он себе. – Стреляй в нее первой. Засади пулю ей в грудь. Задержись лишь на миг, чтобы посмотреть, как она падает, а затем беги из этого места».

У него получится, он знает, что получится. Нужно всего лишь отвлечь их внимание.

Бронзовая девочка стояла справа от него. Она едва доставала ему до плеч. Даже будучи раненным, он мог легко столкнуть ее в воду, не теряя равновесия и не причиняя ей вреда.

«Столкни девочку, отвяжи лодку, отключи стрелка. Убей Нину. Убей Нину. Убей Нину».

Матиас сделал глубокий вдох и всем весом навалился на бронзовую девочку. Та отступила на шаг, словно ожидала от него подобных действий, и лениво поддела его каблуком под лодыжку.

Парень, громко выругавшись, приземлился на камни.

– Матиас! – воскликнула Нина, шагнув вперед. Он начал отползать, чтобы не упасть в воду. Если она снова коснется его, он потеряет рассудок. Нина остановилась, и на ее лице отразилась боль. Она не имеет права.

– Какой неуклюжий, – безразлично произнесла бронзовая девочка.

– Отключи его, Нина, – скомандовал Каз.

– Не надо, – запротестовал Матиас в приступе паники.

– Тебе хватит глупости, чтобы опрокинуть лодку.

– Держись от меня подальше, ведьма!

Нина напряженно кивнула.

– С удовольствием.

Она подняла руки, и Матиас почувствовал, как его веки тяжелеют.

– Убью, – успел пробормотать он.

– Сладких сновидений.

Ее голос был подобен волку, преследующему его по пятам. Он загнал парня прямиком во тьму.

Матиас сидел в комнате без окон, задрапированной черной и алой тканью, и слушал странные слова, доносящиеся из уст бледного, странного

парня. Ему уже доводилось видеть монстров, и хватило одного взгляда на Каза Бреккера, чтобы понять – это существо слишком много времени провело во тьме. Когда монстр выползает на свет, то приносит что-то с собой из мрака. Матиас это чувствовал. Другие смеялись над фьерданскими суевериями, но он доверял своему чутью. По крайней мере, пока не встретил Нину. Здесь крылось одно из самых ужасных последствий ее предательства – он начал сомневаться в себе. Из-за этого он чуть было не погиб в Хеллгейте, где выжить можно, полагаясь на инстинкты.

В тюрьме он уже слышал имя Бреккера и слова, которые с ним ассоциировались – гений преступного мира, безжалостный, аморальный. Его звали «Грязные Руки», потому что не было такого греха, который он не взял бы на себя за хорошее вознаграждение. И теперь этот демон говорит о том, как они заберутся в Ледовый Двор и заставят Матиаса изменить своей родине.

«Изменить еще раз, – поправил он себя. – Это уже второе предательство, которое я совершу».

Парень не сводил глаз с Бреккера, зная, что Нина наблюдает за ним с другого конца комнаты. Матиас все еще чувствовал запах ее духов. Резкий аромат розы он ощущал в носу и даже на языке, словно пробовал девушку на вкус.

Очнулся Матиас привязанным к стулу в гостиной какого-то игорного дома. Должно быть, Нина вывела его из забытья. Там были и она, и бронзовая девочка. Джеспер, долговязый парень с лодки, примостился в углу, выставив свои костлявые колени. За карточным столом восседал юнец с золотисто-рыжими кудрями и что-то рассеянно выводил на клочке бумаги, иногда грызя большой палец. Стол был застелен алой скатертью с повторяющимся изображением воронов; колесо, похожее на то, что использовали на арене, только с другими символами, стояло, прислоненное к черной лакированной стене. Матиаса не покидало чувство, что кто-то – скорее всего, Нина – обработал большинство его ран, пока он был без сознания. От этой мысли его замутило. Лучше страдать от боли, чем испытывать на себе действие черной магии гришей.

Затем Бреккер начал говорить о порошке под названием «юрда-парем», о невероятно большом вознаграждении и о нелепой идее пробраться в Ледовый Двор. Матиас не знал, что правда, а что вымысел, но это не имело особого значения. Когда Бреккер закончил, Матиас просто ответил:

– Нет.

– Поверь мне, Хельвар, я понимаю, что, когда тебя отключают и привозят в странное место – это не самый дружелюбный способ набиваться

в компаньоны, но ты не оставил нам иного выбора, так что поразмысли над предложением.

– Можешь хоть на коленях меня умолять, мой ответ будет прежним.

– Ты же понимаешь, что я могу вернуть тебя в Хеллгейт в считанные часы? Как только бедняга Маззен окажется в лазарете, вас будет легко подменить.

– Вперед. Жду не дождусь, как расскажу стражникам о твоём глупом плане.

– А с чего ты взял, что вернешься с языком?

– Каз... – начала Нина.

– Делай со мной, что хочешь, – сказал Матиас. Он больше никогда не предаст свою страну.

– Я же тебе говорила, – тихо отозвалась Нина.

– Не притворяйся, будто знаешь меня, ведьма! – рыкнул он, все еще не сводя взгляда с Бреккера.

Джеспер вышел из своего угла. Теперь, когда тусклый свет Хеллгейта больше не мешал его рассмотреть, Матиас заметил, что у Джеспера смуглая кожа земенца и нетипичные для такой внешности серые глаза. Сложением он напоминал аиста.

– Без него нам не справиться, – сказал парень. – Мы не сможем пробраться в Ледовый Двор вслепую.

Матиас едва не расхохотался.

– Вы *никак* не сможете пробраться в Ледовый Двор!

Ледовый Двор – необычный замок. Это хорошо защищенная, древняя фьерданская крепость, обитель сменяющих друг друга королей и королев, хранилище их величайших сокровищ и священных реликвий. Он неприступен.

– Давай же, Хельвар, – произнес демон. – Наверняка ты чего-то хочешь. Причина достаточно праведная для такого фанатика, как ты. Фьерда может и дальше думать, что поймала дракона за хвост, но ей не удастся его удержать. Как только Бо Юл-Баюр воспроизведет процесс приготовления порошка, юрда-парем попадет на рынок. Другие тоже научатся ее делать – это лишь вопрос времени.

– Этому не бывать. Юл-Баюр предстанет перед судом, и, если его признают виновным, он будет приговорен к смерти.

– Виновным в чем? – спросила Нина.

– В преступлениях против людей.

– *Каких* людей?

Он слышал едва сдерживаемый гнев в ее голосе.

– Нормальных людей. Тех, кто живет в гармонии с законами природы, вместо того чтобы менять их под себя.

Нина раздраженно фыркнула. Других просто позабавили его слова, они с усмешкой смотрели на бедного, недалекого фьерданца. Брум предупреждал Матиаса, что мир полон лжецов, искателей удовольствий и неверующих неучей. Похоже, в этой комнате все они и собрались.

– Ты недальновиден, Хельвар, – сказал Бреккер. – До Юл-Баюра может добраться и другая команда. Шуханцы или, возможно, равкианцы. У каждой страны своя повестка дня. Керчии нет дела до расширения границ или старых распрей между странами. Торговый совет волнует исключительно коммерция, и им очень бы хотелось, чтобы юрда-парем оставалась всего лишь слухом.

– Хочешь сказать, они действуют из чувства патриотизма, отправляя кучку преступников в сердце Фьерды за ценным заключенным? – с издевкой спросил Матиас.

– Полагаю, награда в четыре миллиона крюге тебя тоже не переубедит. Парень сплюнул.

– Можешь подавиться своими деньгами. – Ему пришла в голову мысль – гнусная, варварская, – но именно она поможет ему вернуться в Хеллгейт со спокойным сердцем, даже если при этом он лишится языка. Он отклонился настолько, насколько позволяли веревки, и сосредоточил свой взгляд на Бреккере. – Я заключу с тобой сделку.

– Слушаю.

– Я не пойду с вами, но могу нарисовать вам схему расположения Двора. Этого должно хватить, чтобы вы прошли хотя бы через первый контрольно-пропускной пункт.

– И чего мне будет стоить эта ценная информация?

– Я поделюсь ею просто так. Мне не нужны деньги. – Матиасу было стыдно произносить эти слова, но он продолжил: – Я сделаю это, если ты позволишь мне убить Нину Зеник.

Маленькая бронзовая девочка презрительно фыркнула, всем своим видом выражая отвращение; парень за столом перестал выводить закорючки и посмотрел на него с открытым ртом. А вот Каз ничуть не удивился. Скорее, он выглядел довольным. У Матиаса появилось неприятное ощущение, что этот демон прекрасно знал, чем все закончится.

– Я могу предложить тебе кое-что получше, – ответил Каз.

Что может быть лучше возмездия?

– Мне больше ничего не нужно.

– Я могу снова сделать тебя дрюскелем.

– Ты что, маг и чародей? Или вэй-фея, которая исполняет желания? Я суеверный, а не тупой.

– Одно другому не мешает, знаешь ли, но не в этом суть. – Каз засунул руку за пазуху своего пальто. – Вот, – он протянул клочок бумаги бронзовой девочке.

Еще один демон. Она ходила так бесшумно, словно прокралась из другого мира, и никому не хватило здравого смысла отправить ее обратно. Девочка поднесла бумажку к его лицу. Документ был написан на керчийском и на фьерданском. Матиас не знал керчийского, – кроме отдельных фраз, которые он выучил в тюрьме, – но фьерданский был его родным языком. Пробежавшись взглядом по бумаге, парень почувствовал, как бешено заколотилось его сердце.

В свете новых доказательств с Матиаса Бенедика Хельвара полностью снимаются все обвинения в работорговле. Сегодня, _____, он будет выпущен из тюрьмы с извинениями и обеспечен местом на транспорте, который доставит его на родину или в другую точку назначения на его выбор, со всей возможной поспешностью и искренними извинениями суда и керчийского правительства.

– Какие еще новые доказательства?

Каз откинулся на спинку кресла.

– Похоже, Нина Зеник отказалась от своих показаний. Ей будет предъявлено обвинение в лжесвидетельстве.

Вот теперь он посмотрел на нее, почти против своей воли. На ее лебединой шее остались синяки от его пальцев. Он должен ощущать радость, видя ее ссадины.

– Лжесвидетельство? И сколько же ты будешь его отрабатывать, Зеник?

– Два месяца, – тихо ответила она.

– Два месяца? – он не сдержал громкого смеха. Его тело затряслось, словно в припадке.

Остальные наблюдали за ним с беспокойством.

– Насколько же сильно он свихнулся? – спросил Джеспер, барабаня пальцами по перламутровым рукояткам револьверов.

Бреккер пожал плечами.

– Я бы не назвал его надежным, но другого варианта у нас нет.

Два месяца. Наверняка она будет прислуживать в какой-нибудь роскошной тюрьме, где очарует всех стражников, чтобы те приносили ей

свежий хлеб и взбивали подушки. Или же попросит кого-нибудь выплатить штраф, который покроют ее богатенькие дружки-гриши из Равки.

– Ей нельзя доверять, – сказал он Бреккеру. – Какие бы секреты ты ни надеялся выудить у Бо Юл-Баюра, она сдаст их Равке.

– Позволь мне самому об этом беспокоиться, Хельвар. Выполни свою часть сделки, и секреты Бо Юл-Баюра и юрды-парема окажутся в руках людей, которые лучше кого бы то ни было смогут позаботиться, чтобы они остались только слухами.

Два месяца. Нина отслужит свое наказание и вернется в Равку богаче на четыре миллиона крюге. Она больше никогда не вспомнит о нем. Но если его амнистия реальна, то он тоже вернется домой.

Домой. Матиас часто мечтал о том, как выберется из Хеллгейта, но никогда всерьез не обдумывал вариант побега. Какая участь ждала его, обвиненного в работорговле, за стенами тюрьмы? Ему никогда не вернуться во Фьерду. Даже если бы он мог перенести свой позор, каждый день ему пришлось бы довольствоваться жизнью беглого преступника, скрывающегося от керчийского правительства. Конечно, он мог бы перебраться в Новый Зем и владеть там жалкое существование, но какой в этом смысл?

Сейчас ему предлагали нечто совершенно другое. Если Бреккер говорит правду, Матиас сможет вернуться на родину. Тоска по дому разъедала его изнутри. Ему хотелось вновь услышать родной язык, увидеть друзей, съесть коричневую *семлу* со сладкой миндальной пастой, ощутить на коже покалывание северного ветра, когда тот с ревом мечется по ледяным просторам. Хотелось вернуться домой и быть принятым в семью без груза бесчестия. Очистив свое имя, он сможет вновь стать дрюскелем. И цена этому – измена.

– А что, если Бо Юл-Баюр мертв? – спросил он Бреккера.

– Ван Эк утверждает обратное.

Но что этот купец знает о повадках фьерданцев? Если слушания все еще не было, оно непременно состоится, и Матиас мог с легкостью предугадать, какой вынесут приговор. Его народ никогда не освободит человека, обладающего столь ужасающим знанием.

– А если он ошибается?

– Тебе все равно будет даровано помилование.

Даже если их замысел превратится в пепел в костре, Матиас получит свободу. Но какой ценой? Прежде он совершил ошибку – ему хватило глупости довериться Нине. Он проявил слабость и будет нести бремя позора до конца своей жизни. Но он расплатился за глупость кровью,

несчастиями и зловонием Хеллгейта. Его преступление было легким проступком, действиями наивного мальчишки. Открыть же тайны Ледового Двора – куда хуже. Готов ли он увидеть свою родину еще раз, зная, что каждый его шаг на пути к ней – это акт измены?

Брум рассмеялся бы им в лицо и разорвал бумагу о помиловании на кусочки. Но Каз Бреккер умен, ему определенно хватает ресурсов. Что, если Матиас ему откажет, а он, несмотря на это, найдет способ пробраться в Ледовый Двор и похитить шуханского ученого? Или же до него действительно доберутся люди из других стран? Судя по всему, юрдапарем вызывает слишком сильную зависимость, чтобы служить гришам, но что будет, если формула попадет в руки равкианцам и они смогут ее доработать и сделать парем эффективным, но безвредным? Вторая армия гришей станет еще сильнее? Если Матиас присоединится к миссии, он позаботится о том, чтобы Бо Юл-Баюр не сделал ни единого вдоха за пределами Ледового Двора. Или устроит ему несчастный случай по пути в Керчию.

До встречи с Ниной и пребывания в Хеллгейте он бы ни за что не стал рассматривать это предложение. Теперь же он согласен заключить с самим собой сделку. Он вступит в команду демона, заслужит свою амнистию и, вновь став дрюскелем, сделает Нину Зеник своей первой мишенью. Он найдет ее в Керчии, Равке, в какой бы дыре она ни спряталась. Повалит ее на землю и заставит поплатиться за свои грехи всеми возможными способами. Смерть покажется ей милосердием. Он заточит ее в самой жуткой камере Ледового Двора, где ей уже никогда не познать тепла. Будет играть с ней, как она играла с ним. Предложит ей спасение, а потом будет это отрицать. Одарит ее любовью и добротой, а затем отберет их. Насладится каждой слезой, которую она прольет. Заменит этот сладковатый цветочный аромат соленым привкусом ее горя.

И все же он почувствовал горечь, когда промолвил:

– Я согласен.

Бреккер подмигнул Нине, и Матиасу захотелось впиться ему всеми своими зубами в глотку.

«После того как я разберусь с ней, я приду за тобой».

Он уже охотился на ведьм. Вряд ли убить демона будет сложнее.

Бронзовая девочка сложила документ и вернула его Бреккеру. Тот засунул бумагу в нагрудной карман. Матиас чувствовал себя так, будто наблюдал, как его старый друг, которого он уже не надеялся увидеть, исчезает в толпе, а он не в силах его окликнуть.

– Сейчас мы тебя развяжем, – сказал демон. – Надеюсь, тюрьма не

лишила тебя манер и здравого смысла.

Матиас кивнул, и бронзовая девочка принялась резать ножом связывающие его веревки.

– Как я понимаю, с Ниной ты уже знаком. Милая девушка, которая тебя освобождает, – это Инеж, наша похитительница секретов и мастер переговоров. Джеспер Фахи – наш стрелок. Он земенец, но не суди его за это слишком строго. А вон там Уайлен – лучший подрывник в Бочке.

– Раске лучше него, – заметила Инеж.

Парнишка поднял голову. Его золотисто-рыжие кудри падали ему на глаза. Он впервые заговорил:

– Он не лучше. Он безрассуднее.

– Он знает свое дело.

– Как и я.

– Едва ли, – вставил Джеспер.

– Уайлен новенький в нашей компании, – признался Бреккер.

– Еще бы, ему больше двенадцати не дашь, – фыркнул Матиас.

– Мне шестнадцать, – насупился Уайлен.

Матиас в этом очень сомневался. Максимум пятнадцать. Парень выглядел так, будто еще даже не начал пользоваться бритвой. Что-то подсказывало Матиасу, что он, в свои восемнадцать, был самым старшим среди присутствующих. У Бреккера – глаза старика, но он вряд ли старше Матиаса.

Хельвар впервые присмотрелся к окружающим его людям.

«Что же это за команда для столь рискованной миссии?»

Если они все умрут, то измена не будет для него проблемой. Только он в точности знал, насколько опасна их затея.

– Нужно было позвать Раске, – сказал Джеспер. – Он умеет работать в напряженной обстановке.

– Согласна, – кивнула Инеж.

– Я вас не спрашивал, – отрезал Каз. – Кроме того, умение обращаться с кремнем и устраивать заварушки не единственные преимущества Уайлена. Он – наша страховка.

– В каком смысле? – спросила Нина.

– Познакомьтесь: перед вами Уайлен Ван Эк, – торжественно произнес Бреккер, и щеки юноши залились краской. – Сын Яна Ван Эка и наша гарантия стоимостью тридцать миллионов крюге.

Джеспер уставился на Уайлена.

– Ну конечно! Ты сынок советника! – его распирало от смеха. – Это все объясняет.

Ему стоило бы разозлиться на Каза за то, что Бреккер в который раз скрыл от них важную информацию, но сейчас ему было не до того: он получал удовольствие, наблюдая, как небольшое разоблачение Уайлена скачет по комнате, словно злобный жеребенок, поднимающий клубы пыли.

Паренек густо покраснел от унижения. Нина выглядела потрясенной и была раздражена. Фьерданец просто недоумевал. Каз самодовольно улыбался всем присутствующим. А Инеж, конечно же, ни капельки не удивилась. Она собирала секреты для Каза и хорошо умела их хранить. Джеспер постарался заглушить в себе чувство ревности.

Уайлен открыл и закрыл рот, а затем с трудом сглотнул.

– Ты знал? – с досадой спросил он у Каза.

Тот откинулся на спинку стула, согнув одну ногу в колене и вытянув вторую, больную, перед собой.

– А почему еще, по-твоему, я позволил тебе остаться?

– Я хороший подрывник.

– Сносный. Но ты превосходный заложник.

Жестоко, но таков Каз. Уроки, которые может преподать Бочка, были куда более беспощадны. По крайней мере, теперь понятно, почему он возился с этим мальцом и отправлял его на задания.

– Это не имеет значения, – произнес Джеспер. – Нам все равно стоит взять Раске и запереть сынишку купца в Кеттердаме.

– Я не доверяю Раске.

– Но доверяешь Уайлену Ван Эку? – он не верил своим ушам.

– Уайлен не знает с людьми, которые могут доставить нам неприятности.

– У меня вообще нет права слова? – пожаловался Уайлен. – Я, между прочим, тоже здесь сижу!

Каз поднял бровь.

– Тебе когда-нибудь чистили карманы?

– Я... не знаю.

– Грабили в переулке?

– Нет.

– Свешивали с моста, окуная головой в канал?

Уайлен часто заморгал.

– Нет, но...

– Тебя когда-нибудь избивали так, что ты не мог ходить?

– Нет.

– Как думаешь почему?

– Я...

– Прошло три месяца, как ты покинул папенькин особняк на Гельдштрате. Есть версии, почему твоя жизнь в Бочке такая безмятежная?

– Может, я везучий? – слабым голосом предположил Уайлен.

Джеспер фыркнул.

– Каз – твое везение, малыш. Ты находился под защитой Отбросов... хотя ты настолько бесполезен, что до этой минуты мы не могли понять, чему ты этим обязан.

– Это озадачивало, – признала Нина.

– У Каза на все есть причины, – пробормотала Инеж.

– Зачем же ты сбежал из дома? – поинтересовался Джеспер.

– Пришло мое время, – твердо заявил мальчишка.

– Идеалист? Романтик? Революционер?

– Идиот? – предположила Нина. – Никто не будет добровольно жить в Бочке, если у него есть другие варианты.

– Я не бесполезен! – обиженно сказал Уайлен.

– Раске лучше подходит для этой работы... – снова забубнила Инеж.

– Я был в Ледовом Дворе вместе с отцом. Нас позвали на ужин для послов. Я могу помочь нарисовать план.

– Видите? Скрытые глубины. – Каз постучал пальцами в перчатке по голове ворона, венчающего его трость. – И мне не нравится мысль, что наш единственный рычажок, за который можно дергать Ван Эка, будет прохлаждаться в Кеттердаме, когда мы отправимся на север. Уайлен поедет с нами. Он сносный подрывник и хорошо рисует, благодаря множеству дорогих репетиторов.

Мальчишка залился краской пуще прежнего, и Джеспер покачал головой.

– Небось и на пианино играть умеешь?

– На флейте, – огрызнулся Уайлен.

– Прекрасно.

– А поскольку он видел Ледовый Двор собственными глазами, – продолжал Каз, – Уайлен поможет Хельвару как можно правдоподобней изобразить крепость.

Фьерданец злобно насупился, и паренек немного побледнел.

– Не волнуйся, – улыбнулась ему Нина. – Его взгляды не смертельны.

Джеспер заметил, как напрягались плечи Матиаса всякий раз, когда Нина открывала рот. Он ничего не знал об их общем прошлом, но вполне

вероятно, что они убьют друг друга раньше, чем доберутся до Фьерды.

Джаспер потерял глаза. Ему сильно хотелось спать, да и возбуждение, вызванное побегом из тюрьмы, начало сменяться усталостью. Голова гудела, мысли путались от перспективы получить тридцать миллионов крюге. Даже после того как Пер Хаскель заберет свои двадцать процентов, у них все равно останется по четыре миллиона каждому. Что он сделает с такой крупной суммой? Джаспер мог представить, что сказал бы на это его отец: «Закопaeшь в куче дерьма, которая будет в два раза больше нынешней!» Как же он скучал по нему.

Каз постучал тростью по деревянному полу.

– Доставай перо и бумагу, Уайлен. Самое время Хельвару приступить к работе.

Тот потянулся к сумке, лежавшей у ног, и достал тонкий рулон пергамента и металлический футляр с дорогим на вид пером и чернильницей.

– Миленко, – прокомментировал Джаспер. – Острое перо на все случаи жизни.

– Начинай, – обратился Каз к фьерданцу. – Пора платить по долгам.

Матиас злобно покосился на Бреккера. Что ни говори, взгляд у него еще тот! Было даже забавно наблюдать, как он пытается соперничать с акульим взором Каза.

В конце концов фьерданец прикрыл глаза, глубоко вздохнул и начал рассказывать:

– Ледовый Двор находится на утесе с видом на гавань Джерхольма. Он построен в виде концентрических кругов, похожих на годовые кольца дерева. – Говорил он медленно, словно каждое слово причиняло ему боль. – Сначала кольцевая стена, затем внешний круг. Он разделен на три сектора. Дальше следует ледяной ров, а за ним, в самом центре, Белый остров.

Уайлен начал рисовать, и Джаспер заглянул ему через плечо.

– Это больше похоже на пирог, чем на дерево.

– Так он действительно похож на пирог, – сказал в свою защиту Уайлен. – Крепость построена на возвышении.

Каз жестом велел Матиасу продолжать.

– Скалы неприступны, так что северная дорога – единственный вход и выход. Вам придется пройти через охраняемый контрольно-пропускной пункт, прежде чем вы окажетесь перед кольцевой стеной.

– Пунктов два, – перебил его Уайлен. – Когда я приезжал к ним, пунктов было два.

– Видишь! – повернулся Каз к Джасперу. – Полезные навыки. Уайлен

следит за тобой, Хельвар.

– Зачем им сразу два контрольно-пропускных пункта? – поинтересовалась Инеж.

Матиас уставился на планки пола темно-орехового оттенка.

– Потому что два отряда стражников труднее подкупить. Охранная система Двора устроена с большой осмотрительностью, так было всегда. Если вам удастся пробраться так далеко...

– Нам, Хельвар. Если нам удастся пробраться так далеко, – поправил его Каз.

Фьерданец вяло пожал плечами.

– Если нам удастся пробраться так далеко, то дальше мы попадем во внешний круг, разделенный на три сектора: тюрьму, базу дрюскелей и посольство. У каждого из них есть ворота в кольцевой стене. Тюремные ворота работают всегда, но они находятся под постоянным присмотром вооруженной стражи. Из двух других входов только один остается открытым в любое время.

– Как понять, какие ворота будут использоваться? – спросил Джеспер.

– График меняется каждую неделю, и охранники получают приказ с расстановкой караула только за ночь до назначенного времени.

– Может, это и хорошо. Если мы узнаем, какие ворота не работают... они же не будут охраняться...

– Даже когда ворота не используются, на посту всегда стоят минимум четверо.

– Не вопрос, мы справимся с четырьмя охранниками.

Матиас покачал головой.

– Ворота весят тонну и открываются только из гауптвахты. Даже если вам удастся поднять их, открытие ворот, которые не должны работать по графику, запустит «Черный протокол». Во всем Дворе установят режим строгой изоляции, и вы тут же выдадите свое местоположение.

Атмосфера в комнате стала напряженной. Джеспер заерзал на месте. Судя по выражениям лиц остальных, они думали об одном и том же: во что же мы ввязываемся? Только Каз оставался невозмутимым.

– Запиши все это, – сказал он, постучав по бумаге. – Хельвар, я хочу, чтобы позже ты описал Уайлену принцип работы охранной системы.

Тот нахмурился.

– Я не знаю, как она работает. Это какая-то вереница проводов и колокольчиков.

– Расскажи ему все, что тебе известно. Где они держат Бо Юл-Баюра?

Матиас медленно встал, чтобы взглянуть на план, нарисованный

Уайленом. Его движения были неохотными и настороженными, словно Каз приказал ему погладить гремучую змею.

– Скорее всего, здесь, – фьерданец ткнул пальцем в чертеж. – Тюремный сектор. Камеры с усиленной охраной находятся на верхнем этаже. Там они держат самых опасных преступников: убийц, террористов...

– Гришей? – вставила Нина.

– Именно, – сухо подтвердил он.

– Ребята, вы будете веселить нас всю дорогу? – спросил Джеспер. – Обычно люди начинают ненавидеть друг друга не раньше чем через неделю совместной работы, но у вас была фора.

Оба хмуро покосились на него, и Джеспер одарил их лучезарной улыбкой. Каз же ничего не замечал, полностью сосредоточившись на схеме Двора.

– Бо Юл-Баюр не опасен, – задумчиво произнес он. – По крайней мере, не так, как другие преступники. Не думаю, что они станут держать его вместе с остальным сбродом.

– Я думаю, что они держат его в могиле, – сказал Матиас.

– Предположим, что он не умер. Он ценный пленник, и вряд ли фьерданцы захотят, чтобы он попал не в те руки до слушания. Где его спрячут?

Матиас присмотрелся к плану.

– Здания во внешнем круге обрамляют ледяной ров, а в центре него расположен Белый остров, где хранится казна и находится королевский дворец. Это самое безопасное место в Ледовом Дворе.

– Там он и будет.

Матиас улыбнулся, правда, его улыбка больше походила на оскал. «Наверняка он научился этому в Хеллгейте», – подумал Джеспер.

– Тогда ваша миссия обречена. Иностранцев ни за что не пустят на Белый остров.

– Не радуйся так сильно, Хельвар. Если мы не попадем внутрь, ты не получишь свое помилование.

Тот пожал плечами.

– Я не виноват, что это правда. Ледяной ров находится под наблюдением сторожевых вышек Белого острова и смотровой на вершине Эльдерклока^[4]. Его невозможно пересечь, кроме как через стеклянный мост, а по мосту нельзя пройти незамеченными.

– Скоро будет Рингкелла... – тихо начала Нина.

– Замолчи! – рявкнул фьерданец.

– Напротив, продолжай, – сказал ей Каз.
– Рингкелла – День слушания, когда новые дрюскели проходят обряд посвящения на Белом острове.

Матиас сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели.

– Ты не имеешь права рассказывать о таких вещах! Это священный обряд!

– Это факт. Фьерданская королевская семья устраивает роскошный прием, созывая гостей со всего мира. Основные развлечения им поставляют Кеттердам.

– Развлечения? – переспросил Каз.

– Актеры, танцоры, труппа со «Зверской Комедией» и самые выдающиеся таланты из домов удовольствий Западного Обруча.

– Мне казалось, фьерданцы против подобных развлечений, – удивился Джеспер.

Губы Инеж скривились в ухмылке.

– Никогда не видел фьерданских солдат в Обручах?

– Я имел в виду, у себя дома.

– Раз в году они ненадолго перестают вести себя как жалкие страдалцы и хорошо проводят время, – ответила Нина. – Кроме того, только дрюскели живут как монахи.

– Хорошо проводить время можно и без вина... и плотских утех, – прошипел Матиас.

Девушка не без кокетства взмахнула своими длинными ресницами.

– Ты бы не узнал радость жизни, даже если бы она села рядом и засунула тебе в рот леденец. – Ее взор обратился на рисунок Двора. – Ворота в посольский сектор наверняка будут открыты. Возможно, нам не стоит заморачиваться над тем, как пробраться в Ледовый Двор? Мы можем просто войти вместе с артистами.

– Это тебе не Хеллшоу, – покачал головой Каз. – Все не так просто.

– Всех посетителей проверяют за несколько недель до их прибытия в Ледовый Двор, – промолвил Матиас. – Любой, кто собирается войти в посольский сектор, должен не единожды предъявить свои документы. Фьерданцы не дураки.

Нина подняла бровь.

– По крайней мере, не все.

– Не буди в нем зверя, Нина, – предостерег ее Каз. – Он нужен нам в добром расположении духа. Когда будет эта вечеринка?

– В день весеннего равноденствия.

– Значит, через две недели, – заметила Инеж.

Каз склонил голову набок и устремил взгляд вдаль.

– Он что-то замышляет, – прошептал Джеспер.

– Определенно, – кивнула Инеж.

– Дом «Белой розы» отправляет свою делегацию? – спросил он Нину.

Та покачала головой.

– Ничего такого я не слышала.

– Даже если мы направимся напрямиком к Джерхольму, – начала Инеж, – нам понадобится неделя, чтобы туда доплыть. У нас нет времени заверять документы или придумывать прикрытие, которое выдержит все проверки.

– Мы не пойдем через посольство, – сказал Каз. – Всегда бей туда, куда *филя* не смотрит.

– А кто такой Фия? – спросил Уайлен.

Джеспер разразился хохотом.

– О, ради всех святых, ты просто что-то с чем-то! Фия, шляпа, простак, простофия, которого ты собираешься обчистить.

Уайлен весь подобрался.

– Может, я чего-то не знаю, как вы, но... зато знаю множество других слов, которые неизвестны вам.

– А также знаешь, как правильно складывать салфетку и танцевать менуэт. Ах да, ты же еще на флейте играешь! Поразительные навыки, малыш. Настоящий талант.

– Менуэт уже давно никто не танцует, – проворчал Уайлен.

Каз откинулся на спинку стула.

– Назовите самый простой способ украсть бумажник.

– Нож к горлу? – спросила Инеж.

– Дуло в спину? – продолжил Джеспер.

– Яд в напиток? – предположила Нина.

– Вы просто ужасны, – сказал Матиас.

Каз закатил глаза.

– Самый простой способ украсть бумажник – сказать, что собираешься украсть часы. Берешь и направляешь внимание фили туда, куда *тебе* нужно. Рингелла выполнит эту задачу за нас. Ледовый Двор отправит большую часть своих ресурсов на проверку гостей и защиту королевской семьи. Они не могут следить за всем и сразу. Это отличная возможность похитить Бо Юл-Баюра. – Каз указал на тюремные ворота в кольцевой стене. – Помнишь, что я сказал тебе в Хеллгейте, Нина?

– Прости, за всеми твоими мудрыми изречениями не уследишь.

– В тюрьме всем наплевать, кто входит внутрь, главное – кто пытается выйти. – Его палец скользнул к следующему сектору. – В посольстве же

всем плевать, кто выходит, они сосредоточены на тех, кто пытается войти. Мы войдем через тюрьму и выйдем из посольства. Хельвар, Эльдерклок еще работает?

Матиас кивнул.

– Часы бьют через каждые четверть часа. Еще с их помощью подают сигналы протоколов при опасности.

– Часы точные?

– Конечно.

– Воплощение технических талантов фьерданцев, – с горечью произнесла Нина.

Каз пропустил ее замечание мимо ушей.

– Тогда будем использовать Эльдерклок, чтобы координировать наши перемещения.

– Мы войдем под видом охранников? – спросил Уайлен.

Джеспер не смог скрыть презрения в голосе.

– Только Нина и Матиас знают фьерданский.

– Я тоже! – возразил юноша.

– Фьерданский на школьном уровне, не так ли? Могу поспорить, твой фьерданский так же хорош, как мой ослиный!

– Похоже, ослиный это твой родной язык, – пробормотал Уайлен.

– Нет, мы войдем в качестве самих себя – преступников. Тюрьма – наш парадный вход, – сказал Каз.

– Давай кое-что проясним, – начал Джеспер, – ты хочешь, чтобы мы позволили фьерданцам запереть нас в тюрьме? Разве это не то, чего мы всегда избегаем?

– Личности уголовников довольно неопределенные – один из плюсов принадлежности к преступному классу. Они будут считать количество голов у ворот и смотреть на имена и преступления, а не проверять паспорта или изучать посольские печати.

– Потому что никто *добровольно* в тюрьму не сядет.

Нина обхватила себя за плечи.

– Мне бы не хотелось оказаться во фьерданской камере.

Каз тряхнул рукавом, и между его пальцев появились два тонких металлических стержня. Они протанцевали у него в руках и снова исчезли из виду.

– Отмычки? – уточнила девушка.

– Я позабочусь о камерах.

– Бей туда, куда филия не смотрит, – ухмыльнулась Инеж.

– Вот именно. Ледовый Двор ничем не отличается от других филей.

Это просто один огромный простофиля, который так и просит, чтобы его обобрали.

– Ты уверен, что Юл-Баюр пойдет с нами по своей воле? – спросила Инеж.

– Ван Эк сказал, что совет назвал ему кодовое слово, когда они пытались перехватить его у шуханцев. Чтобы он знал, кому можно доверять. *Сэш-юэ*. Так он поймет, что нас послала Керчия.

– Сэш-юэ, – повторил Уайлен, неловко произнося слоги. – Что это значит?

Нина опустила голову.

– Павший духом.

– Это *не* невозможная миссия, – сказал Каз, – и именно мы ее исполним.

Джеспер почувствовал, как поменялось настроение в комнате, когда обнаружили новые возможности. Это тончайший нюанс, но он научился его распознавать за карточным столом – тот миг, когда игрок осознает, что у него на руках выигрышная комбинация. Джеспера охватило предвкушение: головокружительная смесь страха и возбуждения, из-за которых ему трудно усидеть на месте.

Может, Матиас тоже это почувствовал, поэтому что парень сложил свои громадные руки на груди и произнес:

– Вы даже не представляете, на что подписываетесь.

– Зато ты представляешь, Хельвар. Я хочу, чтобы ты работал над планом Ледового Двора каждую минуту до нашего отплытия. Нет такой детали, которая могла бы посчитаться слишком маленькой или несущественной. Я буду регулярно тебя проверять.

Инеж провела пальцем по грубому эскизу Уайлена, обводя вереницу черных кругов.

– Действительно похоже на кольца дерева.

– Нет, – ухмыльнулся Каз. – Похоже на мишень.

9. Каз

– На сегодня все, – сказал Каз. – Я сообщу каждому, как только найду корабль, но будьте готовы отплывать завтра ночью.

– Так скоро? – удивилась Инеж.

– Мы не знаем, какая будет погода, а впереди ждет долгое путешествие. Рингелла – отличная возможность освободить Бо Юл-

Баюра. Я не собираюсь рисковать и упустить ее.

Казу нужно было время, чтобы обдумать план, который уже складывался в его голове. Было придумано основное – где они войдут и как уйдут. Но его план также предполагал, что они не смогут взять с собой много вещей. Придется работать без обычного набора инструментов. А это означает большое количество переменных и увеличивает вероятность, что что-то пойдет не так.

То, что Уайлен Ван Эк сейчас в их команде, хотя бы давало гарантию, что деньги они получат. Но будет нелегко. Они еще не успели отплыть от Кеттердама, а парень уже чувствовал себя не в своей тарелке. Он был ненамного младше Каза, но выглядел как ребенок – гладкая кожа, большие глаза. Щенок с шелковыми ушками в комнате, полной боевых псов.

– Присмотри за Уайленом, чтобы он не вляпался в неприятности, – сказал он Джесперу.

– Почему я?

– Тебе не повезло оказаться в поле моего зрения. Я не хочу никаких внезапных примирений между отцом и сыном до того, как мы отплывем.

– Можешь не беспокоиться об этом, – отозвался Уайлен.

– Я беспокоюсь обо всем, маленький купец. Поэтому я до сих пор жив. Ты тоже присмотри за Джеспером.

– За мной?! – возмутился тот.

Каз отодвинул черную деревянную панель, за которой находился сейф, и открыл его.

– Да, за тобой. – Он отсчитал четыре тонкие пачки крюге и передал одну Джесперу. – Это на пули, а не на ставки. Уайлен, убедись, что его ноги таинственным образом не переступят порог какого-нибудь игорного дома по пути за боеприпасами, ясно?

– Мне не нужна нянька, – сплюнул Джеспер.

– Скорее дуэнья, но если хочешь, чтобы он стирал твои пеленки и укутывал в одеяльце перед сном – это твое дело. – Каз проигнорировал обиженную физиономию друга и дал немного денег Уайлену на взрывчатку и Нине на всякие мелочи, которые могут понадобиться для ее искусства по изменению лиц. – Покупайте лишь то, что необходимо для путешествия. Если все пойдет по плану, нам придется войти в Ледовый Двор с пустыми руками.

Каз увидел, как помрачнело лицо Инеж. Ей точно так же было не по душе работать без своих ножей, как ему – без трости.

– Мне нужно, чтобы ты раздобыла одежду для холодной погоды, – обратился Каз к ней. – На улице Вейнштрат есть магазин, в котором

продают товары для охотников – начни с него.

– Хочешь зайти с севера? – спросил Хельвар.

Каз кивнул.

– Гавань Джерхольма кишит таможенными агентами, и, могу поспорить, они усилят охрану на время вашей крутой вечеринки.

– Это не вечеринка.

– А звучит как вечеринка, – вставил Джеспер.

– Рингкелла не задумывалась как вечеринка, – хмуро исправился Хельвар.

– Что мы будем с ним делать? – спросила Нина, кивая на Матиаса. Ее голос звучал равнодушно, но это маленькое представление никого не обмануло, кроме Хельвара. Все видели ее слезы в Хеллгейте.

– Пока что он останется здесь, в «Клубе Воронов». Я хочу, чтобы ты напряг свою память и вспомнил каждую мелочь, Хельвар. Позже к тебе присоединятся Уайлен и Джеспер. Комната будет оставаться закрытой. Если кто-то из главного зала спросит, скажите, что тут идет приватная игра.

– Нам придется спать здесь? – спросил Джеспер. – Мне нужно закончить некоторые дела в Клепке.

– Обойдешься, – сказал Каз, хотя знал, что просить Джеспера провести ночь в игорном доме без единой ставки было жестокостью особого рода.

Он повернулся к остальным. – Никому ни слова. Никто не должен знать, что вы покидаете Керчию. Вы работаете со мной над делом где-то за городом. На этом все.

– Ты собираешься поделиться с нами деталями своего чудесного плана? – спросила Нина.

– После отплытия. Чем меньше вы знаете, тем меньше можете разболтать.

– Оставишь Хельвара без кандалов?

– Ты в состоянии вести себя пристойно? – спросил он парня.

Глаза Матиаса метали молнии, но он кивнул.

– Мы запрем комнату и поставим часового.

Инеж покосилась на огромного фьерданца.

– Или двух.

– Позовите Дирикса и Ротти, но не вдавайтесь в подробности. Они все равно поплывут с нами, так что я введу их в курс дела позже. Ах да, Уайлен, нам с тобой нужно поговорить. Я хочу знать все о торговой компании твоего отца.

Парнишка пожал плечами.

– Я ничего об этом не знаю. Он со мной такие вещи не обсуждал.

– Хочешь сказать, ты никогда не совал свой нос в его кабинет? Не копался в его документах?

– Нет, – слегка выставил подбородок Уайлен. Каз с удивлением обнаружил, что верит ему.

– Что я вам говорил? – радостно пропел Джеспер, направляясь к двери. – Бесплезный.

Остальные потянулись за ним, и Каз закрыл сейф, повернув тумблер.

– Я хотел бы поговорить с тобой, Бреккер, – произнес Хельвар. – Наедине.

Инеж настороженно покосилась на Каза, но тот не удостоил ее ответным взглядом. Она что, думает, он не справится с такой грудой мышц, как Матиас Хельвар? Каз вернул панель в стене на место и размял ногу. Та начинала побаливать: слишком часто он последнее время не спал до глубокой ночи и слишком долго утруждал ее своим весом.

– Ну же, Призрак, – сказал Каз. – Закрой дверь с той стороны.

Как только послышался щелчок замка, Матиас набросился на него. Каз позволил этому случиться – он этого ждал.

Матиас закрыл ему рот грязной рукой. Ощущение прикосновения кожи к коже вызвало у Каза отторжение, но поскольку он предвидел нападение, ему удалось сдержать нахлынувшую тошноту. Второй рукой Матиас шарил по карманам его пальто.

– Фер эсье? – гневно проревел он на фьерданском, но тут же перешел на керчийский: – Где оно?

Каз дал ему еще пару секунд на лихорадочные поиски, а затем опустил локоть и резко дернул вверх, из-за чего Хельвару пришлось ослабить хватку. Каз с легкостью выскользнул, ударив тростью под правое колено парня. Огромный фьерданец рухнул на пол. Когда он попытался снова встать, Каз пнул его.

– Лежи, жалкий *скив*.

Хельвар упорно пытался подняться. Он был быстрым, а тюрьма сделала его сильным. Каз треснул его по челюсти, а затем дважды молниеносно ударил кончиком трости по широким плечам фьерданца. Тот пораженно смотрел на свои онемевшие и беспомощные руки, висящие по бокам.

Каз перевернул трость и прижал воронью голову к горлу Хельвара.

– Еще раз шевельнешься, и я так раскрошу твою челюсть, что остаток своих дней ты будешь есть через трубочку.

Матиас застыл, но его голубые глаза горели ненавистью.

– Где помилование? – проревел он. – Я видел, как ты прятал бумагу в

карман!

Каз сел на корточки и достал сложенный документ из кармана, который еще секунду назад казался пустым.

– Это?

Фьерданец попытался дернуть своими бесполезными руками и испустил низкий животный рык, увидев, как бумага исчезла из пальцев Каза, словно испарилась в воздухе. В мгновение ока она вновь появилась у него между пальцев. Он повернул листок, дав возможность мельком увидеть строки, затем провел по ним пальцем и показал Хельвару абсолютно чистый лист.

– *Демжин*, – пробормотал Матиас. Каз не говорил по-фьердански, но это слово знал. Демон.

Едва ли. Он набил руку, наблюдая за шулерами и жуликами Восточного Обруча, и часами практиковался перед грязным зеркалом, купленным на первый заработок.

Каз осторожно постучал тростью по челюсти Хельвара.

– На каждый трюк, который ты видел, у меня есть еще тысяча других. Думаешь, год в Хеллгейте ожесточил тебя? Научил драться? Тюрьма показалась бы мне раем, когда я был ребенком. Ты двигаешься как бык, но не продержался бы и трех дней на улицах, где я вырос. Это твой единственный билет на волю, Хельвар. Не испытывай мое терпение. Кивни, если понял.

Тот поджал губы и кивнул.

– Отлично. Думаю, сегодня нам придется заковать твои ноги в кандалы.

Каз встал, схватил со стола новую шляпу и врезал напоследок фьерданцу по почкам – на всякий случай. Порой эти громилы не сразу понимают, когда следует остановиться.

10. Инеж

Уже на следующий день Инеж увидела, как все детали схемы, придуманной Казом, постепенно становятся на свои места. Ей было известно, что он обсуждал дело с каждым членом команды, но знала лишь фрагменты его плана. Это была игра, Каз всегда играл.

Если у него и возникали сомнения по поводу того, что они задумали, он этого не показывал. Хотела бы Инеж разделять его уверенность! Ледовый Двор был построен так, чтобы противостоять натиску армий,

наемников, гришей и шпионов. Когда она сказала об этом Казу, он просто ответил:

– Но его не строили, чтобы противостоять *нам*.

Самоуверенность Бреккера действовала на нервы.

– С чего ты взял, что мы сможем это сделать? Туда нужно отправить другие команды, тренированных солдат и шпионов, людей с многолетним опытом!

– Эта работа не для солдат и шпионов. Она для бандитов и воров. Ван Эк это знал и поэтому обратился к нам.

– Ты не сможешь потратить свои деньги, если умрешь.

– Значит, я буду приобретать дорогостоящие привычки в потустороннем мире.

– Знаешь разницу между уверенностью и наглостью?

Он повернулся к ней спиной и резко дернул каждую перчатку.

– Если я захочу послушать проповедь на эту тему, то обращусь к тебе. Хочешь выйти из игры – так и скажи.

Она выпрямила спину, и на защиту ей пришла уже ее собственная гордость.

– Матиас не единственный незаменимый член этой команды, Каз. Я нужна тебе.

– Мне нужны твои навыки, Инеж. Это не одно и то же. Ты можешь быть лучшим пауком, ползающим по Бочке, но ты не единственная. И тебе следует помнить об этом, если хочешь получить свою долю.

Она не произнесла ни слова, – не хотела показывать, как ее разозлила его речь, – а затем покинула кабинет и с тех пор с Казом не разговаривала.

Теперь, направляясь к гавани, девушка гадала, что заставляло ее идти этим путем.

Она могла покинуть Керчию в любой момент. Сесть на корабль, плывущий в Новый Зем, или вернуться в Равку и найти семью. Инеж надеялась, что они были на западе, в безопасности, когда началась гражданская война, ну или нашли себе убежище в Шухане. Сулийские караваны годами ездят по одним и тем же проторенным дорогам. Она с легкостью может красть все, что потребуется для выживания, пока не найдет их.

Но это бы значило, что ей придется сбежать, не выплатив долг Отбросам. Пер Хаскель обвинит во всем Каза, и тот будет отрабатывать за нее. А она оставит парня уязвимым без Призрака, который собирал бы для него секреты. Но разве не он сказал, что ей легко найти замену? Если им удастся проверить это похищение и вернуться в Керчию с невредимым Бо

Юл-Баюром, ее доли будет более чем достаточно, чтобы выкупить контракт с Отбросами. Она погасит долг перед Казом, и у нее больше не останется причин торчать в этом забытом всеми святыми городе.

До рассвета оставался только час, а на улицах было полно людей. Девушка держала путь из Восточного в Западный Обруч. Сулийцы часто говорили: «Сердце – это стрела. Ему нужна цель для меткого попадания». Ее отец любил повторять эти слова, когда она училась ходить по проволоке или кувыркаться в воздухе. «Будь решительной, – говорил он. – Ты должна знать, куда хочешь попасть, прежде чем достигнуть цели». Ее мать смеялась над ним. «Это про другое, – улыбалась она. – Ты убиваешь всю романтику». На самом деле он этого не делал. Отец обожал ее маму. Инеж помнила, как он повсюду оставлял ей маленькие букеты из дикой герани: в буфете, в кастрюлях, в которых готовили еду для каравана, в рукавах ее нарядов.

«Рассказать тебе тайну настоящей любви? – спросил он ее однажды. – Мой друг часто говаривал, что женщины любят цветы. У него было много романов, но он так и не нашел себе жену. Знаешь почему? Женщины любят цветы, но лишь одна из сотен тысяч любит аромат гардений в конце лета, напоминающих ей о крыльце бабушкиного дома. Лишь одна из них любит цветы яблони в синей чашке. Лишь одна любит дикую герань».

«Это мама!» – воскликнула Инеж.

«Да, мама любит дикую герань, потому что не существует других цветов этого оттенка, и она утверждает, что, когда ломает стебель и заправляет его себе за ухо, весь мир пахнет летом. Многие парни будут дарить тебе цветы. Но однажды ты встретишь того, кто запомнит твой любимый цветок, твою любимую песню, твои любимые сладости. И даже если он окажется слишком бедным, чтобы принести их тебе, это не будет иметь значения, потому что он потратит время, чтобы узнать тебя так, как не знает никто другой. Только он заслужит твою любовь».

Казалось, это было сотни лет назад. Папа ошибался. Ни один парень не приносил ей цветов; приходили лишь мужчины с пачками крюге и мешочками, полными монет. Увидит ли она когда-нибудь отца? Услышит ли, как поет мама, как дядя рассказывает глупые истории? *«Не уверена, что во мне осталась любовь, которую можно кому-нибудь подарить, папа».*

Проблема была в том, что Инеж больше не знала, какова ее цель. Когда она была маленькой, все казалось просто – улыбка отца, подъем на метр выше по туго натянутой веревке, апельсиновое печенье в белой обертке. Затем надо было освободиться от Тante Хелен и «Зверинца», а после этого просто пережить день, становясь с каждым утром сильнее. Теперь она не

знала, чего хочет.

«Прямо сейчас было бы неплохо получить хотя бы извинение, – решила она. – И я не сяду на корабль без него. Даже если Каз не сожалеет о сказанном, он может сделать вид. Пусть хотя бы симитирует, что он человек».

Если бы она не опаздывала, то сделала бы петлю вокруг Западного Обруча или же просто пошла по крышам. Вот таким она любила Кеттердам: пустым и тихим на высоте, с оставшейся где-то далеко внизу толпой, с освещаемыми луной пригорками остроконечных пик и нерабочими дымоходами. Но сегодня у нее не было на это времени. В последний момент Каз послал ее на поиски двух кусков парафина. При этом даже не сказал, для чего они и почему так внезапно понадобились. А снегозащитные очки? Ей пришлось побывать в трех разных лавках специального снаряжения, чтобы добыть их. Девушка так устала, что не рисковала подниматься над фронтонами. Не после двух бессонных ночей и целого дня, проведенного в поисках вещей, необходимых для похода на Ледовый Двор.

И еще ей хотелось доказать самой себе, что она сможет это сделать.

Инеж никогда раньше не бродила по Западному Обручу в одиночку. В компании Отбросов она могла с легкостью пройти мимо «Зверинца», даже не взглянув на золотые решетки на окнах. Но сегодня вечером ее сердце учащенно забилося и кровь зашумела в ушах, когда она увидела позолоченный фасад. «Зверинец» был построен так, чтобы походить на многоуровневую клетку. Первые два этажа оставались открытыми, не считая легких золотых решеток. «Зверинец» также известен как «Дом экзотики». Если вам по душе шуханские девушки, или фьерданские великанши, рыжеволосые красавицы с Блуждающего острова, или темнокожие земенки, «Зверинец» – то место, которое вам нужно. Каждой девушке присваивалось «звериное» имя: леопард, лошадь, лисица, ворона, горноста́й, лань, змея. Сулийские провидицы обычно надевали маски шакалов, когда занимались своим ремеслом, разгадывая судьбу человека. Но какой мужчина захочет спать с шакалом? Поэтому сулийки в «Зверинце», а их там предостаточно, были известны как рыси. Клиенты приходили не за самими девушками, а просто за коричневатой сулийской кожей, за огненными каэльскими волосами и за золотым блеском шуханских глаз. Зверинные имена оставались, а вот девушки появлялись и пропадали.

Инеж заметила павлиньи перья в гостиной, и ее сердце дрогнуло. Это всего лишь часть декорации, пышной цветочной композиции, но ее тревога

не утихала. Наоборот, она возрастала и перехватывала дыхание. Со всех сторон толкались люди, мужчины – в масках, женщины – в вуалях. Или, возможно, это были мужчины в вуалях, а женщины в масках. Трудно сказать. Рога Чертенка. Выпученные глаза Безумца, грустное черно-золотое лицо Королевы Скарабеев. Художники любили рисовать Западный Обруч – парней и девушек, работающих в борделях, искателей удовольствий, одетых как персонажи «Зверской Комедии». Но здесь не было ни красоты, ни настоящего веселья и радости, только деньги и люди, стремящиеся сбежать от реальности, ищущие какого-то яркого забвения, декадентских сновидений, из которых можно вынырнуть в любой момент.

Проходя мимо «Зверинца», Инеж заставила себя посмотреть на него.

«Это всего лишь место, – убеждала она себя. – Всего лишь очередной дом». Что бы увидел Каз? Где входы и выходы? Как работают замки? Какие окна не зарешечены? Сколько часовых его охраняет и у кого из них напряженный вид? Просто здание, полное замков, которые можно взломать, сейфов, которые можно открыть, и простофиль, которых можно надуть. Но теперь хищницей была она, а не Хелен в своих павлиньих перьях или любой мужчина, бродящий по этим улицам.

Как только Инеж отошла от «Зверинца», напряжение в горле и груди начало ослабевать. Она сделала это! Она прошла в одиночку по Западному Обручу, прямо перед «Домом экзотики»! Что бы ни ждало ее во Фьерде, она с этим справится.

Чья-то рука схватила ее за предплечье и едва не повалила на землю.

Инеж быстро восстановила равновесие, развернулась на пятках и попыталась отпрыгнуть, но ее крепко держали.

– Здравствуй, маленькая рысь.

Инеж со свистом втянула воздух и вырвалась из чужих рук. Танте Хелен. Именно так звали девушки Хелен Ван Хауден, если не хотели получить от нее затрещину. Для всех остальных в Бочке она была просто Павлин, хотя Инеж всегда казалось, что женщина больше походила на самодовольную кошку, чем на птицу. У неё были густые, роскошного золотистого оттенка волосы, кошачьи карие глаза. Высокая гибкая фигура завернута в ярко-синий шелк, глубокое декольте украшают радужные перья, задевающие именное бриллиантовое кольцо, сверкающее на ее шее.

Инеж собралась было бежать, но дорогу ей перегородил огромный верзил, на широких плечах которого был туго натянут синий бархатный жакет. Коббет – любимый вышибала и охранник Танте Хелен.

– Даже не думай об этом, маленькая рысь.

У Инеж потемнело в глазах. *«Ловушка, ловушка, снова ловушка».*

– Это не мое имя, – еле выдавила она.

– Упрямое создание.

Хелен схватила ее за тунику.

«Беги!» – кричал разум сулийки, но она не могла. Мышцы онемели, а в голове звучал громкий и жалобный вой ужаса.

Хелен провела единственным длинным когтем по ее щеке.

– Рысь – твое единственное имя, – промурлыкала женщина. – Ты все еще достаточно хорошенькая для того, чтобы можно было зарабатывать на тебе неплохие деньги. Хотя у тебя появились синяки под глазами – ты слишком много времени проводишь с этим мелким мошенником Бреккером.

Инеж испустила униженный сдавленный вздох, словно у нее одышка.

– Я знаю, что ты такое, рысь. Знаю, чего ты стоишь, вплоть до последнего цента. Коббет, может, нам пора вернуть ее домой?

Перед глазами девушки все поплыло.

– Ты не посмеешь. Отбросы...

– Я очень терпелива, маленькая рысь. Ты снова будешь носить мои шелка, обещаю тебе. – Хелен отпустила Инеж. – Наслаждайся вечером, – сказала она с усмешкой, раскрыв свой синий веер, и скрылась в толпе вместе с Коббетом.

Инеж застыла на месте. Ее колотило. Затем она нырнула в гущу людей, желая поскорее исчезнуть из виду. Ей хотелось бежать, но она заставила себя спокойно идти к гавани. По пути спустила крючки на ножнах под мышками и почувствовала, как ее кинжалы скользнули по рукавам в ладони. Справа – Санкт-Петр, известный своей храбростью; слева – тонкий нож с костяной рукояткой, названный в честь Санкты-Алины. У остальных ножей тоже были имена. Санкта-Мария и Санкта-Анастасия были привязаны к бедрам. Санкт-Владимир спрятан в ботинке, а Санкта-Елизавета засунута за пояс. Этот нож был покрыт узорами из роз. «Защитите меня, защитите». Она верила, что святые видели и понимали, что ей приходилось делать, чтобы выжить.

Что с ней не так? Она – Призрак. Ей больше не нужно бояться Танте Хелен. Пер Хаскель выкупил ее. Освободил. Она больше не рабыня, а ценный член банды «Отбросов», похитительница тайн, лучшая в Бочке!

Девушка спешно удалялась от огней и музыки Крышки, и вскоре впереди показались кеттердамские гавани. Чем ближе Инеж подходила к воде, тем меньше была слышна какофония Бочки. Здесь не толпились люди, пихающиеся со всех сторон, – ни приторного запаха духов, ни дикарских

масок. Она глубоко вдохнула. С этого места ей была видна верхушка одной из башен проливных, где всегда горел свет. Толстыми обелисками из черного камня днём и ночью управляла группа гришей, которые делали так, чтобы поверхность воды постоянно находилась выше сухопутного моста, который иначе соединил бы Керчию и Шухан. Даже Казу не удалось узнать, кто входит в Совет приливов, где они живут или на чем основывается их верность Керчии. Они также следили за гаванями, и, если от начальника порта или работников доков приходил сигнал, Совет менял уровень воды, что не давало кораблям выходить в море. Но в эту ночь не будет никаких сигналов. Правильные взятки уже попали в руки правильных чиновников, так что их судно готово к отплытию.

Инеж перешла на бег, направляясь к докам Пятой гавани. Она сильно опаздывала и не особо жаждала испытать на себе неодобрительный взгляд Каза.

Ей нравилось спокойствие гавани, но место казалось уж слишком тихим после шума и хаоса Бочки. По обе стороны от Инеж нависали шеренги ящиков и грузовых контейнеров – сложенных один на другой в три, а то и четыре ряда. Из-за них эта часть доков напоминала лабиринт. По спине девушки побежали капельки холодного пота. Встреча с Танте Хелен ее потрясла, и тяжесть кинжалов в руках не успокоила натянутые нервы. Она знала, что ей давно пора приобрести огнестрельное оружие, но его вес нарушал баланс, кроме того, револьвер могло заесть или он мог дать осечку в самый ответственный момент.

Маленькая рысь.

На ее кинжалы можно было положиться. Они придавали ей ощущение, что она рождена с собственными когтями.

Над водой поднималась легкая дымка, и сквозь нее Инеж увидела Каза и остальных, ждущих ее у пирса. На всех была невзрачная одежда моряков – грубые штаны, ботинки, пальто из грубой шерсти и фуражки. Даже Каз променял свой безукоризненный костюм на мешковатое пальто. Густая копна его темных волос была зачесана назад, виски выбриты, как всегда. Он походил на докера или парня, который будет поднимать паруса в своем первом рейде. На секунду Инеж показалось, что она смотрит сквозь линзу на другую, более приятную реальность.

За их спинами она разглядела маленькую шхуну, которую Каз реквизирует. На ее корпусе гордо значилось жирными буквами «Феролинд». Над кораблем развевались багровые керчийские рыбы и яркий флаг компании «Ханрад Бэй». Для любого жителя Фьерды или путешественника по Истиноморю они – простые керчийские звероловы,

плывущие за шкурами и мехом. Инеж ускорила шаг. Если бы она не опоздала, они бы наверняка уже были на борту или даже отплыли от гавани.

Им пришлось нанять минимальный экипаж – бывших моряков, каждого из которых привело к порогу «Отбросов» какое-нибудь несчастье. Сквозь туман Инеж быстро пересчитала ожидающих ее людей. Число не сходилось. Они должны были взять еще четырех членов «Отбросов», чтобы те помогли управлять шхуной, поскольку никто из их группы не знал, как обращаться с такелажем, но девушка не увидела ни одного из них. *«Может, они уже на борту?»* Не успела она закончить мысль, как почувствовала что-то мягкое под ногами и оступилась.

Инеж опустила взгляд вниз. В тусклом свете газовых ламп гавани она увидела Дирикса – одного из Отбросов, который должен был отправиться в путешествие с ними. Из его живота торчал нож, а глаза уже затянулись стеклянной пеленой.

– Каз! – крикнула девушка.

Но было слишком поздно. Шхуна взорвалась, сбивая Инеж с ног и осыпая доки горящими обломками.

11. Джеспер

Джеспер всегда чувствовал себя лучше, когда в него стреляли. Не то чтобы ему нравилась перспектива смерти (на самом деле такой, вполне прогнозируемый, исход был существенным недостатком), но, когда ему приходилось выживать под пулями, он мог не думать ни о чем другом. Этот звук – быстрое, ошеломительное подтверждение выстрела – мгновенно призывал рассеянную, вспылчивую, постоянно находящуюся в поиске часть его разума к вниманию. Это лучше, чем сидеть за столом и ждать удачи, лучше, чем стоять у «Колеса фортуны» и смотреть, как приближается твой номер. Узнал он об этом во время своего первого боя на земенской границе. Его отец потел, дрожал и едва мог перезарядить револьвер. А Джеспер нашел свое призвание.

Теперь он упирался руками на упаковочную клеть, за которой прятался, и палил из двух стволов. Его оружием были земенские револьверы, стрелявшие быстрыми очередями из шести пуль. В Кеттердаме не было оружия, которое могло бы с ними сравниться. Парень чувствовал, как они раскаляются в его руках.

Каз предупреждал, что могут быть проблемы – другие банды

стремились получить приз любой ценой. Но еще было слишком рано, чтобы ситуация принимала столь опасный поворот. Их окружили, одного убили, шхуну сожгли. Они потеряли свой транспорт во Фьерду, и если град из пуль, обрушившийся на них, о чем-нибудь и говорил, так только о том, что у их врага серьезное численное преимущество. Джеспер подумал, что могло быть и хуже: ведь они могли находиться на корабле, когда тот взорвался.

Пригнувшись, чтобы перезарядить револьвер, он увидел нечто, чему едва мог поверить. На доке лежал Уайлен Ван Эк, прикрыв своими нежными купеческими ручками голову. Джеспер тяжело вздохнул, низко выстрелил пару раз для прикрытия и выполз из уютного прибежища своей упаковочной клетки. Затем схватил Уайлена за ворот и потащил его в укрытие.

Джеспер легонько встряхнул паренька.

– Соберись, малец.

– Я не малец, – буркнул Уайлен, отмахиваясь от рук напарника.

– Хорошо, ты пожилой государственный деятель. Умеешь стрелять?

Тот медленно кивнул.

– По тарелочкам.

Джеспер закатил глаза. Затем достал ружье из-за спины и ткнул им Уайлену в грудь.

– Чудесно. Это почти то же самое, что стрелять по тарелочкам, только когда ты попадаешь, они издают другие звуки.

Тут он заметил краем глаза чей-то силуэт и резко повернулся, подняв револьверы, но это оказался всего лишь Каз.

– Беги на восток к следующему доку и поднимись на борт на причале двадцать два.

– А что на том причале?

– Настоящий «Феролинд».

– Но...

– Шхуна, которую взорвали, была приманкой.

– Ты знал о засаде?

– Нет, но я принял меры предосторожности. Этим я и занимаюсь, Джеспер.

– Ты мог бы сказать нам...

– Это противоречит самой идее приманки. Шевелись. – Каз взглянул на Уайлена, который стоял и прижимал к себе ружье, как ребенок игрушку. – И убедись, что он взойдет на корабль целым и невредимым.

Джеспер смотрел, как Каз уходит в тень с тростью в одной руке и

пистолетом в другой. Даже с одной здоровой ногой он передвигался пугающе быстро.

Затем Джеспер еще раз встряхнул Уайлена.

– Пошли.

– Пошли?

– Ты не слышал, что он сказал? Нам нужно добраться до причала двадцать два.

Уайлен глуповато кивнул, растерянно оглядываясь по сторонам. Его глаза стали круглыми, как блюдца.

– Просто держись позади меня и попытайся не умереть. Лады?

Паренек покачал головой.

– Забудь. – Джеспер опустил руку Уайлена на винтовочное ложе. – Пойдем.

Он выстрелил еще одной короткой очередью наугад, чтобы сбить с толку противника. Опустошив барабан одного револьвера, он выбежал из-за клетки и нырнул в тень. Джеспер не был уверен, что Уайлен последует за ним, но через секунду сзади послышалось топание маленького купца. Мальчишка так тяжело дышал, что воздух выходил из него со свистом, когда они бежали к следующей горе бочек.

Тут рядом со щекой Джеспера пролетела пуля, достаточно близко, чтобы оставить ожог, и он зашипел.

Они спрятались за бочками. С этого места Джеспер увидел Нину, втиснувшуюся между двумя штабелями ящиков. Ее руки были подняты, и, как только в поле ее зрения появился их обидчик, девушка сжала кулак. Парень рухнул на землю, царапая себе грудь. Но в этом лабиринте она находилась в невыгодном положении. Сердцебитам нужно видеть цель, чтобы поразить ее.

Сбоку от нее стоял Хельвар, прижавшись спиной к клетке. Его руки были связаны. Разумная предосторожность, но фьерданец был ценным союзником, и Джеспер на секунду задумался, почему Каз оставил его в таком положении. Но тут Нина достала нож из рукава и разрезала веревку, а затем вручила Матиасу пистолет.

– Защищайся, – прорычала она, вновь сосредотачиваясь на битве.

«Не самое умное решение, – подумал Джеспер. – Никогда не поворачивайся спиной к разъяренному фьерданцу». Судя по виду Хельвара, он всерьез подумывал пристрелить ее. Джеспер поднял револьвер, готовясь обезвредить великана. Но Матиас просто встал рядом с Ниной, целясь в лабиринт клеток. И вот они уже боролись бок о бок. Может, Каз не случайно оставил фьерданца с Ниной? Джеспер никогда не знал наверняка,

сколько из того, что сходило с рук Казу, было продумано, а сколько было обычным везением.

Он громко свистнул. Нина обернулась через плечо и нашла взглядом Джеспера. Он дважды показал ей два пальца, и она быстро кивнула. Знала ли она, что причал двадцать два был их настоящим местом назначения? А Инеж? Каз как обычно жонглировал сведениями, держа одного или их всех в неведении. Джеспера это очень злило, но он не мог поспорить с тем фактом, что у них все еще оставался шанс попасть во Фьерду. Если, конечно, они будут живы к тому моменту, как окажутся на борту второй шхуны.

Он дал сигнал Уайлену, и они побежали мимо лодок и кораблей, пришвартованных вдоль дока, стараясь оставаться максимально незаметными.

– Вон они! – донесся крик за спиной. Их заметили.

– Черт! – выругался Джеспер. – Беги!

Они помчались со всех ног. Там, на причале двадцать два, стояла аккуратная шхуна с надписью «Феролинд» на корпусе. Было что-то пугающее в том, насколько она походила на первый корабль. На палубе не горела ни одна лампа, но как только они с Уайленом взобрались по трапу, к ним вышли два матроса.

– Вы подоспели первыми, – сказал Ротти.

– Будем надеяться, что не последними. Вы вооружены?

Он кивнул.

– Бреккер сказал нам не высовываться, пока...

– «Пока» уже наступило, – сказал Джеспер, указывая на людей, бегущих к ним по доку, и забирая у Уайлена ружье. – Мне нужно подняться выше. Не давайте им подойти близко и отвлекайте так долго, как только сможете.

– Джеспер... – начал мальчишка.

– Ни один человек не должен пройти мимо вас. Если они уничтожат и эту шхуну, нам крышка.

Люди, наставившие на них оружие, стремились не только помешать Отбросам отплыть от гавани... они хотели их убить.

Джеспер выстрелил в двух бандитов, атаковавших из дока. Один из них упал, а второй перекатился влево и спрятался за бушпритом рыболовного судна. Парень сделал еще три выстрела, а затем быстро залез на мачту.

Снизу доносились звуки перестрелки. Еще на десять футов выше, на двадцать; ботинки застряли в такелаже. Пришлось остановиться, чтобы их

высвободить. До марса оставалось два фута, когда боль острым лезвием пронзила его бедро. Ступня соскользнула, и на секунду Джеспер завис над палубой, которая была далеко внизу, цепляясь за веревки скользкими от пота ладонями. Затем он заставил себя работать ногами и начал нащупывать опору носками ботинок. Его правая нога почти отказала из-за выстрела, и последние пару футов ему пришлось подтягиваться на трясущихся руках, пока сердце громко стучало в ушах. Казалось, каждый из его органов чувств горит огнем. Это определенно лучше, чем выигрышная серия за карточным столом.

На отдых не было времени. Джеспер зацепился раненой ногой за такелаж, не обращая внимания на острую боль, проверил прицел винтовки и начал стрелять по всем, кто находился в пределах досягаемости.

«Четыре миллиона круге», – напомнил он себе, перезаряжая оружие и находя следующего врага. Туман мешал нормально прицеливаться, но именно благодаря этому своему таланту стрелка он остался среди Отбросов после того, как его долг вырос до небес, и всем стало ясно, что Джеспер любит карты больше, чем удача любит его. Четыре миллиона круге легко перекроют его долги, и он будет еще долго-долго жить припеваючи.

Он заметил, как Нина и Матиас пытаются проложить себе путь к пирсу, но дорогу им преграждали по крайней мере человек десять. Каз бежал в противоположном направлении, а Инеж нигде не было видно, хотя это еще ничего не значило – ведь она Призрак. Она могла висеть на парусах в метре от него. Он бы все равно не заметил.

– Джеспер!

Крик донесся откуда-то снизу, и ушло несколько секунд, прежде чем парень понял, что его звал Уайлен. Он попытался не обращать на него внимания и снова прицелился.

– Джеспер!

«Я убью этого маленького идиота».

– Чего надо?!

– Закрой глаза!

– Ты не сможешь поцеловать меня оттуда, Уайлен.

– Просто сделай это!

– Для тебя же лучше, чтобы это было не зря! – Он закрыл глаза.

– Закрыл?

– Да закрыл, черт бы тебя побр...

Снизу раздался пронзительный вой, а затем под закрытыми веками Джеспера вспыхнул яркий свет. Когда он рассеялся, парень открыл глаза.

Люди неуклюже передвигались внизу, ослепленные фотобомбой

Уайлена. Но Джеспер все видел прекрасно.

«Неплохо для сына торговца», – подумал он и открыл огонь.

12. Инеж

До того как Инеж впервые ступила на канат или даже на тренировочную веревку, отец научил ее падать – защищать голову, минимизировав силу удара, и не бороться с инерцией собственного тела. Когда взрыв в гавани сбил ее с ног, девушка свернулась калачиком. Приземление вышло не из мягких, но через секунду она уже стояла на ногах и прижималась к клетке. В ушах звенело, нос пощипывало от резкого запаха пороха.

Инеж окинула Каза и остальных быстрым взглядом, а затем сделала то, что удавалось ей лучше всего – исчезла. Взмыла вверх по грузовым контейнерам, ползая по ним ловко, как насекомое. Ее ступни в тапочках с резиновой подошвой безошибочно находили малейшее углубление или опору.

Вид сверху встревожил ее. Отбросы были в меньшинстве, и убийцы окружали их со всех сторон. Правильно Каз сделал, что не сказал другим о настоящем пункте их отправления. Кто-то проболтался. Инеж пыталась присматривать за командой, но кто-то из банды мог сунуть нос не в свое дело. Каз говорил это сам: в Кеттердаме все просачивается наружу, даже в Клепке и «Клубе Воронов».

Кто-то стрелял с мачты нового «Феролинда». Инеж надеялась, что это Джеспер, добравшийся до шхуны, и теперь ей просто требовалось выиграть немного времени, чтобы и остальные успели добежать до корабля.

Девушка едва слышно ступала по верхушкам контейнеров, двигаясь вдоль ряда и выискивая себе жертв. Это оказалось легко. Никто не ожидал опасности сверху. Инеж скользнула вниз и встала за спинами двух мужчин, стреляющих в Нину. Затем молча помолилась и перерезала им глотки. Когда второй мужчина упал, она присела и задрала ему правый рукав. Под ним оказалась татуировка руки с отрезанными у костяшек указательным и средним пальцами. Черные Пики. Так это расплата за разборки Каза с Хейлсом? Или что-то большее? Каким образом им удалось так увеличить свою численность?

Она двинулась к следующему проходу между контейнерами, держа в голове местоположение других врагов. Сперва Инеж избавилась от

девушки, держащей громоздкую винтовку, затем проткнула кинжалом мужчину, который должен был прикрывать напарницу. На его татуировке значились пять птиц, летевших клином: Портовые Лезвия. Скольким же бандам они противостояли?

Дальше она наткнулась на закоулок. Стоит ли залезать наверх, чтобы проверить местность, или рискнуть встретиться с тем, что ждет ее по другую сторону? Девушка сделала глубокий вдох, пригнулась и быстро выскользнула из-за угла. Сегодня ее святые были благосклонны – спиной к ней стояли двое мужчин и стреляли по докам. Она расправилась с ними двумя резкими взмахами кинжалов. Шесть тел, шесть загубленных жизней. Ей придется долго каяться, чтобы искупить свою вину, но, по крайней мере, она помогла немного сравнять шансы Отбросов. Оставалось только попасть на шхуну.

Инеж вытерла ножи о кожаные штаны и вернула их в ножны. Затем, взяв разбег, побежала к ближайшему контейнеру. Когда ее пальцы вцепились в его край, она почувствовала острую боль в боку. Сулийка обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть уродливое лицо Омена, расплывшееся в довольной усмешке. Все сведения, которые ей удалось собрать о Черных Пиках, мгновенно ожили в ее голове и накрыли тошнотворной волной: Омен – неуклюжий вышибала Хейлса, способный проломить череп голыми руками.

Он сдернул ее с контейнера и схватил за жилетку, грубо проворачивая нож в ее боку. Инеж изо всех сил пыталась не потерять сознание.

Когда капюшон спал с ее головы, мужчина воскликнул:

– Гезен! Я поймал Призрака Бреккера!

– Тебе стоило целиться... выше, – выдохнула девушка. – Не попал в сердце.

– Ты не нужна нам мертвой, Призрак. Ты – настоящий подарок судьбы. Жду не дождусь, когда услышу все сплетни, которые ты насобирала для Грязных Рук. И его секреты тоже. Люблю хорошие истории.

– Могу поведать тебе конец этой, – с трудом выпалила она. – Но он тебе не понравится.

– Неужели? – он ударил ее об контейнер, и Инеж пронзила мучительная боль. Как только ее ноги коснулись земли, из раны в боку полилась кровь. Омен сжал ее плечи, не давая пошевелиться.

– Ты знаешь, как победить скорпиона?

Тот рассмеялся.

– Несешь чушь, Призрак? Не умирай слишком быстро. Твою рану нужно залатать.

Инеж скрестила щиколотки и услышала обнадеживающее клацанье. Она носила на коленях щитки, чтобы было удобней ползать или залезать куда-то, но была и другая причина – тоненькие стальные лезвия, спрятанные в каждом из них.

– Секрет в том, – выдавила девушка, – что нельзя сводить глаз с его хвоста. – Она подняла колено и вонзила лезвие Омену между ног.

Вышибала закричал и отпустил ее, зажав руками кровоточащий пах.

Инеж поплелась в сторону выставленных в ряд контейнеров. До нее доносились перекрикивания и звуки перестрелки. Кто побеждал? Добрались ли остальные до шхуны? Голова закружилась.

Девушка коснулись пальцами раны, они тут же намокли. Слишком много крови. Шаги... кто-то идет. Она не могла забраться на ящики из-за раны и сильной кровопотери. Инеж вспомнила, как отец впервые поднял ее к веревочной лестнице. «Лезь, Инеж».

В этом месте грузовые контейнеры были сложены в виде пирамиды. Если она поднимется хотя бы на один, то сможет спрятаться на первом уровне. «*Всего один*». Либо она залезет наверх, либо умрет внизу.

Инеж попыталась прояснить свой разум и прыгнула, цепляясь пальцами за верх контейнера. «Лезь, Инеж». Затем подтянулась и перевалилась через край на жестяную крышку.

Лежать было хорошо, но она знала, что оставила за собой кровавый след. «*Еще один, – сказала она себе. – Еще один, и ты будешь в безопасности*». Сулейка заставила себя подняться на колени и потянулась к следующему контейнеру.

Поверхность ящика закачалась, и снизу раздался смех.

– Выходи-выходи, Призрак! Пора делиться секретами!

В отчаянии Инеж схватилась за край следующего контейнера, борясь с приступом боли. Тут ящик вылетел у нее из-под ног. Девушка зависла в воздухе, беспомощно размахивая ногами. Никто не стрелял – она нужна была им живой.

– Спускайся, Призрак!

Инеж сама не знала, откуда только у нее брались силы, но ей удалось затащить себя наверх. Она легла на крышку и попыталась отдышаться.

«*Остался еще один*». Но она больше не могла. Не могла встать на колени, не могла подтянуться, не могла даже перекатиться. Слишком больно. «Лезь, Инеж».

– Не могу, папа, – прошептала она. Даже сейчас ей было грустно его разочаровывать.

«*Шевелись, – приказала она себе. – Глупо умирать в таком месте*».

Тем не менее голос в ее голове твердил, что бывают места и похуже. Она умрет здесь, на воле, в свете рассветного солнца. Умрет после достойной битвы, а не потому, что какой-то подонок устал от нее или потребовал больше, чем она может дать. Лучше умереть тут от собственного кинжала, чем с разукрашенным лицом и телом, закутанным в фальшивые шелка.

Чья-то рука схватила ее за лодыжку. Они забрались на контейнеры. Почему она не услышала их шагов? Неужели ее разум настолько отделился от реальности? Она у них в руках. Кто-то перевернул ее на спину.

Инеж достала кинжал из ножен на запястье. В Бочке столь острое лезвие считалось милосердной сталью. Оно подразумевало быструю смерть. Лучше так, чем терпеть пытки Черных Пик или Портовых Лезвий.

«Пусть святые примут меня».

Инеж прижала кончик ножа ниже груди, между ребер – стрела в ее сердце. Затем кто-то до боли сжал ей руку, заставляя выпустить кинжал.

– Пока рано, Инеж.

Голос, напоминающий скрежет от трения камня об камень. Ее глаза распахнулись. *Каз.*

Он взял ее на руки и спрыгнул с контейнеров, подвернув больную ногу.

Девушка застонала, когда они упали на землю.

– Мы выиграли?

– Ну, я же здесь, не так ли?

Должно быть, он бежал. Ее тело больно билось об его грудь с каждым резким шагом. Он не мог одновременно нести ее и опираться на свою трость.

– Я не хочу умирать.

– Сделаю все возможное, чтобы найти тебе занятие поинтересней.

Инеж закрыла глаза.

– Продолжай говорить, Призрак. Не ускользай от меня.

– Но именно это получается у меня лучше всего.

Он обхватил ее крепче.

– Просто потерпи до шхуны. Открой свои чертовы глаза, Инеж!

Она пыталась. Перед глазами все плыло, но она могла разобрать бледный блестящий шрам на шее Каза, прямо под челюстью. Ей вспомнилась их первая встреча в «Зверинце». Каз платил Танте Хелен за информацию – биржевые советы, разговоры политиков, все, о чем трепались клиенты «Зверинца», когда пьянели или теряли голову, находясь в состоянии блаженства. Он никогда не посещал девушек, хоть многие из них с радостью отвели бы его к себе в комнату. Они утверждали, что при

виде его у них мурашки бежали по коже, что его руки были навечно запятнаны кровью под этими черными перчатками. Но Инеж слышала возбуждение в их голосах, видела, как они провожали его взглядом.

Однажды ночью, когда он проходил мимо нее в гостинной, она решилась на глупый, отчаянный поступок.

– Я могу помочь тебе, – прошептала девушка.

Он окинул ее взглядом и пошел дальше, словно она ничего и не говорила. На следующее утро Танте Хелен вызвала ее к себе. Инеж ждала очередного избиения или чего похуже, но вместо этого обнаружила Каза Бреккера, опирающегося на свою трость с вороном и желающего изменить ее жизнь.

– Я могу помочь тебе, – повторила она теперь.

– Помочь в чем?

Инеж не могла вспомнить. Ей нужно было что-то ему рассказать. Но это уже не имело никакого значения.

– Говори со мной, Призрак.

– Ты вернулся за мной.

– Я защищаю свои инвестиции.

«Инвестиции».

– Как я рада, что испачкала тебе кровью всю рубашку.

– Запишу это на твой счет.

Теперь она вспомнила. Каз задолжал ей извинение.

– Попроси прощения.

– За что?

– Просто скажи это.

Ответ она так и не услышала. Мир вокруг почернел.

13. Каз

– Убираемся отсюда! – крикнул Каз, как только доковылял до шхуны с Инеж на руках. Паруса были уже подняты, и через пару минут они выплыли из гавани, хоть и не так быстро, как ему бы хотелось. Он знал, что стоило нанять пару шквальных для путешествия, но их было чертовски трудно найти.

На палубе царил хаос. Люди кричали и пытались как можно быстрее вывести шхуну в открытое море.

– Шпект! – обратился Каз к мужчине, которого назначил капитаном этого судна. Когда-то он был моряком, умевшим искусно пользоваться

ножом, но потом в его жизни началась черная полоса, которая закончилась тем, что он застрелял в «шестерках» у Отбросов. – Приведи свой экипаж в порядок, пока я не начал сносить головы.

Шпект отсалютовал, но быстро опомнился. Он больше не служил во флоте, да и Каз – не командир.

Нога ужасно болела, даже хуже, чем когда он ее сломал, упав с крыши банка неподалеку от Гельдштрата. Возможно, он снова повредил кость. Вес Инеж не улучшал ситуацию, но, когда Джеспер вырос перед ним, чтобы помочь, Каз демонстративно прошел мимо.

– Где Нина? – прорычал он.

– Помогает раненым внизу. Обо мне она уже позаботилась. – Каз заметил запекшуюся кровь на бедре Джеспера. – Уайлен получил травму во время боя. Давай помогу...

– Прочь с дороги, – сказал Бреккер и рванул к трапу, ведущему в трюм.

Нина исцеляла Уайлена в одной из маленьких кают шхуны. Ее руки парили над его предплечьем, сшивая плоть, разорванную пулей. Обычная царапина.

– Подвинься, – потребовал Каз, и Уайлен почти спрыгнул со стола.

– Я не закончила... – начала было Нина, но тут увидела Инеж. – Ради всех святых! – воскликнула девушка. – Что произошло?

– Ножевое ранение.

Тесная каюта освещалась парочкой ярких ламп. На полке рядом с бутылкой камфары лежала стопка чистых бинтов. Каз аккуратно положил Инеж на стол, привинченный к полу.

– Она потеряла много крови, – тихо прошептала Нина.

– Помоги ей.

– Каз, я сердцеебка, а не настоящий целитель.

– К тому времени, как мы найдем его, она умрет. Приступай к работе.

– Ты перекрываешь мне свет.

Каз отошел в сторону. Инеж лежала на столе абсолютно неподвижно. Ее светящаяся коричневая кожа темнела в мерцающем свете газовых ламп.

Он был жив благодаря Инеж. Как и все остальные. Им удалось выбраться из тупика, но только потому, что она не дала врагам окружить их. Каз был знаком со смертью. Он чувствовал ее присутствие на корабле, она уже нависла над ним, готовая забрать у него Призрака. Он был весь в ее крови.

– Если не можешь помочь, лучше уйди, – сказала Нина, не поднимая головы. – Ты действуешь мне на нервы.

Каз помедлил, а затем пошел той же дорогой, которой пришел, войдя в

другую каюту, чтобы сменить рубашку на чистую. Драка в доках не должна была так его потрясти, выбить из колеи, но, тем не менее, он был обеспокоен. Что-то внутри него саднило и зудело. То же самое он чувствовал в детстве, в первые отчаянные дни после смерти Джорди.

«Попроси прощения».

Это были последние слова Инеж. За что она хотела услышать извинение? Было столько вариантов. Тысячи преступлений. Тысячи глупых подколов.

Выйдя на палубу, Бреккер глубоко вдохнул свежий морской воздух и стал наблюдать, как гавань и Кеттердам исчезают за горизонтом.

– Ну и что, черт возьми, произошло? – спросил Джеспер. Он опирался на перила, держа в руке винтовку. Его волосы были взъерошены, зрачки расширены. Он казался пьяным или только что вылезшим из чужой постели. Джеспер всегда так выглядел после битвы. Рядом над перилами склонился Хельвар – его тошнило. Моряк из него так себе. В какой-то момент им придется снова надеть на него кандалы.

– Мы попали в засаду, – отозвался Уайлен с боковой палубы. Он задрал себе рукав и проводил пальцами по красному пятну в том месте, где Нина зашила его рану.

Джеспер окинул его уничижительным взглядом.

– Личные репетиторы из университета, и это все, что этот ребенок может сказать? «Мы попали в засаду»?

Уайлен покраснел.

– Хватит называть меня ребенком! Мы почти ровесники.

– Тебе не понравятся другие клички, которые я припас для тебя. *Все знают*, что мы попали в засаду. Это не объясняет того, как они узнали, что мы будем здесь. Может, Большой Боллигер был не единственным шпионом Черных Пик среди Отбросов...

– У Хейлса нет ни мозгов, ни ресурсов, чтобы самому так быстро и мощно нанести ответный удар, – задумчиво произнес Каз.

– Уверен? Потому что удар был довольно-таки сильный.

– Сейчас узнаем. – Каз проковылял к месту, где Ротти привязал Омена.

«Я пырнул твоего Призрака, – хохотал верзила, когда Каз заметил его, свернувшегося на земле. – Хорошенько пырнул». Бреккер посмотрел на кровь на бедре Омена и ответил: «Похоже, она тебя тоже». Но она промазала, иначе Омен бы уже не разговаривал. Каз вырубил телохранителя и приказал Ротти отнести его на корабль, пока он будет искать Инеж.

Теперь Хельвар и Джеспер тащили его к перилам. Руки мужчины были

связаны.

– Поднимите его.

Хельвар поднял Омена на ноги одним мощным рывком.

Тот ухмыльнулся; к его широкому лбу прилипла копна жестких белесых волос.

– Почему бы тебе не рассказать, что привело сегодня к нам орду Черных Пик? – спросил Каз.

– Не хотели оставаться перед тобой в долгу.

– Затеяв публичную драку с пистолетами и тридцатью людьми? Что-то мне так не кажется.

Омен заржал:

– Хейлс не любит проигрывать.

– Мозги Хейлса поместились бы в носок моего ботинка. А Большой Боллигер был его единственным источником информации среди Отбросов.

– Может, он...

Каз перебил его:

– Советую тебе хорошенько подумать, Омен. Хейлс наверняка считает тебя мертвым, поэтому здесь не о чем торговаться. Я могу делать с тобой, что пожелаю.

Омен плюнул ему в лицо.

Бреккер достал платок из кармана пальто и тщательно вытер лицо. Ему вспомнилась Инеж, неподвижно лежавшая на столе, и как он нес ее на руках.

– Держите его, – скомандовал он Джесперу и фьерданцу. Каз дернул рукавом, и в его руке появился нож для устриц. У него в одежде всегда была припрятана парочка ножей. Этот даже не брался в расчет – аккуратный, миниатюрный, но очень острый ножик.

Бреккер провел плавную линию через глаз Омена – от брови до скулы – и, прежде чем Омен успел набрать воздух, чтобы закричать, нанес второй порез в противоположную сторону. Вышел идеальный «Х». Вот теперь Омен заорал.

Каз вытер ножик, вернул его в рукав и надавил пальцами в перчатке Омену на глазницу. Тот визжал и дергался, пока Бреккер вытаскивал его глаз вместе с окровавленным нервом. Лицо бандита залила кровь.

Уайлена стошнило. Каз выкинул глаз за борт и вставил намокший от слюны платок в глазницу Омену. Затем схватил его за челюсть, оставляя кровавые полосы от перчаток на лице головореза. Его движения были четкими, точными, словно он раздавал карты в «Клубе Воронов» или взламывал простенький замок. Но его ярость была жаркой, безумной и до

тех пор ему неведомой. Что-то внутри него вырвалось на свободу.

– Послушай меня, – прошипел он в лицо Омену. – У тебя два варианта. Либо ты говоришь мне, что я хочу знать, и мы отпустим тебя в первом же порту с карманами, полными монет, чтобы зашить глаз и купить себе билет обратно в Керчию. Либо я вырву второй глаз и начну этот же разговор уже со слепым человеком.

– Это была всего лишь работа, – забормотал Омен. – Хейлсу заплатили пять тысяч крюге за то, чтобы он натравил на вас Черных Пик. Мы позвали и банду Портовых Лезвий.

– Почему не взяли больше людей? Почему бы не удвоить свои шансы?

– Предполагалось, что вы будете на шхуне, когда та взорвется! От нас требовалось позаботиться лишь о тех, кто опоздает.

– Кто вас нанял?

Омен замешкал и закусил губу. Из его носа потекли сопли.

– Не заставляй меня спрашивать дважды, – тихо процедил Каз. – Кто бы это ни был, он тебя уже не защитит.

– Он меня убьет.

– А я заставлю тебя мечтать о смерти, так что взвесь свои возможности.

– Пекка Роллинс, – всхлипнул мужчина. – Это был Пекка Роллинс!

Даже несмотря на глубокий шок, Каз заметил, какой эффект произвело это имя на Джеспера и Уайлена. Хельвар слишком мало о нем знал, чтобы испугаться.

– Святые, – простонал Джеспер. – Нам крышка.

– Роллинс сам ведет корабль? – спросил Каз.

– Какой корабль?

– Во Фьерду.

– Я ничего об этом не знаю. Мы просто должны были помешать тебе выйти из гавани.

– Понятно.

– Мне нужен доктор. Можешь отвести меня к доктору?

– Конечно, – кивнул Каз. – Тебе туда. – Он схватил Омена за обшлаг и сбил с ног, прижив его тело к перилам.

– Я рассказал тебе все, что ты хотел! – закричал мужчина, пытаясь бороться. – Сделал то, что ты просил!

Несмотря на мощное телосложение, Омен был не таким уж и сильным – просто крепкий фермер, как Джеспер. Наверное, он рос где-то в полях.

Бреккер наклонился, чтобы никто не услышал то, что он скажет:

– Мой Призрак – адвокат милосердия. Но из-за тебя ее здесь нет, и

никто не попросит о снисхождении к тебе.

Без лишних слов он скинул Омена в море.

– Нет! – воскликнул Уайлен, наклоняясь над бортом. Его лицо побледнело, широко распахнутые глаза пытались найти Омена между волн. Мольбы телохранителя затихли, когда его искалеченное лицо исчезло из виду.

– Ты... ты сказал, что, если он нам поможет...

– Хочешь последовать за ним?

Парень глубоко вдохнул, словно пытался набраться храбрости, и выпалил:

– Ты не выкинешь меня за борт. Я тебе нужен.

«Почему люди постоянно мне это говорят?»

– Возможно, – ответил Каз. – Но я сейчас не очень здраво рассуждаю.

Джеспер опустил руку Уайлену на плечо.

– Просто забудь.

– Это неправильно...

– Уайлен, – слегка встряхнул его Джеспер. – Может, репетиторы тебя этому не учили, но не стоит спорить с человеком, покрытым кровью и с ножом в рукаве.

Сын купца сжал губы в тонкую линию. Каз не мог понять, испугался паренек или злится, но ему было все равно. Хельвар молча стоял в стороне и просто наблюдал за происходящим. Вид у него был не очень, а кожа под светлой бородой позеленела от морской болезни.

Каз повернулся к Джесперу:

– Найди для фьерданца кандалы, чтобы он оставался честным. – Затем начал спускаться в трюм. – И принеси мне чистую одежду и воды.

– С каких пор я стал твоим камердинером?

– Человек с ножом, помнишь? – крикнул Каз через плечо.

– Человек с револьвером! – отозвался Джеспер.

Каз ответил экономящим время жестом, показав средний палец, и скрылся внизу. Ему хотелось принять теплую ванну и выпить бренди, но пришлось удовлетвориться одиночеством и отсутствием запаха крови.

Пекка Роллинс. Имя отдавалось в его голове, как выстрелы пистолета. Опять он – человек, лишивший его всего. Человек, который встал между Казом и самым грандиозным похищением в истории банд. Отправит ли Роллинс кого-то вместо себя или сам возглавит операцию по похищению Бо Юл-Баюра?

В стенах темной каюты Каз прошептал: *«Кирпичик за кирпичиком»*. Убить Пекку всегда казалось заманчивой идеей, но этого было

недостаточно. Каз хотел унижить его. Хотел, чтобы он страдал, как когда-то они с Джорди. И возможность вырвать тридцать миллионов крюге прямо из загребуших рук Роллинса – неплохое начало. Может, Инеж права. Может, судьбе было дело до таких людей, как он.

14. *Нина*

Сидя в тесной хирургической каюте, Нина пыталась собрать тело Инеж воедино, но ей не хватало опыта для такой работы.

Во время обучения в столице Равки первые два года все корпоралы занимались вместе: изучали одни и те же предметы, проводили вскрытия. Но затем их пути разошлись. Целителей учили тонкому искусству заживления ран, а сердебиты становились солдатами – экспертами в нанесении, а не лечении травм. Разные типы мышления, хотя в принципе они обладали одним и тем же даром. Но живые требуют больше сил, чем мертвые. Для смертельного удара нужны решимость, четкая цель. Исцеление же было плавным, ритмичным действием, которое требовало тщательного обдумывания малейшего движения. Работа, которую она выполняла для Каза последний год, как и кропотливый труд над сменой настроений и перекройкой лиц в «Белой розе», помогли ей усовершенствоваться.

Глядя теперь на Инеж, Нина жалела, что ее обучение в школе было таким кратким. Гражданская война в Равке разгорелась, когда девушка была ученицей в Малом дворце, и им с однокашниками пришлось скрываться. Едва военные действия закончились и пыль осела, король Николай настоял, чтобы оставшиеся солдаты-гриши были быстро обучены и отправлены на поле боя. Поэтому Нина провела всего шесть месяцев на ускоренных курсах, прежде чем получила свое первое задание. В то время она была этому рада. А теперь была бы благодарна хотя бы еще за одну неделю обучения.

У Инеж было гибкое и упругое тело, как и у всех акробатов: сплошные мышцы и тоненькие косточки. Нож вошел в ее плоть под левой рукой. Смерть была близка: войди острие на миллиметр глубже, и оно бы пронзило верхушку сердца.

Нина знала, что если она просто зашьет кожу, как сделала с Уайленом, то Инеж будет страдать от внутреннего кровотечения, поэтому она попыталась остановить кровь. У нее неплохо получилось, но Инеж потеряла слишком много крови, и как тут помочь, Нина не знала. Она

слышала, что некоторые целители могли перелить кровь из одного человека в другого, но если операцию провести неправильно, для пациента это будет не спасением, а отравлением. О тонкостях этого процесса Нина ничего не знала.

Она закончила заживлять рану и укрыла Инеж легким шерстяным одеялом. Теперь Нина могла лишь контролировать пульс и дыхание. Когда она прятала руку девушки под одеяло, то заметила покрытую рубцами кожу предплечья. Нина ласково провела пальцем по шишковатому шраму. Должно быть, это было перо павлина – татуировка, которую наносили всем девушкам «Зверинца». Кто бы ее ни удалял, свою работу он сделал безобразно.

Поддавшись любопытству, Нина задрала рукав на второй руке. Там кожа была гладкой и чистой. Инеж не сделала татуировку с вороном и кубком, которая была у всех полноправных членов банды «Отбросов». Союзы в Бочке постоянно менялись, но банда была твоей семьей, единственной защитой, которая имела значение. У самой Нины было две татуировки: одна, на левом предплечье, символизировала дом «Белой розы», а вторая, которая действительно что-то значила для нее, была набита на правой руке и изображала ворона, пытающегося испить из почти пустого кубка. Она сообщала миру, что девушка принадлежит «Отбросам» и что шутить с ней не стоит, иначе есть риск нарваться на их гнев.

Инеж пробыла с Отбросами дольше, чем Нина, но татуировку так и не сделала. Странно. Она – одна из самых ценных членов банды, и Каз ей определенно доверял – по крайней мере, настолько, насколько Каз вообще может кому-то доверять. Нина вспомнила выражение его лица, когда он положил Инеж на стол. Он был все тем же Казом, – суровым, грубым, невыносимым – но под маской гнева ей привиделось что-то еще. Или же она просто была безнадежным романтиком.

Нина посмеялась над собой. Ей ни в кого не хотелось влюбляться. Это как гость, которого ты сначала ждешь, а потом не знаешь, как от него избавиться.

Она откинула с лица Инеж прямые черные волосы.

– Прощу, очнись, – прошептала она. Ее раздражала предательская дрожь в голосе. Она говорила не как солдат-гриш или бессердечный член «Отбросов», а как маленькая девчонка, которая не знала, что делать. И именно так она себя и чувствовала. Обучение было слишком *коротким*. На первую миссию отправили слишком *рано*. Зоя говорила это еще тогда, но Нина умоляла взять ее с собой, и они в ней нуждались, поэтому старшие гриши согласились.

Зоя Назяленская – могущественная шквальная, красивая до неприличия, – могла превратить самоуверенность Нины Зеник в пепел одним поднятием брови. Нина ее боготворила. «Безрассудная, глупая, постоянно отвлекаешься от дела!» – Зоя говорила ей вещи и похуже.

– Ты была права, Зоя. Теперь ты довольна?

– Вне себя от счастья, – сказал Джеспер, появляясь в дверном проеме.

Девушка вздрогнула и оглянулась. Джеспер раскачивался на пятках.

– Кто такая Зоя?

Нина откинулась на стуле.

– Никто. Член Триумvirата гришей.

– Круто. Это те, кто руководят Второй армией?

– Тем, что от нее осталось. – Солдаты-гриши были уничтожены во время войны. Некоторым удалось сбежать, но большинство были убиты. Нина устало потерла глаза. – Знаешь, как легче всего найти гриша, который не хочет, чтобы его нашли?

Джеспер почесал затылок, прикоснулся руками к своим револьверам, затем снова почесал затылок. Он ни на секунду не переставал двигаться.

– Никогда об этом не задумывался.

– Ищи чудо и прислушивайся к сказкам на ночь.

Следите за легендами о ведьмах и гоблинах, за необъяснимыми событиями. Иногда это было просто суеверие. Но чаще всего в сердце народных легенд крылась правда – люди, рожденные с исключительным даром, который их страны не понимали. У Нины был хороший нюх на такие истории.

– По мне, если они не хотят обнаруживать себя, лучше оставить их в покое.

Нина окинула его мрачным взглядом.

– Дрюскели не оставят их в покое. Они охотятся на гришей по всему миру.

– А они все такие же милашки, как Матиас?

– Даже хуже.

– Мне нужно найти кандалы ему на ноги. Вечно Каз поручает мне самую веселую работу.

– Хочешь поменяться? – устало предложила Нина.

Дикая энергия долговязого парня тут же куда-то испарилась. Нина еще никогда не видела его таким тихим. Его взгляд впервые остановился на Инеж. *«Он избегал этого, – поняла Нина. – Не хотел на нее смотреть»*. Одеяло слегка приподымалось в такт ее тяжелому дыханию. Когда Джеспер заговорил, его голос звучал напряженно, как у инструмента, чьи струны

натянули слишком туго:

– Она не может умереть. Только не так.

Нина недоуменно покосилась на него.

– Как не так?

– Она не может умереть, – повторил парень.

Девушка посмотрела на него с раздражением. Ее разрывало между желанием крепко обнять Джеспера и желанием накричать на него, ведь она делала все возможное!

– Ради всех святых, Джеспер, я стараюсь изо всех сил.

Он отвернулся, и его тело снова пришло в движение.

– Прости, – немного застенчиво произнес он и неловко похлопал ее по плечу. – У тебя отлично получается.

Нина вздохнула.

– Неубедительно. Почему бы тебе не пойти заковать того гигантского блондинчика?

Джеспер отсалютовал и выскользнул из каюты.

Как бы он ее ни раздражал, Нина чуть было не поддалась искушению позвать его обратно. После ухода Джеспера у нее ничего не осталось, кроме голоса Зои в голове и напоминания, что ее «стараний изо всех сил» было недостаточно.

Кожа Инеж слишком холодная. Нина положила ей руки на плечи и попыталась ускорить кровообращение, тем самым слегка подняв температуру тела.

Она была не до конца честна с Джеспером. Триумвират не просто хотел спасти всех гришей от фьерданских охотников на ведьм. Они отправляли людей на Блуждающий остров и в Новый Зем, потому что Равка нуждалась в солдатах. Они искали гришей-отшельников и пытались убедить их стать гражданами Равки, чтобы служить короне.

Нина была слишком юной, чтобы попасть на поле боя во время равкианской гражданской войны, но ей отчаянно хотелось принять участие в восстановлении Второй армии. Только ее необыкновенная одаренность в изучении языков – шуханский, каэльский, сулийский, фьерданский, даже некоторые земенские диалекты – наконец убедила Зою. Она согласилась, чтобы Нина сопровождала их группу экспертов-гришей на Блуждающий остров. Несмотря на все опасения Назяленской, девушка успешно справлялась с работой. Прикидываясь путешественницей, она проскальзывала в таверны и флигели, чтобы подслушать разговоры и пообщаться с местными жителями. После этого она возвращалась с собранной информацией в лагерь.

«Если ты направляешься в Марох Глен, то поезжай лучше днем. Эти земли кишат злыми духами – откуда ни возмись возникают бури!»

«Ведьма из Феллса настоящая! Мой двоюродный брат пошел к ней с приступом *цифия*, а потом клялся, что никогда не чувствовал себя здоровее. Ты хочешь сказать, что он идиот? Да у него мозгов больше, чем у тебя когда-либо будет!»

Они нашли две семьи гришей, прячущихся в пещерах Истамеры, где якобы обитали феи, и спасли мать, отца и двух мальчиков – инфернов, управляющих огнем, – от толпы в Фенфорде. Они даже совершили налет на судно работорговцев неподалеку от порта в Лефлине. Беженцев отсортировали, и тем, у кого не было способностей, предоставили возможность вернуться домой. Тем же, у кого эксперты нашли таланты, предложили убежище в Равке. Только старая сердцеебка, известная как Ведьма из Феллса, решила остаться.

«Если они хотят моей крови, пусть сами за ней придут, – рассмеялась она. – Я верну ее, взяв кровь у них».

Нина знала каэльский как родной и любила примерять на себя разные личности в каждом новом городке. Но, несмотря на ее триумф, Зоя была недовольна. «Недостаточно просто знать языки, – выговаривала она. – Тебе нужно научиться быть менее... заметной. Ты слишком громкая, слишком несдержанная, слишком запоминающаяся. Слишком много риска».

«Зоя, – обратился к ней один эксперт, путешествующий с ними. – Будь полегче с ней». Он был живым усилителем. Когда он умрет, его кости могут усилить силу гришей, как акулы зубы или медвежьи когти, которые они носили. Но живым он был бесценен для их экспедиции, потому что мог использовать свой дар, чтобы чувствовать силу гришей через касание.

Обычно Зоя защищала его, но тогда ее темно-голубые глаза превратились в щелочки. «Мои преподаватели со мной не нянчились. Если она доиграется до того, что ее погонит по лесу толпа крестьян с вилами, ты их тоже попросишь быть полегче?»

Нина была ошеломлена и выбежала из комнаты, устыдившись накативших слез. Они задели ее гордость. Зоя кричала ей вдогонку, чтобы она не заходила за горы, но девушка не послушалась, желая убраться как можно дальше от шквальной. Так она и попала прямо в лагерь дрюскелей. Шесть светловолосых парней, общавшихся на фьерданском, собрались на скале над берегом. Они не разводили костер и были одеты как каэльские крестьяне, но Нина сразу же их раскусила.

Они долго на нее смотрели, сияющую в серебристом свете луны.

– О, слава богам! – прошептала она на каэльском. – Я путешествую с

семьей, но заблудилась в лесу. Может, кто-нибудь из вас поможет мне найти дорогу?

– Кажется, она потерялась, – перевел на фьерданский один из них.

Другой встал, в его руке был фонарик. Он был выше остальных, и все ее инстинкты кричали, что нужно бежать. *«Они не знают, кто ты, – напомнила она себе. – Ты просто симпатичная каэльская девушка, заблудившаяся в лесу. Не делай глупостей. Отведи его подальше от остальных и разберись с ним наедине».*

Он поднял фонарь, и его отблеск осветил их лица. У него были длинные волосы цвета полированного золота, а светло-голубые глаза мерцали, как лед на зимнем солнце. *«Будто с картинки»*, – подумала Нина. Святой, покрытый сусальным золотом на стенах церкви, рожденный, чтобы орудовать огненным мечом.

– Что ты тут делаешь? – спросил он на фьерданском.

Она изобразила недоумение и ответила на каэльском:

– Простите, я не понимаю. Я заблудилась.

Парень набросился на нее. Нина не раздумывала, просто отреагировала, подняв руки для ответной атаки. Он был слишком быстрым. Не медля ни секунды, бросил фонарик и схватил ее за руки, крепко сжимая ладони, чтобы она не могла воспользоваться своей силой.

– *Дрюсье*, – довольно промолвил он. «Ведьма». Его губы расплылись в волчьем оскале.

Нападение было проверкой. Девушка, потерявшаяся в лесу, защищалась бы ножом или пистолетом. Она бы не пыталась остановить человеческое сердце своими руками. «Безрассудная. Импульсивная».

Поэтому Зоя и не хотела брать ее с собой. Хорошо натренированный гриш ни за что бы не допустил такой ошибки. Нина поступила как идиотка, но не собиралась становиться еще и предательницей. Она молила дрюскелей на каэльском, а не равкианском, и не кричала о помощи ни когда они связали ей руки, ни когда угрожали, ни когда закинули ее в шлюпку, как мешок с просом. Ей хотелось вопить от страха позвать Зою, умолять кого-нибудь спасти ее, но она не стала рисковать жизнью других. Дрюскели отвезли ее на корабль, пришвартованный неподалеку от берега, и затолкали в клетку в трюме, полную других пленных гришей. Вот тогда начался ужас.

Ночь и день слились воедино в сыром чреве корабля. Руки пленников были туго связаны, чтобы они не могли воспользоваться своим даром. Кормили их черствым хлебом, кишащим долгоносиками, которого хватало только на то, чтобы поддерживать в них жизнь. Питьевую воду приходилось расходовать очень осторожно, поскольку никто не знал, когда

они получают ее в следующий раз. Там не было отхожего места, поэтому смрад, исходящий от тел и испражнений, стоял невыносимый.

Иногда судно бросало якорь, и дрюскели возвращались с очередным пленником. Фьерданцы стояли перед их клетками, ели, пили и издевались над их грязной одеждой и мерзким запахом. Как бы это ни было ужасно, гораздо больше пугало то, что ждало их впереди – инквизиторы Ледового Двора, пытки и неминуемая смерть. Нине снилось, как ее сжигали заживо на костре, и она просыпалась с криком на устах. Кошмары, страх и головокружение от голода смешивались воедино, и вскоре она начала сомневаться, что реально, а что – нет.

Однажды дрюскели собрались в трюме, одетые в свежесглаженные, украшенные серебром черные мундиры. У каждого на рукаве была вышита голова белого волка. Они выстроились в шеренгу и встали по стойке смирно, когда вошел их командир. Он был, как и все, высоким, но в отличие от других носил аккуратную бородку. Его длинные светлые волосы уже начинали седеть на висках. Офицер прошелся по трюму и остановился перед пленниками.

– Сколько? – спросил он.

– Пятнадцать, – ответил златовласый парень, который поймал Нину. Она первый раз увидела его в трюме.

Командир прочистил горло и убрал руки за спину.

– Меня зовут Ярл Брум.

Нина вздрогнула от страха и почувствовала, как он отзывается в душах других гришей в клетке – предупредительный сигнал, к которому никто из них не мог не прислушаться.

В школе Нина была одержима дрюскелями. Они были чудовищами из ее кошмаров, со своими белыми волками, безжалостными ножами и конями, которых они разводили специально для сражений с гришами. Вот почему она очень прилежно изучала язык и культуру фьерданцев. Так она готовилась к встрече с дрюскелями и к грядущей битве. Ярл Брум был худшим из них.

Он – легенда, монстр, прячущийся во тьме. Дрюскели существовали сотни лет, но под руководством Брума их силы удвоились, а их действия стали куда более изощренными. Он изменил систему их обучения, разработал новые методы по искоренению гришей из Фьерды, просочился через равкианскую границу и начал отлавливать гришей-изгоев на других землях. Даже нападал на корабли работорговцев, «освобождая» пленников с одной лишь целью: заковать их снова в цепи и отправить во Фьерду, где их ожидали суд и казнь. Нина представляла, как однажды встретится с ним

в качестве воина-мстителя или хитроумного шпиона. Но никогда в своих фантазиях она не сидела напротив него в клетке, умирая от голода, со связанными руками и одетая в лохмотья.

Брум, похоже, знал, какое впечатление произведет его имя. Он выдержал паузу, прежде чем обратиться к ним на идеальном каэльском:

– Перед вами стоит новое поколение дрюскелей – священный орден, которому поручено защищать суверенную нацию Фьерды, искореняя ваш род. Они отвезут вас во Фьерду и передадут в руки правосудия, тем самым заслужив офицерский чин. Они – самые сильные и лучшие из нас.

«Головорезы», – подумала Нина.

– Когда мы доплывем до Фьерды, вас допросят и будут судить за ваши преступления.

– Пожалуйста, – взмолился один из пленников. – Я ничего не сделал. Я обычный фермер. Я не причинял вам зла.

– Ты оскорбляешь Джелиа своим существованием, – ответил Брум. – Паразит на этой земле. Ты кажешься миролюбивым, но как насчет твоих детей, которым ты можешь передать свою демоническую силу? Как насчет их детей? Я лучше буду милосердным по отношению к беспомощным мужчинам и женщинам, которые пострадали от мерзких деяний гришей.

Затем он повернулся к дрюскелям:

– Хорошая работа, ребята, – сказал он на фьерданском. – Отплываем в Джерхольм немедленно.

Дрюскели едва не лопались от гордости. Как только Брум вышел из трюма, они начали хлопать друг друга по спине и смеяться от облегчения и радости.

– Действительно хорошая работа, – сказал один из них. – Пятнадцать гришей будет доставлено в Ледовый Двор!

– Надеюсь, мы заслужим повышение...

– Ты же знаешь, что да.

– Хорошо, а то мне надоело бриться каждое утро.

– Отращу бороду аж до пупка!

Затем один из фьерданцев просунул руку в клетку и схватил Нину за волосы.

– Мне нравится эта, все еще симпатичная и кругленькая. Может, откроем дверь и завалим ее?

Парень с золотистыми волосами отдернул руку товарища.

– Да что с тобой не так? – впервые подал он голос с момента ухода Брума. Легкий прилив благодарности тут же испарился, как только он

добавил: – Ты бы стал спать с собакой?

– А как эта собака будет выглядеть?

Остальные залились гадким смехом и пошли наверх. Парень, который сравнил ее с животным, уходил последним, и, в тот момент, когда он собирался уже выйти в коридор, Нина обратилась к нему на чистом, идеальном фьерданском:

– За какие преступления?

Он замер и оглянулся, его голубые глаза горели ненавистью. Нина даже не вздрогнула.

– Откуда ты знаешь мой язык? Ты служила на северной границе Равки?

– Я каэлка, – соврала она, – и говорю на всех языках.

– Очередное колдовство.

– Если под колдовством ты подразумеваешь сокровенную практику чтения. Твой командир сказал, что нас будут судить за наши преступления. Я хочу, чтобы ты объяснил, в каких преступлениях меня обвиняют.

– Вас всех будут судить за шпионаж и преступления против народа.

– Мы не преступники, – отозвался сидящий на полу фабриктор на ломаном фьерданском. Он находился здесь дольше всех и был настолько слаб, что не мог встать. – Мы – обычные люди. Фермеры, учителя...

«Не я, – мрачно подумала Нина. – Я – солдат».

– Будет судебное разбирательство, – ответил дрюскель. – К вам отнесутся справедливее, чем вы того заслуживаете.

– И сколько гришей за все это время признали невиновными? – спросила Нина.

Фабриктор застонал.

– Не провоцируй его. Тебе не изменить его убеждений.

Но она вцепилась в прутья связанными руками и повторила:

– Сколько? Скольких вы отправили на костер?

Он повернулся к ней спиной.

– Стой!

Но парень не обернулся.

– Стой! Пожалуйста! Просто... принеси хоть немного свежей воды. Ты бы не стал так мучить даже своих псов.

Фьерданец замер, взявшись рукой за дверь.

– Мне не стоило так тебя называть. Собаки хотя бы знают, что такое преданность. Верность своей стае. Назвать тебя собакой – оскорбление для них.

«Я скормлю тебя стае голодных псин», – подумала Нина. Но вместо

этого сказала:

– Воды. Пожалуйста.

Он скрылся в коридоре. Она услышала, как парень взбирается по лестнице и с грохотом закрывает люк.

– Не трать на него воздух, – посоветовал фабрикатор. – У него нет к тебе чувства жалости.

Но через некоторое время дрюскель вернулся с оловянной кружкой и ведром свежей воды. Он поставил его в клетку и закрыл дверь без лишних слов. Нина помогла фабрикатору напиться, держа для него кружку, а затем и сама выпила из нее. Ее руки так тряслись, что половина воды вылилась ей на рубашку. Фьерданец отвернулся, и Нина с удовольствием отметила, что смутила его.

– Я бы убила за возможность принять ванну, – дразнила она. – Ты мог бы меня помыть.

– Не разговаривай со мной, – прорычал он, направляясь к выходу.

Больше он не возвращался, и следующие три дня гриши просидели без свежей воды. Но когда началась буря, эта кружка спасла Нине жизнь.

Подбородок Нины опустился на грудь, и девушка резко проснулась. Когда же она успела отключиться?

В коридоре стоял Матиас. Он заполнял собой все пространство дверного проема. Парень был слишком высоким, чтобы чувствовать себя комфортно в трюме. Как давно он за ней наблюдал? Нина быстро проверила пульс и дыхание Инеж и с облегчением отметила, что ее состояние стабильно.

– Я спала?

– Дремала.

Девушка потянулась, пытаясь стряхнуть с себя усталость.

– Ну, хоть не храпела? – Он ничего не сказал, просто смотрел на нее своими ледяными глазами. – Тебе позволили воспользоваться бритвой?

Его руки в кандалах потянулись к свежевыванной челюсти.

– Это Джеспер сделал.

Похоже, он позаботился и о волосах Матиаса. Светлые, слишком отросшие пряди, создававшие беспорядок на его голове, тоже подстригли. Теперь они были очень короткими – золотистый пушок, открывающий вид на порезы и синяки, полученные в последней битве в Хеллгейте.

«Наверное, он рад был избавиться от бороды», – подумала Нина. Пока дрюскель не выполнит персонального задания и не заслужит звания офицера, он должен оставаться гладко выбритым. Если бы Матиас

доставил Нину на суд в Ледовом Дворе, он бы получил это звание и стал бы носить голову серебристого волка как офицер дрюскелей. Нину тошнило от одной мысли об этом. *«Поздравляем с вашим недавним повышением до звания убийцы»*. Это помогло ей вспомнить, с кем именно она имеет дело. Девушка выпрямилась и подняла голову.

– *Хье марден*, Матиас?

– Не делай этого.

– Хочешь, чтобы я говорила на керчийском?

– Я не хочу слышать свой родной язык из твоих уст. – Его взгляд опустился на ее губы, и она невольно покраснела.

С мстительным удовольствием Нина продолжила на фьерданском:

– Но тебе всегда нравилось, как я говорю на твоём языке. Ты сказал, что у меня нет акцента.

Это была правда. Он любил ее произношение, она тянула гласные, как настоящая принцесса, – благодаря учителям из Малого дворца.

– Не дави на меня, Нина. – Керчийский Матиаса был отвратительным – жесткий, гортанный выговор воров и убийц, с которыми он познакомился в тюрьме. – Это помилование – сон, за который трудно удержаться. Гораздо легче вспоминается твой пропадающий пульс, когда мои руки сомкнулись на твоей шее.

– Ну давай попробуй, – сказала Нина звенящим от ярости голосом. Она устала от угроз. – Сейчас мои руки свободны, Хельвар. – Она согнула пальцы, и Матиас ахнул – его сердце пустилось в галоп.

– Ведьма! – сплюнул он, хватаясь за грудь.

– Ну же, ты ведь можешь придумать что-нибудь получше. К этому времени у тебя наверняка набралась сотня имен для меня.

– Тысяча, – прохрипел парень, и на его лбу выступили капельки пота.

Внезапно смутившись, Нина расслабила пальцы. Что она делала? Наказывала его? Играла с ним? У него было полное право ее ненавидеть.

– Уходи, Матиас. Мне нужно приглядывать за раненой. – Она сосредоточилась на температуре тела Инеж.

– Она выживет?

– Тебя это волнует?

– Конечно, волнует. Она – человек.

Нина сразу поняла, на что он намекал. Она – человек... *в отличие от тебя*. Фьерданцы не верили, что гриши тоже люди. Их даже не ставили на одну ступень с животными, а воспринимали как что-то низкое и демоническое, как паразитов, как какую-то мерзость.

Она дернула плечом.

- Не знаю. Я сделала все возможное, но мой талант не в этом.
- Каз спрашивал, отправит ли «Белая роза» делегацию на Рингкеллу.
- Ты знаешь дом «Белой розы»?
- Западный Обруч – любимая тема для обсуждений в Хеллгейте.

Нина замерла. Затем, не сказав ни слова, закатала рукав рубашки. На внутренней части ее предплечья сплелись две розы. Она могла бы объяснить, что там делала, рассказать, что никогда не зарабатывала на жизнь своим телом, но это его не касалось. Пусть думает что хочет.

- Ты выбрала такую работу?
- «Выбрала» это сильно сказано, но да.
- Почему? Зачем ты осталась в Керчии?

Девушка потерла глаза.

- Я не могла бросить тебя в Хеллгейте.
- Ты меня туда и засадила.
- Это была ошибка, Матиас.

Его взгляд вспыхнул от гнева, напускное спокойствие мгновенно испарилось.

- Ошибка?! Я спас тебе жизнь, а ты обвинила меня в работоторговле!
- Да, – признала Нина. – И почти год я пыталась найти способ, как все исправить.

- Ты хоть когда-нибудь говоришь правду?

Она устало откинулась в кресло.

- Я никогда тебе не врала и не буду.
- Первые слова, которые ты мне сказала, были ложью. На каэльском, насколько я помню.

– Сказанные прямо перед тем, как ты схватил меня и запихнул в клетку. Думаешь, это был подходящий момент для правды?

– Не стоит тебя винить. Ты ничего не можешь с собой поделать. В самой твоей природе заложено лукавство. – Он взглянул на ее шею. – Синяки исчезли.

- Я избавилась от них. Тебя это беспокоит?

Матиас ничего не сказал, но девушка увидела тень стыда на его лице. Хельвар всегда боролся со своей порядочностью. Чтобы стать дрюскелем, ему нужно было убить в себе все хорошее. Но парень, которым он на самом деле был, всегда прятался внутри, и в те дни, что они провели вместе после кораблекрушения, она увидела его настоящего. Нине хотелось верить, что этот парень все еще там, заперт, несмотря на ее предательство и все то, что ему довелось пережить в Хеллгейте.

Глядя на него сейчас, она в этом сомневалась. Может, он и самом деле

такой, а образ, за который она цеплялась последний год, был иллюзией?

– Мне нужно позаботиться об Инеж, – сказала девушка, желая, чтобы Хельвар поскорей ушел.

Но Матиас не уходил. Вместо этого он спросил:

– Ты думала обо мне, Нина? Мешал ли я тебе спокойно спать?

Она пожала плечами.

– Корпориалка может спать, когда захочет. – Но не может контролировать свои сны.

– В Хеллгейте сон – настоящая роскошь. Это опасно. Но, когда я засыпал, мне снилась ты.

Нина резко подняла голову.

– Именно так, – продолжал Матиас. – Всякий раз, когда я закрывал глаза.

– И что происходило в этих снах? – спросила она, с нетерпением дожидаясь ответа, но и опасаясь его.

– Ужасные вещи. Худшие пытки. Ты медленно меня топила. Сжигала сердце в моей груди. Ослепляла меня.

– Я была чудовищем.

– Чудовищем, русалкой, ледяной сильфидой. Ты целовала меня, шептала сказки мне на ухо. Пела мне и обнимала, пока я спал. Я просыпался, преследуемый твоим смехом.

– Ты всегда ненавидел мой смех.

– Я любил его, Нина. И твое пламенное сердце воина. Возможно, я любил и тебя.

Возможно. Однажды. До того как она его предала. Эти слова отозвались болью в груди.

Она знала, что лучше промолчать, но не удержалась:

– А что делал ты, Матиас? Что ты делал со мной в своих снах?

Корабль немного накренился. Фонари закачались. Его глаза горели синим огнем.

– Все, – сказал он, поворачиваясь к выходу. – Все.

15. Матиас

Выйдя на палубу, Матиас направился напрямик к перилам. Все эти канальные крысы и обитатели трущоб быстро привыкли к жизни на корабле, ведь они и так перепрыгивали с одной лодки на другую на водных путях Кеттердама. Только слабак Уайлен испытывал неудобства. Он

выглядел так же плохо, как чувствовал себя Матиас.

На свежем воздухе стало легче. Там он мог следить за горизонтом. Когда он был дрюскелем, ему доводилось выходить в море, но он всегда чувствовал себя спокойней на твердой почве или на льду. Было унижительно, что эти иноземцы видели, как его трижды рвало за какие-то пару часов.

Хорошо, что хотя бы Нина не стала свидетелем этого позора. Он не мог перестать думать о ней, сидящей в этой тесной каюте и приглядывающей за бронзовой девушкой. Такая заботливая и добрая. И усталая. Она выглядела крайне изможденной. «Это была ошибка», – сказала она. То, что его обвинили в работоторговле, посадили на керчийский корабль и запихнули в тюрьму? Нина заявила, что пыталась все исправить. Но, даже если это правда, какая теперь разница? Гриши не знают, что такое честь. Она это доказала.

Кто-то заварил кофе, и команда пила его из медных кружек с керамическими крышечками. Он было подумал отнести кружку Нине, но тут же отказался от этой идеи. Ему не нужно заботиться о ней или говорить Бреккеру, что ей нужен отдых. Парень сжал кулаки, глядя на покрытые струпьями костяшки. Это Нина посеяла в нем зерно слабости.

Бреккер подозвал Матиаса на бак, где они устроились с Джеспером и Уайленом, чтобы изучить чертеж Ледового Двора в стороне от глаз и ушей экипажа. Эти рисунки для него – как нож в сердце. Стены, ворота, посты охраны. Все это должно было напугать этих дураков, но, судя по всему, Матиас такой же дурак, как и они.

– Почему нигде нет названий? – спросил Бреккер, указывая на чертеж.

– Я не знаю фьерданского, а нам нужно, чтобы все детали были абсолютно правильными, – ответил Уайлен. – Пусть Хельвар их подпишет. – Паренек осекся, увидев выражение лица Матиаса. – Я просто делаю свою работу. Перестань на меня так пялиться.

– Не перестану, – рявкнул фьерданец.

– Вот, – перебил Каз, кидая ему крошечный чистый диск, блеснувший в лучах солнца. Демон сидел на бочке, прислонившись к мачте. Его больная нога покоилась на мотке каната, а чертова трость лежала на коленях. Матиасу нравилось представлять, как он разломает ее в щепки и скормит их одну за другой Бреккеру.

– Что это?

– Одно из новых изобретений Раске.

Уайлен резко поднял голову.

– Я думал, он занимается взрывчаткой.

– Он всем занимается, – ответил Джеспер.

– Вставьте его себе за зубы, – сказал Каз, вручая диски остальным. – Но не кусайте...

Уайлен начал плевать и кашлять, раздирая себе рот. На его губах натянулась прозрачная пленка, которая надулась, как живот лягушки, когда парень попытался дышать. Его глазки забегали в разные стороны от паники.

Джеспер рассмеялся, а Каз просто покачал головой.

– Я же сказал не кусать, Уайлен! Дыши через нос.

Тот сделал глубокий вдох, его ноздри раздулись.

– Полегче, – посоветовал Джеспер. – А то сознание потеряешь.

– Что это? – спросил Матиас, все еще держа диск в ладони.

Каз засунул его себе в рот и вставил между зубов.

– Балин. Я планировал оставить их на черный день, но после этой засады не знаю, какие еще неприятности ждут нас в открытом море. Если окажетесь в воде и не сможете дышать, достаньте диск и раскусите его. Это даст вам воздуха на десять минут. Меньше, если начнете паниковать, – добавил Каз, многозначительно покосившись на Уайлена и протянув ему еще один балин. – Будь осторожнее с ним.

Затем он постучал по чертежу Ледового Двора.

– Названия, Хельвар. Все.

Матиас с неохотой взял перо и чернила, которые передал ему Уайлен, и начал выводить названия зданий и прилегающих дорог. Когда он делал это своими руками, то чувствовал себя еще большим предателем. Он смутно надеялся каким-то образом отделиться от группы, когда они доберутся до места, выдать их местоположение и тем самым заслужить благосклонность своего правительства. Узнает ли его кто-нибудь в Ледовом Дворе? Наверняка они думали, что он мертв, утонул во время кораблекрушения, погубившего его близких друзей и командира Брума. У него не было никаких доказательств, которые могли бы подтвердить его личность. Он будет чужаком, которому нечего делать в Ледовом Дворе, и к тому времени, когда он убедит кого-нибудь прислушаться...

– Ты чего-то недоговариваешь, – сказал Бреккер. Его темные глаза сосредоточенно всматривались в Матиаса.

Тот решил не обращать внимание на дрожь, пробежавшую волной по его телу. Иногда казалось, что демон мог читать мысли.

– Я говорю все, что знаю.

– Твоя совесть вмешивается в воспоминания. Помни условия нашей сделки, Хельвар.

– Хорошо, – ответил он с нарастающей злостью. – Хочешь услышать мое экспертное мнение? Твой план не сработает.

– Ты даже не знаешь, какой у меня план.

– Войти через тюрьму и выйти через посольство?

– Для начала.

– Это невозможно. Тюремный сектор полностью изолирован от всего остального Двора. Он не связан с посольством. Оттуда в него не попасть.

– Там есть крыша, не так ли?

– На нее тоже нельзя забраться, – с удовольствием объяснил Матиас. – Дрюскели по три месяца работают с пленниками-гришами и стражниками – это часть нашей подготовки. Я был тюрьме, и там нет доступа к крыше именно по этой причине – если кому-то удастся выбраться из камеры, нужно, чтобы он не мог свободно передвигаться по Ледовому Двору. Тюрьма полностью отрезана от двух других секторов внешнего круга. Если вы уже попали внутрь, там и останетесь.

– Всегда есть выход. – Каз достал план тюрьмы из кипы бумаг. – Пять этажей, верно? Зона оформления и четыре этажа с камерами. Тогда что здесь? В подвале?

– Ничего. Прачечная и мусоросжигатель.

– Мусоросжигатель?

– Да, там сжигают одежду арестантов, в которой те прибывают. Это мера предосторожности от чумы, но... – как только эти слова слетели с языка Матиаса, он понял, что задумал Бреккер. – Джель всемогущий, ты хочешь, чтобы мы лезли шесть этажей вверх по шахте мусоросжигателя?

– Когда он работает?

– Если память мне не изменяет, рано утром, но даже без жара мы...

– Он не хочет, чтобы по ней лезли мы, – перебила Нина, выходя из трюма.

Каз выпрямился.

– Кто присматривает за Инеж?

– Ротти. Я вернусь через минуту. Мне просто нужно подышать свежим воздухом. И не изображай заботу об Инеж, когда сам заставляешь ее лезть шесть этажей вверх по дымоходу с одной лишь веревкой и молитвой.

– Призрак справится.

– *Призрак* – шестнадцатилетняя девушка, которая в данный момент лежит без сознания на столе. Возможно, она даже не переживет эту ночь.

– Переживет, – ответил Каз, и что-то свирепое мелькнуло в его глазах. Матиас подозревал, что Бреккер достанет девушку из самой преисподней, если придется.

Джеспер взял револьвер и протер его мягкой тряпкой.

– Почему мы обсуждаем подъем по дымоходу, когда у нас есть проблемы посерьезней?

– Это какие же? – спросил Каз, хотя Матиас видел, что он знает ответ.

– Мы не можем отправиться за Бо Юл-Баюром, если в дело ввязался Пекка Роллинс.

– Кто этот Пекка Роллинс? – поинтересовался Матиас, пробуя на языке эти глупые слова. В керчийских именах не было величия. Он знал, что упомянутый мужчина – лидер банды и получает хорошую прибыль от Хеллшоу. Это звучало уже достаточно омерзительно, но он чувствовал, что есть что-то еще.

Уайлена передернуло, когда он наконец отодрал резиновую пленку с губ.

– Всего лишь самый крупный, самый отвратительный делец во всем Кеттердаме. У него есть деньги, которых нам не хватает, связи, которых нет у нас, и, скорее всего, фора на старте.

Джеспер кивнул.

– В кои веки Уайлен говорит дело. Если нам каким-то чудом удастся похитить Бо Юл-Баюра до Роллинса, когда он узнает, кто его опередил, мы все – покойники.

– Пекка Роллинс – босс Бочки, – сказал Каз. – Не больше и не меньше. Хватит делать из него какого-то бессмертного божка.

«Тут что-то еще», – подумал Матиас. В Бреккере больше нет того гнева, который, казалось, овладел им, когда он убивал Омена. Но в его словах все еще слышалось напряжение. Матиас был уверен, что Каз Бреккер ненавидит Пекку Роллинса, и не только потому, что тот подорвал их корабль и нанял бандитов, чтобы расстрелять их. Тут пахло старыми ранами и давней враждой.

Джеспер откинулся на спинку стула и сказал:

– Думаешь, Пер Хаскель тебя прикроет, когда узнает, что ты перебежал дорогу Роллинсу? Думаешь, старик захочет войны?

Каз покачал головой, и Матиас увидел явное раздражение на его лице.

– Пекка Роллинс не появился на свет с серебряной ложкой во рту, купаясь в кюге. Вы до сих пор мыслите слишком ограничено, как и Пер Хаскель. Этого и хотят люди вроде Роллинса. Мы провернем эту операцию, разделим улов и станем легендами Бочки. Мы станем командой, переплюнувшей Пекку Роллинса.

– Может, нам стоит отказаться от идеи зайти с севера, – вставил Уайлен. – Если у команды Пекки была фора, нам стоит направиться

прямоком в Джерхолм.

– Гавань будет кишеть охраной, – ответил Каз. – Не говоря уже об обычных таможенных агентах и представителях закона.

– Тогда на юг? Через Равку?

– Эту границу очень хорошо охраняют, – покачала головой Нина.

– Но она тянется на многие мили, – возразил Матиас.

– Нам не узнать, в каком месте она наиболее уязвима. Если только у тебя нет каких-то волшебных знаний о том, какие сторожевые башни и форпосты будут активны. Кроме того, если мы зайдем через Равку, нам придется противостоять и равкианцам, и фьерданцам.

В ее словах был смысл, но это его только распалило. Во Фьерде женщины не позволяли себе так разговаривать, не рассуждали по поводу военных и стратегических вопросов. Но Нина всегда была такой.

– Мы зайдем с севера, как и планировали, – положил конец их спору Каз.

Джеспер ударился головой об корпус и поднял взгляд к небесам.

– Ладно. Но если Пекка Роллинс нас убьет, я заставлю призрака Уайлена научить моего призрака играть на флейте, просто чтобы довести твоего призрака до белого каления.

Губы Бреккера изогнулись.

– Тогда я просто найму призрака Матиаса, чтобы он надрал зад твоему призраку.

– Мой призрак не станет иметь дела с твоим, – чопорно ответил Матиас, а затем задумался, не прогнил ли его мозг от морского воздуха.

Часть третья. Павшие духом

16. Инеж

Все болело. И почему комната кружится?

Инеж медленно приходила в себя, ее мысли путались. Она помнила прикосновение ножа Омена и как пыталась залезть на контейнеры, как кричали люди, пока она висела в воздухе, удерживаясь лишь на кончиках пальцев. «Спускайся, Призрак!» Но Каз вернулся за ней, спас свою инвестицию. Должно быть, они все же добрались до «Феролинда».

Девушка попыталась повернуться, но боль была слишком острой, поэтому она просто чуть отклонила в сторону голову. Нина дремала, сидя на табурете, втиснутом за стол, и еле держала Инеж за руку.

– Нина, – прохрипела она. Казалось, будто ее горло покрылось шерстью.

Нина резко проснулась.

– Я не сплю! – выпалила она и окинула Инеж затуманенным взглядом. – Ты проснулась. – Быстро выпрямилась. – О святые, ты проснулась!

И тут Нина разрыдалась.

Инеж попыталась сесть, но ей едва удалось поднять голову.

– Нет, нет, – возразила Нина. – Не шевелись, тебе нужен отдых.

– С тобой все хорошо?

Девушка засмеялась сквозь слезы.

– Да. Это ведь не меня пырнули ножом. Не знаю, что со мной не так. Просто убивать людей гораздо легче, чем пытаться вернуть их к жизни.

Инеж моргнула, и обе начали смеяться.

– Ой-ой-ой, – простонала она. – Не смейся меня, это ужасно больно.

Нина поморщилась.

– А ты как себя чувствуешь?

– Больно, но терпимо. Пить хочу.

Нина поднесла ей кружку с ледяной водой.

– Свежая. Вчера шел дождь.

Инеж осторожно сделала глоток, пока Нина держала ей голову.

– Как долго я была в отключке?

– Три дня, почти четыре. Джеспер сводил нас с ума. Не помню, чтобы

он хоть две минуты просидел спокойно. – Девушка резко встала. – Нужно сказать Казу, что ты очнулась! Мы думали...

– Подожди, – Инеж схватила ее за руку. – Мы... мы не могли бы сказать ему чуть позже?

Нина присела и недоуменно посмотрела на нее.

– Конечно, но...

– Хотя бы не ночью, – Инеж замолчала на секунду. – Сейчас ночь?

– Да. Недавно минула полночь.

– Вам известно, кто напал на нас в гавани?

– Пекка Роллинс. Он нанял Черных Пик и Портовых Лезвий, чтобы помешать нам отплыть от Пятой гавани.

– Как он узнал, откуда мы будем отплывать?

– Мы пока не выяснили.

– Я видела Омена...

– Он мертв. Каз убил его.

– Правда?

– Каз убил многих. Ротти видел, как он пошел за Черными Пиками, которые загнали тебя на контейнеры. Если не ошибаюсь, он сказал так: «Крови было достаточно, чтобы перекрасить сарай в красный цвет».

Инеж закрыла глаза.

– Столько смертей... – в Бочке она все время кружила над ними. Но так близко смерть к ней еще не подбиралась.

– Он боялся за тебя.

– Каз ничего не боится.

– Видела бы ты его лицо, когда он принес тебя ко мне.

– Я очень ценная инвестиция.

У Нины отвисла челюсть.

– Только не говори, что это он тебе так сказал!

– Конечно, сказал. Ну, ладно, про «ценную» уже я добавила.

– Идиот.

– Как Матиас?

– Тоже идиот. Как думаешь, сможешь немного поесть?

Инеж покачала головой. Есть не хотелось.

– Попытайся, – настаивала Нина. – От тебя мало что осталось.

– Пока я просто хочу отдохнуть.

– Конечно. Я выключу свет.

Инеж вновь за ней потянулась.

– Не надо. Я не хочу снова спать.

– Я бы тебе что-нибудь почитала, будь здесь книга. В Малом дворце

есть один сердцесбит, который может часами декламировать эпос. Вот тогда бы ты пожалела, что не умерла.

Инеж засмеялась и скривилась.

– Просто побудь со мной.

– Хорошо. Раз ты хочешь поболтать, расскажи, почему ты не сделала татуировку с кубком и вороном.

– С легких вопросов начинаешь?

Нина скрестила ноги и подперла голову руками.

– Я жду.

Инеж помолчала какое-то время.

– Ты видела мои шрамы. – Нина кивнула. – Когда Каз уговорил Пера Хаскеля выкупить меня из «Зверинца», первым делом я свела татуировку с пером павлина.

– Кто бы это ни сделал, работал он из рук вон плохо.

– Это был не корпориа и даже не медик.

Просто один недалекий мясник, который работал с самыми отчаянными жителями Бочки. Он дал ей глотнуть виски, после чего просто срезал кожу, оставляя сморщенные раны на ее предплечье. Инеж было плевать. Боль подарила ей свободу. В «Доме экзотики» любили обсуждать ее кожу. Цвета кофе со сливками. Как блестящая карамель. Нежная, как шелк. Девушка радовалась каждому порезу и каждому шраму.

– Каз сказал, что я ничего не обязана делать, кроме как приносить пользу.

Он научил ее взламывать сейфы, чистить карманы, работать с ножом. Подарил ей первый клинок, который она назвала Санкт-Петербургом – не такой симпатичный подарок, как дикая герань, но зато практичный.

«Может, я воспользуюсь им против тебя», – сказала она тогда.

Парень вздохнул.

«Если бы только ты действительно была такой кровожадной». Она так и не поняла, была это шутка или нет.

Инеж слегка подвинулась на столе. Движение приносило боль, но не сильную. Учитывая, как глубоко вошло лезвие, руками Нины, должно быть, руководили сами святые.

– Каз обещал, что если я проявлю себя, то смогу присоединиться к «Отбросам». Я так и сделала. Но от татуировки отказалась.

Нина подняла брови.

– Я не знала, что это необязательно.

– Вообще-то это не так. Знаю, некоторые не поймут, но Каз сказал... что это мой выбор и он не хочет быть тем, кто снова поставит на мне тавро.

Но он сделал это, по-своему, несмотря на все благие намерения. Чувства к Казу Бреккеру – наивысшая глупость. Инеж это знала. Однако он спас ее и увидел в ней потенциал. Он поставил на нее все, а это что-то да значило... даже если он действовал из своих собственных, эгоистичных побуждений. Он даже окрестил ее Призраком.

«Мне не нравится, – сказала она. – Звучит так, будто я труп».

«Фантом», – поправил он.

«Разве ты не хотел, чтобы я стала твоим пауком? Почему бы не остановиться на этом?»

«Потому что в Бочке много пауков. Кроме того, враги должны тебя бояться, а не думать, что могут раздавить тебя носком ботинка».

«Мои враги?»

«*Наши* враги».

Каз помог ей обрести легенду, ставшую ее броней, чем-то большим и пугающим, чем та девчонка, которой она была. Инеж вздохнула. Ей больше не хотелось думать о Бреккере.

– Не молчи, – обратилась она к Нине.

– У тебя глаза слипаются. Лучше поспи.

– Не люблю корабли. С ними связаны плохие воспоминания.

– И у меня.

– Тогда спой мне что-нибудь.

Нина рассмеялась.

– Помнишь, я говорила, что ты пожалеешь, что выжила? Поверь, ты *не хочешь* слышать, как я пою.

– Ну пожалуйста?

– Я знаю только народные равкианские и керчийские застольные песни.

– Давай застольные. Что-нибудь повульгарней.

Нина фыркнула.

– Только ради тебя, Призрак. – Она прочистила горло и начала: – *Могучий юный капитан, храбро он плывет. Солдат, матрос и молодец – и даже не блюет...*

Инеж захихикала и схватилась за бок.

– Ты права. Воешь, как пес на морозе.

– Я предупреждала!

– Продолжай.

У Нины действительно не было слуха. И все же в этот момент она была якорем, державшим Инеж на корабле. Ей не хотелось вспоминать свое последнее путешествие по морю, но с воспоминаниями было трудно

бороться.

Инеж даже не должна была находиться в фургоне в то утро, когда работорговцы поймали ее. Ей было четырнадцать, и ее семья проводила время на побережье Западной Равки, наслаждаясь морскими пейзажами и выступая на карнавале на окраине Ос Керво. В момент похищения она должна была помогать отцу чинить сети. Но в то утро на нее напала лень, и она позволила себе полежать еще несколько минут, понежиться под тонким хлопковым одеялом и послушать шум волн.

Когда в двери каравана появился мужской силуэт, она даже не подумала бежать. Просто пробормотала: «Папа, ну еще пять минут».

Затем ее схватили за ноги и потащили из фургона. Она сильно стукнулась головой об землю. Мужчин было четверо – крепкие мореплаватели. Когда девочка попыталась закричать, ей засунули кляп в рот и связали руки. Затем один из нападающих закинул ее на плечо, и они сели в лодку, пришвартованную у пещеры.

Позже Инеж узнала, что побережье было излюбленным местом работорговцев. Они увидели сулийский караван со своего корабля и приплыли после рассвета, когда лагерь почти опустел.

Остальную часть поездки Инеж слабо помнила. Ее бросили в грузовой трюм к другим детям – кто-то был младше, кто-то постарше. По большей части там находились девочки, хотя было и несколько мальчиков. Она оказалась единственной сулийкой, но некоторые дети знали равкианский и рассказали истории собственного похищения. Одного забрали с отцовской верфи, другая играла в лагуне и отошла слишком далеко от друзей. Еще одну девочку продал старший брат, чтобы оплатить свой карточный долг. Матросы общались на неизвестном ей языке, но один из мальчиков уверял, что их везут на самый большой внешний остров Керчии, где продадут частным лицам или в дома удовольствий Кеттердама и Нового Зема. На аукцион съезжались со всех уголков земли. Инеж полагала, что работорговля в Керчии нелегальна, но, как оказалось, она вполне процветала.

Она так никогда и не увидела аукциона. Когда они наконец пришвартовались, Инеж отвели на палубу и передали самой красивой женщине, которую она когда-либо видела – высокой блондинке с карими глазами и пышными волосами.

Женщина подняла фонарь и окинула Инеж оценивающим взглядом – затем проверила зубы, грудь, даже ноги. Потом дернула девочку за спутанные волосы.

– Придется их сбрить, – сказала она и отошла назад. – Симпатичная.

Костлявая и плоская, как доска, но зато с безупречной кожей.

Она отвернулась, чтобы поторговаться с моряками, а Инеж продолжила стоять, прижимая связанные руки к груди. Никто не поправил ей рубашку, и юбка оставалась задранной до талии. Девочка видела, как мерцает лунный свет на волнах небольшой бухты. *«Прыгай, – подумала она. – Что бы ни ждало тебя на дне моря, это лучше, чем твоя дальнейшая судьба с этой женщиной»*. Но ей не хватило смелости.

Девушка, которой она стала, прыгнула бы без раздумий и, возможно, даже забрала бы одного из работорговцев с собой. Или же она сама себя обманывала? Инеж словно оцепенела, когда Танте Хелен подошла к ней в Западном Обруче. Она не была в тот момент сильнее или храбрее, чем та напуганная сулийская девчонка, которую парализовало от стыда на палубе корабля.

Нина продолжала петь о моряке, покинувшем свою любимую.

– Научи меня припеву, – попросила Инеж.

– Тебе нужно отдохнуть.

– Припев.

И Нина научила её словам, после чего девушки запели вместе, путаясь в куплетах и безнадежно не попадая в такт, пока не погасли фонари.

17. Джеспер

Джеспер готов был уже прыгнуть за борт, лишь бы спастись от скуки. *«Еще шесть дней»*. Шесть дней на этом корабле, – если им повезет и будет попутный ветер, – и только потом они причалят к берегу. Западное побережье Фьерды было окружено опасными скалами и крутыми утесами. Безопасно пришвартоваться у берега можно было только в Джерхольме и Эллинге. Но поскольку обе гавани тщательно охранялись, им придется проплыть аж к северным китобойным портам. Джеспер втайне надеялся, что на них нападут пираты, но их корабль был слишком маленьким, чтобы перевозить ценный груз. Они были недостойной мишенью, поэтому им никто не досаждал, пока они двигались по оживленным торговым путям Истиноморя под нейтральным керчийского флагом. Вскоре они оказались в ледяных северных водах и поплыли по Исенве.

Джеспер бродил по палубе, взбирался по такелажу, пытался подбить экипаж сыграть с ним в карты, чистил оружие. Он скучал по твердой почве, вкусной еде и отменному пиву. Скучал по городу. Если бы земенец мечтал о тишине и широких просторах, то остался бы на границе и стал фермером,

как того хотел его отец. На корабле было нечего делать, кроме как рассматривать схему Ледового Двора, слушать ворчание Матиаса и докучать Уайлену, который целыми днями трудился над попытками реконструировать возможный механизм ворот в кольцевой стене.

Его эскизы произвели впечатление на Каза.

– Ты мыслишь как взломщик, – сказал он Уайлену.

– Вовсе нет.

– Я имею в виду, что ты видишь пространство трехмерным.

– Я не преступник, – возразил парень.

Каз окинул его сочувствующим взглядом.

– Нет, ты флейтист, который попал в дурную компанию.

Джеспер присел рядом с Уайленом.

– Научись принимать комплименты. Каз не особо щедр на них.

– Это был не комплимент. Я не похож на него. Мне здесь не место.

– С этим не поспоришь.

– Тебе, кстати, тоже.

– Что, прости?

– План Каза не нуждается в стрелке, так зачем ты здесь? Чтобы путаться под ногами и нервировать всех остальных?

Он пожал плечами.

– Каз мне доверяет.

Уайлен фыркнул и взял перо.

– Уверен?

Джеспер неловко заерзал. Конечно, он не был уверен. Большую часть времени он пытался угадать мысли Бреккера. Но даже если он и заработал щепотку доверия Каза, заслуживал ли он его?

Парень постучал пальцами по револьверам и сказал:

– Когда в воздухе засвистят пули, ты поймешь, что мое присутствие здесь очень кстати. Эти рисунки не сохранят тебе жизнь.

– Нам нужны эти карты. И на случай, если ты забыл, одна из моих фотобомб помогла нам сбежать из кеттердамской гавани.

Джеспер шумно выдохнул.

– Гениальная стратегия.

– Но сработало, не так ли?

– Ты ослепил не только Черных Пик, но и наших ребят.

– Это был оправданный риск.

– Это было «скрести пальцы на удачу и надейся на лучшее». Поверь мне, я чувствую разницу.

– Наслышан.

– Что это значит?

– Это значит, что ты не можешь не влезать в драки или не делать ставки, несмотря на маленькие шансы на успех.

Джеспер сощурился и посмотрел на паруса.

– Когда ты не одарен привилегиями с детства, приходится учиться хвататься за возможности.

– Я не был... – Уайлен отложил перо. – С чего ты взял, что все знаешь обо мне?

– Не все, но достаточно, маленький купец.

– Как мило. А мне вот всегда казалось, что я знаю недостаточно.

– О чем?

– Обо всем, – буркнул Уайлен.

Несмотря на доводы рассудка, Джеспер был заинтригован.

– Например? – настаивал он.

– Например, об оружии, – Уайлен кивнул на револьверы. – У них необычный спусковой механизм, не так ли? Если бы я их разобрал...

– Даже не мечтай.

Уайлен пожал плечами.

– Или как насчет ледяного рва? – он постучал по плану Ледового Двора. – Матиас сказал, что он не полностью застывший, это всего лишь скользкий, тонкий слой льда над водой, который открыт для наблюдений. Он абсолютно неприступен.

– И что?

– Откуда берется вся та вода? Двор построен на холме, так где же водоносный горизонт^[5] или акведук, который поднимает ее наверх?

– Какая разница? Там есть мост. Нам не нужно пересекать ледяной ров.

– Но разве тебе не любопытно?

– Святые, нет. Лучше придумай систему, которая поможет мне победить в «Ежевике на троих» или «Колесе фортуны». Вот это мне любопытно.

Уайлен разочарованно вернулся к работе.

По какой-то причине Джеспер тоже почувствовал себя немного разочарованным.

Джеспер навещал Инеж каждое утро и каждый вечер. Мысль о том, что битва на причале могла стать для нее последней, тревожила его. Несмотря на все усилия Нины, он был уверен, что Призрак недолго продержится в этом мире.

Но однажды утром парень вошел в каюту и увидел Инеж, одетую в бриджи, стеганный жилет и тунику с капюшоном.

Нина наклонилась, пыталась натянуть на Инеж ее странные тапочки на резиновой подошве.

– Инеж! – воскликнул Джеспер. – Ты не мертва!

Та слабо улыбнулась.

– Не больше остальных.

– Раз ты делишься с нами депрессивной сулийской мудростью, значит, тебе лучше.

– Не стой как истукан, – проворчала Нина. – Лучше помоги натянуть эти штуки ей на ноги.

– Если бы ты позволила мне... – начала Инеж.

– Не нагибайся, – перебила ее сердцебитка. – Не прыгай. Не делай резких движений. Если не пообещаешь вести себя хорошо, я замедлю твоё сердцебиение и оставлю в коме до тех пор, пока не буду уверена, что ты полностью восстановилась.

– Нина Зеник, как только я пойму, куда ты запрятала мои ножи, нас ждет серьезный разговор.

– Лучше бы он начинался с таких слов: «Спасибо, о великая Нина, что посвятила каждую бессонную минуту этой злосчастной поездки спасению моей жалкой жизни».

Джеспер думал, что Инеж рассмеется, и поэтому удивился, когда она взяла лицо Нины обеими руками и сказала:

– Спасибо, что задержала меня в этом мире, когда судьба, казалось, намерилась отправить меня в следующий. Я в пожизненном долгу перед тобой.

Нина залилась краской.

– Я шутила, Инеж. – Помолчала. – Думаю, мы и так уже достаточно задолжали.

– Этот долг мне в радость.

– Ладно-ладно. Когда вернемся в Кеттердам, угостишь меня вафлями.

На сей раз Инеж не смогла сдержать смех. Она опустила руки и сделала вид, что торгуется:

– Десерт за жизнь? Не уверена, что это справедливая цена.

– Я буду ждать самых вкусных вафель.

– Я знаю одно место, – вставил Джеспер. – У них есть тот яблочный сироп...

– Тебя никто не приглашал, – отмахнулась Нина. – А теперь помоги мне поднять ее.

– Я и сама могу встать, – проворчала Инеж, соскальзывая со стола и поднимаясь на ноги.

– Подыграй мне.

Вздохнув, девушка взялась за протянутую руку Джеспера, и они вместе пошли на палубу.

– Глупость какая. Со мной все в порядке.

– С тобой – да, – ответил Джеспер, – а вот я могу упасть в любой момент, так что не зевай.

Как только они поднялись наверх, Инеж сжала ему руку, чтобы он остановился. Девушка откинула назад голову и глубоко вдохнула. День был каменисто-серым, темно-сланцевое море разбавляли барашки волн, а небо затянулось густыми облаками. Паруса наполнялись сильным ветром, и корабль быстро рассекал волны.

– Как приятно чувствовать такого рода холод, – пробормотала она.

– Такого рода?

– Ветер в волосах, морские брызги на коже. Этот холод подтверждает, что я жива.

– Два круга по палубе, – предупредила Нина. – А потом быстро в кровать!

Она пошла к корме, чтобы присоединиться к Уайлену. Джеспер обратил внимание, что девушка встала как можно дальше от Матиаса.

– Они все время так себя ведут? – спросила Инеж, переводя взгляд с Нины на фьерданца.

Парень кивнул.

– Это как наблюдать за двумя рысями, кружащими вокруг друг друга.

Инеж хмыкнула.

– Но что они будут делать, когда кто-то наконец прыгнет?

– Загрызут друг друга до смерти?

Девушка закатила глаза.

– Неудивительно, что тебе так не везет в картах.

Джеспер повел ее к борту, где они могли бы пройти, никому не мешая.

– Я бы предложил тебе выпить, но за нами наблюдает Каз.

Инеж кивнула. Она не смотрела в ту сторону, где Каз и Шпект стояли за штурвалом, но Джеспер радостно помахал ему. Выражение лица Бреккера не изменилось.

– Он что, умрет, если хоть раз улыбнется? – спросил парень.

– Вполне вероятно.

Каждый член экипажа подходил поздороваться и пожелать скорейшего

выздоровления. Стрелок чувствовал, как при каждом: «Призрак вернулся!» у Инеж поднимается настроение. Даже Матиас неловко поклонился ей и сказал:

– Я так понимаю, что ты – причина, по которой нам удалось отплыть от гавани живыми.

– Думаю, таких причин было много.

– Например, я! – услужливо вставил Джеспер.

– Все равно, – проигнорировал его слова Матиас. – Спасибо тебе.

Они двинулись дальше, и Джеспер заметил, что на губах Инеж заиграла довольная улыбка.

– Удивлена?

– Немного, – призналась она. – Я слишком много времени провожу с Казом. Полагаю...

– Тебе в новинку, что кто-то тебя ценит.

Девушка хохотнула и тут же схватилась за бок.

– До сих пор больно смеяться.

– Они рады, что ты жива. И я рад.

– Надеюсь. Просто я никогда не чувствовала себя своей среди Отбросов.

– Что ж, ты ей и не была.

– Спасибо.

– Мы – банда с ограниченными интересами, а ты не играешь на деньги, не ругаешься матом и не напиваешься до чертиков. Но вот в чем секрет популярности: рискни жизнью, чтобы спасти своих подельников от того, что разорвет их на кусочки во время битвы. Отличный способ завести друзей.

– Главное, чтобы меня не заставляли ходить на вечеринки.

Когда они дошли до носовой части, Инеж оперлась на перила и посмотрела на горизонт.

– Он хоть навещал меня?

Джеспер сразу понял, что она имела в виду Каза.

– Каждый день.

Девушка обратила на него взгляд своих черных глаз и покачала головой.

– Ты не разбираешься в людях и не умеешь блефовать.

Стрелок вздохнул. Он ненавидел разочаровывать других.

– Нет, – пришлось сказать правду.

Инеж кивнула и снова перевела взгляд на океан.

– Мне кажется, ему не нравится сидеть у койки больного, – сказал

Джеспер.

– А кому же нравится?

– В смысле, я думаю, что ему было трудно видеть тебя в таком состоянии. В тот день, когда тебя ранили... он немного съехал с катушек. – Джесперу нелегко далось это признание. Стал бы Каз таким бешеным зверем, если бы это Джеспер лежал с ножом в боку?

– Ну конечно. Наша операция рассчитана на шестерых человек, и, судя по всему, я нужна ему, чтобы забраться вверх по шахте мусоросжигателя. Если я умру, весь план рухнет.

Джеспер не стал спорить. Не было смысла притворяться, что он понимал Каза или то, чем он руководствовался.

– Расскажи мне кое-что. Что стало причиной грандиозной ссоры между Уайленом и его отцом?

Инеж быстро покосилась на Каза, а затем оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что рядом нет никого из экипажа. Бреккер ясно дал понять, что любые сведения, которые хотя бы отдаленно связаны с заданием, должны оставаться исключительно между членами группы.

– Точно не знаю. Три месяца назад Уайлен пришел в ночлежку рядом с Клепкой. Он назвал другую фамилию, но Каз следит за каждым новичком в Бочке, поэтому приказал мне немного покопаться в его прошлом.

– И?

Инеж пожала плечами.

– Слугам в доме Ван Эка хорошо платят, так что их трудно подкупить. Информация, которую я раздобыла, не дала нам ничего нового. Ходили слухи, что Уайлена застукали за плотскими утехами с одним из его учителей.

– Серьезно? – поразился Джеспер. *«Да уж, вот тебе и скрытые глубины»*.

– Это всего лишь сплетня. И Уайлен все же не покинул дом, чтобы съехаться со своим любовником.

– Так почему же папа Ван Эк вышвырнул его за дверь?

– Не думаю, что все было так. Он пишет Уайлену каждую неделю, но тот не прочел ни одного письма.

– А что в них сказано?

Инеж осторожно прислонилась к перилам.

– Ты думаешь, я их читала?

– Разве нет?

– Конечно, читала. – Девушка нахмурилась, вспоминая: – В них все время повторяется одно и то же: «Если ты читаешь это, то знаешь, как

сильно я хочу, чтобы ты вернулся домой». Или: «Я молюсь, чтобы ты прочел эти слова и подумал обо всем, что ты оставил».

Джеспер оглянулся на Уайлена, болтающего с Ниной.

– Какой загадочный купчик. Интересно, что же такого плохого натворил Ван Эк, что Уайлен согласился жить в трущобах с нами...

– Теперь *твоя* очередь рассказывать. Что заставило тебя согласиться на эту работу? Ты знаешь, насколько наша миссия рискованна и как низки шансы, что мы вернемся домой. Ты любишь испытывать судьбу, но это слишком даже для тебя.

Стрелок посмотрел на серую рябь на воде, которая бесконечными рядами тянулась к горизонту. Он никогда не любил океан – чувство чего-то неизвестного под ногами, чего-то голодного и зубастого, что так и ждало, чтобы затянуть его в свое логово. А теперь он чувствовал себя так каждый день. Даже на суше.

– Я в долгах, Инеж.

– Ты всегда в долгах.

– Нет, на этот раз все очень плохо. Я одолжил денег не у тех людей. Ты же знаешь, что у моего отца есть ферма?

– В Новом Земе.

– Да, на западе. Она начала приносить прибыль только в этом году.

– О нет, Джеспер...

– Мне нужен был залог. Я сказал ему, что это деньги на обучение в университете.

Девушка уставилась на него.

– Твой отец думает, что ты – студент?

– Поэтому я и переехал в Кеттердам. В первую же неделю я отправился с другими студентами в Восточный Обруч. Положил несколько кружек на стол. Это была просто прихоть. Я даже не знал правил «Колеса фортуны». Но когда крупье крутанул колесо, я понял, что никогда не слышал звука прекраснее. Я выиграл и продолжал выигрывать. Это была лучшая ночь в моей жизни.

– И с тех пор ты начал гнаться за тем же кайфом.

Он кивнул.

– Мне стоило остаться в библиотеке. Я выигрывал. Проигрывал. Проигрывал больше, чем выигрывал. Мне нужны были деньги, поэтому я начал работать с бандитами. Однажды ночью на меня напали два парня в переулке. Каз разобрался с ними, и с тех пор мы работали вместе.

– Скорее всего, он сам нанял тех головорезов, чтобы ты чувствовал себя его должником.

– Он бы не... – Джеспер осекся и рассмеялся. – Да, он бы так и поступил. – Парень размял пальцы и внимательно посмотрел на линии на своих ладонях. – Каз... не знаю, я таких еще не встречал. Он удивляет меня.

– Ага, как пчелиный рой в ящике комода.

Джеспер хохотнул.

– Именно так.

– Так что мы здесь делаем?

Он повернулся к морю, чувствуя, как краснеют щеки.

– Надеемся на мед, наверное. И молимся, чтобы нас не ужалили.

Инеж пихнула его плечом.

– По крайней мере, тогда мы одинаково глупы.

– Не знаю, какое у тебя оправдание, Призрак. Это я не умею уйти в случае плохой раздачи.

Она взяла его под руку.

– И это делает тебя ужасным игроком, Джеспер. Но прекрасным другом.

– Знаешь, ты слишком хороша для него.

– Да. Как и ты.

– Прогуляемся?

– Давай, – сказала Инеж, идя в ногу с ним. – А затем мне нужно будет, чтобы ты отвлек Нину, пока я буду искать свои кинжалы.

– Без проблем. Я просто позову Хельвара.

Когда они направились в противоположную часть палубы, Джеспер взглянул в сторону штурвала. Каз не сдвинулся с места. Он все еще наблюдал за ними. Его глаза оставались такими же безжалостными, а лицо таким же непроницаемым, как и всегда.

18. Каз

Казу понадобилось два дня с тех пор, как Инеж вышла из хирургической каюты, чтобы заставить себя подойти к ней. Она сидела в гордом одиночестве, скрестив ноги и прислонившись к корпусу корабля, и пила чай.

Бреккер поковылял к ней.

– Я хочу тебе кое-что показать.

– Со мной все в порядке, спасибо, что спросил, – ответила она, поднимая взгляд. – А ты как?

Его губы изогнулись в улыбке.

– Чудесно. – Он неловко опустился рядом с ней и отставил трость в сторону.

– Что, нога болит?

– С ней все хорошо. Вот, смотри, – он расстелил между ними план тюремного сектора, который нарисовал Уайлен. На большинстве рисунков Ледовый Двор изображен сверху, но тюрьма была нарисована сбоку – поперечное сечение, так чтобы были видны все этажи здания.

– Вижу, – кивнула Инеж, проводя пальцем прямую линию от подвала до крыши. – Шесть этажей вверх по дымоходу.

– Ты сможешь это сделать?

Ее темные брови взметнулись вверх.

– А есть другие варианты?

– Нет.

– Значит, если я скажу, что не смогу туда подняться, ты прикажешь Шпекту развернуть шхуну и плыть обратно в Кеттердам?

– Я придумаю что-нибудь еще. Не знаю, что именно, но этот улов я не упущу.

– Ты знаешь, что я способна на это, Каз, и знаешь, что я не откажусь. Так зачем спрашиваешь?

«Потому что я два дня искал повод, чтобы заговорить с тобой».

– Хотел убедиться, что ты понимаешь, с чем придется иметь дело, и уже изучаешь планы.

– А тест будет?

– Да. Если ты его провалишь, мы все застрянем во фьерданской тюрьме.

– М-м-м, – промычала девушка, делая глоток чая. – А я умру. – Она закрыла глаза и прижалась головой к корпусу судна. – Меня беспокоит план побега к гавани. Мне не нравится, что есть только один выход.

Каз тоже откинулся назад.

– И мне, – признался он, вытягивая больную ногу. – Именно поэтому фьерданцы так все и построили.

– Ты доверяешь Шпекту?

Каз покосился на нее.

– А есть причины этого не делать?

– Нет, но если «Феролинд» не будет ждать нас в гавани...

– Я достаточно ему доверяю.

– Он твой должник?

Бреккер кивнул, осмотрелся по сторонам и сказал:

– Его выперли из флота за нарушение субординации и отказали в пенсии. У него в Белендте живет сестра, и ей нужно помогать. Я дал ему денег.

– Очень мило с твоей стороны.

Каз прищурился.

– Я тебе не какой-нибудь персонаж из детских сказок, который устраивает безобидные шалости и крадет у богатых, чтобы отдавать бедным. Ему нужны деньги, мне – информация. Шпект знает маршруты военно-морского флота как свои пять пальцев.

– Ты никогда не делаешь ничего задаром, – сказала Инеж, окинув его суровым взглядом. – Я это знаю. Тем не менее, если «Феролинд» перехватят, мы не сможем сбежать с Джерхольма.

– Я нас вытащу. Ты же знаешь.

«Скажи, что ты знаешь». Ему нужно было, чтобы она произнесла это вслух. Это задание не похоже ни на одно из тех, за которые он брался раньше. Все сомнения, высказанные ею, были обоснованными, у него возникали те же мысли. Он сорвался на Инеж перед отплытием, сказал, что найдет нового паука на эту работу, если она не уверена в его силах. Но Казу нужно знать, что она не сомневается в нем и в том, что он сможет пробраться с ними в Ледовый Двор и вывести всех целыми невредимыми. Бреккер уже проворачивал подобное с другими командами, на других заданиях. Ему нужно было знать, что Инеж верила в него.

Но она сказала лишь:

– Я слышала, это Пекка Роллинс напал на нас в гавани.

Каз почувствовал разочарование.

– И что?

– Не думай, что я не заметила, что ты точишь на него зуб, Каз.

– Он просто еще один босс, очередной бандит из Бочки.

– Нет, не просто. Когда ты досаждаешь другим бандам – это бизнес. Но с Пеккой Роллинсом – это личное.

Позже Каз сам недоумевал, зачем он это сказал. Он никогда никому этого не рассказывал, никогда не произносил эти слова вслух. Но в тот момент Каз взглянул на паруса над ними и произнес:

– Пекка Роллинс убил моего брата.

Ему не нужно было видеть лицо Инеж, чтобы ощутить, как она потрясена.

– У тебя был брат?

– У меня много чего было, – пробормотал он себе под нос.

– Мне жаль.

Хотел ли он ее сочувствия? Может, поэтому он ей все рассказал?

– Каз... – девушка запнулась. Что она теперь сделает? Попытается утешить его, погладив по руке? Скажет, что понимает его чувства? – Я помолюсь за него. Чтобы он обрел покой в том мире, если в этом он был его лишен.

Бреккер повернул голову. Они сидели так близко друг к другу, что почти касались плечами. Ее карие глаза были такими темными, что казались черными, а волосы в кои веки были распущены. Обычно Инеж собирала их в безжалостно тугий пучок. Даже сама мысль о такой близости с кем-то должна была вызвать у Каза отвращение. Вместо этого он подумал: *«Что, если я придвинусь чуть ближе?»*

– Мне не нужны твои молитвы.

– Тогда чего ты хочешь?

На ум с легкостью пришли старые ответы: *«Денег. Отмщения. Чтобы голос Джорди навсегда затих в моей голове»*. Но другой ответ зародился внутри него, оглушительный, настойчивый и непрощенный: *«Тебя, Инеж. Тебя»*.

Парень пожал плечами и отвернулся.

– Умереть под весом собственного золота.

Сулийка вздохнула.

– Тогда я помолюсь, чтобы ты получил все, чего желаешь.

– Снова молитвы? – спросил Каз. – А чего хочешь ты, Призрак?

– Повернуться спиной к Кеттердаму и никогда больше не слышать этого названия.

«Хорошо». Ему понадобится новый паук, но зато он избавится от того, что его отвлекает.

– Твоя доля из улова в тридцать миллионов круге поможет осуществить эту мечту. – Бреккер поднялся на ноги. – Так что побереги свои молитвы для хорошей погоды и глупых стражников. А меня просто оставь в покое.

Каз заковылял к носу корабля, злясь на самого себя и на Инеж. Зачем он искал повода поговорить с ней? Почему рассказал о Джорди? Он был раздраженным и невнимательным уже несколько дней. Бреккер привык к тому, что Призрак всегда рядом – кормит воронов за его окном, точит свои ножи, пока он работает за столом, порицает его своими сулийскими пословицами. Ему не нужна Инеж. Он просто хотел, чтобы их привычная жизнь вернулась.

Каз оперся о перила шхуны. Он уже жалел, что рассказал о брате.

Даже несколько слов пробудили в нем воспоминания, которые теперь отвлекали внимание. Что он сказал Хейлсу на Бирже? «Я один из тех подонков, которых делают только в Бочке». Очередная ложь, очередной кусочек мифа, который он сам сочинил.

Их отца раздавило плугом. Его внутренности лежали по всему полю, как влажные красные цветы. После смерти отца Джорди продал ферму. Много денег с нее они не получили, потому что пришлось выплатить все долги, а ферма была заложена и перезаложена. Но им хватило бы средств, чтобы, добравшись до Кеттердама, жить скромно, но достойно довольно долгое время.

Казу было девять. Он все еще скучал по отцу и боялся покидать родной дом, единственный, который он знал. Мальчик крепко держался за руку брата, пока они преодолевали мили приятной холмистой местности, за которой их ждал один из главных водных путей. Там они прыгнули на корабль, везущий урожай в Кеттердам.

– Что будет, когда мы доплывем туда? – спросил он у Джорди.

– Я устроюсь посыльным на Биржу, потом клерком. Стану акционером, а со временем и приличным купцом, и заработаю большое состояние.

– А я?

– Ты пойдешь в школу.

– Почему ты не пойдешь?

Брат засмеялся.

– Я слишком взрослый для школы. И слишком умный.

Первые несколько дней в городе были именно такими, как обещал Джорди. Они гуляли вдоль огромной выгнутой гавани, известной как Крышка, затем по Восточному Обручу, чтобы посмотреть на все игорные дома. На юг особо не совались, так как их предупредили, что там опасно бродить по улицам. Они сняли комнату в маленьком пансионе неподалеку от Биржи и пробовали любую новую еду, которую видели, набивая животы до отказа айвовыми конфетами. Казу нравились небольшие стойки с омлетами, у которых можно было самому выбрать начинку.

Каждое утро Джорди уходил искать работу на Бирже и говорил Казу, чтобы тот сидел дома. Кеттердам небезопасен для детей, гуляющих в одиночку. Улицы кишели грабителями, карманниками и даже людьми, которые хватали маленьких мальчиков, чтобы потом продать по самой высокой цене. Поэтому Каз оставался в пансионе. Он придвигал стул к раковине и забирался на него, чтобы видеть себя в зеркале, а потом пытался сделать так, чтобы монетки исчезали у него в руках, как у фокусника,

устроившего представление перед одним из игорных домов. Мальчик мог бы смотреть на него часами, но в конце концов Джорди потащил его домой. Карточные трюки тоже были неплохими, но именно фокус с монеткой не давал ему покоя всю ночь. Как фокусник это делает? Монетка была у него в руках, а в следующую секунду – исчезала.

Катастрофа началась с заводного песика.

После очередного, потраченного впустую дня Джорди вернулся домой голодным и раздраженным.

– Они говорят, что у них нет работы, но имеют в виду, что нет работы для такого, как я. Там все чьи-то кузены, братья или лучшие друзья сыновей.

У Каза не было настроения, и он даже не попытался подбодрить брата. Он капризничал после стольких часов, проведенных в запертой комнате, в компании с одними лишь монетками и картами. Ему хотелось отправиться в Восточный Обруч и найти фокусника.

В последующие годы Каз часто задавался вопросом, как сложилась бы их судьба, если бы Джорди не поддался на его уговоры и они пошли бы к гавани, чтобы посмотреть на лодки, или просто прогуливались по другой стороне канала. Ему хотелось верить, что все могло быть иначе, но чем взрослее он становился, тем больше сомневался, что могло бы быть по-другому.

Они прошли мимо зеленого буйства «Изумрудного дворца» и прямо по соседству, напротив «Золотого улова», увидели маленьких механических собак. Игрушки заводились бронзовым ключом и ковыляли на неуклюжих лапках, хлопая оловянными ушами. Каз присел перед ними и повернул все ключи, пытаясь завести всех собак одновременно, а у продавца и Джорди завязалась беседа. Оказалось, тот жил всего в двух городках от того места, где выросли мальчики, в Лиже, и знал одного человека, который искал себе посыльных – не на Бирже, а в одной из контор дальше по улице. Он посоветовал Джорди зайти туда следующим утром и пообещал, что они могут вместе поговорить с этим человеком. Парень тоже надеялся получить работу посыльного.

По пути домой брат купил каждому по горячему шоколаду, а не, как обычно, один, которым пришлось бы делиться.

– Удача наконец-то улыбнулась нам, – сказал он, когда мальчики, сжав в руках дымящиеся стаканчики, сели на мосту, свесив ноги, и стали наблюдать за бликами на воде от фонарей Обруча. Каз взглянул на их отражение на светлой поверхности канала и подумал: *«Я уже чувствую себя счастливым»*.

Паренька, который продавал заводных собачек, звали Филип, а его знакомый – Якоб Герцун – был коммерсантом средней руки, владевшим небольшой кофейней возле Биржи. Там он искал мелких инвесторов, чтобы разделить траты на торговые рейсы, проходящие через Керчию.

– Видел бы ты это место! – восторженно рассказывал Джорди, вернувшись домой поздно ночью. – Там круглые сутки люди общаются, обмениваются новостями, покупают и продают свои акции и доли. Самые обычные люди – мясники, пекари и работники доков. Господин Герцун говорит, что любой может стать богатым. Нужны только удача и правильные друзья.

Следующая неделя была похожа на счастливый сон. Джорди и Филип работали посыльными господина Герцуна, разносили письма в доки, иногда размещали для него заказы на Бирже и в других торговых офисах. Пока они были заняты, Казу позволяли оставаться в кофейне. Мужчина, который разливал напитки за барной стойкой, разрешал ему сидеть на ней и тренироваться, показывая свои фокусы, а также потчевал Каза неограниченным количеством горячего шоколада.

Они были приглашены на ужин к Герцунам – в большой дом на Зельверштрате с синей входной дверью и белыми кружевными шторами на окнах. Господин Герцун был крупным мужчиной с румяным, дружелюбным лицом и пушистыми седыми бакенбардами. Его жена, Маргит, ущипнула Каза за щеку и угостила *гюцпотом* с копчеными сосисками. А еще он играл на кухне с их дочерью Саскией. Ей было десять лет, и Каз считал ее самой красивой девочкой, которую он когда-либо видел. Они с Джорди засиделись допоздна и пели песни под аккомпанемент Маргит на пианино. Их большой охотничий пес стучал хвостом, отбивая забавный ритм. Последний раз таким счастливым Каз чувствовал себя еще в ту пору, когда был жив отец. Господин Герцун даже разрешил Джорди положить крошечную сумму в фонд компании. Брат хотел вложить больше, но хозяин посоветовал всегда быть осмотрительным: «Маленькими шагами, дружок. Маленькими шагами».

Дела пошли еще лучше, когда друг господина Герцуна вернулся из Нового Зема. Он был капитаном керчийского торгового суда и, похоже, случайно пересекся в земенском порту с фермером, который выращивал сахар. Тот уже принял на грудь и всюю жаловался, что у его соседа затопило поля сахарного тростника. Пока цены на сахар оставались низкими – но когда люди узнают, насколько тяжело будет достать сахар в ближайшие месяцы, они взлетят до небес. Приятель господина Герцуна планировал купить весь сахар, какой только можно, пока новость не

дошла до Кеттердама.

– Похоже на мошенничество, – прошептал Каз Джорди.

– Это не мошенничество, – фыркнул брат. – Просто хороший бизнес. Как еще должны обычные люди продвигаться в этом мире, если не с небольшой помощью со стороны?

Господин Герцун велел Джорди и Филипу разместить заказы в трех разных офисах, чтобы столь большие объемы не привлекали излишнего внимания. Вскоре новости о загубленном урожае дошли и до Кеттердама, и, сидя в кофейне, братья с ликованием в душе наблюдали, как растут цифры на доске цен.

Как только господин Герцун решил, что акции достигли своего максимума, он послал мальчиков все их продать и собрать деньги. Когда они вернулись в кофейню, хозяин вручил обоим их часть прибыли, достав деньги прямо из своего сейфа.

– Что я тебе говорил? – обратился Джорди к Казу, когда они вышли в кеттердамскую ночь. – Удача и хорошие друзья!

Еще через пару дней господин Герцун рассказал им об очередной весточке от своего друга-капитана, который поведал о похожей истории с урожаем юрды.

– В этом году дожди нещадно бьют по каждому из нас. Но на сей раз испорчены не только поля, но и склады неподалеку от доков Эймса. Тут пахнет крупными деньгами, и я намерен серьезно взяться за дело.

– Тогда и нам стоит поступить так же, – сказал Филип.

Купец нахмурился.

– Боюсь, эта сделка вам не по зубам, мальчики. Минимальный взнос слишком велик для любого из вас. Но не расстраивайтесь, будут и другие возможности!

Филип впал в ярость. Он накричал на господина Герцуна и обвинил его в несправедливости. Сказал, что он ничем не отличается от купцов на Бирже, которые хапают все богатство себе, и назвал хозяина такими именами, что Каз съежился. Когда парень хлопнул дверью, все в кофейне посмотрели на залитое краской, униженное лицо господина Герцуна.

Он вернулся в свой кабинет и устало развалился в кресле.

– Я... я не виноват, что так делается бизнес. Люди, работающие в торговле, хотят иметь дело только с крупными инвесторами, которые смогут защитить их от рисков.

Джорди и Каз просто стояли, как истуканы, не зная, что делать.

– Вы тоже на меня злитесь? – спросил мужчина.

Конечно же, нет, заверили они. Это Филип был несправедлив к нему.

– Я понимаю, почему он зол. Такие возможности нечасто подворачиваются, но с этим ничего не поделаешь.

– У меня есть деньги, – отозвался Джорди.

Господин Герцун снисходительно улыбнулся.

– Джорди, ты хороший парень, и однажды, не сомневаюсь, ты станешь королем Биржи, но у тебя нет тех средств, которые требуются от инвесторов.

Парень поднял голову.

– Есть. От продажи отцовской фермы.

– Полагаю, это все, на что вы с Казом живете. Таким лучше не рисковать в торговле, несмотря на уверенность в прибыли. Ребенку твоего возраста нечего делать...

– Я не ребенок. Если это хорошая возможность, я хочу ею воспользоваться.

Каз навсегда запомнил тот момент, когда увидел, как жадность овладела братом – невидимая рука, подталкивающая его вперед. Рычаг начал работать.

Господин Герцун долго сомневался. Они вернулись на Зельверштрат и обсуждали детали до глубокой ночи. Каз уснул, устроившись головой на собаке и сжимая в руке красную ленту Саскии.

Когда Джорди наконец разбудил его, свечи почти догорели, а за окном начало светать. Господин Герцун позвал в гости своего делового партнера, чтобы составить договор о получении кредита от Джорди. Из-за юного возраста парню пришлось дать ему деньги взаймы, а он уже должен был вложить их в дело. Маргит принесла им чай с молоком и горячие блинчики со сметаной и вареньем. После этого они все вместе пошли в банк, в котором хранились средства от продажи фермы, и Джорди передал свои права на них.

Господин Герцун настоял на том, чтобы проводить их до дверей пансиона, и крепко обнял братьев на прощание. Затем отдал Джорди кредитное соглашение и предупредил, чтобы он хорошо его спрятал.

– Послушай внимательно, Джорди. Вероятность того, что торговля пойдет плохо, невелика, но она всегда есть. Если так случится, я надеюсь, ты не воспользуешься этим документом, чтобы отозвать кредит. Мы оба должны пойти на риск. Я тебе доверяю.

Парень засиял от счастья.

– Сделка есть сделка.

– Сделка есть сделка, – гордо повторил торговец, и они пожали руки как настоящие купцы. Господин Герцун вручил Джорди плотную пачку

крюге. – На праздничный ужин. Возвращайся в кофейню через неделю. Будем вместе смотреть, как растут цены.

В ту неделю они играли в «Риддершпель»^[6] и «Шпейкер»^[7] в аркадах Крышки. Купили Джорди красивое пальто, а Казу – пару удобных кожаных ботинок. Ели вафли и жареную картошку. Джорди заказал себе все книги, которые хотел, в книжном магазине на Вейнштрате. Через неделю мальчики зашли в кофейню, держась за руки.

Там было пусто. Передняя дверь оказалась заперта на засов. Когда они прижались лицами к темным окнам, то увидели, что все исчезло – столы, стулья, большие бронзовые кофейники, доска, на которой ежедневно писали цифры сделок.

– Мы не туда свернули? – спросил Каз.

Но они знали, что не ошиблись. В напряженном молчании братья направились к дому на Зельверштрат и постучали в синюю дверь. На их стук никто не ответил.

– Они, наверное, вышли куда-то ненадолго, – сказал Джорди. Мальчики прождали на ступеньках целый час, пока солнце не начало садиться. Никто не приходил и не уходил. В окнах не загорались свечи.

Наконец Джорди набрался смелости, чтобы постучать к соседям.

– Да? – ответила ему служанка в маленьком белом чепчике.

– Вы не знаете, куда делись ваши соседи? Герцуны?

Женщина нахмурила брови.

– По-моему, они приплыли сюда ненадолго из Зирфорта.

– Нет, – возразил Джорди. – Они живут здесь много лет. Они...

Служанка покачала головой.

– Этот дом пустовал почти год после прошлых хозяев. Его сняли в аренду всего несколько недель назад.

– Но...

Она закрыла дверь прямо перед его носом.

Каз и Джорди не произнесли ни слова, пока шли домой. Поднявшись по лестнице в свою маленькую комнатку в пансионе, братья долго сидели в сгущающейся темноте. С канала внизу доносились голоса людей, обсуждающих свои планы на вечер.

– С ними что-то случилось, – наконец выдал Джорди. – Несчастный случай или неотложные дела. Он скоро напишет. Или пошлет кого-то за нами.

В ту ночь Каз достал красную ленту Саскии из-под подушки. Скрутил ее в аккуратную спираль и сжал в ладони. Мальчик лежал в кровати и пытался молиться, но все его мысли были заняты монеткой фокусника: вот

она здесь, а в следующую секунду – исчезает.

19. Матиас

Это уже слишком. Он даже не представлял, насколько сложно будет впервые за столь долгое время увидеть свою родину. У него была неделя на борту «Феролинда», чтобы подготовиться, но голову занимали мысли о том пути, по которому он сейчас шел и который сам выбрал; о Нине, зловещей магией вытащившей его из темницы и посадившей на шхуну. Корабль мчался на всех парусах на север под бескрайним небом. Матиас все еще был связан по рукам и ногам, но не только кандалами, но и тяжким бременем предстоящего предательства.

Впервые он заметил на горизонте линию северного побережья вскоре после обеда, но Шпект решил пришвартоваться, когда наступят сумерки, надеясь укрыться в темноте. Вдоль берега тянулись поселки китобоев, и они не хотели, чтобы их заметили. Несмотря на то что вся команда переоделась в охотников, Отбросы все еще выглядели подозрительно.

Ночь все провели на корабле. На рассвете Нина обнаружила его укладывающим зимнюю одежду, которую раздавали Джеспер и Инеж. Матиас был впечатлен способностью сулийки быстро восстанавливать жизненные силы. Хотя у нее до сих пор были круги под глазами, она двигалась без каких-либо затруднений, и, если и испытывала боль, то хорошо это скрывала.

У Нины в руках был ключ.

– Каз приказал снять с тебя кандалы.

– А ночью снова меня запрешь?

– Это зависит от Бреккера. И, полагаю, от тебя. Присядь.

– Просто дай мне ключ.

Девушка прокашлялась.

– Он также хочет, чтобы я перекроила тебя.

– Что? Зачем? – Мысль о том, что она изменит его внешность своим колдовством, была невыносима.

– Мы теперь во Фьерде. Он хочет, чтобы ты выглядел менее... похожим на себя. Просто на всякий случай.

– Ты хоть знаешь, насколько большая эта страна? Вероятность того, что...

– Шансы, что тебя узнают, резко возрастут, когда мы прибудем в Ледовый Двор, а я не смогу сразу изменить твою внешность.

– Почему?

– Я не настолько хорошая «портниха». Теперь этому учат всех корпоративщиков, но перекройка лиц – не мой конек.

Матиас фыркнул.

– Что? – спросила она.

– Ни разу не слышал, чтобы ты признавалась, что у тебя что-то не выходит.

– Ну, это редкий случай.

Фьерданец с ужасом осознал, что его губы расплываются в улыбке, но ее было легко подавить, когда он вспомнил, что его лицо изменят.

– Что Бреккер хочет со мной сделать?

– Ничего радикального. Я изменю цвет глаз, волосы... вернее, их остатки. Это не навсегда.

– Я этого не хочу.

«Не хочу, чтобы ты приближалась ко мне».

– Это не займет много времени и будет совершенно безболезненно, но если ты хочешь спорить с Казом...

– Ладно, – сказал он, собираясь с духом. С Бреккером спорить бесполезно, особенно когда он может шантажировать Матиаса обещанным помилованием. Парень перевернул ведро и сел на него. – Теперь-то дашь мне ключ?

Нина вручила ему ключ и, пока Матиас снимал кандалы с запястий, начала копаться в небольшой шкатулке с ручкой, которую принесла с собой. В шкатулке было несколько небольших ящичков, набитых порошками и пигментами в крошечных пробирках. Девушка достала баночку с чем-то темным.

– Что это?

– Черная сурьма. – Она подошла ближе и подняла ему подбородок кончиком пальца. – Расслабь челюсть, Матиас, а то сточишь все зубы.

Он скрестил руки на груди.

Нина насыпала немного сурьмы ему на голову и печально вздохнула.

– Почему бравый дрюскель Матиас Хельвар не ест мясо? – спросила она театральным голосом. – Это очень печальная история, дитя. Его зубы раскрошила злая девушка-гриш, и теперь он может есть только пудинги.

– Перестань, – проворчал он.

– Что? Не мотай головой.

– Что ты делаешь?

– Крашу твои брови и ресницы. Ну, знаешь, как девушки делают перед вечеринкой. – Он, должно быть, скривился, потому что она разразилась

хохотом. – Видел бы ты выражение своего лица!

Нина наклонилась, и волны ее каштановых волос касались щеки Матиаса, пока она втирала сурьму ему в брови. Ее ладонь опустилась на его лицо.

– Закрой глаза, – пробормотала девушка и затем провела пальцем по его ресницам. Фьерданец вдруг понял, что задержал дыхание.

– От тебя больше не пахнет розами, – заметил он и тут же захотел пнуть сам себя. Он не должен обращать внимание на ее запах.

– Я, наверное, пахну кораблем.

Нет, от нее веяло сладким, идеальным ароматом...

– Ириски?

Нина виновато потупила взгляд.

– Каз сказал брать с собой только самое необходимое. Нужно же девушке что-то есть! – Она полезла в карман и достала пакетик ирисок. – Хочешь?

«Да».

– Нет.

Девушка пожала плечами и закинула одну в рот. Ее глаза закатились, и она довольно ахнула.

– Как же хорошо!

Унизительная мысль, но в этот момент Матиас понял, что мог бы весь день смотреть, как она ест. Это одна из черт, которая ему нравилась в Нине – она *смаковала* все, будь то ириски, холодная вода или вяленая оленина.

– Теперь глаза, – сказала она с конфетой во рту, доставая небольшую бутылочку из шкатулки. – Только не закрывай их.

– Что это? – нервно спросил парень.

– Настойка, разработанная гришом по имени Женья Сафин. Это самый безопасный способ изменить цвет глаз.

Нина снова наклонилась. Ее щеки порозовели от холода, рот слегка приоткрылся. Губы девушки были всего в паре дюймов от его лица. Если бы Матиас выпрямился, они бы поцеловались.

– Посмотри на меня, – велела девушка.

«Смотрю, – он взглянул ей прямо в глаза. – *Помнишь тот берег, Нина?*» – хотелось ему спросить, хотя он и так знал ответ.

– Какого цвета они будут?

– Тс-с-с. Это сложный процесс. – Она капнула пару капель себе на пальцы, поднесла их к его зрачкам и замерла.

– Почему ты не можешь просто капнуть туда?

– Почему ты не можешь просто помолчать? Хочешь, чтобы я тебя

ослепила?

Он замолчал.

Наконец она отодвинулась и прошла взглядом по его лицу.

– Карие, – подмигнула Нина. – Как ириска.

– Что ты планируешь делать с Бо Юл-Баюром?

Нина выпрямилась и отступила назад с застывшим выражением лица.

– В смысле?

Ему стало жаль, что ее игривое настроение испарилось, но это не имело значения. Фьерданец оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что их никто не слушает.

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Я ни на секунду не поверю, что ты позволишь этим людям передать Юл-Баюра керчийскому Торговому совету.

Она положила бутылочку в один из крошечных ящичков.

– Нам придется повторить процедуру еще как минимум два раза, прежде чем мы достигнем Ледового Двора, чтобы цвет стал более насыщенным. Собирай свои вещи. Каз хочет, чтобы мы вышли через час.

Нина захлопнула крышку шкатулки и забрала кандалы. Затем она ушла.

К тому времени, как они попрощались с членами экипажа, небо превратилось из розового в золотое.

– Увидимся в джерхольмской гавани! – крикнул Шпект. – Ни траура!

– Ни похорон, – дружно ответили остальные. Странные люди.

Бреккер всех раздражал своим нежеланием делиться планом похищения Бо Юл-Баюра и побегом из Ледового Двора с ученым под мышкой. Но одно он дал ясно понять: как только задание будет выполнено, отступать они будут на «Феролинде». На корабле хранились документы с печатью, которые подтверждали, что все пошлины для перевозки мехов и других товаров из Фьерды в Зирфорт – портовый городок на юге Керчии – представителями компании «Ханрад Бэй» были выплачены.

Команда начала подъем на утес по скалистому берегу. Приближалась весна, но землю все так же укрывал плотный слой льда, так что идти было нелегко. Достигнув вершины утеса, они сделали привал, чтобы перевести дух. «Феролинд» еще виднелся на горизонте, его паруса надулись ветром, который сейчас нещадно хлестал их по щекам.

– Святые, – выдохнула Инеж. – Мы действительно это сделали.

– Каждую минуту каждого жалкого дня, проведенного на борту, я мечтал сойти с этого корабля, – сказал Джеспер. – И почему я внезапно

заскучал по нему?

Уайлен потопал ногами.

– Может, потому, что от этого холода могут ноги отмерзнуть?

– Когда получим деньги, будешь жечь свои крюге, чтобы согреться, – ответил Каз. – Вперед.

Он оставил свою воронью трость на корабле, взяв вместо нее менее броскую тросточку. Джеспер чуть ли не со слезами на глазах сменил свои драгоценные револьверы с перламутровыми рукоятками на пару обычных пистолетов. Инеж поступила точно так же со своим необычным набором кинжалов, оставив лишь те ножи, с которыми она сможет легко расстаться при входе в тюрьму. Вполне практичное решение, но Матиас знал, что у талисманов есть своя сила.

Джеспер сверился с компасом, и они свернули на юг, разыскивая дорогу, которая выведет их на главный торговый путь.

– А вот я заплачу кому-нибудь, чтобы они сожгли мои крюге за меня, – сказал он.

Каз пошел в ногу с ним.

– Почему бы не заплатить кому-то, чтобы он заплатил кому-то, чтобы за тебя сожгли крюге? Так поступают крупные игроки.

– А знаешь, как поступают настоящие шишки? Они платят кому-то, чтобы тот заплатил кому-то, чтобы...

Их голоса затихали по мере того, как они уходили вперед, и Матиас с остальными поплелись следом. Он заметил, как каждый из них кинул прощальный взгляд на исчезающий «Феролинд». Шхуна была частицей Керчии – их дома, последней знакомой вещью, которая с каждой минутой удалялась все дальше.

Матиас даже немного сочувствовал им, но, стоило признать, пока они с трудом пробирались по снежным просторам, с наслаждением наблюдал, как эти канальные крысы в кои-то веки дрожали и мучились. Они думали, что знают, что такое холод, но белый север славился тем, что ставил чужеземцев на место. Они спотыкались и шатались, не привыкнув еще к новой обуви, и пытались сообразить, как передвигаться по покрытому твердой коркой снегу. Вскоре Матиас оказался впереди всех и задавал темп, хотя Джеспер не прекращал сверяться с компасом.

– Надень свои... – Хельвар запнулся и начал активно жестикулировать Уайлену. Он не знал керчийского аналога слова «очки» или хотя бы как будет «от снега». Такие термины в тюрьме не упоминались. – Прикрой глаза, иначе можешь повредить их навсегда.

Бывало, люди слепли, когда заходили так далеко на север. Или теряли

губы, уши, носы, руки и ноги. Земля была бесплодной и беспощадной – по крайней мере, такой ее видели большинство людей. Но для Матиаса она была прекрасной. Во льдах чувствовался дух Джеля. Лед обладал цветом, формой и даже запахом, если знать, где его искать.

Он быстро шел впереди всех, чувствуя себя почти умиротворенным, словно Джель находился рядом, унимая все его тревоги. Лед вернул ему воспоминания о детстве, об охоте с отцом. Они жили дальше к югу, неподалеку от Хальмхенда, но зимой та часть Фьерды не сильно отличалась от этой – бело-серая гамма, нарушаемая лишь черными рощами деревьев и выступающими грудками камней, которые непонятно откуда взялись – точно останки кораблей на дне океана.

Первый день в пути был сродни обряду очищения: никакой болтовни, белая тишина севера, которая приветствовала своего блудного сына без всякого осуждения. Он ожидал непрерывных жалоб, но даже Уайлен, опустив голову, просто шел вперед. *«Все они умеют выживать, – понял Матиас. – Умеют приспосабливаться»*. Когда солнце начало садиться, они поели вяленой говядины и сухарей и разошлись по палаткам без единого слова.

Но следующее утро положило конец тишине и хрупкому чувству умиротворения. Теперь, когда они сошли с корабля и были далеко от его экипажа, Каз решил, что пора поделиться деталями плана.

– Если мы все сделаем правильно, то выйдем из Ледового Двора раньше, чем фьерданцы поймут, что их бесценный ученый пропал, – говорил он, пока все закидывали рюкзаки на спины, чтобы продолжить путь на юг. – Когда мы попадем в тюрьму, нас отведут в женскую и мужскую зоны ожидания, где выдвигают обвинения. Если Матиас прав и процедура не изменилась, патрули ходят по камерам лишь три раза в день, пересчитывая всех по головам. Как только мы выберемся оттуда, у нас будет как минимум шесть часов, чтобы попасть в посольство, найти Юл-Баюра на Белом острове и доставить его в гавань до того, как они заметят пропажу.

– Что насчет других заключенных в камерах ожидания? – спросил Матиас.

– Мы об этом позаботимся.

Фьерданец нахмурился, но не особо удивился. Как только они окажутся в этих камерах, Каз и остальные будут более уязвимы. Достаточно одного слова стражникам, и Матиас положит конец всем их махинациям. Брум так бы и поступил, как и любой другой благородный человек. Пока они плыли, часть его верила, что возвращение на родину

отрезвит его, даст силы остановить это безумие. Но пока что он только еще больше затосковал по дому, по той жизни, что у него когда-то была среди братьев-дрюскелей.

– Как только мы выберемся из камер, – продолжал Бреккер, – Матиас и Джеспер отправятся за веревками в конюшню, а мы с Уайленом – освобождать Нину и Инеж из женской темницы. Встретимся в подвале. Там находится мусоросжигатель, да и в прачечной вряд ли кто-то останется после того, как тюрьму закроют на ночь. Пока Инеж будет взбираться наверх, мы с Уайленом обыщем прачечную на предмет взрывоопасных веществ, из которых он сможет сделать бомбу. И просто на тот случай, если фьерданцы решили запихнуть Бо Юл-Баюра в тюрьму и облегчить нам жизнь, Нина, Матиас и Джеспер осмотрят камеры на верхнем этаже.

– Нина и Матиас? – спросил Джеспер. – Не то чтобы я сомневался в чем-то профессионализме, но разве это удачный подбор партнеров?

Хельвар подавил свою злость. Джеспер был прав, но фьерданцу не нравилось, что его обсуждают в таком тоне.

– Матиас знает все тюремные правила, а Нина справится с любым охранником без лишней возни. Твоя задача – проследить, чтобы они не поубивали друг друга.

– Я что, дипломат в этой группе?

– Здесь нет дипломатов. Теперь слушайте, – сказал Каз. – Остальная часть тюрьмы отличается от зоны ожидания. Патрули делают обход каждые два часа. Мы не хотим, чтобы кто-то забил тревогу, так что будьте умнее. Сверяемся по звону Эльдерклока. Выходим из камер после шестого удара, поднимаемся по мусоросжигателю на крышу к восьмому удару. Никаких исключений.

– А что потом? – спросил Уайлен.

– Перебираемся на крышу посольского сектора и оттуда добираемся до стеклянного моста.

– Мы окажемся по другую сторону контрольно-пропускных пунктов, – отозвался Матиас, не в силах скрыть нотки восхищения в своем голосе. – Стража на мосту решит, что мы прошли через посольские ворота и что наши документы уже тщательно просмотрели.

Уайлен нахмурил брови.

– Но мы же будем в тюремной робе?

– Вторая фаза, – ухмыльнулся Джеспер. – Мошенничество.

– Верно, – кивнул Каз. – Мы с Инеж, Ниной и Матиасом одолжим сменную одежду у одной из делегаций – и припасем что-нибудь для нашего друга Бо Юл-Баюра, – а затем пересечем стеклянный мост. Найдем Юл-

Баюра, вернемся в посольство. Нина, если будет время, перекроит его насколько возможно. Но пока мы не запустим сигнализацию, никто не должен заметить еще одного шуханца среди гостей.

Только бы Матиасу удалось добраться до него первым. Если ученый будет уже мертв, когда другие его обнаружат, Каз не подумает на Хельвара. И он получит свое помилование. А вдруг не выйдет отделиться от группы? Что ж, несчастные случаи на корабле встречаются сплошь и рядом. Что убережет от него Юл-Баюра на пути домой?

– Из всего этого я понял, – начал Джеспер, – что буду всю дорогу торчать с Уайленом.

– Если только ты волшебным образом не приобрел энциклопедических знаний о Белом острове, не научился взламывать замки, забираться по неприступным стенам или вытягивать секретную информацию из высокопоставленных должностных лиц с помощью флирта, то да. Кроме того, я хочу, чтобы ты помог ему изготавливать бомбы.

Джеспер со скорбью взглянул на свои пистолеты.

– Такой талант пропадает!

Нина скрестила руки.

– Предположим, все это сработает. Как мы выберемся?

– Пешком, – ответил Каз. – В этом вся прелесть плана. Помните, что я говорил насчет того, что нужно отвлечь внимание фили? У посольских ворот все глаза будут прикованы к гостям, прибывающим в Ледовый Двор. Люди, которые уходят, не представляют опасности.

– Тогда зачем нам бомбы? – спросил Уайлен.

– Мера предосторожности. Между Ледовым Двором и гаванью семь миль пути. Если кто-то заметит пропажу Бо Юл-Баюра, нам придется очень быстро преодолеть это расстояние. – Он нарисовал тростью линию на снегу. – Главную дорогу пересекает ущелье. Подорвем мост – и никто за нами не последует.

Матиас схватился за голову, представив хаос, в который эти жалкие существа ввергнут его столицу.

– Это всего лишь один пленник, Хельвар, – сказал Каз.

– И мост, – участливо добавил Уайлен.

– И все, что придется подорвать между делом, – засиял Джеспер.

– Да заткнитесь вы! – прорычал Матиас.

Джеспер пожал плечами.

– Ох уж эти фьерданцы.

– Мне все это не нравится, – подала голос Нина.

Каз поднял бровь.

– Что ж, хоть в чем-то ваши мнения с Хельваром сошлись.

Они двигались дальше на юг. Побережье давно осталось позади, лед все чаще перемежался редким лесом, островками черной земли со следами животных – доказательствами живого мира, того, что сердце Джели бьется повсюду. Непрерывно сыпались вопросы.

– Еще раз, сколько сторожевых башен на Белом острове?

– Как думаешь, Бо Юл-Баюр будет во дворце?

– На Белом острове расположены казармы. Вдруг он там?

Джеспер с Уайленом обсуждали, какие виды взрывчаток удастся собрать из того, что можно найти в тюремной прачечной, и получится ли добыть хоть немного пороха в посольском секторе. Нина пыталась помочь Инеж определить, с какой скоростью та должна взбираться по мусоросжигателю, чтобы хватило времени привязать веревку и поднять других на крышу.

Они постоянно проверяли знания друг друга об устройстве и порядках Двора и воспроизводили в уме схему трех ворот кольцевой стены, построенных вокруг внутреннего двора.

– Первый контрольно-пропускной пункт?

– Четыре охранника.

– Второй контрольно-пропускной пункт?

– Восемь.

– У ворот кольцевой стены?

– Четыре, если ворота не работают.

Они были как сводящий с ума хор воронов, каркающий на ухо Матиасу: «Предатель, предатель, предатель».

– Желтый протокол? – спрашивал Каз.

– Беспорядки в секторе, – отвечала Инеж.

– Красный протокол?

– Нарушение закона в секторе.

– Черный протокол?

– Нам всем конец? – предположил Джеспер.

– Как-то так, – отозвался Матиас, плотнее натягивая капюшон и выходя вперед. Они даже заставили его сымитировать различные варианты звона. В этом был смысл, но он чувствовал себя дураком, напевая:

– Динь, дон, динь, динь, дон. Нет, подождите, динь, динь, дон, динь, динь.

– Когда разбогатею, – начал Джеспер у него за спиной. – То перееду куда-нибудь, где никогда нет снега. А ты, Уайлен?

- Точно не знаю.
- Думаю, тебе стоит купить золотой рояль...
- Флейту.
- И устраивать концерты на прогулочной барже. Можешь приплыть по каналу и пришвартоваться прямо напротив дома своего отца.
- Нина может подпевать, – вставила Инеж.
- Будем петь дуэтом, – не осталась в долгу Нина. – Твоему папочке придется переехать.

Она действительно ужасно пела. Матиас ненавидел тот факт, что знал об этом, но не мог удержаться, чтобы не посмотреть через плечо. Капюшон Нины сполз, и пышные пряди волос выбились из-за ворота.

«Почему я продолжаю это делать?» – раздраженно подумал он. Это случилось и на корабле. Хельвар приказывал себе не смотреть на нее, а в следующую секунду уже пытался найти Нину взглядом.

Но было глупо притворяться, что она не занимала его мысли. Они с Ниной уже проходили вместе по этой территории. Если его подсчеты верны, их тогда выбросило на берег всего в нескольких милях от места, где пришвартовался «Феролинд». Все началось с бури и, в каком-то смысле, она с тех пор никогда не заканчивалась. Нина ворвалась в его жизнь с ветром и ливнем и заставила его мир перевернуться. За все это время он так и не обрел равновесия.

Ничто не предвещало бури, швырявшей корабль, как игрушку на волнах. Море играло с ними, пока не устало забавляться и не затащило их судно под воду в клубке канатов, парусов и кричащих людей.

Матиас помнил тьму глубины, пробирающий холод и оглушающую тишину. В следующее мгновение он уже сплевывал соленую воду и пытался отдышаться. Кто-то положил руку ему на грудь, и они вместе закачались на волнах. Холод был невыносимым, но ему удавалось держаться.

– Очнись, ты, жалкая гора мускулов, – безупречный фьерданский, выговор, как у аристократов. Матиас повернул голову и с удивлением обнаружил юную ведьму, которую они поймали на южном побережье Блуждающего острова. Она поддерживала его и что-то бормотала себе под нос на равкианском. Он так и знал, что она не каэлка! Каким-то чудом ей удалось освободиться от веревки и сбежать из клетки. Он запаниковал и, не будь он таким ошеломленным и замерзшим, стал бы с ней бороться.

– Шевелись, – сказала она ему на фьерданском, задыхаясь. – Святые, чем они вас кормят? Ты вешишь, как телега с сеном!

Девушка барахталась в воде, пытаясь тащить их обоих. Она спасла ему жизнь. Почему?

Он закрутился в ее руках и заработал ногами, чтобы плыть быстрее. К его удивлению, она тихо всхлипнула.

– Слава святым! Плыви, ты, гигантский олух.

– Где мы? – спросил Матиас.

– Не знаю, – ответила ведьма, и он услышал нотки ужаса в ее голосе.

Парень оттолкнул ее от себя.

– Нет! – закричала она. – Не отпускай!

Но он толкнул еще сильнее, вырвался из ее рук, и сразу же холод поглотил его с головой. Боль была острой и неожиданной, его конечности мгновенно онемели. Она пустила в ход свое мерзкое колдовство, чтобы согреть его. Хельвар потянулся к ней в темноте.

– Дрюсье? – крикнул он, устыдившись собственного страха. Это слово означало «ведьма» на фьерданском, но он не знал, как еще ее назвать.

– Дрюскель! – ответила она, и через секунду парень почувствовал, как его пальцы задели ее в черной воде. Он схватился крепче и притянул ее к себе. Тело девушки не казалось теплым, но как только он прикоснулся к ней, боль отступила. Его охватило чувство благодарности и отвращения.

– Нужно добраться до суши, – она тяжело дышала. – Я не могу одновременно плыть и поддерживать наши сердцебиения.

– Я поплыву, – ответил он. – А ты... я поплыву. – Он прижал ее спину к своей груди, обхватив ее тело, будто она тонула – точно так же минуту назад ведьма держала его. Они оба тонули, ну или скоро утонут, если не успеют перед этим замерзнуть до смерти.

Он упорно работал ногами, пытаясь не тратить слишком много энергии, но они оба понимали, что все попытки, скорее всего, тщетны. Когда разразилась буря, они находились недалеко от земли, но вокруг царила кромешная тьма. Они могли плыть как к берегу, так и в открытое море.

Не было слышно ничего, кроме их дыхания, всплесков воды и шума волн. Матиас продолжал двигаться – хотя, вполне возможно, что они просто наматывали круги, – а ведьма заставляла их легкие работать в полную мощь. Кто из них сдастся первым, он не знал.

– Почему ты спасла меня? – наконец спросил Хельвар.

– Не трать силы на пустую болтовню.

– Зачем ты это сделала?

– Потому что ты человек, – сердито произнесла она.

Ложь. Если они все-таки выплывут на берег, ей понадобится

фьерданец, чтобы выжить, кто-то, кто хорошо ориентируется на местности. Хотя язык она знала великолепно. Ну а как же иначе. Все гриши обманщики и шпионы, которых натаскивают, чтобы охотиться на таких, как он, – людей без противоестественного дара. Они – хищники.

Парень продолжал работать ногами, но он устал и чувствовал, как его начал пробирать холод.

– Уже сдаешься, ведьма?

Она встряхнулась, чтобы взбодриться, и в его пальцы на руках и ногах снова хлынула кровь.

– Придерживаюсь твоего темпа, дрюскель. Если мы умрем, ты будешь нести это бремя в следующей жизни.

Он не смог сдержать улыбки. У нее определенно был внутренний стержень. Это стало ясно, еще когда она сидела в клетке.

Так они и провели ночь, поддразнивая друг друга, когда кто-то давал слабину. Их миром было море, льдинки и регулярные всплески, которые могли быть волной или кем-то голодным, плывущим к ним под водой.

– Смотри, – прошептала ведьма, когда над горизонтом взошло румяное и жизнерадостное рассветное солнце. Там, вдалеке, виднелись выступающий ледяной мыс и благословенная черная косая полоса каменистого берега. Земля.

Они не тратили время на утешения или радость. Ведьма откинула назад голову, отдыхая на плече Матиаса, пока он рванул вперед, преодолевая жалкий дюйм за жалким дюймом. Каждая волна тащила их назад, словно море не желало ослаблять свою хватку. Наконец их ноги коснулись дна, и они отчасти поплыли, отчасти поползли к берегу. Затем разделились. Тело Матиаса мучительно болело, когда он выбрался на черные камни мертвой, ледяной земли.

Поначалу идти было невозможно. Оба ползли рывками, пытаясь заставить свои конечности работать и дрожа от холода. В конце концов фьерданец поднялся на ноги. В голову прокралась мысль о том, чтобы просто уйти и поискать прибежище в одиночку. Девушка стояла на четвереньках со склоненной головой, ее мокрые, спутанные волосы падали на лицо. У парня возникло чувство, что сейчас она ляжет и уже не встанет.

Он сделал шаг, другой. Обернулся. Какие бы ни были у нее причины, прошлой ночью она спасла ему жизнь, и даже не единожды. Это был кровный долг.

Матиас ползлся обратно и протянул ведьме руку.

Когда она подняла на него взгляд, на ее мрачном лице отразились отвращение и усталость. Еще на нем читались стыд и благодарность. В

этот короткий миг Матиас понял, что она – его зеркало. Ей тоже не хотелось стать его должницей.

Он мог принять решение за нее. Это самое меньшее, что он способен для нее сделать. Фьерданец резко поднял девушку на ноги, и они вместе заковыляли прочь от берега.

Матиас надеялся, что они шли на запад. Далеко на севере солнце могло сыграть злую шутку с ориентацией в пространстве, а у них не было компаса, который помог бы не сбиться с курса. Уже почти стемнело, и Матиас почувствовал, что у него начинается настоящая паника, но тут они наконец увидели первый из лагерей китобоев. Он оказался заброшенным – отдаленные поселения оживали только в весенний период – и там почти ничего не было, кроме круглой сторожки, сложенной из костей, дерна и звериных шкур. Но прибежище давало им шанс пережить хотя бы эту ночь.

На двери не было замка. Они буквально ввалились внутрь.

– Спасибо, – простонала девушка, падая рядом с круглым очагом.

Хельвар ничего не ответил. То, что им попался лагерь – просто везение. Вынеси их на пару миль дальше по берегу, их песенка была бы спета.

Китобои оставили в очаге торф и сухие щепки. Матиас начал разводить огонь, стараясь сделать так, чтобы, кроме дыма, появилось пламя. Он действовал топорно, потому что выбился из сил и был настолько голоден, что с удовольствием сгрыз бы кожу со своего ботинка. Услышав шорох за спиной, он обернулся и чуть не выронил кусок коряги, которой пытался заставить разгореться слабое пламя.

– Что ты делаешь?! – рявкнул парень.

Ведьма оглянулась через плечо – очень голое плечо – и сказала:

– А я что-то должна делать?

– Сейчас же оденься!

Она закатила глаза.

– Я не собираюсь замерзнуть до смерти, лишь бы не задеть твое чувство стыдливости.

Фьерданец зло ткнул палкой в кострище, но девушка, не обращая на него внимание, сняла с себя остатки одежды: тунику, шаровары, даже нижнее белье. Затем завернулась в одну из грязных оленьих шкур, сложенных у двери.

– Святые, ну и воняет! – проворчала она, устраивая гнездо из других шкур и одеял у огня. Каждый раз, когда она двигалась, накидка из оленя распахивалась, открывая вид на круглую икру, бледную кожу, ложбинку между грудями. Матиас не сомневался, что она делала это намеренно.

Пыталась вывести его из равновесия. Ему нужно сосредоточиться на костре. Матиас чуть не умер, и если он не разведет огонь, то эта угроза снова станет реальной. Если бы только чертова ведьма перестала так шуметь! Коряга сломалась пополам в его руках.

Нина фыркнула и улеглась в гнездо из шкур, опираясь на локоть.

– Ради всех святых, дрюскель, что с тобой не так? Я просто хотела согреться. Обещаю не насиловать тебя, пока ты спишь.

– Я тебя не боюсь, – сердито ответил он.

Девушка ехидно улыбнулась.

– Тогда ты действительно такой тупой, каким кажешься.

Матиас продолжал сидеть у костра. Он знал, что в конце концов придется лечь рядом с ней. Солнце уже село, и температура начала падать. Он изо всех сил старался держаться и не стучать зубами. Они нуждались в тепле друг друга, чтобы пережить эту ночь. Это было бы разумно, но он не хотел приближаться к девушке. *«Потому что она убийца, – убеждал он себя. – Именно поэтому. Она ведьма и убийца».*

Хельвар с трудом заставил себя встать и подойти к одеялам. Но Нина выставила руку, чтобы остановить его.

– Даже не думай приближаться ко мне в этой одежде. Ты весь промок.

– Ты можешь контролировать наше кровообращение.

– Я истощена, – рассердилась она. – И когда я засну, нас будет греть только этот костер. Даже отсюда видно, как ты дрожишь. Все фьерданцы такие ханжи?

Нет. Возможно. Он не знал. Дрюскели – священный орден. Они должны вести целомудренный образ жизни, пока не найдут себе жен – хороших фьерданских жен, которые не нападают на людей с криками и не сбрасывают с себя одежду.

– А все гриши такие бесстыжие? – парировал Матиас, защищаясь.

– В Первой и Второй армиях мальчики и девочки тренируются бок о бок. В таких обстоятельствах смущение быстро проходит.

– Для женщины воевать противоестественно.

– Противоестественно, когда степень твоей тупости соответствует твоему росту, однако вот он ты. Ты серьезно проплыл столько миль, просто чтобы умереть в этой хибаре?

– Это сторожка, и ты не знаешь, проплыли ли мы хотя бы милью.

Нина раздраженно вздохнула и повернулась на бок, стараясь придвинуться как можно ближе к огню.

– Я слишком устала, чтобы спорить, – девушка закрыла глаза. – Не могу поверить, что твое лицо – последнее, что я увижу перед смертью.

Матиас чувствовал, что она насмехается над ним. Он стоял как дурак, и ненавидел ее за то, что она заставляла его чувствовать себя дураком. Парень повернулся к ней спиной и, быстро сняв промокшую одежду, положил ее сушиться у огня. Один раз он обернулся, чтобы убедиться, что ведьма на него не смотрит, затем подошел к одеялам и лег рядом, пытаясь сохранить дистанцию.

– Ближе, дрюскель, – игриво пропела Нина.

Он обнял ее рукой и грубо прижал к своей груди. Девушка удивленно ахнула и смущенно заерзала.

– Прекрати дергаться! – пробурчал он. Ему уже доводилось находиться рядом с девушками – не со многими, правда – но ни одна из них не походила на эту. Она была непристойно округлой.

– Ты холодный и липкий, – пожаловалась ведьма, передернувшись. – Все равно что лежать с дородным кальмаром!

– Ты сказала подвинуться ближе!

– Ослабь хватку, – велела она, а потом повернулась к нему лицом.

– Что ты делаешь? – спросил Хельвар, отодвигаясь в панике.

– Расслабься, дрюскель. Если я с тобой чем-то и займусь, то не здесь.

Он прищурил свои голубые глаза.

– Ненавижу твою болтовню. – Ему показалось, или на ее лице мелькнула обида? Будто его слова могли задеть эту ведьму.

Она подтвердила, что он все выдумал, сказав:

– Думаешь, меня волнует, что тебе нравится или не нравится?

Нина положила руки ему на грудь, туда, где билось его сердце. Он не должен был позволять ей это делать, не должен был проявлять слабость, но как только его кровь потекла быстрее, и тело начало согреваться, парень ощутил облегчение и легкость. Он почувствовал себя слишком хорошо, чтобы сопротивляться.

Матиас невольно позволил себе слегка расслабиться под ее ладонями. Девушка повернулась и положила его руку себе на талию.

– На здоровье, громадная идиотина.

Матиас солгал. Ему нравилась ее болтовня.

И до сих пор нравится. Он слышал, как она щебечет с Инеж где-то позади, пытаясь научить ее нескольким фьерданским словам.

– Нет, Рингке-е-елла. Тебе нужно немного протянуть предпоследний слог.

– Рингкала? – попыталась Инеж.

– Уже лучше, но... представь, что керчийский – это газель. Она

перепрыгивает со слова на слово, – девушка показала жестами. – А фьерданский как чайка: пикирует вниз и ныряет. – Она изобразила руками птиц, которые несутся в воздухе. В этот момент она подняла голову и заметила его взгляд.

Матиас прочистил горло.

– Не ешьте снег, – посоветовал он. – Он лишь обезводит вас и понизит температуру тела.

Хельвар рванул вперед, желая побыстрее подняться на следующий холм, чтобы увеличить расстояние между ними. Но забравшись на вершину, он встал как вкопанный.

Фьерданец повернулся и вытянул руки.

– Стойте! Вы не захотите...

Но было слишком поздно. Нина прикрыла рот руками. Инеж нарисовала в воздухе какой-то оберегающий знак. Джеспер покачал головой, а Уайлен закашлялся. Каз стоял как каменный, с непроницаемым выражением лица.

На утесе было разложено кострище. Те, кто совершили это, пытались развести костер в укрытии оголенных скал, но и их было недостаточно, чтобы защитить огонь от ветра. В обледеневшую почву было вставлено три столба, а к ним привязано три обгоревших тела. Их почерневшая, треснувшая кожа до сих пор дымилась.

– Гезен! – выругался Уайлен. – Что это такое?

– То, что фьерданцы делают с гришами, – ответила Нина. Лицо у нее было спокойное; она не отводила взгляда зеленых глаз с кострища.

– Так поступают только преступники, – отозвался Матиас, чувствуя, как у него все скрутило в животе. – Костры объявили незаконными с тех пор, как...

Нина вихрем метнулась к нему и резко толкнула в грудь.

– Даже не смей! – Она кипела, горела яростью так, что, казалось, вокруг ее головы засветился нимб. – Скажи мне, когда последний раз кого-то привлекали к ответственности за то, что он сжег гриша? Даже когда вам приходится усыплять своих псов, вы называете это убийством.

– Нина...

– А если на вас униформа, то убийство уже по-другому называется?

Тогда они и услышали стон, напоминающий вой ветра.

– Святые, – выдохнул Джеспер. – Один из них жив!

Звук раздался снова, жалкий и пронзительный, исходящий от обугленных останков справа. По форме тела было невозможно понять, мужчина это или женщина. Волосы сгорели, одежда прикипела к

конечностям. Черные куски кожи местами отпали, открывая вид на оголенную плоть.

У Нины вырвалось рыдание. Она подняла руки, но те слишком сильно дрожали, чтобы пустить их в ход и прекратить муки несчастного создания. Она обратила взгляд, полный слез, на остальных.

– Я... Пожалуйста, кто-нибудь...

Джеспер опомнился первым. Прозвучало два выстрела, и тело замолкло навсегда. Парень вернул пистолеты в кобуру.

– Джеспер, черт бы тебя побрал! – прорычал Каз. – Ты только что объявил на всю округу о нашем присутствии!

– Они и так думают, что мы группа охотников.

– Нужно было позволить Инеж это сделать.

– Я не хотела этого делать, – тихо отозвалась девушка. – Спасибо, Джеспер.

Скулы Каза зашлись желваками, но он промолчал.

– Спасибо, – выдавила Нина. Она поплелась по мерзлой земле, разглядев тропинку среди снега. Девушка плакала, спотыкаясь на кочках. Матиас двинулся за ней. Тут было мало ориентиров, так что можно легко потеряться.

– Нина, ты не должна отделяться от группы...

– Это то, к чему ты возвращаешься, Хельвар! – резко произнесла она. – Это страна, которой ты так мечтаешь служить. Ну что, ты гордишься этим?

– Я никогда не сжигал гришей. Им дают справедливую возможность оправдать себя перед судом...

Она повернулась к нему – очки были подняты, и слезы застыли на щеках.

– Тогда почему еще ни один гриш не был оправдан вашим так называемым справедливым судом?

– Я...

– Потому что наше преступление в том, что мы *существуем*. Мы виноваты в том, что появились на свет.

Матиас затих, а когда заговорил, то разрывался между стыдом от того, что собирался произнести, и необходимостью проговорить слова, на которых он вырос, слова, которые до сих пор звучали для него как истина:

– Нина, тебе никогда не приходило в голову, что, возможно... ты не *должна* существовать?

Глаза Нины загорелись зеленым пламенем. Она сделала шаг в его сторону, и он ощутил исходящий от нее гнев.

– Может, это вас не должно существовать, Хельвар? Такие слабые и

хрупкие, с короткими жизнями и жалкими предрассудками. Вы поклоняетесь древесным феям и ледяным духам, которых никогда даже не видели, но стоит вам показать реальную силу, как вы пытаетесь искоренить ее.

– Не смейся над тем, чего не понимаешь.

– Мои «насмешки» оскорбляют тебя? Мой народ предпочел бы ваш смех, чем это варварство. – Выражение превосходства появилось на ее лице. – Равка восстанавливается, как и Вторая армия. Когда они будут готовы, я верю, что они осудят вас по справедливости, как вы того заслуживаете. Я надеюсь, что они закуют дрюскелей в кандалы и зачитают весь список ваших преступлений, чтобы мир мог вести учет вашим злодеяниям.

– Если ты так отчаянно хочешь увидеть воскрешение Равки, то почему до сих пор здесь?

– Потому что я хочу, чтобы ты получил свое помилование, Хельвар. Хочу, чтобы ты был здесь, когда Вторая армия ворвется на север и уничтожит каждый дюйм этой пустоши. Надеюсь, они сожгут ваши поля и посыпят солью вашу землю. Надеюсь, они отправят твоих друзей и семью на костер.

– Они уже это сделали, Нина. С моей мамой, отцом, младшей сестрой. Солдаты-инферны, твои драгоценные, несчастные гриши спалили нашу деревню дотла. Мне больше нечего терять.

Нина горько рассмеялась.

– Наверное, твое пребывание в Хеллгейте было слишком коротким, Матиас. Всегда есть что терять.

20. Нина

«Я не могу отделаться от этого запаха». Нина быстро передвигалась по снежным просторам, надеясь, что ветер избавит ее от тошнотворного зловония, вызывающего рвотные позывы. Перед ее глазами стояла картина – алая плоть, видневшаяся сквозь обгоревшую черную кожу, напоминавшую кучу углей. Ей казалось, что она покрыта их пеплом, пропитана смрадом паленого мяса. Девушка не могла нормально дышать.

Рядом с Матиасом она быстро забывала, кто он на самом деле и какого о ней мнения. Она вновь перекраивала его этим утром, терпеливо перенося его злобные взгляды и ворчание. Нет, она *наслаждалась* ими, радуясь поводу побыть вместе с ним, глупо ликуя каждый раз, когда чуть не

вызывала у него смех. «*Святые, почему мне не все равно?*» Почему одна улыбка Матиаса Хельвара была дороже полсотни других улыбок? Нина чувствовала, как билось его сердце, когда она запрокинула ему голову, чтобы поработать с глазами. Она думала о поцелуе. Ей хотелось этого, и она была почти уверена, что он думал о том же. «*Или, может, о том, как бы задушить меня*».

Девушка не забыла, как он спросил на борту «Феролинда» о том, что она собирается сделать с Бо Юл-Баюром, и действительно ли считает, что его нужно передать Керчии. Если она саботирует приказания Каза, будет ли это стоить Матиасу помилования? Она не могла так поступить. Кем бы он ни был, она должна вернуть ему свободу.

После кораблекрушения они скитались три недели. Без компаса, не имея представления, куда идти. Нина и Матиас даже не знали, где именно на северном побережье их выкинуло. Долгие дни они пробирались через сугробы, проводили морозные ночи в каких-то ветхих убежищах, на которые им удавалось наткнуться, или в заброшенных хижинах лагерей китобоев, когда улыбалась удача. Ели жареные водоросли или любые травы и клубни, которые попадались на пути. Когда они обнаружили вяленое оленьё мясо на дне рюкзака в одном из лагерей, казалось, что случилось чудо. Они накинулись на него в немом блаженстве, чувствуя себя опьяненными от его вкуса.

После той первой ночи Нина и Матиас спали в одежде, укрывшись всеми одеялами, которые удалось собрать, но по разные стороны очага. Если у них не было дров или щепок, они ложились рядом, едва касаясь друг друга, но утром просыпались обнявшись, дыша в унисон, в тумане сна сплетаясь в позу единого полумесца.

Каждое утро Матиас жаловался, что ее невозможно разбудить.

– Будто мертвяка пытаюсь воскресить!

– Мертвяку нужно еще пять минут, – отвечала девушка и закапывалась с головой в мех.

Он громко топал, собирая их немногочисленные пожитки, и бурчал себе под нос: «Ленивая, глупая, эгоистичная...» пока она наконец не поднималась и не начинала готовиться к наступившему дню.

– Что ты сделаешь первым делом, как вернешься домой? – спросила Нина в один из очередных бесконечных дней, пока они шли и шли по снегу в надежде увидеть хоть какие-нибудь признаки цивилизации.

– Выплюсь. Помоюсь. Помолюсь за погибших друзей.

– Ах да, за других бандитов и убийц. Как ты вообще стал дрюскелем?

– *Твои друзья убили мою семью во время одного из набегов гришей, –*

сухо ответил он. – Брум взял меня под свое крыло и дал мне то, за что можно бороться.

Нине не хотелось в это верить, но она знала, что это возможно. Случались битвы; в перекрестном огне погибали невинные. Ее так же тревожила мысль о монстре Бруме, который воплощал собой отеческую любовь.

Спорить или просить прощения казалось неправильным, поэтому она сказала первое, что пришло в голову:

– *Ер молле пе онет. Энел мерд е ней афва троем феррейтен.*

Я рожден, чтобы защищать тебя. Только смерть освободит меня от этой клятвы.

Матиас ошеломленно уставился на нее.

– Так дрюскели присягают Фьерде. Откуда ты знаешь слова?

– Я пыталась узнать о Фьерде все, что могу.

– Зачем?

Нина колебалась, но все же ответила.

– Чтобы не бояться вас.

– Ты не выглядишь испуганной.

– А ты боишься меня?

– Нет, – чуть ли не с удивлением ответил он. Раньше Матиас тоже заявлял, что не боится ее. Но в этот раз она ему поверила. Девушка напомнила себе, что в этом нет ничего хорошего.

Они долго шли молча, затем Хельвар поинтересовался:

– А ты что сделаешь первым делом?

– Поем.

– Что?

– Все. Голубцы, картофельные клецки, пироги со смородиной, блины с лимонной цедрой. Жду не дождусь, когда увижу лицо Зои, когда я войду в Малый дворец.

– Зои Назяленской?

Нина резко остановилась.

– Ты ее знаешь?

– Все знают. Она могущественная ведьма.

Тут девушку осенило: для дрюскелей Зоя была аналогом Ярла Брума – жестокая, бесчеловечная, та, что скрывалась в темноте и несла им смерть. Зоя была для него монстром. Эта мысль встревожила Нину.

– Как ты выбралась из клетки?

Она часто заморгала.

– Что?

– На корабле. Вы были связаны и сидели в клетках.
– Кружка. Ручка сломалась, и ее кончик оказался зазубренным. Мы воспользовались ею, чтобы перерезать веревки. Как только наши руки были свободны... – Нина смущенно умолкла.

Матиас насупился.

- Вы планировали атаку.
- Хотели напасть ночью.
- Но затем началась буря.
- Да.

Шквальная и фабрикатор проделали дыру прямо в палубе и выплыли на свободу. Но смогли ли они выжить в ледяной воде? Удалось ли им добраться до суши? Девушку передернуло. Если бы кружка не сломалась, она бы утонула в клетке.

– Что едят дрюскели? – спросила Нина, увеличивая темп. – Помимо младенцев гришей.

- Мы не едим младенцев!
- Дельфиний жир? Оленьи копыта?

Она увидела, как изогнулись губы фьерданца, и задумалась, то ли его тошнит, то ли, возможно, он сдерживает смех?

– Мы едим много рыбы. Сельдь. Соленую треску. И да, оленину, но не копыта.

- А как же пироги?
 - В смысле?
 - Я очень люблю пироги. Интересно, есть ли у нас что-то общее.
- Хельвар пожал плечами.

– Ой, да ладно, дрюскель! – Они так и не знали имен друг друга, и Нина считала, что это правильно. В конце концов, если они выживут, то набредут на город или деревню. А что потом? В любом случае, чем меньше у него будет сведений о ней, тем лучше. – Это же не государственная тайна! Мне просто любопытно, почему тебе не нравятся пироги.

- Нравятся, но нам запрещено есть сладкое.
- Всем? Или только дрюскелям?
- Дрюскелям. Это считается потворством своим слабостям. Как алкоголь или...

– Девушки?

Его щеки залились краской, и он рванул вперед. До чего же легко его смутить!

– Если вам нельзя сладкое или алкоголь, тебе наверняка бы понравился помдракон.

Поначалу он не купился на это, просто продолжал идти, но в конце концов тишина стала невыносимой.

– Что такое помдракон?

– *Чаша дракона*, – взбодрилась Нина. – Сперва замачиваешь изюм в бренди, затем выключаешь свет и поджигашь.

– Зачем?

– Чтобы было труднее хватать изюминки.

– И что вы делаете, когда все же удастся их схватить?

– Едим.

– Разве они не обжигают язык?

– Конечно, но...

– Тогда зачем...

– Потому что это весело, дурачок! Ве-се-ло! На фьерданском тоже есть такое слово, так что оно должно быть тебе знакомо.

– Я очень часто веселюсь.

– О, и как же?

Они продолжали в том же духе, подкалывая друг друга, чтобы выжить, как было в ночь кораблекрушения, и отказываясь признавать, что слабеют, что если вскоре они не найдут настоящий город, то долго не протянут. Бывали дни, когда голод и блеск северных льдов заставляли их идти по кругу, возвращаться к тем же местам, наткаться на собственные следы, но Нина и Матиас никогда не говорили об этом, не произносили слова «потерялись», будто думали, что таким образом признают свое поражение.

– Почему фьерданцы запрещают девушкам драться? – спросила Нина однажды ночью, когда они свернулись под навесом. Холод ощущался даже сквозь шкуры, постеленные на земле.

– Они сами не хотят.

– Откуда вы знаете? Вы спрашивали хоть одну?

– Фьерданских женщин почитают и защищают.

– Что ж, наверное, это мудрая политика.

К тому времени он знал ее достаточно хорошо, чтобы удивиться такой реакции.

– Правда?

– Только подумай, до чего было бы стыдно, если бы тебе надрала зад фьерданская девчонка.

Матиас фыркнул.

– Я бы с радостью на это посмотрела! – весело заявила Нина.

– Не в этой жизни.

– Ну да, *посмотреть* на это мне не удастся. Только насладиться

моментом, когда я сама пну тебя под зад.

На этот раз он все-таки рассмеялся, да так громко, что у Нины завибрировала спина.

– Святые! Фьерданец, я и не знала, что ты умеешь смеяться. Только осторожно, не делай резких движений.

– Меня смешит твоя самонадеянность, дрюсье.

Пришел ее черед заливаться смехом.

– Это, наверное, худший комплимент из тех, что мне доводилось слышать.

– Ты никогда не сомневаешься в себе?

– Постоянно, – сказала она, впадая в дрему. – Я просто этого не показываю.

Следующим утром они направились через ледяное поле, изрезанное неровными глубокими трещинами, стараясь удержаться на твердых участках среди смертоносных щелей и споря о привычке Нины долго спать.

– Как ты можешь называть себя солдатом? Ты бы спала до полудня, если бы я позволил.

– Какое это имеет отношение к качествам солдата?

– Дисциплина. Режим. Для тебя это ничего не значит? Джель, жду не дождусь, когда у меня снова будет своя кровать.

– Ага. Я прямо чувствую, как сильно ты ненавидишь спать со мной. Каждое утро чувствую.

Лицо Матиаса вспыхнуло.

– Почему тебе обязательно надо что-то такое ляпнуть?

– Потому что мне нравится, когда ты краснеешь.

– Это мерзко! Необязательно все опошлять.

– Если бы ты просто расслабился...

– Я не хочу расслабляться.

– Почему? Чего ты так боишься? Что я могу начать тебе нравиться?

Он ничего не ответил.

Несмотря на усталость, Нина вырвалась вперед.

– В этом все дело, не так ли? Ты не хочешь, чтобы тебе нравилась девушка-гриш. Боишься, что если будешь смеяться моим шуткам или отвечать на вопросы, то начнешь воспринимать меня как человека. Это так ужасно?

– Ты и так мне нравишься.

– Что это было?

– Ты и так мне нравишься, – сердито повторил он.

Девушка засияла, чувствуя, как по ее телу прошла волна удовольствия.

– А если серьезно, неужели это так плохо?

– Да! – проревел фьерданец.

– Почему?

– Потому что ты ужасна. Громкая, непристойная и... вероломная. Брум предупреждал нас, что гриши умеют очаровывать.

– А-а, понятно. Я порочная соблазнительница-гриш, обольстила тебя своими чарами! – Она ткнула его в грудь.

– Прекрати.

– Нет, я тебя обольщаю.

– Помолчи уже!

Она танцевала вокруг него на снегу, тыча пальцем ему в грудь, живот, бока.

– Господи, какой же ты твердый! Такое произведение искусства требует немалых усилий. – Он засмеялся. – Сработало! Соблазнение началось. Фьерданец повержен. Ты бессилен против моих чар. Ты...

Лед под ее ногами проломился, и Нина сорвалась на крик. Она вслепую замахала руками, пытаясь схватиться за что-нибудь, что остановит падение. Ее пальцы царапали лед и камни.

Дрюскель схватил ее за руку, и девушка вскрикнула от боли, ибо он чуть не вырвал ее из сустава.

Так она и зависла над пустотой; единственное, что удерживало ее от падения в зияющую ледяную пасть, – это рука Матиаса. Она взглянула ему в глаза, и на миг ей почудилось, что он ее отпустит.

– Пожалуйста, – взмолилась она. По ее щекам текли слезы.

Он перетащил ее через кромку льда, и они медленно поползли к твердой почве. Затем легли на спину и попытались отдышаться.

– Я испугалась... испугалась, что ты меня отпустишь, – выдавила Нина.

Последовала длинная пауза, а потом он выпалил:

– Я думал об этом. Всего секунду.

Девушка издала смешок.

– Все нормально. Я бы тоже об этом подумала.

Фьерданец поднялся на ноги и протянул ей руку.

– Меня зовут Матиас.

– Нина, – ответила она и пожала ее. – Приятно познакомиться.

Кораблекрушение случилось больше года назад, но казалось, будто с того времени не прошло и дня. Иногда Нине хотелось вернуться назад, когда все еще было хорошо, к тем долгим дням на льду, когда они были

просто Ниной и Матиасом, а не гришом и охотником на ведьм. Но чем больше она об этом думала, тем яснее понимала, что они просто обманывали себя. Те три недели были ложью, которую они выдумали, чтобы выжить. А правда – это кострище.

– Нина, – позвал Матиас, уже почти переходя на бег позади нее. – Нина, ты должна вернуться к остальным.

– Оставь меня в покое.

Когда он взял ее за руку, она развернулась и сжала кулак, перекрывая ему доступ к воздуху. Любой другой сразу бы отпустил ее, но Матиас был натренированным дрюскелем. Он схватил ее вторую руку, прижал к телу и крепко обхватил девушку, чтобы она не могла воспользоваться ею.

– Перестань, – тихо сказал фьерданец.

Она пыталась вырваться, свирепо глядя на него.

– Отпусти меня.

– Не могу, пока ты представляешь угрозу.

– Я всегда буду для тебя угрозой, Матиас.

Уголки его губ приподнялись в грустной улыбке. В глазах была печаль.

– Я знаю.

Хельвар медленно отпустил ее. Нина шагнула назад.

– Что я увижу, когда мы прибудем в Ледовый Двор? – требовательно спросила девушка.

– Ты напугана.

– Да, – она упрямо задрала подбородок. Отрицать не было смысла.

– Нина...

– Ответь на вопрос. Я должна знать. Комнаты пыток? Горящий костер на крыше?

– Во Дворе больше не используют этот метод.

– Что тогда? Потрошат и четвертуют? Расстреливают? С королевского дворца открывается вид на виселицы?

– С меня хватит твоего осуждения, Нина. Перестань немедленно.

– Он прав. Ты не можешь продолжать в том же духе. – Рядом на снегу стоял Джеспер вместе с остальными. Как давно они наблюдали эту сцену? Видели ли, как она напала на Матиаса?

– Не лезь не в свое дело, – огрызнулась девушка.

– Если вы двое будете ругаться, то убьете нас всех, а меня еще ждет куча карточных игр, которые я должен проиграть.

– Вам нужно найти способ помириться, –插вила Инеж. – Хотя бы на какое-то время.

– Вас это не касается, – пробурчал Матиас.

Каз выступил вперед. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

– Как раз-таки нас это и касается. И следи за своим тоном.

Матиас вскинул руки.

– Она вас всех обманула! Этим она и занимается. Сначала заставляет поверить, что вы ее друзья, а потом...

Инеж скрестила руки.

– Что потом?

– Не лезь в это, Инеж.

– Нет, Нина, – возразил Матиас. – Расскажи им! Однажды ты сказала, что мы друзья. Помнишь? – он повернулся к остальным. – Мы три недели блуждали вместе. Я спас ей жизнь. Мы спасали друг друга. А когда добрались до Эллинга... я в любой момент мог сдать ее солдатам. Но я этого не сделал.

Матиас начал ходить взад-вперед, его голос становился громче, по мере того как он все больше погружался в воспоминания.

– Я одолжил денег. Снял жилье. Готов был предать все, во что верил, ради ее безопасности. Когда мы пошли в доки, чтобы купить билеты на корабль, там стояло керчийское торговое судно, готовое к отплытию. – Матиас вновь был вместе с ней на доках. Нина видела это по его глазам. – Спросите, что тогда сделала ваша благородная союзница, девушка, которая судит меня и моих братьев.

Все молчали, но смотрели на Нину и ждали.

– Расскажи им, Нина, – потребовал Хельвар. – Они должны знать, как ты поступаешь с друзьями.

Девушка сглотнула и заставила себя встретиться с ним взглядом.

– Я сказала керчийцам, что он – работороговец, захвативший меня в плен. Отдалась на их милость и умоляла помочь мне. У меня была печать, украденная с судна работороговцев, которых мы разгромили возле Блуждающего острова. Я использовала ее как доказательство.

Девушка не осмеливалась смотреть на Отбросов. Каз, естественно, все знал. Ей пришлось рассказать ему об обвинениях, от которых она хотела бы отказаться, когда умоляла его о помощи. Но Каз никогда не любопытствовал, никогда не интересовался причинами, никогда не упрекал ее. В каком-то смысле излить душу Бреккеру было приятно. Парень, которого зовут Грязные Руки, не станет осуждать.

Но теперь правда открылась для всех. Для керчийцев, конечно же, не было секретом то, что рабы прибывали и покидали кеттердамские порты и что большинство контрактов являлось, по сути, рабством, только под

другим названием. Публично это безоговорочно осуждалось, и долг каждого состоял в том, чтобы преследовать работоторговцев. Нина в точности знала, что произойдет, когда она выдвигала обвинения против Матиаса.

– Я не понимал, что происходит, – продолжал Матиас. – Я не знал керчийского, в отличие от Нины. Меня схватили и заковали. Затем бросили в карцер и не одну неделю держали в темноте, пока мы плыли по морю. В следующий раз я увидел солнечный свет, когда меня уводили с корабля в Кеттердаме.

– У меня не было выбора, – выдавила Нина, чувствуя, как нарастает комок в горле. – Ты не знаешь...

– Просто скажи одну вещь, – в его голосе слышались гневные нотки, но не только... еще в нем слышалась мольба. – Если бы ты могла вернуться в тот день, то поступила бы по-другому?

Нина заставила себя посмотреть в лица друзьям. У нее были причины поступить так, но разве в этом дело? Кто они такие, чтобы судить ее? Девушка выпрямила спину и вздернула подбородок. Она – член банды «Отбросов», девушка из «Белой розы», а иногда просто глупая девчонка, но прежде всего она гриш и воин.

– Нет, – четко произнесла Нина, и ее голос эхом раскатился по ледяным просторам. – Я бы сделала это снова.

Внезапно земля сотряслась от страшного грохота. Нина чуть не потеряла равновесие, а Каз крепко вцепился в свою трость. Все недоуменно переглянулись.

– Разве так далеко на севере бывают разломы земной коры? – спросил Уайлен.

Матиас нахмурился.

– Не то чтобы я об этом знал, но...

Из-под ног Матиаса вырвалась густая масса земли, подкидывая его в воздух. Следующее извержение случилось справа от Нины и откинуло ее в сторону. Со всех сторон взрывались изогнутые монолиты почвы и льда, словно сама земля ожила. Сильный ветер хлестал их по лицам, а снег кружился в урагане.

– Что это за чертовщина? – крикнул Джеспер.

– Похоже на землетрясение! – ответила Инеж.

– Нет, – Нина указала на темную точку, которая плавно парила в небе, несмотря на шквальный ветер. – Нас атакуют.

Девушка поползла на четвереньках, пытаясь найти какое-нибудь укрытие. Она думала, что, возможно, сошла с ума. Кто-то парил в небе

прямо над ее головой! Кто-то летал!

Шквальные могли управлять ветром. Нине даже доводилось видеть, как они подкидывали друг друга в воздух в Малом дворце. Но тот уровень могущества и искусности, которого требовал контролируемый полет, просто недостижим – по крайней мере, так было до сих пор. *Юрда-парем*. Раньше она до конца не верила рассказам Каза. Возможно, даже подозревала его в наглой лжи о том, что он видел: просто ему надо было уговорить ее взяться за это дело. Но если только ее не огрели по голове, а она такого не помнила, – все, о чем говорил Каз, оказалось правдой.

Шквальный перевернулся в воздухе, превращая бурю в неистовый полет ледяных осколков, впивающихся в щеки девушки. Она практически ничего не видела. Когда из земли выстрелил очередной ком льда и камней, Нина упала на спину. Их загоняли в центр, поближе друг к другу, чтобы создать единую мишень.

– Нужно отвлечь его! – крикнул Джеспер сквозь шторм.

Нина услышала тихий лязг.

– Ложись! – завопил Уайлен. Нина вжалась всем телом в снег. Над головой прогремел взрыв, освещая небо справа от шквального. Его сбило с курса, и, пока он пытался сфокусироваться, чтобы выровнять свою траекторию, ветер стих. На это ушло не больше секунды, но и этого времени хватило Джесперу, чтобы прицелиться.

Раздался звук выстрела, и шквальный понесся к земле. Еще одна глыба льда взорвалась поблизости. Они угодили в ловушку – как скот в загоне, который вот-вот отправят на убой. Джеспер стоял между двумя глыбами, целясь куда-то в рощу деревьев, и Нина поняла, что там находится еще один гриш – парень с темными волосами. Прежде чем стрелок успел спустить курок, гриш поднял кулак в воздух и сбил его с ног комом земли. Джеспер перекатился и выстрелил, не вставая.

Парень вдалеке вскрикнул и упал на колено, но его руки были все еще подняты, а земля продолжала грохотать и качаться под ними. Джеспер снова выстрелил и промахнулся. Нина подняла руки, пытаясь сосредоточиться на сердце гриша, но он находился слишком далеко.

Она видела, как Инеж подала сигнал Казу. Не произнося ни слова, тот встал у ближайшей глыбы и сложил руки на колене. Почва бурлила и раскачивалась, но он твердо держал позицию, когда Инеж взмыла с его рук грациозной дугой. В мгновение ока девушка исчезла за глыбой. Через секунду земля замерла.

– Доверяйте Призраку, – сказал Джеспер.

Они поднялись на ватных ногах. Воцарившаяся тишина казалась

непривычной после того, что здесь творилось мгновение назад.

– Уайлен, – выдохнул Джеспер. – Вытащи нас отсюда.

Тот кивнул, достал из мешка серо-желтый комок и осторожно поднес его к ближайшему камню.

– Все на землю, – велел он.

Отбросы сгрудились вместе подальше от валуна, насколько позволял завал. Уайлен стукнул по взрывчатке и отскочил к Матиасу и Джесперу. Все закрыли уши.

Ничего не произошло.

– Ты что, издеваешься? – прорычал Джеспер.

БУМ! Глыба взорвалась. Лед и куски камня дождем посыпались им на головы.

Уайлен был покрыт слоем пыли, и на его лице застыло слегка ошалевшее, но опьяняюще-счастливое выражение. Нина рассмеялась.

– Ты хотя бы *попытался* сделать вид, будто знал, что она сработает.

Они быстро выбрались из каменного загона.

Каз кивнул Джесперу.

– Периметр. Давай убедимся, что нас больше не ждут никакие сюрпризы.

Они разошлись в разных направлениях.

Оставшиеся обнаружили Инеж над телом дрожащего гриша в грязной желто-коричневой одежде. У того был остекленевший взгляд. Кровь лилась из огнестрельной раны на бедре, из груди торчал нож. Должно быть, его метнула Инеж, когда выскочила из завала.

Нина присела рядом с ним.

– Мне нужно еще немного, – пробормотал гриш. – Совсем чуть-чуть. – Он схватил девушку за руку, и тут она узнала его.

– Нестор?

Парень вздрогнул при звуке своего имени, но, казалось, не узнал ее.

– Нестор, это я, Нина.

Она училась вместе с ним в Малом дворце. Во время войны их отправили в Керамзин. На коронации короля Николая они украли бутылку шампанского и напились у озера. Он был фабрикаторм, одним из прочников, работающих с металлом, стеклом и волокнами. Бессмыслица какая-то. Фабrikаторы изготавливали текстиль и оружие. У него не могло быть способностей к тому, чему она стала свидетелем.

– Прошу, – взмолился он, скривив лицо. – Мне нужно еще.

– Еще парема?

– Да, – всхлипнул парень. – Да, пожалуйста.

– Нестор, я могу исцелить твою рану, если ты не будешь двигаться. – Он был в плохом состоянии, но если остановить кровотечение...

– Мне не нужна твоя помощь, – сердито ответил он, отталкивая Нину.

Девушка попыталась успокоить его, замедлить пульс, но боялась, что остановится сердце.

– Прошу, Нестор, не шевелись.

Тот начал кричать и бороться с ней.

– Держите его!

Матиас поспешил на помощь, но Нестор вскинул руки. По земле прошла рябь, отбросившая Нину и всех остальных назад.

– Нестор, пожалуйста! Позволь нам помочь тебе.

Он поднялся, покачиваясь на раненой ноге, и достал нож из груди.

– Где они? – закричал гриш. – Куда они пошли?!

– Кто?

– Шуханцы! – взвыл он. – Куда они пошли? Вернитесь! – Сделал один неуверенный шаг, затем другой. – Вернитесь! – Нестор упал лицом в снег и больше не двигался.

Нина подбежала к нему и повернула на спину. Его глаза и рот были забиты снегом. Она опустила руки ему на грудь, пытаясь заставить сердце биться, но тщетно. Не будь он истощен наркотиком, то мог бы выжить после ранений. Но его тело ослабло, кожа натянулась на костях и так побледнела, что казалась прозрачной.

«Это неправильно», – грустно подумала Нина. Практика Малой науки делала гришей здоровыми, сильными. Это одна из вещей, за которую она любила больше всего свой дар. Но возможности тела ограничены. Получается, будто наркотик настолько увеличил силу Нестора, что она стала превышать возможности его тела. Юрда-парем просто истощила его.

Каз и Джеспер вернулись, тяжело дыша.

– Нашли что-нибудь? – спросил Матиас.

Джеспер кивнул.

– Группу людей, направляющихся на юг.

– Он звал шуханцев, – отозвалась Нина.

– Мы знали, что они отправят свою команду, чтобы похитить Бо Юл-Баюра, – сказал Каз.

Джеспер взглянул на неподвижное тело Нестора.

– Но мы не подозревали, что они отправят гришей. Откуда нам знать, что они не наемники?

Каз достал монетку, украшенную изображением коня на одной стороне и двумя скрещенными ключами на другой.

– Это было в кармане шквального, – он бросил ее Джесперу. – Шуханская *венье*. Монета-пропуск. Это правительственная делегация.

– Как они нас нашли? – спросила Инеж.

– Может, их привлекли выстрелы Джеспера.

Тот оцетинился и указал на Нину и Матиаса.

– Или они слышали вопли этих двоих. Они могли следовать за нами уже давно.

Нина пыталась переварить новую информацию. Шуханцы не использовали гришей в качестве солдат и не считали их силу неестественной или отталкивающей, как фьерданцы. Она их восхищала. Но они все равно полагали, что гриши не совсем люди. Шуханское правительство годами похищало гришей и проводило над ними различные эксперименты, чтобы найти источник их силы. Они бы не стали использовать гришей как наемников. По крайней мере, так было раньше. Возможно, парем изменил правила игры.

– Не понимаю, – начала девушка. – Если юрда-парем у них, зачем отправляться за Бо Юл-Баюром?

– Вероятно, у них есть какой-то запас, но они не могут повторить процесс изготовления, – ответил Каз. – Так считает Торговый совет. Или же они просто хотят убедиться, что Юл-Баюр больше никому не выдаст свою формулу.

– Думаешь, они используют одурманенных гришей, чтобы пробраться в Ледовый Двор? – спросила Инеж.

– Если они у них еще остались. Я бы так и поступил.

Матиас покачал головой.

– Будь у них сердцебит, мы бы все были мертвы.

– Мы были к этому близки, – заметила Инеж.

Джеспер закинул ружье на плечо.

– Уайлен заслужил свою долю.

Паренек подскочил при звуке своего имени.

– Правда?

– Ну, по крайней мере, внес задаток.

– Пора идти, – сказал Каз.

– Нужно похоронить их, – прошептала Нина.

– Почва слишком твердая, и у нас нет времени. Команда шуханцев уже направляется в Джерхольм. Мы не знаем, сколько еще у них гришей, а банда Пекки уже может быть внутри.

– Нельзя же их оставлять на съедение волкам, – сдавленно произнесла девушка.

– Хочешь развести для них костер?

– Вали к черту, Каз!

– Делай свою работу, Нина, – отрезал он. – Я не для того притащил тебя во Фьерду, чтобы ты устраивала похоронные обряды.

Она подняла руки.

– Как насчет того, чтобы заставить твой череп треснуть, как яйцо малиновки?

– Ты не захочешь увидеть, что у меня в голове, дорогая Нина.

Она шагнула вперед, но Матиас переступил ей дорогу.

– Стой. Я сделаю это. Помогу тебе выкопать могилу. – Нина уставилась на него. Хельвар вытащил ледоруб из сумки, передал ей, а затем достал еще один из сумки Джеспера. – Идите на юг, – обратился он к остальным. – Я хорошо ориентируюсь на местности, так что мы догоним вас до наступления ночи. Вдвоем мы будем двигаться быстрее.

Каз внимательно посмотрел на него.

– Просто помни о своем помиловании, Хельвар.

– Это точно хорошая идея – оставлять их одних? – спросил Уайлен, когда они начали спускаться с холма.

– Нет, – ответила Инеж.

– Но мы все равно это сделаем?

– Рано или поздно нам придется начать доверять им, – сказал Каз.

– Мы собираемся обсудить небольшое откровение Матиаса о преданности Нины? – поинтересовался Джеспер.

Нина расслышала ответ Каза:

– Я почти уверен, что большинство из нас не сможет вписать таких слов, как «верный товарищ» или «искренность» в свое резюме. – Несмотря на желание выбить из Каза всю дурь, она не могла не проникнуться к нему благодарностью.

Матиас отошел от тела Нестора. Затем пару раз загнал ледоруб в промерзлую почву.

– Здесь? – спросила Нина.

– Предпочитаешь какое-нибудь другое место?

– Я... не знаю. – Девушка посмотрела на белые поля с редкими березовыми рощами. – Здесь все кажется одинаковым.

– Знаешь наших богов?

– Некоторых.

– Но ты знаешь Джеля.

– Источник.

Матиас кивнул.

– Фьерданцы верят, что весь мир связан водой – морями, льдами, реками и ручьями, дождями и бурями. Все они подпитывают Джели и подпитываются им. Когда мы умираем, то называем это «фелет-обьер» – пустить корни. Мы становимся как корни ясеня, насыщающиеся Джелем, где бы нас ни закопали.

– Поэтому вы сжигаете гришей, а не хороните их?

Он замолчал на пару секунд и кивнул.

– Но ты сможешь мне похоронить Нестора и шквального?

Парень снова кивнул.

Нина взяла второй ледоруб и попыталась повторить удар Матиаса. Земля была твердой и неподатливой. При каждом соприкосновении ледоруба с землей девушка чувствовала сильную отдачу.

– Нестор не должен был вытворять подобные вещи, – сказала Нина. В ее голове до сих пор не укладывалось произошедшее. – Ни один гриш не может так использовать свою силу. Это неправильно.

Хельвар молчал какое-то время, затем сказал:

– Теперь ты лучше понимаешь? Каково повстречаться с неземной силой? Бороться с врагом, обладающим таким противоестественным могуществом?

Нина крепче схватилась за ледоруб. Тяга Нестора к парему извратила все, что она любила в своем даре. Вот то, что Матиас и остальные фьерданцы видели в гришах? Необъяснимую силу, разрушение естественных законов?

– Возможно. – Больше ничего она ответить не могла.

– Ты сказала, что у тебя не было выбора в порту в Эллинге, – начал парень, не глядя на нее. Его ледоруб поднимался и опускался в землю, не сбиваясь с ритма. – Потому что я дрюскель? Ты с самого начала это спланировала?

Нина вспомнила их последний день вместе, как они обрадовались, когда добрались до вершины крутого холма и увидели внизу портовый городок. Она удивилась, когда Матиас сказал:

– Мне почти жаль, Нина.

– Почти?

– Я слишком голоден, чтобы сожалеть по-настоящему.

– Наконец-то ты поддался моему влиянию. Но как мы сможем поесть без денег? – спросила она, спускаясь с холма. – Придется продать твои роскошные волосы в магазин париков, чтобы получить немного наличных.

– Губу закатай, – рассмеялся он. Во время их блужданий ей стало легче его развеселить, словно он научился свободно говорить на новом

языке. – Если это Эллинг, я смогу найти нам жилье.

Тогда Нина остановилась, осознав всю правду об их обстоятельствах с поразительной ясностью. Она находилась на вражеской территории, без единого союзника, не считая дрюскеля, бросившего ее в клетку всего пару недель назад. Но прежде чем она смогла что-то произнести, Матиас повернулся к ней:

– Я обязан тебе жизнью, Нина Зеник. Мы благополучно вернем тебя домой.

Девушка удивилась, насколько она тут же поверила ему. Он тоже ей верил.

Теперь она замахнулась ледорубом, почувствовав отдачу в руках и плечах, и сказала:

– В Эллинге были гриши.

Матиас замер с поднятым инструментом.

– Что?

– Они были шпионами, занимающимися разведкой в порту. Гриши увидели, как мы с тобой вышли на главную площадь, и узнали меня, потому что мы встречались в Малом дворце. Один из них узнал и тебя, Матиас. Видел во время перестрелок на границе.

Хельвар не шевелился.

– Они подкараулили меня, когда ты пошел переговорить с хозяином пансиона, – продолжала Нина. – Я убедила их, что тоже работаю под прикрытием. Они хотели схватить тебя, но я сказала, что ты не один и сейчас это будет слишком рискованно. Я обещала прийти с тобой к ним на следующий день.

– Почему ты ничего мне не сказала?

Нина отбросила ледоруб.

– Что я должна была сказать, что в Эллинге шпионы гришей? Ты примирился со мной, но я не верила, что ты их не выдашь.

Фьерданец отвернулся, желваки играли на его лице. Нина поняла, что не ошиблась.

– В то утро, – начал он, – на доках...

– Я должна была как можно быстрее вытащить нас из Эллинга. Думала, что смогу найти судно, на которое мы проберемся «зайцами»... Но гриши, должно быть, наблюдали за пансионом и видели, как мы выходили. Когда они появились в доках, я поняла, что они пришли за тобой, Матиас. Если бы тебя поймали, то отправили бы в Равку на допрос, а возможно, и на казнь. Я заметила керчийского торговца. Ты знаешь их законы о работорговле.

– Конечно, – горько ответил он.

– Я обвинила тебя, умоляя их спасти меня. Знала, что они возьмут тебя под стражу и безопасно доведут нас до Керчии. Я не думала... Матиас, я не думала, что они отправят тебя в Хеллгейт.

Его глаза ожесточились, когда он взглянул на нее, костяшки пальцев побелели от того, с какой силой он сжимал ледоруб.

– Почему ты ничего не сказала? Почему не рассказала правду, когда мы приплыли в Кеттердам?

– Я пыталась, клянусь! Пыталась отречься от своих слов. Меня не пускали к судье, не пускали к тебе. Я не могла объяснить, откуда у меня печать работорговца или почему я выдвинула обвинения, не выдав при этом равкианскую разведку. Это скомпрометировало бы гришей, которые продолжали работать. Я бы приговорила их к смерти.

– Поэтому ты бросила меня гнить в Хеллгейте.

– Я могла вернуться домой в Равку. Святые, как же мне этого хотелось! Но я осталась в Кеттердаме. Все деньги, которые я зарабатывала, уходили на взятки, петиции в суд...

– Делала все что угодно, лишь бы не рассказывать правду.

Нине хотелось сказать ему что-нибудь ласковое, показать, как она раскаивается, поведать, что думала о нем каждый день и каждую ночь. Но в ее памяти все еще было свежо воспоминание о костре.

– Я пыталась защитить свой народ, людей, на уничтожение которых ты потратил свою жизнь.

Хельвар грубо рассмеялся, крутя ледоруб в руках.

– *Ванден ольструм энд кендесорум.*

Это была первая часть фьерданской поговорки: «Вода слышит и понимает». Звучало довольно добродушно, но Матиас знал, что Нине известно продолжение.

– *Исен не бейструм*, – закончила она. Вода слышит и понимает. Лёд не прощает.

– И что ты будешь делать теперь, Нина? Вновь предашь людей, которых зовешь друзьями, ради гришей?

– Что?

– Только не говори мне, что позволишь Бо Юл-Баюру жить.

Он хорошо ее изучил. Чем больше Нина узнавала о юрде-пареме, тем крепче становилась ее уверенность, что единственный способ защитить гришей – убить ученого. Она подумала о том, как Нестор до последнего вздоха молил вернуться своих шуханских хозяев.

– Я не могу смириться с мыслью, что мой народ будет в рабстве, –

призналась девушка. – Но мы должны выплатить долг, Матиас. Твое помилование – мое покаяние. Я не хочу снова быть тем человеком, который отберет у тебя свободу.

– Мне не нужно помилование.

Она уставилась на него.

– Но...

– Может, твой народ попадет в рабство. А может, станет непреодолимой силой. Если Бо Юл-Баюр выживет и секрет юрды-парема откроется, все возможно.

Они долго смотрели в глаза друг другу. Солнце начало садиться, свет падал на снег золотыми лучами. Нина видела, как сквозь черную сурьму проглядывают светлые ресницы Матиаса. Скоро ей снова придется его кроить.

В те дни после кораблекрушения они с Матиасом заключили шаткое перемирие. То, что нарастало между ними, было сильнее, чем привязанность, – это было понимание, что они оба солдаты, что в другой жизни они могли бы быть союзниками, а не врагами. Нина вновь это почувствовала.

– Нам придется предать других. Они не получают награду от Торгового совета.

– Верно.

– И Каз нас убьет.

– Если узнает.

– Ты когда-нибудь пытался врать Казу Бреккеру?

Матиас пожал плечами.

– Тогда мы умрем за то, ради чего жили.

Нина посмотрела на истощенный труп Нестора.

– Ради высшей цели.

– В этом мы единомышленники, – сказал Матиас. – Бо Юл-Баюр не покинет Ледовый Двор живым.

– Сделка есть сделка, – произнесла Нина на керчийском – языке торговли, языке, который им не принадлежал.

– Сделка есть сделка.

Матиас замахнулся ледорубом и дугой опустил на землю, словно подписывая договор. Девушка подняла свой инструмент и сделала то же самое. Без лишних слов они с одинаковой решимостью принялись долбить землю.

По крайней мере, в одном Каз не ошибся. Нина с Матиасом наконец сошлись во мнениях.

Часть четвертая. Фокус с падением

21. Инеж

Инеж казалось, что они с Казом превратились в солдат-близнецов, которые шли впереди и делали вид, что все нормально, скрывая свои раны и синяки от остальных.

У них ушло еще два дня на то, чтобы добраться до скал, с которых открывался вид на Джерхольм, но идти стало легче, когда они направились на юг к побережью. Потеплело, земля оттаяла, появились первые признаки весны. Инеж думала, что Джерхольм будет похож на Кеттердам – черно-серо-коричневый пейзаж, запутанные улочки, наполненные туманом и угольным дымом, гавань с множеством кораблей, суeta и шумная торговля. Гавань действительно оказалась забита судами, но аккуратные улочки упорядоченно вели к воде, а дома были раскрашены в красный, синий, желтый и розовый цвета, словно в пику диким белым просторам и долгим северным зимам. Даже склады у пристани покрасили в теплые тона. Так она представляла себе города в детстве – все в конфетных оттенках и полном порядке.

Ждал ли их уже в порту, приютившись у причала, «Феролинд» с развевающимися флагами – керчийским и ярким оранжево-зеленым компании «Хаанраад Бэй»? Если все пойдет по плану Каза, завтра ночью они неспешно прогуляются по причалу Джерхольма вместе с Бо Юл-Баюром, запрыгнут на свой корабль и отплывут далеко в море прежде, чем кто-то во Фьерде успеет опомниться. Инеж предпочитала не думать о том, чем закончится завтрашняя ночь, если план не сработает.

Девушка взглянула на Ледовый Двор, расположившийся на высокой скале с видом на гавань, как огромный белый страж. Матиас называл скалы неприступными, и Инеж пришлось признать, что те бросали вызов даже Призраку. Они выглядели невероятно высокими, а белая известковая поверхность издали казалась чистой и яркой, как лёд.

– Пушки, – сказал Джеспер.

Каз, сощутив глаза, посмотрел на большое орудие, нацеленное на гавань.

– Я вламывался в банки, склады, особняки, музеи, хранилища, библиотеку с редкими книгами и однажды даже в спальню одного

каэльского дипломата, чья жена питала страсть к изумрудам. Но из пушки в меня еще никогда не палили.

– В новизне всегда что-то есть, – подметил Джеспер.

Инеж поджала губы.

– Надеюсь, до этого не дойдет.

– Эти пушки стоят здесь, чтобы остановить вторжение армады, – уверенно провозгласил стрелок. – Нужна большая удача, чтобы попасть по маленькой жалкой шхуне, рассекающей волны и несущейся вперед за богатством и славой.

– Я процитирую тебя, когда мне разнесут ядром колено, – сказала Нина.

Они с легкостью влились в поток путешественников и торговцев, когда скалистая тропа пересеклась с северной дорогой, ведущей в Верхний Джерхольм. Город наверху оказался хаотичным продолжением нижнего – беспорядочное нагромождение магазинов, рынков и постоялых дворов, обслуживающих стражников, служащих Ледового Двора и гостей столицы. К счастью, толпа была настолько плотной и разношерстной, что очередная группа иностранцев не привлекала особого внимания, и Инеж смогла наконец-то вздохнуть с облегчением. Она боялась, что они с Джеспером будут слишком бросаться в глаза в море светловолосых фьерданцев. Возможно, команда из Шухана тоже надеялась спрятаться среди пестрой толпы.

Признаки начала Рингкеллы были повсюду. Магазины красиво оформили витрины перцовым печеньем в форме волков; бисквиты развесили в качестве декорации и на высоких, ветвистых деревьях, а мост над речным ущельем украсили серебряными фьерданскими ленточками. Единственный вход и выход из Ледового Двора. Удастся ли им завтра пересечь этот мост под видом посетителей?

– Что это? – спросил Уайлен, остановившись перед тележкой торговца, нагруженной венками из скрученных ветвей и серебряных лент.

– Ясени, – ответил Матиас. – Священные деревья Джеля.

– Один из них растет посредине Белого острова, – отозвалась Нина, игнорируя предупреждающий взгляд фьерданца. – Дрюскели собираются вокруг него для церемонии слушания.

Каз постучал тростью по земле.

– И почему я узнал об этом только сейчас?

– Ясень поддерживается духом Джеля, – сказал Матиас. – Именно там мы лучше всего слышим его голос.

Глаза Каза заблестели.

– Я не об этом спросил. Почему его нет на наших картах?

– Потому что это самое святое место во всей Фьерде и оно несущественно для нашей задачи.

– Я определяю, что существенно, а что – нет. Что еще ты решил скрыть от нас в тайнике своей мудрости?

– Ледовый Двор – огромное строение, – пробубнил Матиас, отворачиваясь от них. – Я не могу отметить каждый уголок и трещинку.

– Тогда будем надеяться, что никто не скрывается в этих трещинах, – хмыкнул Каз.

В Верхнем Джерхольме не было центральной площади, но большая часть таверн, гостиниц и торговых рядов теснилась вокруг основания холма, ведущего к Ледовому Двору. Казалось, что Каз просто бесцельно бродит по улицам, но вскоре он свернул к захудалой таверне под названием «Гестинге».

– Сюда? – занял Джеспер, заглядывая в промозглое помещение, в котором воняло чесноком и рыбой.

Каз многозначительно посмотрел вверх и сказал:

– Терраса.

– Что значит «гестинге»? – любопытствовала Инеж.

– Рай, – ответил Матиас, но даже он смотрел скептически.

Нина помогла заказать столик на крыше таверны. Там почти никто не сидел – погода была слишком холодной, чтобы привлечь много посетителей. Или же их отпугивала кухня: сельдь в прогорклom жире, черствый черный хлеб и какое-то масло, покрытое мхом.

Джеспер посмотрел на свою тарелку и застонал.

– Каз, если ты хочешь моей смерти, я предпочитаю пулю в лоб, а не яд. Нина сморщила нос.

– Если даже я не хочу это есть, значит, у них проблемы.

– Мы сюда не есть пришли – смотрите, какой обзор.

С их столика открывался прекрасный, хоть и несколько отдаленный вид на внешние ворота Ледового Двора и первую гауптвахту. Они были встроены в белую арку, которая представляла собой конструкцию из двух монументальных каменных волков, стоящих на задних лапах и возвышающихся над холмистой тропой, ведущей к Ледяному Двору. Инеж, как и остальные, наблюдала за людьми, входящими и выходящими из ворот, и ела свой обед в ожидании тюремных фургонов. К сулийке наконец вернулся аппетит, и она старалась съесть как можно больше, чтобы набраться сил, хотя этому сильно мешала пленка жира на супе.

Кофе в меню не было, поэтому все заказали чай и рюмку чистого

брэннвина – он обжигал горло, но помогал не замерзнуть при порывах усилившегося ветра, успевшего разметать серебристые ленточки на ветках ясеней, которые росли вдоль улицы.

– Скоро мы станем вызывать подозрения, – сказала Нина. – Это не то место, где люди хотят задержаться подольше.

– Может, им некого везти в тюрьму? – предположил Уайлен.

– Всегда есть кто-то, кого надо везти в тюрьму, – Каз кивнул на дорогу. – Смотрите.

К гауптвахте катился квадратный фургон, который тащили четыре крепкие лошади. Его крыша и высокие стенки были укрыты черным брезентом. Сзади находились тяжелые железные двери, закрытые на засов и висячий замок.

Каз засунул руку в карман пальто.

– Держи, – он передал Джесперу тонкую книжку в красивой обложке.

– Мы будем читать друг другу?

– Просто открой последнюю страницу.

Джеспер так и сделал, и на его лице отразилось недоумение.

– И?

– Держи ее так, чтобы мы не видели твою страшную рожу.

– У меня необычные черты лица. Кроме того... ох!

– Прекрасное чтиво, не так ли?

– Кто же знал, что у меня обнаружится пристрастие к литературе?

Джеспер передал книгу Уайлену, и тот нерешительно взял ее.

– Что там написано?

– Просто посмотри.

Уайлен нахмурился и поднял ее, а затем просиял.

– Где ты достал такую?

Очередь дошла до Матиаса, и он удивленно хмыкнул.

– Она называется книгой без спинки, – сказал Каз, когда Инеж забрала ее из рук Нины и поднесла к глазам. Страницы были полны обычных проповедей, но в изысканной обложке прятались две линзы, что-то вроде бинокля. Каз просил Инеж приглядывать за женщинами, пользующимися пудреницами с похожими зеркалами в «Клубе Воронов». Они могли рассмотреть карты игрока с другой части комнаты и подать сигнал партнеру за столом.

– Умно, – подметила девушка, вглядываясь в линзу. Для официантки и других постояльцев на террасе все выглядело так, будто они передавали друг другу книгу и обсуждали какие-то интересные отрывки. На самом же деле Инеж могла внимательно рассмотреть гауптвахту и фургон,

остановившийся перед ней.

Ворота между волками были выкованы из железа с символом священного ясеня и граничили с высоким, остроконечным забором, окружающим всю территорию Ледового Двора.

– Четыре стражника, – объявила Инеж. Как и сказал Матиас, по двое с каждой стороны контрольно-пропускного пункта. Один из них разговаривал с водителем тюремного фургона, который показывал пакет документов.

– Они – первая линия защиты, – начал фьерданец. – Проверяют документы, подтверждают личности, отмечают всех, кто, по их мнению, требует более тщательного изучения. Завтра к этому времени у ворот будет стоять очередь из гостей, приехавших на Рингкеллу, и тянуться она будет до самого ущелья.

– К этому времени мы уже будем внутри, – произнес Каз.

– Как часто ездит фургон? – поинтересовался Джеспер.

– Зависит от обстоятельств, – ответил Матиас. – Обычно утром. Иногда во второй половине дня. Но вряд ли они захотят, чтобы заключенные прибывали в то же время, что и гости.

– Тогда нам нужно попасть на утренний фургон, – сказал Каз.

Инеж снова подняла книгу. На вознице была серая форма, похожая на форму стражников у ворот, но без лент и украшений. Он спрыгнул с сиденья и обошел фургон, чтобы открыть железные двери.

– Святые, – ахнула девушка, когда они распахнулись. Вдоль стен фургона стояли скамейки, на которых сидели десять заключенных, – их руки и ноги были закованы в кандалы, на головах – черные мешки.

Инеж передала книгу Матиасу и, когда та прошла по кругу, почувствовала, как у всех нарастают дурные предчувствия. Только Каз оставался невозмутимым.

– В мешках, цепях и кандалах? – спросил Джеспер. – Ты уверен, что мы не можем зайти как артисты? Я слышал, что Уайлен просто рвет публику на части своей игрой на флейте.

– Мы зайдем теми, кто мы есть, – возразил Каз, – преступниками.

Нина всмотрелась в линзы.

– Они считают по головам.

Матиас кивнул.

– Если процедура не поменялась, они быстренько посчитают по головам на первом контрольно-пропускном пункте, затем еще раз на втором и обыщут фургон снаружи и внутри на предмет контрабанды.

Нина передала книгу Инеж.

– Возница заметит, что заключенных стало на шесть человек больше, когда откроет двери.

– И как же я об этом не подумал, – сухо сказал Каз. – Вижу, ты никогда не чистила карманы.

– Вижу, ты никогда не уделял достаточно внимания своей стрижке.

Бреккер нахмурился и непроизвольно провел рукой по голове.

– Нет таких проблем с моей стрижкой, которые не решили бы четыре миллиона крюге.

Джеспер склонил голову набок, и его серые глаза засияли.

– Мы воспользуемся печеньем-подкладкой, не так ли?

– Именно.

– Не знаю никакого «печенья-подкладки», – проворчал Матиас, с трудом выговорив все слоги.

Нина окинула Каза недовольным взглядом.

– Как и я. Мы не так хорошо знаем уличный жаргон, как ты, Грязные Руки.

– И никогда не узнаете, – охотно согласился Каз. – Помните нашего друга, филю? – Уайлен скривился. – Предположим, что это турист, прогуливающийся по Бочке. Он слышал, что здесь часто грабят, поэтому постоянно хлопает себя по кошельку, убеждаясь, что тот на месте, и хвалит себя за внимательность и осторожность. Он не какой-нибудь простак, которого легко надурить! И что он делает, каждый раз хлопая себя по карманам пальто? Естественно, рассказывает каждому вору в Обруче, где именно спрятаны денежки.

– Святые, – буркнула Нина. – Я, наверное, тоже так делала.

– Все так делают, – кивнула Инеж.

Джеспер поднял бровь.

– Не все.

– Только потому, что твой кошелек всегда пуст, – парировала Нина.

– Ты злая.

– Я реалистка.

– Реальность нужна только тем, у кого убогая фантазия, – отмахнулся Джеспер.

– Так вот, плохой вор, – продолжил Каз, – у которого мало опыта, просто хватает и бежит. Отличный способ попасть в лапы городской страже. Но хороший вор – как я, – тащит кошелек и оставляет на его месте что-нибудь другое.

– Печенье?

– «Печенье-подкладка» – это всего лишь название. Это может быть

камень, мыло, даже черствая булочка, если она подходящего размера. Хороший вор может прикинуть вес кошелька хотя бы по тому, как он оттягивает карман пальто. Он производит замену, и бедный филля продолжает хлопать по карману, счастливый, как бизон. А потом турист захочет заплатить за омлет или сделать ставку, и тут только поймет, что его обчистили. К тому времени вор уже спрячется в безопасном месте и будет подсчитывать добычу.

Уайлен недовольно заерзал на стуле.

– То, что ты обманываешь невинных людей, – не повод для гордости.

– Повод, если умеешь это делать. – Каз кивнул на тюремный фургон, громыхающий по дороге к Ледовому Двору и второму контрольно-пропускному пункту. – Мы будем печеньем.

– погоди, – встряла Нина. – Дверь закрывается снаружи. Как мы залезем внутрь и закроем ее за собой?

– Это проблема только для тех, кто не знаком с хорошим вором. Предоставь замки мне.

Джеспер вытянул свои длинные ноги.

– Значит, нам нужно открыть двери, расковать и обезвредить шестерых заключенных, занять их места и каким-то чудом закрыть фургон, чтобы стража и другие заключенные ничего не заметили?

– Все верно.

– Есть еще какие-нибудь невозможные подвиги, которые мы должны совершить?

Губы Каза тронула едва заметная улыбка.

– Я подготовлю вам список.

Курс обучения умелому воровству – это чудесно, но Инеж предпочла бы ему крепкий сон в хорошей постели. Однако времени на спокойную ночь в гостинице у них не было, потому что они планировали забраться в тюремный фургон и попасть в Ледовый Двор до начала Рингкеллы. Слишком много работы.

Нину отправили поболтать с местными жителями и попытаться выведать, где лучше всего устроить западню для фургона. После жуткой селедки в «Гестинге» Отбросы потребовали от Каза обеспечить их чем-то съедобным и ждали Нину в переполненной кондитерской, наслаждаясь чашкой кофе с шоколадом. Остатки уничтоженных булочек и крошки от съеденного печенья лежали на столе маленькими кучками. Инеж заметила, что чашка Матиаса стоит нетронутой и кофе медленно остывает, пока он смотрит в окно.

– Тебе, наверное, тяжело, – тихо сказала она. – Находиться здесь, но не быть по-настоящему дома.

Он опустил взгляд в чашку.

– Ты себе даже не представляешь.

– Думаю, представляю. Я давно не была дома.

Каз отвернулся и завел разговор с Джеспером. Он делал так всякий раз, как она упоминала о возвращении в Равку. Естественно, Инеж не знала, удастся ли ей найти там родителей. Сулийцы по натуре кочевники. Когда они говорили «дом», то имели в виду «семья».

– Беспокоишься за Нину? – спросила она.

– Нет.

– Знаешь, у неё это хорошо получается. Настоящая актриса.

– Я в курсе, – нахмурился парень. – Она может быть кем угодно и для кого угодно.

– Лучше всего ей дается роль Нины.

– И кто это?

– Полагаю, тебе это известно лучше любого из нас.

Фьерданец скрестил свои мощные руки.

– Она храбрая, – неохотно признал он.

– И забавная.

– Глупая. Необязательно все превращать в шутку.

– Отважная.

– Шумная.

– Тогда почему твои глаза постоянно ищут ее в толпе?

– *Не ищут!* – возразил Матиас. Инеж не смогла сдержать смех, глядя на его рассерженное лицо. Парень провел пальцем по кучке крошек. – Нина действительно такая, как ты описала. Ее слишком много.

– М-м-м, – промычала Инеж, делая глоток кофе. – Может, это тебя слишком мало?

Прежде чем он успел ответить, колокольчик на двери кондитерской звякнул, и внутрь вошла Нина. Ее щеки покраснелись, роскошные каштановые волосы спутались.

– Кто-нибудь, немедленно накормите меня сладкими булочками!

Сколько бы Матиас ни ворчал, Инеж не сомневалась, что увидела облегчение на его лице.

Не прошло и часа, как Нина разузнала, что большинство тюремных фургонов, направляющихся в Ледовый Двор, проезжают мимо придорожной закуской, известной как «Полустанок надзирателя».

Пришлось пройти почти две мили от Верхнего Джерхольма, чтобы найти таверну. Забегаловка оказалось слишком людной, забитой фермерами и местными работниками, и вряд ли могла бы быть им полезной, поэтому команда двинулась дальше. К тому времени, как они нашли укромное местечко в гуще деревьев, подходящее для их цели, Инеж едва не валилась с ног. Слава святым за казавшуюся неиссякаемой энергию Джеспера! Он бодро предложил пойти вперед и постоять на стреме. Когда на горизонте появится тюремный фургон, Джеспер подаст им сигнал факелом и бегом присоединится к ним.

Нина потратила несколько минут, чтобы перекроить предплечье Джеспера, пряча татуировку Отбросов и оставляя на ее месте пятно пигментированной кожи. Ночью она позаботится о татуировках Каза и своей собственной. Возможно, никто в тюрьме не узнает знак кеттердамской банды или символ борделя, но рисковать не следовало.

– Ни траура! – крикнул Джеспер, вприпрыжку двигаясь в сумерках. Его длинные ноги с легкостью преодолевали расстояние.

– Ни похорон, – ответили остальные. Инеж мысленно помолилась за друга. Джеспер был хорошо вооружен и мог постоять за себя, но с его долговязой фигурой и земенским цветом кожи он слишком заметен, чтобы быть в безопасности.

Отбросы разбили лагерь в сухом овраге, окруженном кустами, и спали по очереди на твердой каменистой земле. Несмотря на усталость, Инеж сомневалась, что ей удастся заснуть, но стоило ей только закрыть глаза, и следующее, что она увидела, было солнце – яркое, блестящее пятно в пасмурном небе. Время перевалило за полдень. Нина сидела рядом с ней с кусочком перцового печенья в виде волка, которое она купила в Верхнем Джерхольме. Инеж увидела, что кто-то развел костер, а в его пепле виднелись липкие остатки расплавленного парафина.

– Где все? – спросила она, оглядывая пустой овраг.

– На дороге. Каз сказал, чтобы мы дали тебе поспать.

Инеж потеряла глаза. Судя по всему, это из-за ее раны. Наверное, ей не слишком хорошо удалось скрыть свою усталость. Вдруг с дороги послышались треск и хлопанье, и девушка за секунду вскочила на ноги и достала ножи.

– Расслабься, – сказала Нина. – Это всего лишь Уайлен.

Видимо, Джеспер уже подал сигнал. Инеж взяла у Нины печенье и поспешила к Казу и Матиасу, которые наблюдали, как Уайлен возится с чем-то у основания толстой красной пихты. Прозвучала еще одна чередка хлопков, и от места, где ствол дерева вырастал из земли, пошел белый дым.

На секунду показалось, что больше ничего не произойдет, но затем корни сами по себе вырвались из земли, увядшие и скрученные.

– Что это было? – спросила Инеж.

– Солевой концентрат, – ответила Нина.

Сулийка склонила голову набок.

– Матиас что... молится?

– Читает благословение. Фьерданцы всегда так делают, когда рубят дерево.

– Каждый раз?

– Благословение зависит от того, как именно ты намереваешься использовать дерево. Одно для домов, другое для мостов. – Пауза. – Третье для растопки.

На то, чтобы положить дерево на дороге, ушло меньше минуты. Поскольку корни остались на месте, все выглядело так, словно оно просто упало от болезни.

– Как только фургон остановится, дерево подарит нам пятнадцатиминутную фору, не более, – сказал Каз. – Работайте быстро. Заключение будут в мешках, но они все слышат, так что не произносите ни слова. Нельзя вызывать подозрения. Они подумают, что это просто обычная остановка. Главное, чтобы так это и выглядело.

Пока Инеж сидела с остальными в овраге, ожидая фургон, то думала обо всем, что может пойти не по плану. На заключенных может не быть мешков. Стражники могли посадить своего человека рядом с арестованными. А если им все удастся? Ну, тогда они будут пленниками, направляющимися в Ледовый Двор. Это тоже казалось не самой радужной перспективой.

Только она начала гадать, не ошибся ли Джеспер и не подал ли сигнал слишком рано, как в поле зрения появился тюремный фургон. Он прокатился мимо них и остановился перед деревом. До них донеслась ругань возницы, жалующегося своему напарнику.

Оба соскользнули с сидений и подошли к дереву. С минуту они стояли, уставившись на него. Тот, что покрупнее, снял шляпу и почесал пузо.

– Какие же они ленивые, – пробормотал Каз.

Те наконец вроде бы смирились с мыслью, что само дерево никуда не уйдет, поэтому вернулись к фургону за тяжелым мотком веревки и выпрягли одну из лошадей, чтобы оттащить дерево с дороги.

– Приготовьтесь, – дал команду Каз. Затем побежал от оврага к задней части фургона. Трость он оставил в овраге и, видимо, испытывал сильную боль, но Бреккер хорошо умел ее скрывать. Он достал отмычку из-за

подкладки пальто и нежно, чуть ли не с любовью потрогал замок. Уже через несколько секунд он открылся, и Каз отодвинул засов. Потом оглянулся на возницу с охранником, обвязывающих ствол дерева веревкой, и распахнул дверь.

Инеж напряглась в ожидании сигнала. Его не последовало. Каз просто стоял и смотрел в фургон.

– Что происходит? – прошептал Уайлен.

– Может, на них нет мешков? – предположила она. С ее места было ничего не видно. – Я на разведку.

Не могли же они все одновременно собраться у фургона.

Инеж выскочила из оврага и подошла сзади к Казу. Он продолжать стоять, абсолютно неподвижно. Она быстро коснулась его плеча, и парень дернулся. *Каз Бреккер* дернулся. Что происходит? Она не могла спросить его, потому что заключенные могли ее услышать. Девушка заглянула в фургон.

Все пленники были в кандалах и с мешками на головах. Но их оказалось значительно больше, чем накануне на контрольно-пропускном пункте. Вместо того чтобы сидеть на лавочках у стен, они стояли, прижатые друг к другу. Их руки и ноги заковали, и на шею каждого был надет железный ошейник, прикрепленный к крючку на крыше фургона. Если кто-то начинал заваливаться или сильно наклоняться, ему или ей сразу же перекрывало дыхание. Не слишком милосердно, но люди стояли в такой тесноте, что никто и при желании не смог бы упасть и задохнуться.

Инеж снова подтолкнула Каза. Его лицо было бледным, почти восковым, но на сей раз он хотя бы опомнился. Бреккер залез в фургон, двигаясь неловко и судорожно, и начал работать над замками на ошейниках.

Инеж подала сигнал Матиасу, и тот поднялся из оврага и присоединился к ним.

– Что происходит? – спросил на равкианском один из заключенных. Его голос звучал испуганно.

– *Тиг!* – грубо рыкнул Матиас на фьерданском. По фургону прошла волна шороха, словно все резко очнулись. Инеж тоже непроизвольно выпрямилась. Матиас умудрился полностью преобразиться с помощью одного слова: будто вместе с этой, громко сказанной командой, он вновь надел форму дрюскеля. Инеж нервно покосилась на него. Она начала привыкать к фьерданцу и чувствовала себя уютно в его компании. Получилось это само собой, но глупо было забывать, кто он на самом деле.

Каз взломал шесть пар кандалов на руках и ногах. Одного за другим

Инеж и Матиас вытащили шестерых заключенных, сидевших ближе всех к двери. Времени на то, чтобы сличить их рост, телосложение или хотя бы пол, не было. Они отвели их к краю оврага, попутно следя за успехами охранников на дороге.

– Что происходит? – осмелился спросить один из пленников, но очередной «*Tig!*» от Матиаса быстро его заткнул.

Как только они оказались вне поля зрения охранников, Нина замедлила заключенным пульс, и те отключились. Только тогда Уайлен снял с них мешки: четверо мужчин, один довольно старый, женщина средних лет и шуханский мальчик. Конечно, не идеально, но, если повезет, стражники не станут цепляться к таким мелочам. В конце концов, какие неприятности может доставить кучка закованных осужденных?

Нина ввела им снотворное, чтобы продлить сон, а Уайлен помог откатить их в овраг за деревьями.

– Мы просто оставим их там? – прошептал парень, пока они бежали к фургону с мешками в руках.

Взгляд Инеж был сосредоточен на охранниках, убирающих дерево, поэтому она ответила не глядя:

– Они довольно скоро проснутся и убегут. Возможно, им даже удастся добраться до побережья и обрести свободу. Мы оказываем им услугу.

– Это не выглядит как услуга. Похоже, что мы просто бросаем их в канаве.

– Тихо, – цыкнула она. Не время и не место для бесед на темы морали. Если Уайлен не видит разницы между тем, что такое быть в цепях, и быть свободным от них, то очень скоро увидит.

Инеж прижала ладони к губам и тихо засвистела, как птичка. У них было примерно пять минут, прежде чем охранники расчистят дорогу. К счастью, те сильно шумели, пока понукали лошадь и перекликались друг с другом.

Сначала Матиас нацепил на крючок Уайлена, затем взялся за Нину. Инеж заметила, как он вздрогнул, когда девушка подняла волосы, обнажая изгиб своей белой шеи, чтобы было легче застегнуть ошейник. Пока он возился с ним, Нина оглянулась через плечо, и взгляд, которым они обменялись, мог бы растопить целые поля северного льда. Матиас поспешно отошел. Инеж чуть не рассмеялась. Вот и все, что требовалось, чтобы дрюскель исчез и на его место вернулся юноша.

Следующим шел Джеспер, пытавшийся отдышаться после беготни. Когда Инеж надевала ему мешок на голову, парень подмигнул ей. Поодаль раздавались крики охранников.

Инеж зацепила ошейник Матиаса и встала на цыпочки, чтобы надеть на него мешок. Но когда она перешла к Нине, та часто заморгала и кивнула на двери фургона. Ей все еще было любопытно, как Каз их закроет.

– Смотри, – произнесла сулийка одними губами.

Каз подал Инеж сигнал, и она быстро прыгнула вниз. Затем закрыла двери на замок и задвинула засов. Через секунду те открылись с противоположной стороны. Каз попросту снял петли. Они часто использовали этот трюк, когда замок оказывался слишком сложным, чтобы справиться с ним в короткое время, или хотели создать видимость, что кража произошла изнутри. «Идеально для инсценировки самоубийства», – сказал ей однажды Бреккер. Она до сих пор не знала, говорил ли он искренне.

Инеж кинула прощальный взгляд на дорогу. Охранники справились с деревом. Тот, что покрупнее, стряхивал пыль с рук и похлопывал лошадь по спине. Второй уже подходил к фургону. Инеж схватилась за край двери и подтянулась, протискиваясь внутрь. Каз тут же принялся ставить петли на место. Инеж натянула мешок на удивленное лицо Нины и заняла свое место рядом с Джеспером.

Но даже в тусклом свете было видно, что Каз двигался слишком медленно, его пальцы в перчатках работали не так быстро, как обычно. Что с ним случилось? И почему он замер у дверей фургона? Что-то заставило его промедлить, но что?

Она услышала звон металла, когда Каз уронил один из винтиков. Инеж опустила взгляд на пол и подтолкнула его обратно к парню, пытаясь не обращать внимание на свое участившееся сердцебиение.

Каз присел, чтобы закрутить вторую петлю. Он тяжело дышал. Инеж понимала, что он работает без света, только на ощупь, да еще и в этих чертовых перчатках, которые он никогда не снимает, но девушка сомневалась, что проблема в этом. Она услышала шаги с правой стороны фургона и голос охранника. «*Давай же, Каз!*» У Инеж не хватило времени, чтобы замести следы. Что, если охранник их заметит? Что, если он откроет дверь, и она просто упадет с петель, и обнаружится Каз Бреккер без мешка и цепей?

Раздался еще один лязгающий звук. Каз выругался себе под нос. Внезапно дверь затряслась – стражник дернул за замок. Каз прижал руки к петле. Щель света под дверью стала шире. Инеж резко втянула воздух.

Петли выдержали.

Еще одна фраза на фьерданском, снова шаги. Затем раздалось звяканье упряжи, и фургон покатился вперед, громяхая по дороге. Сулийка шумно

выдохнула. В горле совсем пересохло.

Каз занял свое место и натянул ей мешок на голову. В нос ударил затхлый запах. Сейчас он наденет мешок на себя и прицепит ошейник к крючку. Все довольно просто, дешевый трюк фокусника, а Каз знал их все. Его рука прикоснулась к ее коже, пока он застегивал на горле ошейник. Тела прижимались к Инеж сзади и сбоку, сдавливая ее со всех сторон.

Пока они в безопасности. Но, несмотря на грохот колес, Инеж слышала, что дыхание Каза ухудшилось – стало прерывистым, с посвистыванием, как у зверя, пойманного в ловушку. Она никогда бы не подумала, что услышит такие звуки от него.

Именно потому, что Инеж прислушивалась, она знала точно, когда Каз Бреккер, Грязные Руки, главный подонок Бочки и самый опасный парень в Кеттердаме, потерял сознание.

22. Каз

Деньги, которые господин Герцун оставил Казу и Джорди, закончились на следующей же неделе. Джорди попытался вернуть свое новое пальто, но магазин отказался его брать, а ботинки Каза уже выглядели поношенными.

Когда они принесли в банк кредитный договор, подписанный господином Герцуном, то обнаружили, что, несмотря на все официальные с виду печати, эта бумажка ничего не стоила. Никто даже не слышал о господине Герцуне и его деловом партнере.

Через два дня их выселили из пансиона, и мальчикам пришлось спать под мостом, но городская стража быстро их прогнала. Они бесцельно бродили по улицам до самого утра. Джорди настаивал, что им нужно вернуться в кофейню. Они долго сидели в парке на противоположной стороне улицы. Когда наступила ночь и стражники вновь вышли в обход, братья направились на юг – к улицам нижней Бочки, где полиция не утруждала себя патрулированием.

Заночевали под лестницей в проулке за кабаком, приютившись между выброшенной плитой и мешками с кухонными отходами. В ту ночь их никто не трогал, но в следующую пришла банда парней, объявивших, что они влезли на территорию Портовых Лезвий. Джорди избили, а Каза столкнули в канал, не забыв прихватить его ботинки.

Брат вытащил его из воды и отдал сухое пальто.

– Я голоден, – сказал мальчик.

– А я – нет, – ответил Джорди. Почему-то Казу это показалось забавным, и они оба расхохотались. Джорди обнял Каза и сказал: – Пока что победа за городом. Но мы еще посмотрим, кто останется победителем.

Следующим утром Джорди проснулся с горячкой.

Позже люди назовут эпидемию огненной оспы, охватившей Кеттердам, «Чумой Придворной Дамы» – в честь корабля, который, как полагали, привез заразу в город. Самый тяжелый удар пришелся по людным трущобам Бочки. На улицах лежали трупы, по каналам плавали специальные лодки с лопатами и крючками, которые использовали, чтобы закидывать тела на платформы и тащить их на Баржу Жнеца для сожжения.

Через два дня после того, как заболел Джорди, лихорадка добралась и до Каза. У них не было денег на лекарства или врача, поэтому они устроились на куче сломанных деревянных ящиков, которую окрестили Гнездом.

Никто их не прогонял. Все банды слегли с той же болезнью.

Когда лихорадка достигла апогея, Казу приснилось, что он вернулся на ферму и, постучав в дверь, увидел за кухонным столом двух призраков – себя и брата. Они смотрели на него через окно, но внутрь не пускали, поэтому он бродил по лугу, боясь лечь в высокую траву.

Проснувшись, мальчик уже не чувствовал запаха сена, клевера или яблони, только угольный дым и вязкую вонь гниющих продуктов из мусорных баков. Джорди лежал рядом с ним и смотрел в небо. «*Не бросай меня*», – хотелось сказать Казу, но у него не было сил. Вместо этого он опустил голову на грудь Джорди. Она уже казалась какой-то неправильной – слишком твердой и холодной.

Он подумал, что ему это снится, когда сборщик тел закатил его на лодку. Каз почувствовал, что падает, а затем приземлился на груды тел. Пытался кричать, но слишком ослабел. Они были повсюду: ноги, руки, окоченевшие тела, гнилые конечности и лица с синими губами, покрытые язвами оспы. Мальчик то отключался, то просыпался, потеряв грань между реальностью и галлюцинациями, вызванными жаром. Тем временем лодка вышла в море. Когда она попала на мелководье Баржи Жнеца, Каз каким-то чудом нашел в себе силы закричать.

– Я жив! – орал он что есть мочи. Но был слишком маленьким, а лодка уже удалялась к гавани.

Каз пытался вытащить Джорди из воды. Его тело было покрыто маленькими воспаленными нарывами, из-за которых огненная оспа и получила свое название, а кожа – вся бледная и в синяках. Каз вспомнил заводную собачку и как пил горячий шоколад на мосту. Подумал, что рай,

должно быть, выглядит как кухня в доме на улице Зельверштрат и пахнет как гюцпот, готовящийся в духовке Герцунов. У него все еще хранилась лента Саскии. Он мог бы вернуть ее девочке. Они бы делали конфеты из пасты айвы. Маргит играла бы на рояле, а Каз мог бы уснуть у камина. Он закрыл глаза и приготовился к смерти.

Мальчик надеялся, что проснется уже в другом мире, теплом и безопасном, с набитым животом и братом под боком. Вместо этого он очнулся посреди моря трупов. Каз лежал на отмели у Баржи Жнеца, в насквозь промокшей одежде, со сморщенной от влаги кожей. Рядом с ним плавало, как какое-то жуткое морское чудовище, едва узнаваемое тело брата, белое и опухшее от гниения.

Перед глазами прояснилось, а сыпь начала потихоньку исчезать. Температура спала. Он совсем позабыл о голоде, но вот жажда была такой сильной, что он чуть не сошел с ума.

Весь день и ночь он ждал у горы тел, смотрел на гавань и надеялся, что лодка вернется. Им еще нужно было разжечь огонь для сожжения тел, но когда? Были ли у сборщика тел выходные? Или они работали через день? Мальчик чувствовал себя слабым, он был обезвожен. Долго ему не протянуть. Берег слишком далеко – у него ни за что не хватит сил, чтобы проплыть такое расстояние. Он пережил болезнь, но легко может умереть здесь, на Барже Жнеца. Ну и что? В городе его ничего не ждет, помимо голода, темных переулков и сырости каналов. Но, подумав об этом, он понял, что это неправда. Его ждало возмездие. Месть за Джорди и, возможно, за самого себя. Но для этого нужно явиться на встречу с нею.

Когда настала ночь и течение сменило направление, Каз заставил себя опустить руки на тело брата. Он был слишком истощен, чтобы полагаться исключительно на свои силы, но с помощью Джорди у него получится добраться до берега. Мальчик крепко схватился за брата и оттолкнулся в сторону огней Кеттердама. Вместе они поплыли вперед, раздутое тело Джорди служило плотом. Каз продолжал работать ногами, пытаясь не думать о брате, о тугой, вздувшейся плоти под его руками – вообще ни о чем не думать, кроме ритма, с каким его работали его ноги, рассекая море. Он слышал, что тут водятся акулы, но знал, что они его не тронут. Теперь он сам стал чудовищем.

Он все плыл и плыл, а на заре обнаружил, что приплыл к восточной части Крышки. Гавань была практически пустой – из-за чумы все рейсы в Керчию были отменены.

Последняя сотня ярдов оказалась просто невыносимой. Поднявшиеся волны уносили его прочь. Но теперь у Каза была надежда, надежда и

ярость – пламя, поддерживающее в нем жизнь. Оно привело его к докам и дало сил подняться по лестнице. Забравшись наверх, мальчик упал спиной на деревянные рейки и заставил себя перекатиться. Тело Джорди унесло течением, и теперь оно билось внизу об опору. Его глаза оставались открытыми, и на секунду Казу показалось, что брат смотрит прямо на него. Но Джорди не говорил, не моргал и не переводил взгляд, пока течение выносило его из-под опоры и потащило в открытое море.

«Нужно закрыть ему глаза», – подумал Каз. Но он понимал, что если спустится по лестнице и снова поплывет, то уже никогда не найдет дороги назад – попросту утонет, а он не мог себе этого позволить. Он обязан жить. Кто-то должен заплатить за все.

В тюремном фургоне Каз очнулся от резкого удара по бедру. Было темно и очень холодно. Со всех сторон его окружали тела. Он тонул в трупях.

– Каз, – прошептал кто-то.

Бреккер вздрогнул.

Снова удар по бедру.

– Каз, – голос Инеж. Он заставил себя глубоко вдохнуть через нос. Почувствовал, как девушка отодвигается от него. Каким-то образом ей удалось дать ему немного пространства в этой тесноте. Его сердце бешено колотилось.

– Не молчи, – прохрипел он.

– Что?

– Говори что-нибудь.

– Мы проезжаем тюремные ворота. Первые два контрольно-пропускных пункта уже позади.

Это наконец привело его в чувство. Они прошли через два пункта. Значит, их уже посчитали. Кто-то открывал эту дверь, – и не один раз, а два, – может, даже трогал его, но Каз не очнулся. Его могли ограбить или убить. Он тысячу раз представлял себе, как может умереть, но никогда не думал, что проспит собственную смерть.

Бреккер снова заставил себя глубоко вдохнуть, несмотря на вонь, идущую от тел. Перчатки остались на нем, – что легко могли заметить охранники. Уступка его слабости, – но если бы их не было, Каз наверняка сошел бы с ума.

Заключенные вокруг него перешептывались на разных языках. Невзирая на страхи, которые в нем пробудила темнота, Бреккер был ей сейчас рад. Оставалось надеяться, что его команда, с мешками на головах и

погруженная в собственные тревоги, не заметила ничего странного в его поведении. Он был вялым и медлительным, когда они напали на фургон, но не более, так что придумать себе оправдание будет несложно.

Каза злило, что Инеж увидела его в таком состоянии, но следом за этой мыслью пришла другая: *«Лучше уж она, чем кто-то другой»*. В глубине души он знал, что она никогда никому об этом не расскажет и не станет использовать этот случай против него. Девушка полагалась на его репутацию. Она не захочет, чтобы он выглядел слабым в глазах остальных. Но дело было не только в этом, ведь так? Инеж никогда его не предаст, и он это знал. Казу было плохо. Хотя он сотни раз доверял ей свою жизнь, гораздо страшнее было доверить свой позор.

Фургон остановился. Засов отодвинулся, и двери распахнулись.

Он услышал пару фраз на фьерданском, за которыми последовали скрежет и лязг металла. С него сняли ошейник и вывели из фургона вместе с остальными узниками по какому-то трапу. Он услышал звук, похожий на скрип ворот, и затем их погнали дальше. Все неловко шаркали в своих кандалах.

Внезапно с него сняли мешок, и пришлось прищуриться. Они стояли в большом дворе. Огромные ворота кольцевой стены уже опускались и приземлялись на камни со зловещей чередой стонов и клацанья. Когда Каз поднял голову, то увидел на крыше группу охранников, нацеливших ружья на заключенных. Стражники внизу проходили между рядами закованных пленников, пытаясь сличить их с документами возницы по имени или описанию.

Матиас подробно изложил схему Ледового Двора, но почти не упоминал о том, как он выглядит на самом деле. Каз ожидал увидеть старую и сырую крепость из мрачного серого камня, готовую к жестокому бою. Вместо этого его окружал мрамор, да такой белоснежный, что, казалось, он светится голубым. Бреккер чувствовал себя так, словно забрел в какую-то сказочную версию жестоких земель, которые они пересекли, пока двигались по северу. Невозможно было отличить, где стекло, где лед, а где камень.

– Если это не дело рук фабрикатора, то я королева древесных фей, – пробормотала Нина на керчийском.

– Тиг! – скомандовал один из стражников и ткнул ей ружьем под ребра. Девушка согнулась пополам от боли. Матиас и глазом не повел, но Каз заметил, как он напрягся.

Фьерданские охранники размахивали руками над документами, пытаясь сопоставить количество заключенных и их личности с группой,

стоявшей перед ними. Это был первый по-настоящему опасный момент, когда их могли рассекретить. У Каза не было возможности взять это под контроль. Понадобилось бы слишком много времени, чтобы выбрать заключенных, которых они заменят. Риск вполне оправданный, но теперь Бреккеру оставалось только ждать и надеяться, что лень и бюрократия завершат работу за него.

Когда стражники двинулись дальше по рядам людей, Инеж помогла Нине подняться на ноги.

– Ты как, цела? – спросила сулейка, и Каз почувствовал, как льнет к звуку ее голоса, льющемуся словно ручей, что бежит вниз по склону.

Нина плавно выпрямилась.

– Цела, – прошептала она. – Но, думаю, нам больше не нужно беспокоиться из-за команды Пекки Роллинса.

Каз проследил за ее взглядом на вершину кольцевой стены. Там, высоко над двором, пятеро мужчин были насажены на пики, как мясо на шампуры. Их спины были скрючены, конечности болтались. Парню пришлось прищуриться, но он узнал Эролла Аэртса, лучшего взломщика и медвежатника Роллинса. Синяки и волдыри от предсмертных побоев в утреннем свете казались лиловыми, но Казу удалось рассмотреть черную отметку на его руке – татуировку Грошовых Львов.

Он бросил взгляд на остальных – их лица были слишком раздутыми и изуродованными до неузнаваемости. Мог ли один из них быть самим Роллинсом? Каз знал, что должен радоваться тому, что команда соперников выбыла из игры, но Пекка не был дураком, и то, что его банда не продвинулась дальше ворот Ледового Двора, здорово трепало нервы. Кроме того, если Роллинс обрел свою смерть на наконечнике фьерданской пики... Нет, Каз отказывался в это верить. Пекка Роллинс принадлежал ему.

Охранники начали спорить с возницей их фургона, и один из них указал на Инеж.

– Что происходит? – прошептал он Нине.

– Они заявляют, что с документами произошла какая-то ошибка, потому что им привезли сулейскую девчонку вместо шуханского мальчика.

– А возница? – спросила Инеж.

– Просто повторяет, что это не его проблемы.

– Так держать, – ободряюще пробормотал Каз.

Парень наблюдал за их разборками. В этом вся прелесть многоуровневой системы безопасности. Стражники всегда надеются, что могут положиться на кого-то другого, кто заметит погрешность или устранит проблему. Лень не столь надежная штука, как жадность, но тоже

оказалась превосходным рычагом. К тому же речь шла о заключенных – скованных, окруженных со всех сторон, направляющихся прямо в тюремные камеры. Совершенно безобидных.

Наконец один из тюремных охранников вздохнул и подал сигнал своему отряду.

– *Дивескемен.*

– Идите, – начала Нина переводить его слова. – Отведите их к восточному блоку. Пусть следующая смена с ними разбирается.

Каз позволил себе выдохнуть с облегчением.

Как и ожидалось, охранники разделили группу на мужчин и женщин, а затем повели обе шеренги, гремевшие цепями, через круглую арку в форме распахнутой волчьей пасти.

Они вошли в помещение, где сидела старуха со скованными руками и охранниками по бокам. У нее был пустой взгляд. При приближении каждого заключенного женщина хватала их за руки.

«*Человеческий усилитель*». Каз знал, что Нина сотрудничала с ними, когда искала гришей на Блуждающем острове, чтобы призвать их во Вторую армию. Они могли почувствовать силу гришей с помощью одного лишь касания. Бреккер видел, как таких людей нанимали для карточных игр с высокими ставками, чтобы убедиться, что среди игроков нет гришей. Тот, кто мог менять пульс соперника или даже поднимать температуру в комнате, имел преимущество, а это несправедливо. Но фьерданцы использовали их в других целях: ни один гриш не должен проникнуть на их территорию неопознанным.

Каз наблюдал, как Нина подходит к женщине и протягивает ей дрожащие руки. Старуха сжала пальцы вокруг запястья девушки. Ее веки дрогнули. Затем она отпустила Нину и махнула, чтобы та шла дальше.

Она узнала, но ей все равно? Или сработал парафин, который они нанесли на руки Нине?

Когда их повели через арку слева, Каз заметил, как Инеж исчезла в противоположной арке с другими заключенными-женщинами. В его груди что-то екнуло, и он с тревогой понял, что это была паника. Именно Инеж вывела его из ступора в фургоне. Ее голос вернул его к жизни, послужил страховочным тросом, за который он уцепился, чтобы вытащить себя хоть к какому-то подобию здравого смысла.

Мужчин повели по темному лестничному пролету к металлическому мостику. Слева от них находилась гладкая белая кольцевая стена. Справа от моста открывался вид на огромный стеклянный корпус, длиной почти в четверть мили и достаточно высокий, чтобы спокойно вместить торговое

судно. Он освещался гигантской стеклянной люстрой, свисавшей с потолка, как светящийся кокон. Опустив взгляд, Каз увидел ряды бронированных фургонов с куполообразными орудийными башнями. Крупные колеса были соединены гусеничными цепями. На каждом фургоне выступал массивный ствол некоего оружия – что-то среднее между пулеметом и пушкой – в том месте, куда обычно запрягали лошадей.

– Что это за штуки? – прошептал он.

– *Торвеген*, – пробурчал Матиас. – Им не нужны лошади для передвижения. Наши люди работали над усовершенствованием конструкции, когда я покидал страну.

– Не нужны лошади?

– Танки, – еле слышно сказал Джеспер. – Я видел их образцы, когда общался с оружейником в Новом Земере. В башне различное оружие. А видите вот тот большой ствол впереди? Серьезная огневая мощь.

В корпусе также находились тяжелое артиллерийское самотечное вооружение и стеллажи, набитые винтовками, боеприпасами и маленькими черными бомбами, которые равкианцы называли «гранатами». На застекленных стенах расположили в тщательно продуманном порядке более древнее оружие – топоры, копья, луки. Над всем этим висел бело-серебряный плакат «СТРАЙМАКТ ФЬЕРДАН».

Когда Каз взглянул на Матиаса, тот ответил:

– Фьерданская мощь.

Бреккер присмотрелся к плотному стеклу. Он разобрался в оборонительных сооружениях, и Нина не ошиблась: это стекло – работа фабрикатора, пуленепробиваемое и непроницаемое. Входя или выходя из тюрьмы, пленники видят оружие, пушки, машины войны – все это грубое напоминание о могуществе фьерданского государства.

«Ну, давайте, сыграйте мускулами, – подумал Каз. – *Неважно, насколько велика пушка, если не знаешь, куда из нее целиться*».

В противоположной стороне корпуса находился мостик, по которому вели женщин.

«С *Инеж* все будет в порядке». Он должен сконцентрироваться на работе. Теперь они на вражеской территории, в месте, где каждый шаг – это риск. Либо ты смотришь в оба, либо уже не выходишь отсюда живым. Успела ли команда Пекки добраться до тюрьмы прежде, чем их рассекретили? И где был сам Роллинс? Остался в безопасной и уютной Керчии или тоже стал узником фьерданцев?

Все это не имело значения. Пока Каз должен сосредоточиться на плане и поисках Бо Юл-Баюра. Он взглянул на остальных. Уайлен выглядел так,

словно сейчас обмочится. Хельвар был мрачен, как всегда. Джеспер просто ухмыльнулся и сказал:

– Что ж, нам удалось запереть себя в самую охраняемую тюрьму в мире. Мы либо гении, либо самые тупые сукины дети, когда-либо ходившие по земле.

– Скоро узнаем.

Фьерданцы завели их в очередную белую комнату, оборудованную оловянными ваннами и шлангами.

Стража рявкнула что-то на своем языке, и Матиас с некоторыми другими заключенными начали раздеваться. Каз сглотнул желчь, поднявшуюся по горлу. Он не станет блевать.

Он может и должен это сделать. В голове всплыл образ Джорди. Что бы он сказал, если бы его младший братец упустил их шанс на отпущение, потому что не мог перебороть дурацкую тошноту? Но это лишь вернуло воспоминания о холодной плоти Джорди, как она отслаивалась в соленой воде, как Каза чуть не погребли под трупами в лодке. Перед глазами начало расплываться.

«*Соберись, Бреккер*», – резко одернул он себя. Не помогло. Он снова потеряет сознание, и все закончится. Инеж однажды предлагала научить его падать. «Фокус в том, чтобы тебя не сбили с ног», – рассмеялся он тогда. «Нет, Каз, – ответила девушка, – фокус в том, чтобы снова подняться». Очередные сулийские банальности, но каким-то образом воспоминание о ее голосе помогло. Он справится. Должен. Не только ради Джорди, но и ради своей команды. Каз привел этих людей сюда. Привел Инеж. Его долг – снова вывести их на свободу.

«Фокус в том, чтобы снова подняться». Парень прислушивался к ее голосу в голове и повторял эти слова снова и снова, пока снимал ботинки, одежду и, наконец, перчатки.

Джеспер уставился на его руки.

– Чего ты ждал? – пробурчал Бреккер.

– Как минимум ногтей, – отозвался он, переводя взгляд на свои костлявые босые ноги. – Возможно, шип вместо большого пальца.

Охранник выбросил их одежду в корзину, которую, несомненно, отнесут к мусоросжигателю. Затем грубо дернул Каза за голову и заставил его открыть рот, ощупывая зубы толстыми пальцами. В глазах у парня потемнело, и он изо всех сил пытался не отключиться. Палец охранника прошелся по щели между зубами, куда Каз спрятал балин, а потом сжал и ткнул в его щеки с внутренней стороны.

– *Ондетьярн! Фелленьюрет!* – выкрикнул мужчина, доставая два

тонких кусочка металла изо рта Бреккера. Отмычки с лязгом упали на каменный пол. Охранник крикнул Казу что-то на фьерданском и сильно ударил его по лицу. Тот упал на колени, но заставил себя быстро встать. Краем глаза он заметил панику на лице Уайлена, но все его силы ушли на то, чтобы оставаться на ногах, когда стражник толкнул его в очередь для ледяного душа.

Когда он вышел, мокрый и продрогший, другой охранник вручил ему бесцветные тюремные штаны и рубаху из кипы позади него. Каз надел их и поплелся в зону ожидания с остальными заключенными. В эту секунду он готов был отдать половину своей доли от тридцати миллионов крюге за уютную тяжесть родной трости.

Камеры ожидания выглядели примерно так, как и должна выглядеть тюрьма – никакого белого мрамора или стеклянных стендов, только промозглый серый камень и железные решетки.

Их загнали в уже переполненное помещение. Хельвар сел на пол, прижавшись спиной к стене, и, сощутив глаза, разглядывал проходящих мимо людей. Каз прислонился к решетке и смотрел вслед удаляющимся стражникам. Он чувствовал движение тел позади себя. Места было предостаточно, но они все равно находились слишком близко. «Еще чуть-чуть», – сказал он себе. Его руки казались непривычно голыми.

Каз ждал. Знал, что произойдет. Он рассмотрел всех присутствующих, как только они вошли в камеру, и знал, что дородный каэлец с родимым пятном непременно подойдет к нему. Тот нервничал, постоянно дергался и слишком часто пялился, обнаружив, что Каз хромает.

– Эй, калека, – сказал каэлец на фьерданском.

Затем попытался на керчийском с сильным акцентом: – Эй, калека!

Мог и не утруждаться. Каз знал это слово на многих языках.

В следующую секунду он почувствовал вибрацию в воздухе – каэлец потянулся к нему. Бреккер сделал шаг влево, и тот по инерции качнулся вперед. Каз решил не стоять без дела и просунул руку нападавшего через прутья, до самого плеча. Каэлец громко хрюкнул, ударившись лицом об железную решетку.

Каз прижал его предплечье к металлу, а затем надавил на него всем телом, пока не услышал приятный хруст – рука каэльца выскочила из сустава. Заключенный открыл было рот, чтобы закричать, но Каз прикрыл его одной рукой, а второй сжал ему нос. Прикосновение к чужой коже снова вызвало у него тошноту.

– Тс-с-с-с, – сказал он, ведя каэльца за нос обратно к лавочке у стены. Остальные узники быстро разошлись, чтобы освободить дорогу.

Каэлец тяжело сел, пытаясь сделать вдох, его глаза заслезились. Каз продолжал прикрывать ему рот и нос. Мужчина задрожал.

– Хочешь, чтобы я вставил твою руку на место?

Каэлец застонал.

– Хочешь или нет?

Он заскулил еще громче. Заключение не сводили с них глаз.

– Если закричишь, я сделаю так, что она никогда больше не будет работать, понял?

Он отпустил его и вставил руку в сустав. Каэлец повернулся на бок и заплакал.

Каз вытер руки об штаны и вернулся на свое место у решетки. Он чувствовал, что все смотрят на него, но знал, что его больше никто не тронет.

К нему подошел Хельвар.

– Неужели это было так необходимо?

– Нет.

Но это было необходимо, чтобы их оставили в покое и дали сделать то, ради чего они пришли. И чтобы напомнить себе, что он – не беспомощный.

23. Джеспер

Джесперу хотелось размять ноги, но он занял козырное местечко на лавке и намеревался оставить его за собой. Казалось, все его тело немного дрожало от тревоги и возбуждения. Уайлен, сидящий рядом и неистово барабанивший пальцами по колену, никак не мог помочь ему успокоиться. Джесперу не хватало терпения, чтобы и дальше просто сидеть и ждать. Сначала шхуна, затем подъемы по холмам, а теперь он застрял в тюремной камере, пока стражники не соизволят явиться на вечерний пересчет.

Только отец понимал, какой неиссякаемой энергией обладает его сын. Он пытался помочь Джесперу использовать ее на ферме, но работа оказалась слишком монотонной. Университет должен был направить его в нужное русло, но вместо этого он побрел по другой дорожке. Парень скривился, представив, что бы сказал его папа, узнав, что его сын умер во фьерданской тюрьме. С другой стороны, а как он узнает? Эти мысли были слишком мрачными, чтобы погружаться в них с головой.

Сколько прошло времени? Что, если отсюда не слышно ударов Эльдерклока? Стражники должны еще раз пересчитать их после шестого удара. Тогда у Джеспера и остальных будет время до полуночи, чтобы

сделать свою работу. По крайней мере, они на это надеялись. Матиас успел поработать в тюрьме всего три месяца. Правила могли измениться. Или же он что-то перепутал. *«Или фьерданец просто хотел увидеть нас за решеткой, прежде чем сдать нас властям».*

Но Матиас молча сидел у дальней стены камеры рядом с Казом. Джеспер не мог не заметить маленькую стычку Бреккера с каэльцем. Обычно Каз был невозмутим и хладнокровен во время работы, но сейчас он находился на грани. Вот только непонятно почему. Конечно же, Джеспер хотел бы спросить, что происходит, но он прекрасно понимал, какой это глупый вопрос. Он был просто наивным мальчишкой с фермы, которому очень понравился самый неподходящий для выражения симпатии человек и который постоянно искал признаки его расположения к себе там, где, как он понимал в глубине души, их нет. Например, он видел знак в том, что Каз взял его собой на эту работу, или даже в том, что он смеялся над некоторыми из его шуток. Ему хотелось выбить из себя всю дурь. Наконец-то ему посчастливилось увидеть печально известного Каза Бреккера абсолютно голым, а он даже не уделил этому должного внимания. Слишком уж волновался, как бы самому не оказаться на наконечнике пики.

Но если Джеспер был просто встревожен, то Уайлен выглядел так, будто его сейчас стошнит.

– И что мы теперь будем делать? – прошептал он. – Какой прок от взломщика без отмычек?

– Спокойно.

– А от тебя? Стрелок без пистолетов. Ты совершенно не нужен для нашей миссии.

– Это не миссия, а работа.

– Матиас называет это миссией.

– Он, в отличие от тебя, военный. А я и так уже в тюрьме, так что не искушай меня совершить убийство.

– Ты меня не убьешь, а я не стану делать вид, что все в порядке. Мы здесь застряли.

– Ты определенно больше приспособлен к золотой клетке, нежели к настоящей.

– Я ушел из отцовского дома.

– Да, пожертвовал роскошной жизнью, чтобы тусоваться в трущобах с жалкими отребьями Бочки. Это не делает тебя особенным, Уайлен, только глупым.

– Ты ничего об этом не знаешь.

– Так расскажи мне, – повернулся к нему Джеспер. – У нас полно

времени. Что заставило хорошего маленького купчика покинуть семейное гнездо и присоединиться к бандитам?

– Ты ведешь себя так, будто родился в Бочке, как Каз, но ты даже не керчиец. Ты тоже выбрал эту жизнь.

– Мне нравятся города.

– В Новом Зеде их нет?

– Нет таких, как Кеттердам. Ты когда-нибудь посещал другие места, помимо дома, Бочки и престижных посольских ужинов?

Уайлен отвернулся.

– Да.

– Какие? Собирали в сезон персики в пригороде?

– Гонки в Карье. Нефтяные месторождения в Шухане. Плантации юрды рядом со Шрифтопортом. Веддл. Эллинг.

– В самом деле?

– Отец повсюду брал меня с собой.

– Пока?..

– Пока что?

– *Пока*. Отец повсюду брал меня с собой, пока меня не скрутило от ужасной морской болезни, пока я не наблевал на королевской свадьбе, пока я не попытался изнасиловать ногу посла.

– Та нога сама нарывалась.

Джеспер разразился смехом.

– Наконец-то ты показал характер!

– Да, у меня сильный характер, – проворчал Уайлен. – Вот только к чему это меня привело...

Его перебил голос стражника, кричащего что-то на фьерданском. В ту же секунду Эльдерклок отбил шесть ударов. По крайней мере, фьерданцы пунктуальны.

Стражник повторил сказанное на шуханском, а затем и керчийском:

– Поднимайтесь! *Шимкоппер*, – потребовал он. Все уставились на него в замешательстве. – Ведро с мочой, – попытался он на керчийском. – Где... чтобы отлить? – Охранник показал жестами, что надо делать.

Заключенные пожали плечами и обменялись недоуменными взглядами.

Мрачная рожа охранника дала понять, что ему, в принципе, все равно. Он толкнул в камеру ведро со свежей водой и захлопнул решетку.

Джеспер вырвался вперед и сделал щедрый глоток из кружки, привязанной к ручке ведра. Большая часть воды вылилась на его рубаху. Когда он передавал кружку Уайлену, то вылил остатки и на него.

– Что ты делаешь?! – возмутился он.

– Терпение, Уайлен. И постарайся помочь.

Джеспер подтянул штанину и нащупал тонкую кожу над лодыжкой.

– Скажи мне, что происхо...

– Тихо. Я пытаюсь сосредоточиться. – И это была чистая правда. Ему действительно не хотелось, чтобы пилюля, спрятанная под его кожей, лопнула, пока еще находилась внутри него.

Парень нащупал швы, которые оставила Нина. Было чертовски больно, когда он порвал их и достал пилюлю. Она была размером с изюминку и скользкой от крови. Сейчас Нина наверняка использовала свою силу, чтобы вскрыть собственную кожу. Джеспер задумался, было ли это так же больно, как рвать швы.

– Натяни рубашку на нос, – приказал он Уайлену.

– Что?

– Хватит придуриваться. Ты гораздо симпатичней, когда умный.

Щеки парня залились краской. Он нахмурился и сделал, как его просили.

Джеспер потянулся под лавку, куда спрятал ведро для испражнений, и достал его.

– Надвигается буря! – громко сказал он на керчийском. Матиас и Каз тут же подняли ворота. Джеспер отвернулся, прикрыл рубахой лицо и кинул пилюлю в ведро.

Послышался шипящий свист, и из воды поднялось облако дыма. Оно за секунду заполнило камеру и накрыло ее молочно-зеленой пеленой.

Глаза Уайлена, видневшиеся над воротничком, округлились от страха. Джеспер поборол искушение сделать вид, что падает в обморок, и удовлетворился тем, что попадали все остальные.

Стрелок выждал минуту, затем опустил ворот и осторожно вдохнул. В воздухе еще чувствовался тошнотворно-сладкий запах, от которого слегка кружилась голова, но худшее осталось позади. Когда стражники придут в очередной раз считать их, у заключенных будет страшно болеть голова, но рассказать они ничего не смогут. Если повезет, к тому времени их давно уже след простынет.

– Это был хлор?

– Ты точно симпатичней, когда умный. Да, пилюля с протеиновой оболочкой на энзимной основе, наполненная хлористым порошком. Он безвреден, пока не вступит в реакцию с любым количеством аммиака. Что он только что и сделал.

– Моча в ведре... но какой в этом смысл? Мы все еще торчим здесь.

– Джеспер, – позвал Каз, указывая на решетку. – Часы тикают.

Парень размял плечи и подошел. Обычно такая работа требовала много времени, в основном потому, что он никогда по-настоящему не тренировался. Он взялся ладонями за прут и сосредоточился на поиске чистейших частиц руды.

– Что он делает? – спросил Матиас.

– Проводит древний земенский ритуал, – ответил Каз.

– Правда?

– Нет.

Между ладонями Джеспера начала появляться мутная дымка.

Уайлен ахнул.

– Это железная руда?

Джеспер кивнул и почувствовал, как на лбу выступили капельки пота.

– Ты можешь растворить решетку?

– Не будь идиотом, – прокричал парень. – Не видишь, какие толстые прутья?

На самом деле прут, над которым он работал, совсем не изменился, но он вытащил из него достаточно железа, чтобы облачко между его ладоней стало почти черным. Джеспер согнул пальцы, и частички закружились, завертелись в тугую спираль, которая становилась все уже и плотнее.

Парень опустил руки, и на пол с музыкальным звоном упала тонкая игла.

Уайлен поднял иглу и поднес к свету, отражающемуся от ее тусклой поверхности.

– Ты – фабриктор, – мрачно подметил Матиас.

– Самую малость.

– Ты либо гриш, либо нет, – категорично заявил Уайлен.

– Гриш, – Джеспер ткнул пальцем в паренька. – И ты будешь помалкивать об этом, когда мы вернемся в Кеттердам.

– Но зачем тебе врать об...

– Мне нравится свободно прогуливаться по улицам. Не волноваться о том, что меня схватит работороговец или приговорит к смерти какой-нибудь фанатик, как наш друг Хельвар. Кроме того, у меня есть и другие таланты, от которых куда больше проку и удовольствия. *Много* других талантов.

Уайлен закашлялся. Заигрывать с ним даже веселее, чем пытаться вывести из себя, но это рискованно.

– А Нина знает, что ты гриш?

– Нет, и не узнает. Мне не нужны лекции о том, что я должен вступить во Вторую армию во имя достижения славной равкианской цели.

– Сделай это снова, – перебил Каз. – И побыстрее.

Джеспер повторил процесс с другим прутком.

– Если план изначально заключался в этом, зачем было пытаться пронести те отмычки? – спросил Уайлен.

Каз сложил руки.

– Когда-нибудь слышал об умирающем, которому доктора сказали, что он чудом вылечился? Он радостно стал танцевать на улице и тут же умер под копытами коня. Пусть филя чувствует, что выиграл. Ты видел, чтобы стражники разглядывали Матиаса и гадали, а не напоминает ли он кого-то? Ждали ли они неприятностей от Джеспера, когда тот пошел в душ и по его рукам стекал парафин? Нет, они были слишком заняты, поздравляя друг друга с тем, что удалось меня поймать. Якобы нейтрализовали угрозу.

Когда Джеспер закончил, Каз зажал две тонкие отмычки между пальцев. Было странно видеть, как он работает без перчаток, но уже через несколько секунд замок щелкнул, и они оказались на свободе. Когда все вышли, Каз использовал отмычки, чтобы закрыть за собой дверь.

– Вы знаете, что делать, – прошептал он. – Мы с Уайленом вызволим Нину и Инеж. Джеспер, вы с Матиасом...

– Знаю, украдем столько веревки, сколько сможем найти.

– Будьте в подвале до того, как Эльдерклок пробьет половину часа.

Они разделились. Механизм пришел в действие.

Согласно карте Уайлена, конюшня примыкала к караульному помещению у ворот, ведущих во внутренний двор, поэтому им придется возвращаться через зону ожидания. Теоретически эта тюремная секция должна была работать, только когда принимали или выпускали узников, но осторожность никому не помешает. Достаточно одного плутающего стражника, и их планам конец. Страшнее всего было пересекать мостик через стеклянный корпус – длинный, хорошо освещаемый участок, где они полностью открыты. Но делать было нечего, кроме как сжать кулаки на удачу и надеяться на лучшее. Затем они спустились по лестнице и свернули налево в комнату, где их проверяла та несчастная старуха-гриш, обладающая даром усилителя. Джеспера тогда едва не скрючило. Хотя парафин всегда срабатывал в игорных домах, его сердце все равно чуть не выскочило из груди, когда он подошел к старухе. Она была тонкой, как скорлупа, и такой же пустой. Вот что случалось с гришами, которых находили не в том месте, не в то время – пожизненный приговор к рабству или еще чему похуже.

Открыв дверь в конюшню, стрелок слегка расслабился. Запах сена, шорох животных в стойлах, ржание лошадей – все это напомнило о Новом

Земе. В Кеттердаме экипажами и фургонами пользовались редко, поскольку там в основном передвигались по каналам. Лошади считались роскошью, хорошим поводом похвастаться тем, что у тебя есть достаточно места, чтобы держать их, и денег, чтобы ухаживать за ними. Парень и сам не понимал, как сильно скучал по возможности просто побыть с животными.

Но на ностальгию не было времени, как и на то, чтобы остановиться и погладить бархатный нос. Он решительно прошел мимо стойла и зашел в амуничник. Матиас повесил на каждое плечо по солидному мотку веревки. Вид у него был удивленный, когда Джеспер тоже умудрился закинуть на себя два мотка.

– Вырос на ферме, – объяснил он.

– А с виду не скажешь.

– Да, я тощий, – ответил парень, пока они шли обратно на конюшню, – зато почти не мокну под дождем.

– Как это?

– На меня меньше капает.

– А у Каза все товарищи такие странные, как эта его команда? – спросил Хельвар.

– О, видел бы ты остальных Отбросов. На их фоне мы почти такие же нормальные, как фьерданцы.

Они прошли мимо душевых и, вместо того чтобы идти в зону ожидания, спустились по узкому лестничному пролету, который вывел их в длинный темный коридор в подвал. Сейчас они находились под главным тюремным зданием – над ними возвышались пять этажей камер, заключенных и стражников.

Джеспер надеялся, что остальная команда уже собирала в прачечной материалы для взрывчатки. Но перед ним предстали лишь гигантские оловянные чаны, длинные столы и одежда, разложенная на ночь на сушилках, которые были длиннее, чем даже он.

Уайлена и Инеж они нашли в мусороприемном помещении. Оно было значительно меньше прачечной и смердело отходами. У стены стояли два огромных бака на колесиках, полные выброшенной одежды, которую должны были сжечь. Как только они вошли, Джеспер почувствовал жар от мусоросжигателя.

– У нас проблема, – сказал Уайлен.

– Насколько серьезная? – спросил стрелок, кидая на пол мотки веревки.

Инеж указала на металлические двери, встроенные в нечто похожее на крупный дымоход, выступающий из стены и тянущийся до самого потолка.

- Похоже, они использовали мусоросжигатель после обеда.
- Ты сказал, что они пользуются им утром! – повернулся он к Матиасу.
- Раньше так и было.

Когда Джеспер схватился за кожаные ручки дверей и открыл их, ему в лицо ударил обжигающий воздух. Он пахнул едким черным углем... и чем-то еще, чем-то химическим. Возможно, они использовали какой-то порошок, чтобы пламя больше разгоралось. Вполне терпимый запах. Сюда скидывали все тюремные отходы: объедки с кухни, ведра с людскими испражнениями, одежду заключенных, но то, что фьерданцы туда добавляли, делало огонь достаточно сильным, чтобы расплавить любую субстанцию. Парень наклонился, он уже начал потеть. Внизу горели угли – даже засыпанные, они продолжали пульсировать сердитым красным светом.

- Уайлен, дай мне какую-нибудь рубаху из бака, – сказал Джеспер.

Он оторвал один рукав и кинул его в шахту. Тот бесшумно упал, загоревшись еще на полпути, и превратился в ничто до того, как успел достигнуть углей.

Парень закрыл двери и выкинул остатки рубахи обратно в бак.

– Что ж, вариант со взрывчаткой отменяется. Нельзя лезть с ней по шахте. Ты сможешь подняться? – обратился он к Инеж.

– Возможно. Не знаю.

– А Каз что думает? Где он? И где Нина?

– Каз пока не знает о мусоросжигателе. Они с Ниной пошли обыскивать верхние камеры.

Глаза Матиаса помрачнели, как небо перед ливнем.

– Мы с Джеспером должны были идти с Ниной.

– Каз не хотел ждать.

– Мы пришли вовремя! – рассердился Хельвар. – Что он задумал?

Джеспера тоже это интересовало.

– Он собирается проковылять вверх и вниз по лестничным пролетам, избегая патрулей?

– Я пыталась образумить его, – ответила Инеж. – Он всегда удивляет, помнишь?

– Как пчелиный рой. Я очень надеюсь, что нас не ужалят.

– Инеж, – позвал Уайлен, копаясь в одном из баков. – Тут наша одежда.

Он засунул руку и, одну за другой, достал кожаные тапочки Инеж.

Ее лицо осветилось счастливой улыбкой. Наконец-то хоть щепотка удачи! У Каза не было трости. У Джеспера не было револьверов. У Инеж

не было кинжалов. Но, по крайней мере, к ней вернулись ее волшебные тапочки.

– Что скажешь, Призрак? Сможешь подняться?

– Смогу.

Джеспер забрал тапочки у Уайлена.

– Если бы я не боялся, что они кишат инфекциями, я бы расцеловал их, а затем и тебя.

24. Нина

Нина тащила след за Казом вверх по лестнице. Один пролет за другим по крутой каменной лестнице при свете мигающих газовых ламп. Девушка внимательно следила за Бреккером. Он шел в быстром темпе, но его походка казалась напряженной. Почему он настоял на том, чтобы она поднялась именно с ним? Дело определено не во времени, так что, возможно, он планировал это с самого начала. Вероятно, хотел скрыть часть плана от Матиаса. Или просто решил держать их всех в неведении.

Они останавливались на каждой лестничной площадке, прислушиваясь к патрулям. Тюрьма была полна звуков, и каждый заставлял их вздрагивать – голоса, разносившиеся эхом по лестнице, металлический лязг открывающейся и закрывающейся двери. Нина вспомнила жестокий хаос Хеллгейта – взятки, переходящие из рук в руки, кровь на песке. Чудовищная разница между тем и этим стерильным местом. Фьерданцы, безусловно, умели наводить порядок.

Когда они поднимались на четвертый этаж, сверху вдруг раздались громкие шаги и голоса. Нина и Каз спешно вернулись на третий и скользнули за дверь, ведущую к камерам. Заключенный в ближайшей к ним камере начал кричать. Нина быстро подняла руку и перекрыла ему воздух. Он уставился на нее выпученными глазами и зацарапал шею. Девушка замедлила пульс, отправляя узника в сон, и ослабила давление на гортань, чтобы он мог дышать. Им нужно, чтобы он замолчал, а не умер.

Шум возрос, когда стражники начали спускаться по лестнице, громкое звучание фьерданского эхом отдавалось от стен. Нина задержала дыхание, наблюдая за дверью с поднятыми руками. У Каза не было оружия, но он занял оборонительную позицию на случай, если дверь распахнется. Но стражники продолжили спускаться на второй этаж.

Когда звуки стихли, Каз подал ей сигнал, и они снова вышли за дверь. Закрыли ее как можно тише и продолжили подъем.

Добравшись до верхнего этажа, они услышали, как часы пробили семь раз. Прошел ровно час с момента, как они отключили пленников в зоне ожидания. Осталось сорок пять минут, чтобы осмотреть камеры для особо опасных заключенных, встретиться на площадке и вернуться в подвал. Каз указал ей на левый коридор, а сам пошел направо.

Когда Нина вошла, дверь громко закрипела. Здесь лампы были размещены далеко друг от друга, и тени между ними пролегали довольно густые, так что в них можно было прятаться. Девушка убеждала себя, что нужно радоваться такому укрытию, но не могла отрицать, что все это выглядело жутко. Камеры тоже оказались другими: вместо железных решеток – двери из твердой стали. В каждой из них на уровне глаз находилась смотровая решетка. Ну, на уровне глаз фьерданца. Нина была высокой, но ей все равно приходилось подниматься на цыпочки, чтобы заглянуть внутрь.

Большинство заключенных спали или отдыхали, свернувшись в углу или лежа на спине с закинутой на глаза рукой, чтобы защититься от тусклого света из коридора. Некоторые сидели, прислонившись к стене, и безучастно смотрели в пустоту. Иногда она видела кого-то, кто ходил взад-вперед по камере, и быстро отступала. Никто из них не был шуханцем.

– Айор? – крикнул один из них на фьерданском. Нина не ответила ему и пошла дальше с колотящимся сердцем.

Что, если Бо Юл-Баюр действительно в одной из этих камер? Маловероятно, но все же... она могла бы убить его прямо здесь, окунуть в глубокий, безболезненный сон и просто остановить ему сердце. Казу скажет, что не нашла ученого. Но если он найдет его первым? Возможно, ей придется ждать, пока они не сбегут из Ледового Двора, чтобы найти способ. По крайней мере, она могла рассчитывать на помощь Матиаса. До чего же странную, грустную сделку они заключили.

Но чем больше Нина ходила по коридорам, тем меньше оставалось надежды, изначально и так крошечной, что ученый окажется здесь. *«Еще один ряд камер, – подумала она, – а затем обратно в подвал с пустыми руками»*. Вот только, свернув в последний коридор, она увидела, что он короче остальных. На месте камер находилась стальная дверь, из-под которой лился яркий свет.

Нина почувствовала беспокойство, когда приблизилась к ней, но заставила себя открыть дверь. Ей пришлось сощуриться от ослепительного света. Он был резким – ясным, как солнечный луч, но без его тепла, – и ей не удавалось найти его источник. Дверь со свистом стала закрываться. В последнюю секунду девушка повернулась и схватила ее за край. Что-то

подсказывало, что понадобится ключ, чтобы открыть ее изнутри. Нина поискала взглядом что-нибудь, чем можно подпереть дверь, но пришлось довольствоваться куском ткани с ее тюремных штанов, который она запихнула в щель.

В этом месте было что-то странное. Стены, пол и потолок – такие белые и чистые, что на них больно смотреть. Половина одной из стен была выложена панелями из гладкого, идеального стекла. «Работа фабрикатора». Прямо как стеклянное ограждение, окружающее ту мерзкую оружейную выставку. Ни один фьерданский ремесленник не мог изготовить столь чистую поверхность. Для ее создания использовалась сила гришей, Нина это чувствовала. Бывали гриши-отшельники, не служившие ни одной державе, которых могли нанять для работы на фьерданское государство. Но выжили ли они после такого поручения? Скорее, стали рабами.

Нина сделала пару шагов внутрь комнаты. Оглянулась через плечо. Если в коридор зайдет охранник, ей будет негде спрятаться. «*Так шевелись же, Нина!*»

Она заглянула в первое окошко. Камера оказалась такой же белой, как все помещение, и освещалась тем же ярким светом. В ней никого и ничего не было – ни лавки, ни умывальника, ни ведра. Единственное, что нарушало эту белизну, – сток в самом центре пола, вокруг которого виднелись красные пятна.

Девушка перешла к другой камере. Она была точно такой же, как предыдущая. И следующая тоже. Но тут что-то привлекло ее внимание: рядом со стоком валялась монета... нет, не монета, пуговица! Крошечная серебряная пуговица, украшенная крылом, – символ шквального-гриша. Ее руки покрылись мурашками. Эти камеры были созданы рабами-гришами для пленников-гришей? Стекло, стены и пол могли выдержать силу фабрикатора? В помещении не было ничего металлического. Не было канализации, труб, по которым текла бы вода, которой могли бы злоупотребить проливные. Нина подозревала, что стекло, в которое она вглядывалась, было зеркальным с другой стороны, чтобы сердцебит в камере не мог найти цель. Это помещение было выстроено специально для гришей. Для нее.

Девушка быстро развернулась на пятках. Бо Юл-Баюра здесь не было, и она хотела как можно скорее покинуть это место. Она вытащила кусок ткани из щели и мигом вылетела за дверь, даже не останавливаясь, чтобы посмотреть, закрылась ли она. После ослепительной яркости коридор с железными камерами казался еще темнее. Нина постоянно спотыкалась,

пока бежала той же дорогой, которой пришла. Она знала, что ведет себя неосмотрительно, но в ее голове застыл образ белого помещения. *«Сток. Пятна вокруг него. Там пытали гриша? Заставляли признаться в преступлениях против человечества?»*

Она изучала фьерданцев – их лидеров, их язык. Даже мечтала о том, как проникнет в Ледовый Двор в качестве шпионки и нанесет удар по сердцу их нации, которая так ненавидела ей подобных. Но, оказавшись здесь, она просто мечтала поскорее уйти. Нина привыкла к Кеттердаму и приключениям, которые вошли в ее жизнь вместе с Отбросами, к беззаботной жизни в «Белой розе». Но чувствовала ли она там себя в безопасности? В городе, где нельзя даже пройти по улице без оглядки. *«Я хочу домой»*. Тоска по родине накрыла ее так внезапно, что стало физически больно. *«Хочу вернуться в Равку»*.

Эльдерклок тихо отбил три четверти. Нина опаздывала. Тем не менее, она намеренно сбавила темп, прежде чем выйти на лестничную площадку. Там никого не было, даже Каза. Она заглянула в соседний коридор, чтобы посмотреть, не идет ли он. Никого – железные двери, темные тени и ни намек на Бреккера.

Нина стала ждать, не зная, что еще делать. Они должны были встретиться на лестничной площадке в сорок пять минут. Что, если он попал в беду? Она заколебалась, но затем все же поспешила по коридору, который, по плану, должен был обследовать Каз. Девушка пронеслась мимо камер, по извивающимся коридорам, но Бреккера нигде не встретила.

«Хватит», – подумала Нина, дойдя до конца второго коридора. Либо Каз бросил ее и уже спустился к остальным, либо его поймали и куда-то увели. В любом случае ей нужно вернуться к мусоросжигателю. Как только она встретится с остальными, они что-нибудь придумают.

Девушка поспешила обратно по коридорам и распахнула дверь на лестничную площадку. У лестницы стояли, болтая, два стражника. На секунду они просто уставились на нее, разинув рты.

– *Стен!* – крикнул один на фьерданском, приказывая ей остановиться, пока они тянулись к оружию. Нина вскинула обе руки, сжимая пальцы в кулаки, и мужчины повалились на спины. Один приземлился на площадке, но другой свалился вниз по лестнице и случайно выстрелил из ружья. Просвистели пули, врезаясь в каменные стены, и звук эхом раскатился по пролету. Каз ее убьет. Да она сама его убьет!

Нина промчалась мимо трупов охранников и спустилась на два пролета. На третьем этаже двери распахнулись, и на площадку выбежал еще один стражник. Нина крутанула руками в воздухе, и его шея сломалась

с громким хрустом. Девушка побежала вниз еще до того, как тело мужчины коснулось земли.

Тут-то и начал звонить Эльдерклок. Не стабильно выбивать новый час, а пронзительно вопить, сотрясая все вокруг, – это был сигнал тревоги.

25. Инеж

Инеж посмотрела вверх, в темноту. Высоко над ней маячил небольшой серый лоскуток вечернего неба. Лезть шесть этажей вверх в темноте, со скользкими от пота ладошками и адским пламенем, пылающим внизу. Без страховки в виде сетки и с тяжелой веревкой. *«Лезь, Инеж».*

Подниматься наверх лучше всего с голыми руками, но стены мусоросжигателя были слишком горячими, чтобы она могла себе это позволить. Поэтому Уайлен и Джеспер помогли ей достать перчатки Каза из баков. Девушка на секунду замешкала. Каз бы сказал ей просто надеть перчатки и делать все, что потребуется, чтобы выполнить работу. Тем не менее она чувствовала себя до странного виноватой, когда натянула на руки эластичную черную кожу, – будто прокралась в его комнату без разрешения и прочитала письма, валяясь на чужой кровати. У перчаток не было подкладки, а на кончиках пальцев находились едва заметные разрезы. *«Для ловкости рук, – догадалась она, – чтобы чувствовать монеты или карты и лучше взламывать замки. Касание без касания».*

Времени на то, чтобы привыкнуть к слишком большим перчаткам, не было. Кроме того, она множество раз взбиралась в варежках, когда от кеттердамских зим немели руки. Инеж поджала пальцы в своих кожаных тапочках, наслаждаясь знакомым ощущением родной обуви, и попрыгала на резиновой подошве, бесстрашная и готовая действовать. Жар – это пустяк, всего лишь небольшое затруднение. А вес семидесятифудовой веревки, обвязанной вокруг ее тела? Она – Призрак. Ей доводилось бывать в ситуациях и похуже. Девушка уверенно залезла в дымоход.

Коснувшись пальцами камня, она зашипела от боли. Невыносимый жар кирпичей чувствовался даже сквозь перчатки. Без них ее кожа мгновенно покрывалась бы волдырями. Но делать нечего, надо было держаться. Сулийка полезла вверх: сначала подняла руку, затем ногу, затем снова руку. Выискивала каждую трещинку, каждую зацепку на скользких от сажи стенах.

Пот ручьем стекал по спине. Ее одежду и веревку намочили водой, но толку от этого было мало. Все тело покраснело, наполнилось кровью,

словно она медленно варилась в собственной шкуре.

Ступни пульсировали от жара. Казались свинцовыми, неуклюжими, будто принадлежали кому-то другому. Девушка попыталась сконцентрироваться. Она доверяла своему телу. Знала его силу и на что именно оно способно. Инеж снова подняла руку, заставляя свои конечности работать, пытаясь найти ритм, но обнаруживала лишь неловкие синкопы, от которых ее мышцы дрожали каждый раз, когда она тянулась вверх. Она нащупала следующую зацепку и впиалась в нее пальцами. *«Лезь, Инеж».*

Нога соскользнула. Ее стопы потеряли контакт со стеной, а желудок поднялся к горлу, когда она почувствовала тяжесть своего веса и веревки. Девушка схватилась за камень и втиснула пальцы в трещину. Перчатки Каза набухли вокруг ее влажных пальцев. Она снова начала нащупывать ступней хоть какую-то опору, но лишь скользила по кирпичу. Затем и вторая нога начала соскальзывать. Девушка глубоко вдохнула обжигающий воздух. Что-то не так. Она рискнула опустить взгляд. Далеко внизу сияли алым угли, но то, что она увидела на собственных ногах, заставило ее сердце пуститься галопом. Резиновое месиво. Подошвы ее обуви – ее идеальных, любимых тапочек, – начали плавиться.

«Все нормально, – сказала она себе. – Просто схватись иначе. Перенеси вес на плечи. Резина остынет, когда ты поднимешься выше. Это поможет тебе двигаться». Но ее ноги горели огнем. Увидев, что происходит, она почувствовала себя хуже, будто резина плавилась вместе с ее плотью.

Инеж сморгнула пот с глаз и поднялась еще на несколько дюймов. Откуда-то сверху донесся бой Эльдерклока. Половина? Или только четверть? Нужно лезть быстрее. Она должна быть уже на крыше и привязывать веревку.

Девушка оттолкнулась от стены, и ее нога скользнула по кирпичу. Она зависла в воздухе, ударившись всем телом об стену, и лихорадочно попыталась найти точку опоры. На этот раз ее никто не спасет. Каз не прибежит на помощь, сеть не подхватит снизу. Только огонь ждал ее в свои жаркие объятия.

Инеж откинула назад голову в поисках того лоскутка неба. Оно по-прежнему казалось невероятно далеко. Насколько? Двадцать футов? Тридцать? С тем же успехом между ними могли пролегать мили. Она умрет медленно, мучительно, сгорев на углях. Они все умрут – Каз, Нина, Джеспер, Матиас, Уайлен... и это будет ее вина.

Нет. Нет, не будет.

Она поднялась еще на фут, – *«Это Каз привел нас сюда»*, – а потом

еще на один. Заставила себя найти следующую опору. Каз и его жадность! Инеж не чувствовала себя виноватой. Отнюдь. Она просто разозлилась. На Каза, за то, что придумал эту безумную работу, на себя, за то, что согласилась на нее.

Вот зачем она это сделала? Чтобы выплатить долг? Или потому, что, несмотря на доводы рассудка и добрые намерения, она позволила себе проникнуться чувствами к подонку из Бочки?

Когда Инеж вошла в приемную Танте Хелен той далекой ночью, Каз Бреккер уже ждал ее. На нем был темно-серый костюм, и он опирался на трость с головой ворона. Комната была убрана в золотом и изумрудном тонах, а одну стену украшали разрисованные павлиньи перья. Инеж ненавидела каждый дюйм «Зверинца» – гостиную, где она и другие девушки были вынуждены строить глазки потенциальным клиентам, свою спальню, которая напоминала какую-то смехотворную версию сулийского каравана, украшенную фиолетовыми шелками и благоухающую ладаном, – но приемная Танте Хелен была ужасней всего. Это была комната для избиений, место, где проявлялись самые низменные инстинкты хозяйки «Зверинца».

Когда Инеж только попала в Кеттердам, она пыталась сбежать. Ей удалось преодолеть два квартала от «Дома экзотики»: все еще в шелках, ошеломленная огнями и хаосом Западного Обруча, она бежала, не разбирая дороги, пока Коббет не сжал свою мясистую ладонь на ее шее и не притащил девушку обратно. Хелен отвела ее в приемную и избивала так сильно, что Инеж еще неделю не могла работать. Весь следующий месяц Хелен держала ее в золотых цепях, не пуская даже в гостиную. Когда она наконец сняла оковы, то сказала: «Ты должна мне за месяц потерянного дохода. Попробуешь снова сбежать, я брошу тебя в Хеллгейт за нарушение сделки».

В ту ночь она с ужасом входила в приемную, а когда увидела там Каза Бреккера, испугалась еще больше. Должно быть, Грязные Руки донес на нее. Сообщил Танте Хелен, что она заговорила без разрешения и пыталась напасть.

Но Хелен только откинулась в свое шелковое кресло и произнесла:

– Что ж, маленькая рысь, похоже, ты теперь чужая неприятность. Оказалось, Пер Хаскель питает страсть к сулийкам. Он выкупил тебя за очень кругленькую сумму.

Инеж сглотнула.

– Я переезжаю в другой бордель?

Хелен махнула рукой.

– Хаскель владеет борделем, если это можно так назвать, где-то на дне Бочки, но там ты будешь лишь пустой тратой денег. Хотя попади ты туда, узнала бы, насколько доброй была к тебе Танте Хелен. Нет, Хаскель хочет тебя для себя.

Кто такой Пер Хаскель? «А какая разница? – отозвался голос в ее голове. – Он мужчина, покупающий женщин. Это все, что тебе нужно знать».

Огорчение Инеж было настолько очевидным, что Танте Хелен рассмеялась.

– Не волнуйся. Он старый, *отвратительно* старый, но вполне безобидный. Хотя, кто знает? – она пожала плечом. – Может, он поделиться тобой со своим мальчиком на побегушках, господином Бреккером.

Каз обратил взгляд своих холодных глаз на женщину.

– Мы закончили?

Инеж впервые услышала его голос и была поражена его грубым скрежетом.

Хелен фыркнула, поправляя вырез своего мерцающего синего платья.

– Безусловно, маленький негодник. – Она нагрела палочку синего павлиньего воска и поставила печать на лежащий перед ней документ. Затем поднялась и посмотрела на свое отражение в зеркале над каминной полкой. Инеж наблюдала, как Хелен поправляет кольцо, сверкающее бриллиантами. Сквозь сумятицу в ее голову пробила одна мысль: «*Они похожи на украденные звезды*».

– Прощай, маленькая рысь, – произнесла Танте Хелен. – Сомневаюсь, что ты продержишься больше месяца в той части Бочки. – Покосилась на Каза. – Не удивляйся, если она сбежит. Девчонка быстрее, чем кажется. Но, может, Перу Хаскелю это придется по вкусу. Вы знаете, где выход.

Она покинула комнату в облаке шелка и медового парфюма, оставив позади ошеломленную Инеж.

Каз медленно пересек комнату и закрыл дверь. Инеж напряглась, сжав шелк в кулаке, и приготовилась ко всему, что последует.

– Пер Хаскель – глава «Отбросов», – начал Бреккер. – Слыхала о нас?

– Они – твоя банда.

– Да, а Хаскель – мой босс. Твой тоже, если захочешь.

Она призвала всю свою храбрость и спросила:

– А если не захочу?

– Я откажусь от своего предложения и вернусь домой как дурак. Ты останешься здесь с этим чудовищем по имени Хелен.

Инеж в ужасе прикрыла рот.

– Она слушает, – испуганно прошептала девушка.

– Пускай. В Бочке водятся разные монстры, и некоторые из них действительно очень красивы. Я плачу Хелен за информацию. Вообще-то плачу слишком много. Но зато я в точности знаю, что она из себя представляет. Я попросил Пера Хаскеля выкупить тебя. Знаешь почему?

– Тебе нравятся сулийки?

– Я не так много их встречал, чтобы знать наверняка. – Парень подошел к столу и взял документ, пряча его в пальто. – Той ночью, когда ты заговорила со мной...

– Я не хотела тебя обидеть...

– Ты хотела предложить сведения. Вероятно, в обмен на помощь? Письмо родителям? Надбавка к жалованью?

Инеж поежилась. Это именно то, чего она хотела. Она подслушала разговор о торговле шелком и подумала, что можно продать этот секрет. Глупо и дерзко.

– Тебя действительно зовут Инеж Гафа?

С уст Инеж сорвался странный, постыдный, слабый звук: полувсхлип, полусмех, но она уже многие месяцы не слышала своего имени и фамилии родителей.

– Да, – выдавила девушка.

– Предпочитаешь, чтобы так тебя и называли?

– Конечно, – ответила сулийка, а затем добавила: – Тебя действительно зовут Каз Бреккер?

– Зовут. Прошлой ночью, когда ты подошла ко мне, я даже не заметил твоего присутствия, пока ты не заговорила.

Девушка нахмурилась. Она хотела быть бесшумной, так что ничего неожиданного. Какая ему разница?

– У тебя на щиколотках колокольчики, – продолжал Бреккер, указывая на ее костюм, – но я все равно тебя не услышал. Фиолетовый шелк и нарисованные пятна на плечах, но я все равно тебя не увидел. А я вижу все. – Инеж лишь пожала плечами, и парень склонил голову набок. – Ты училась танцам?

– Акробатике, – она запнулась. – Все в моей семье акробаты.

– Ходите на высоте по канату?

– Да, а также работаем на качелях, жонглируем и исполняем разные трюки.

– Ты работала с сеткой?

– Только в детстве.

– Хорошо. В Кеттердаме тебя никто не подстрахует. Когда-нибудь участвовала в драках?

Инеж покачала головой.

– Убивала кого-нибудь?

Ее глаза округлились.

– Нет.

– А думала об этом?

Она помолчала, а затем скрестила руки.

– Каждую ночь.

– Неплохо для начала.

– Я не хочу по-настоящему убивать людей.

– Вполне обоснованное желание, пока другие не захотят убить тебя. А в нашей сфере деятельности это часто случается.

– В нашей?

– Я хочу, чтобы ты присоединилась к «Отбросам».

– С какой целью?

– Сбор сведений. Мне нужен паук, который будет лазить по стенам кеттердамских домов и контор, подслушивать возле окон и на карнизах. Мне нужен кто-то, кто умеет быть невидимкой, кто может стать призраком. Как думаешь, справишься?

«Я уже призрак, – подумала она. – Я умерла в трюме корабля работорговцев».

– Думаю, да.

– Этот город полон богатых мужчин и женщин. Ты изучишь их привычки, когда они уходят и приходят, какие грязные вещи вытворяют по ночам, какие преступления совершают, пытаюсь скрыть их днем, размер их обуви, коды от сейфа, какая игрушка была их любимой в детстве. А я использую эту информацию, чтобы отобрать их денежки.

– Что произойдет, когда ты украдешь их деньги и сам станешь богачом?

Уголки губ Каза слегка приподнялись.

– Тогда сможешь похитить и мои секреты.

– Для этого ты меня и купил?

Все веселье исчезло с его лица.

– Пер Хаскель тебя не покупал. Он выкупил твою сделку. Это значит, что ты должна ему денег. Много денег. Но это вполне реальный договор. Вот, – он достал документ Хелен из кармана. – Хочу, чтобы ты кое-что поняла.

– Я не умею читать на керчийском.

– Не имеет значения. Видишь эти цифры? Это сумма, которую, как заявляет Хелен, ты должна ей за транспорт из Равки. Вот деньги, которые ты заработала, будучи ее работницей. А вот то, что ты должна ей вернуть.

– Но... это невозможно. Эта сумма больше, чем та, которая была в самом начале.

– Верно. Она взимает деньги за проживание, питание, уход.

– Она *купила* меня, – рассердилась девушка. – Я даже не могла прочитать, что подписываю!

– В Керчии рабство запрещено. А двусторонние сделки – нет. Я знаю, что этот контракт – фикция, и любой судья с кучкой мозгов тоже это поймет. К сожалению, большинство судей с мозгами давно у Хелен в кармане. Пер Хаскель предлагает тебе заем – ни больше ни меньше. Твой контракт напишут на равкианском. Будешь выплачивать ему проценты, но не заоблачные. Пока ты будешь ежемесячно отдавать ему определенную сумму, ты вольна приходить и уходить, когда заблагорассудится.

Инеж покачала головой. Все это казалось немыслимым.

– Позволь мне быть с тобой откровенным. Если ты убежишь, Хаскель отправит за тобой людей, на фоне которых Танте Хелен покажется заботливой бабулей. И я не буду его останавливать. Я поставил на кон свою голову ради этой небольшой сделки. И мне не нравится эта ситуация.

– Если это правда, – медленно произнесла Инеж, – то я могу отказаться.

– Естественно. Но ты определенно опасна. И я бы предпочел, чтобы эта опасность была на моей стороне.

Опасна. Ей хотелось уцепиться за это слово. Инеж не сомневалась, что парень либо сбрендил, либо же просто безнадежно заблуждался, но ей нравилось, что он говорил. И если она не ошибалась, он предлагал ей сегодня же покинуть этот дом.

– Это не... не какая-то уловка, правда? – ее голос прозвучал тише, чем хотелось бы.

По лицу Каза прошла тень.

– Будь это уловкой, я бы пообещал тебе безопасность. Счастье. Не знаю, существуют ли эти вещи в Бочке, но со мной ты их точно не обрешь.

По какой-то причине эти слова обнадежили ее. Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

– Хорошо, – ответила Инеж. – С чего начнем?

– Начнем с того, что выберемся отсюда и найдем тебе приличную одежду. О, и еще, Инеж, – сказал Бреккер, уводя ее из приемной, – больше

никогда не подкрадывайся ко мне.

По правде, с того дня она множество раз пыталась подкрасться к Казу. Но ей никогда не удавалось. Словно, увидев ее единожды, парень понял, как видеть ее всегда.

В ту ночь она доверилась Казу Бреккеру. Стала опасной девушкой, которая, по его ощущению, всегда в ней скрывалась. Но Инеж совершила ошибку, продолжая доверять ему, поверив в легенду, которую он выстроил вокруг себя. Этот миф завел ее сюда, в удушающую темноту, заставил балансировать между жизнью и смертью, как последний листочек, который отчаянно цепляется за осеннюю ветвь. В конце концов, Каз Бреккер – просто мальчишка, и она позволила ему обречь себя на эту участь.

Ей даже не в чем его винить. Она разрешила ему вести себя, потому что сама не знала, куда хочет двигаться дальше. *«Сердце – это стрела»*. Четыре миллиона круге, свобода, возможность вернуться домой. Она сказала, что хочет этого. Но в глубине души не могла смириться с мыслью о возвращении к родителям. Как она расскажет папе и маме правду? Поймут ли они, что все, чем ей пришлось заниматься в «Зверинце», и что приходилось делать потом, нужно было только для того, чтобы выжить? Сможет ли она положить голову на колени матери и попросить прощения? Кого они увидят, глядя на нее?

«Лезь, Инеж». Но куда ей еще податься? Какая жизнь ждала ее после всего пережитого? Спина болела. Руки кровоточили. Мышцы ног дрожали, а кожа, казалось, вот-вот отслоится от тела. Каждый глоток черного воздуха обжигал легкие. Она не могла нормально вдохнуть. Не могла даже сосредоточиться на том сером лоскутке неба. Пот продолжал стекать градом по ее лбу и застилал глаза. Если Инеж сдастся, то приговорит их всех – Джеспера, Уайлена, Нину с ее фьерданцем и Каза. Она не могла себе этого позволить.

«Это уже от тебя не зависит, маленькая рысь, – пропел голос Танте Хелен у нее в голове. – Как долго ты держалась за пустоту?»

Жар мусоросжигателя обернулся вокруг Инеж, как живое существо, пустынный дракон в своем логове, прячущийся от мороза в ожидании своей жертвы. Девушка знала возможности своего тела, как и то, что у нее больше нет сил. Она сделала плохую ставку. Вот так просто. Осенний листок может цепляться за ветку, но он уже мертв. Вопрос только в том, когда он упадет.

«Отпусти, Инеж». Отец научил ее лазить, доверять веревке, качелям и, наконец, собственным навыкам, верить в то, что если она прыгнет, то

обязательно доберется до другой стороны. Будет ли он ждать ее там? Инеж вспомнила о своих ножах, спрятанных на борту «Феролинда»... может, они перейдут к какой-нибудь другой девушке, которая мечтает стать опасной. Она зашептала их имена: Петр, Мария, Анастасия, Владимир, Елизавета, Санта-Алина, ставшая мученицей еще до своего восемнадцатилетия. «*Отпусти, Инеж*». Прыгнуть сейчас или просто подождать, пока тело сдастся?

Девушка почувствовала влагу на щеках. Она что, плачет? Теперь? После всего что она сделала и что сделали с ней?

Затем она услышала тихий плеск, нежную барабанную дробь, без какого-либо повторяющегося ритма. Почувствовала его на своем лице. Услышала шипение, когда он закапал на угли. *Дождь*. Прохладный и милосердный. Инеж откинула голову назад. Откуда-то раздался звон – часы отбили три четверти, но ей было все равно. Единственное, что она слышала, – это музыку дождя, пока он смывал с нее пот и копоть, угольный дым Кеттердама и краску для лица «Зверинца», пока он омывал скрученную джутовую веревку и помогал затвердеть резине на ее многострадальных стопах. Казалось, он – благословение, хотя Каз бы просто назвал это погодой.

Теперь ей нужно быстро двигаться, прежде чем камень станет скользким и дождь превратится во врага. Инеж заставила свое тело выгнуться, пальцы – искать щели и подтянулась на шаг выше, затем еще раз, снова и снова, бормоча молитвы благодарности своим святым. Наконец-то она обрела ритм, с которого сбилась раньше, ритм, спрятанный в прошептанных модуляциях их имен.

Но, даже рассыпаясь в благодарностях, девушка знала, что дождя недостаточно. Ей нужна буря – гром, ветер, потоп. Ей хотелось, чтобы эта буря обрушилась на кеттердамские дома удовольствий, сорвала с них крыши и двери с петель. Чтобы она подняла волны, завладела каждым кораблем работорговцев, сломала их мачты и разбила корпуса о неумолимые берега. «*Я хочу призвать эту бурю*», – подумала Инеж. И четырех миллионов круге вполне может хватить, чтобы исполнилось ее желание. Она купит себе корабль – небольшой, свирепый и набитый оружием. По собственному образу и подобию. Инеж будет охотиться на работорговцев и их клиентов. Они научатся бояться ее и навсегда запомнят ее имя. «*Сердце – это стрела. Ему нужна цель для меткого попадания*». Девушка цеплялась за стену, но именно цель, за которую она наконец ухватилась, несла ее ввысь.

Она не рысь, и не паук, и даже не Призрак. Она – Инеж Гафа, и

будущее ждало ее наверху.

26. Каз

Каз промчался мимо верхних камер, бросая лишь мимолетный взгляд через каждую решетку. Бо Юл-Баюра здесь не было. А время у него заканчивалось.

Парень чувствовал себя неполноценным. Без трости. Босоногий. В странной одежде, без перчаток, которые прикрывали бы бледные руки. Он был сам не свой. Нет, не совсем так. Он чувствовал себя тем Казом, которым был несколько недель после смерти Джорди – диким зверем, борющимся за выживание.

Тут он заметил шуханского заключенного, притаившегося в углу одной из камер.

– Сэш-юэ, – прошептал Бреккер. Мужчина окинул его безучастным взглядом. – Юл-Баюр?

Ничего. Узник начал кричать что-то на шуханском, и Каз поспешил прочь, мимо оставшихся камер, затем выскользнул на лестничную площадку и побежал вниз так быстро, как только мог. Он знал, что ведет себя безрассудно, эгоистично, но не потому ли его прозвали Грязными Руками? Не было такой задачи, которую он бы посчитал слишком рискованной. Не было поступка, который был бы слишком низким. Грязные Руки исполнит любую грязную работу.

Бреккер и сам не знал, что им двигало. Возможно, Пекка Роллинс был не здесь. Возможно, он мертв. Но Каз в это не верил. *«Я бы знал. Каким-то образом я бы знал».*

– Твоя смерть принадлежит мне, – прошептал он.

Возвращение с Баржи Жнеца стало его возрождением. Ребенок, которым он был, умер от огненной оспы. Лихорадка выжгла все доброе, что в нем оставалось.

Выживать оказалось не так уж и трудно, если забыть о порядочности. Первое правило: найти того, кто мельче и слабее, и отобрать все, что у него есть. Учитывая, каким маленьким и слабым был сам Каз, задача оказалась не из легких. Он поплелся от гавани, придерживаясь темных переулков, и направился к тому району, где жили Герцуны. Приметив кондитерскую, Каз подстерег снаружи круглощекого мальчишку, который тащился позади своих друзей. Затем ударил его, обчистил карманы и забрал мешок с

лакричными конфетами.

– Отдай штаны.

– Они слишком велики для тебя, – зарыдал мальчик.

Каз избил его. Тот отдал штаны. Каз скрутил их и бросил в канал, и затем побежал так быстро, как только мог на своих ослабших ногах. Ему не нужны были штаны, он просто хотел задержать мальчишку, прежде чем тот пойдет звать на помощь. Он еще долго будет маяться в том переулке, разрываясь между стыдом от появления на улице без штанов и желанием вернуться домой и рассказать, что с ним произошло.

Каз остановился, только когда нашел самую темную подворотню в Бочке. Там он запихнул в рот все конфеты сразу, делая огромные болезненные глотки, и его тут же вырвало. Затем взял деньги и купил горячую буханку белого хлеба. Он был босым и грязным. Пекарь дал ему вторую буханку бесплатно, просто чтобы он поскорее убрался.

Почувствовав небольшой прилив сил, Каз отправился в Восточный Обруч. Нашел самый сомнительный игорный дом, на котором не было даже вывески, только одинокий зазывала у входа.

– Мне нужна работа.

– У нас нет работы, мелюзга.

– Я умею считать.

Мужчина рассмеялся.

– А мыть ночные горшки?

– Да.

– Что ж, очень жаль. У нас уже есть парень, который моет ночные горшки.

Каз дождался ночи, пока не увидел мальчика примерно своего возраста, покидавшего заведение. Он шел за ним два квартала, а потом ударил камнем по голове. Сел мальчику на ноги, снял с него ботинки и порезал ему стопы осколком разбитой бутылки. Мальчик очухается, но работать в ближайшее время не сможет. Прикосновение к коже на его щиколотках вызвало у Каза отвращение. Он продолжал видеть бледные тела на Барже Жнеца, чувствовать под руками вонючую, раздутую плоть Джорди.

Следующим вечером он вернулся к игорному дому.

– Мне нужна работа. – И он ее получил.

С тех пор он работал, драил и копил. Следил за профессиональными ворами Бочки и учился, как чистить карманы и перерезать ручки дамских сумочек. Отбыл первый срок в тюрьме, а затем и второй. Быстро приобрел репутацию человека, согласного на любое дело, и получил прозвище –

Грязные Руки. Боец он был неопытный, но стойкий.

– Ты не знаешь приемов, – как-то раз сказал ему один игрок в «Серебряной подвязке». – Не владеешь техникой.

– Конечно, знаю, – возразил Каз. – Я владею боевым искусством под названием: «натяни ему футболку на голову и бей, пока не пойдет кровь».

Его продолжали называть Казом, но фамилию он украл с таблички на каком-то оборудовании, которое увидел на причале. Ритвельд – его настоящая, сельская фамилия канула в небытие, была отрезана, как конечность с гангреной. Его последняя связь с Джорди, отцом и мальчиком, которым он когда-то был. И Каз не хотел, чтобы Якоб Герцун узнал о его приближении раньше времени.

Вскоре он обнаружил, что махинация, которую провернул с ними псевдоторговец, была довольно популярна в Бочке. Кофейня и дом на Зельверштрате являлись не более чем декорацией для обмана деревенских дурачков. Филип со своими заводными собачками – приманка, которая должна была привлечь Джорди, а Маргит, Саския и чиновники с Биржи – всего лишь подставные лица для мошенничества. Даже один из работников банка был в деле, передавал Герцуну информацию о клиентах банка и сообщал, кто из приезжих открывает счет. Герцун, наверное, дурил нескольких простофиль одновременно. Маленького состояния Джорди было недостаточно, чтобы оправдать такую постановку.

Но самым жестоким открытием стал талант Каза в картах. Это могло сделать их с Джорди богатыми. Как только он узнавал о новой игре, ему требовались считанные часы, чтобы стать в ней настоящим мастером, и никто уже не мог его обыграть. Он запоминал каждую сдачу, каждую ставку. Мог следить за раздачей аж до пяти колод! А если уж чего-то не мог вспомнить, то прибегал к шулерству. Он не утратил своей любви к ловкости рук и перешел от фокусов с монеткой к картам, наперсткам, кошелькам и часам. Хороший фокусник мало чем отличался от хорошего вора. Вскоре ему запретили садиться за стол во всех игорных домах Восточного Обруча.

Куда бы он ни шел, в какой бы бар, ночлежку, бордель или нору для бездомных ни заглянул, Каз всюду спрашивал о Якобе Герцуне, но если кому-то и было знакомо это имя, они не признавались.

Однажды, когда Бреккер переходил мост через Восточный Обруч, он увидел мужчину с красными щеками и пышными бакенбардами, входящего в пивную. Вместо степенного черного костюма торговца на нем были броские полосатые брюки и темно-бордовый жилет с узорами. Он носил бархатное пальто бутылочно-зеленого цвета.

Каз начал протискиваться сквозь толпу. В голове все гудело, сердце бешено колотилось. Он не знал, что будет делать, но у двери в пивную его схватил за шиворот огромный вышибала в котелке.

– Мы закрыты.

– А я вижу, что открыты. – Его голос звучал неправильно – пронзительно, незнакомо.

– Тебе лучше подождать.

– Мне нужно увидеться с Якобом Герцуном.

– С кем?

Казалось, парень сейчас выпрыгнет из собственной шкуры. Он указал на окно.

– С Якобом мать его Герцуном! Я хочу поговорить с ним.

Вышибала посмотрел на него как на умалишенного.

– Опомнись, парень. Это никакой не Герцун, а Пекка Роллинс. Если хочешь преуспеть в Бочке, лучше запомни его имя.

Каз знал имя Пекки Роллинса. Все знали. Они просто никогда не встречались.

В этот момент Роллинс повернулся к окну. Каз ожидал увидеть ухмылку, злобный оскал, хоть какой-то намек на узнавание. Но мужчина даже не задержал на нем взгляд. Очередной простофиля. Очередной раззява. С чего бы ему помнить его?

Каза пытались переманить все банды, которым нравилось, как он работал кулаками и тасовал карты. Парень всегда отказывал. Он пришел в Бочку, чтобы найти и наказать Герцуна, а не за временной семьей. Но когда он узнал, что настоящее имя Герцуна – Пекка Роллинс, это все изменило.

В ту ночь Каз лежал на полу норы для бездомных и думал, чего он хочет, как именно нужно отомстить за Джорди. Пекка Роллинс забрал у него все. Если он собирается отплатить той же монетой, ему нужно стать равным, а затем и лучше Роллинса. Но в одиночку ему не справиться. Нужна банда, и не первая попавшаяся, а та, которая будет нуждаться в нем.

На следующий день он зашел в Клепку и спросил Пера Хаскеля, не нужен ли тому еще один солдат. Уже тогда Каз знал: он начнет пешкой, но Отбросы станут его армией.

Неужели все эти шаги привели его сегодня сюда? В эти темные коридоры? Это едва ли то возмездие, о котором он мечтал.

Казалось, ряду камер нет счета, и они тянутся до бесконечности. Ему ни за что не найти Роллинса вовремя. Но это казалось невозможным ровно до того момента, пока он не увидел знакомую коренастую фигуру и красное

лицо в окошке железной двери. Это казалось невозможным ровно до того момента, пока он не остановился перед камерой Пекки Роллинса.

Роллинс спал на боку. Кто-то хорошенько его избил. Каз наблюдал, как поднимается и опускается его грудь.

Сколько встреч у них было после той первой в пивной? Ни разу в глазах Пекки не мелькало узнавание. Каз уже не мальчик, так что Роллинс не сможет разглядеть в нем того самого ребенка, которого он обобрал. Но это вызывало у него ярость каждый раз, как их дороги пересекались. Это неправильно. Лицо Пекки – лицо Герцуна, – не стиралось из памяти Каза, было высечено зазубренным лезвием.

Бреккер заколебался, чувствуя изящный вес отмычек, спрятанных, как насекомое, в его ладони. Разве не этого он хотел? Увидеть Пекку на самом дне, униженным, несчастным и безнадежным. Лучшие из его команды были мертвы и висели на пиках. Может, этого достаточно? Может, теперь ему всего лишь нужно, чтобы Пекка узнал, кто он такой и что сделал? Каз мог бы устроить свой маленький суд, вынести приговор и даже привести его в исполнение.

Эльдерклок начал выбивать три четверти. Пора идти. Времени на то, чтобы спуститься в подвал, почти не осталось. Нина наверняка ждет его. Как и все остальные.

Но он нуждался в этом. Боролся ради этого мига. Все не так, как он представлял, но, возможно, это не имело значения. Если Пекку Роллинса убьет какой-то безымянный фьерданский палач, то все его прошлые потуги потеряют смысл. У Каза появятся четыре миллиона крюге, но Джорди никогда не получит отмщения.

Замок на двери с легкостью поддался отмычкам Каза.

Глаза Пекки распахнулись, и он улыбнулся. Роллинс вообще не спал.

– Ну, здравствуй, Бреккер. Пришел позлорадствовать?

– Не совсем, – ответил Каз.

И двери за ним закрылись.

Часть пятая. Лёд не прощает

27. Джеспер

Восемь ударов

«Где, черт побери, Каз?!» Джеспер переминался с ноги на ногу перед мусоросжигателем, в ушах тихо звенел сигнал тревоги, путая его мысли. Желтый протокол? Красный протокол? Он не помнил, что какой цвет означал. Весь их план строился на том, чтобы никогда не услышать этот звук.

Инеж привязала веревку к крыше и кинула ее вниз, чтобы они могли по ней взобраться. Джеспер отправил Уайлена и Матиаса наверх с остатками веревки, ножницами, найденными в прачечной, и кривым крючком, который он сделал из металлических планок от стиральной доски. Затем вытер капли дождя и влагу с пола мусороприемника и убедился, что нигде не видно ни клочка веревки, ни других следов их пребывания. Оставалось только ждать... и паниковать, когда завывала сирена.

Он слышал чьи-то перекрикивания и топот ботинок этажом выше. В любую минуту какой-нибудь стражник с хорошо развитой интуицией мог спуститься в подвал. Если они увидят Джеспера у мусоросжигателя, то увидят и путь на крышу. Он приговорит не только себя, но и других.

«Давай же, Каз. Я жду тебя». Все ждут. Нина влетела в помещение всего пару минут назад, жадно втягивая воздух.

– Иди! – крикнула она. – Чего ждешь?

– Тебя! – воскликнул он в ответ. Но когда стрелок спросил, где же Каз, лицо Нины исказилось.

– Я надеялась, что он с вами.

Затем она, кряхтя от усилий, полезла по веревке, и Джеспер остался один, замерев в нерешительности. Вдруг Каза поймали охранники? Вдруг он где-то в тюрьме, дерется за свою жизнь?

«Он же Каз Бреккер». Даже если его запрут, Каз сможет сбежать из любой камеры, вырваться из любых оков. Джеспер мог бы оставить ему веревку и молиться, что дождь достаточно остудил шахту, и она не сгорит. Но если он и дальше продолжит стоять как баран, то выдаст их путь к

отступлению, и они все будут обречены. Ему ничего не оставалось, кроме как лезть наверх.

Джеспер схватил конец веревки как раз в ту секунду, когда Каз ворвался в комнату. Его рубаха была в пятнах крови, темные волосы разметались во все стороны.

– Быстрее, – рявкнул он без всяких предисловий.

В голове Джеспера возникла тысяча вопросов, но он не стал тратить время, чтобы задать их. Парень закачался над углями и начал подъем. Сверху еще капал дождь. Стрелок почувствовал, как задрожала веревка, когда Каз схватился за нее снизу. Опустив взгляд, он увидел, как Бреккер потянулся, чтобы захлопнуть за собой двери мусоросжигателя.

Джеспер подтягивался, перехватывая руками канат, его плечи заныли, веревка впивалась в ладони, а ногами можно было упираться в стенки шахты только до того момента, пока жар кирпичей не становился невыносимым. Как Инеж смогла подняться без веревки?

Наверху продолжал бить тревогу Эльдерклок, как ящик, полный сердитых кастрюль и сковородок. Что пошло не так? Почему Каз и Нина разделились? И как они выберутся из этой передраги?

Джеспер помотал головой, пытаясь сморгнуть с глаз капли дождя. При каждом рывке вверх мышцы на его спине сокращались.

– Слава святым! – прохрипел он, когда Матиас и Уайлен взяли его за плечи и протащили последний метр на крышу. Стрелок скатился с края дымохода, весь мокрый и дрожащий, как чуть не утонувший котенок. – Каз лезет за мной.

Парни схватились за веревку и потащили, чтобы помочь Бреккеру лезть. Джеспер не знал, был ли какой-то прок от помощи Уайлена, но он определенно старался изо всех сил. Каза вытащили из шахты, и он перевернулся на спину, пытаясь отдышаться.

– Где Инеж? – произнес он на выдохе. – И где Нина?

– Уже на крыше посольства, – ответил Матиас.

– Оставьте эту веревку и берите все остальное. Идем дальше.

Матиас и Уайлен выбросили веревку, испачканную сажей, в мусоросжигатель, и взяли два новых мотка. Джеспер тоже взял один и с трудом поднялся на ноги. Затем последовал за Казом к краю крыши, где Инеж закрепила трос к крыше посольства, находящейся чуть ниже. Кто-то даже соорудил петлю для тех простых смертных, не обладающих особым даром Призрака издеваться над гравитацией.

– Слава святым, Джелю и твоей тете Еве, – поблагодарил Джеспер и скользнул по веревке. Остальные быстро последовали за ним.

Крыша посольства была изогнутой – скорее всего, чтобы снег не застаивался, – но у них возникло впечатление, что они шагали по сгорбленной спине гигантского кита. Она также была гораздо более... пористой, чем тюремная. Крыша рябила множеством входов – вентиляции, дымоходы, небольшие стеклянные купола, чтобы пропускать свет. Нина и Инеж прислонились к основанию самого большого купола, ажурного участка стеклянной крыши, откуда просматривалась входная ротонда посольства. Он не особо защищал от усиливающегося дождя, но если стражники на кольцевой стене вдруг переведут свое внимание с дороги на крыши Двора, Отбросов они не увидят.

Нина держала на коленях ступни Инеж.

– Я не могу отодрать всю резину от пяток, – сказала она при их приближении.

– Помоги ей, – скомандовал Каз.

– Я?! – воскликнул Джеспер. – Ты же не хочешь...

– Приступай.

Стрелок подполз ближе, чтобы лучше видеть покрытые волдырями ноги Инеж, чувствуя затылком, что Каз следит за каждым его шагом. Последний раз, когда сулийку ранили, реакция Бреккера была более чем настораживающей. Но ее нынешняя травма далеко не так опасна, как ножевое ранение. Да и на этот раз Каз не мог винить Черных Пик. Джеспер сосредоточился на кусочках резины, пытаясь достать их из плоти девушки, как доставал руду из прутьев.

Инеж знала его секрет, а вот Нина удивленно уставилась на парня.

– Ты – фабрикатор?

– Ты согласишься, если я скажу «нет»?

– Почему ты мне не сказал?

– Ты... никогда не спрашивала, – неуверенно произнес он.

– Джеспер...

– Нина, оставь меня в покое. – Девушка поджала губы, но он знал, что тема не закрыта. Джеспер сосредоточился на ступнях Инеж. – Святые!

Та скривилась.

– Все так плохо?

– Нет, просто у тебя очень некрасивые ноги.

– Эти некрасивые ноги вытащили тебя на крышу.

– Но мы застряли тут? – спросила Нина. Эльдерклок перестал бить тревогу, и наступила тишина. Девушка с облегчением закрыла глаза. – Наконец-то.

– Что случилось в тюрьме? – поинтересовался Уайлен, у которого от

паники ломался голос. – Что запустило сирену?

– Я наткнулась на двух стражников, – призналась Нина.

Джеспер на секунду отвлекся от работы.

– Ты не обезвредила их?

– Обезвредила. Но один из них успел сделать пару выстрелов.

Прибежал еще один стражник. Тогда-то часы и забили.

– Проклятие! И это включило сигнал тревоги?

– Возможно, – Нина пожала плечами. – А где ты был, Каз? Я бы не торчала на лестнице, если бы не тратила время на твои поиски. Почему ты не встретился со мной на площадке?

Каз вглядывался в стеклянный купол.

– Решил осмотреть камеры и на пятом этаже.

Все уставились на него. Джеспер почувствовал, что его нервы не выдерживают.

– Какого черта?! Ты уходишь до нашего с Матиасом возвращения, затем решаешь продлить свои поиски и бросаешь Нину, которая наверняка думает, что ты в беде?

– Я должен был кое о чем позаботиться.

– Слабенькое оправдание.

– У меня было предчувствие. И я ему доверился.

Нина посмотрела на него так, словно не верила ни единому слову.

– *Предчувствие?*

– Ладно, я совершил ошибку, – прорычал Каз. – Довольны?

– Нет, – спокойно ответила Инеж. – Ты должен нам объяснить.

Через пару секунд он сказал:

– Я искал Пекку Роллинса.

Инеж с Казом обменялись взглядом, который был непонятен Джесперу. В нем крылось знание, которым с ним не поделились.

– Ради всех святых, зачем?! – простонала Нина.

– Хотел узнать, кто из Отбросов слил ему информацию.

Джеспер чуть-чуть подождал.

– И?

– Я не нашел его.

– А откуда кровь на твоей одежде? – спросил Матиас.

– Стычка с охранником.

Джеспер ему не верил.

Бреккер устало потер глаза.

– Я напортачил. Сделал неправильный выбор и заслуживаю вашего осуждения. Но это не меняет нашей ситуации.

– А *какая* у нас ситуация? – спросила Нина Матиаса. – Что они будут делать?

– Это был Желтый протокол – беспорядки в секторе.

Джеспер прижал пальцы к вискам.

– Не помню, что это значит.

– Мне кажется, они думают, что кто-то пытался сбежать из тюрьмы. Этот сектор уже отрезан от остальной части Ледового Двора, так что они санкционируют обыск и, наверное, попытаются разобраться, кто сбежал из камер.

– Они найдут людей, которых мы отключили в женской и мужской зоне ожидания, – сказал Уайлен. – Нам нужно убираться отсюда. Забудьте о Бо Юл-Баюре!

Матиас пренебрежительно отмахнулся.

– Слишком поздно. Если стража считает, что кто-то пытается сбежать, все контрольно-пропускные пункты переводят в полную боевую готовность. Они никому не позволят просто уйти.

– Но мы можем попытаться, – встрял Джеспер. – Залатаем ступни Инеж...

Девушка согнула их и встала босыми ногами на гравий.

– С ними все в порядке. А вот мои мозоли исчезли!

– Я дам тебе адрес, куда ты сможешь отправить жалобу, – подмигнула Нина.

– Ладно, Призрак способен передвигаться. – Джеспер вытер рукавом взопревший лоб. Дождь уже перешел в легкий туман. – Найдем какую-нибудь уютную комнатку, вырубим постояльцев и провальсируем из этого места в их лучших нарядах.

– Мимо посольских ворот и двух контрольно-пропускных пунктов? – скептически полюбопытствовал Матиас.

– Они не знают, что кому-то удалось покинуть тюремный сектор. Стражники видели Нину и Каза, так что они в курсе, что люди сбежали из камер, но дозорные на контрольно-пропускных пунктах будут искать бандитов в тюремной одежде, а не надушенных дипломатов в карнавальных костюмах. Но нам нужно убраться до того, как они поймут, что шестеро пленников сбежали за внешнее кольцо.

– Забудь об этом, – покачала головой Нина. – Я пришла сюда за Бо Юл-Баюром и не уйду без него.

– Какой в этом смысл? – спросил Уайлен. – Даже если тебе удастся попасть на Белый остров и найти ученого, нам оттуда не сбежать. Джеспер прав: надо идти, пока еще есть такая возможность.

Нина скрестила руки.

– Если мне придется пробираться на Белой остров в одиночку, я это сделаю.

– Возможно, у тебя не будет такого шанса, – сказал Матиас. – Смотрите.

Они сгрудились вокруг стеклянного купола. В нижней ротонде собралась толпа людей, пьющих, смеющихся и приветствующих друг друга, – своего рода шумная вечеринка накануне праздника на Белом острове.

Они увидели, как в помещение ворвалась группа новых стражников и стала строить людей в шеренги.

– Это означает, что добавили еще один контрольно-пропускной пункт, – догадался Матиас. – Хотят снова проверить документы каждого, прежде чем пропустить их к стеклянному мосту.

– Из-за Желтого протокола? – спросил Джеспер.

– Наверное. Мера предосторожности.

Казалось, последняя капля удачи вытекла из их стакана.

– Значит, решено, – сказал стрелок. – Мы минимизируем потери и попытаемся сбежать сейчас.

– Я знаю способ, – тихо перебила Инеж. Все повернулись к ней. Желтый свет от купола отразился в ее темных глазах. – Мы можем пройти через этот пункт и попасть на Белый остров.

Она указала вниз, где две группы людей вошли в ротонду с внутреннего двора, стряхивая капли со своих нарядов. Девушек из дома «Синего ириса» было легко узнать по цвету их платьев и бутонам, заплетённым в волосы и приколотым к вырезу. И ни с кем не спутать мужчин из «Кузницы» – гордо выпяченные татуировки, голые руки, несмотря на прохладную погоду.

– Прибыли делегации с Западного Обруча. Мы можем попасть внутрь.

– Инеж... – начал Каз.

– Мы с Ниной можем попасть внутрь, – продолжила она. Ее спина была прямой, голос звучал уверенно. Она выглядела так, будто стояла перед расстрельной командой без повязки на глазах. – Вместе со «Зверинцем».

28. Инеж

Восемь с половиной ударов

Каз пристально смотрел на нее, его глаза цвета черного кофе мерцали в свете купола.

– Ты же знаешь их костюмы, – сказала Инеж. – Тяжелые мантии, капюшоны. Фьерданцы только это и увидят. Земенскую лань. Каэльскую кобылу. – Девушка сглотнула и заставила себя произнести следующие слова: – Сулийскую рысь.

Не людей и даже не девушек, а просто красивые предметы для коллекции. «Я всегда мечтал завалить земенскую девушку, – шепчет клиент. – Каэлку с рыжими волосами. Сулийку с кожей цвета жженой карамели».

– Это рискованно, – ответил Каз.

– А какая работа не рискованная?

– Каз, как вы с Матиасом попадете внутрь? – спросила Нина. – Нам может понадобится взломщик. И если на острове что-то пойдет не так, я не хочу оказаться в затруднительном положении. Сомневаюсь, что вы сойдёте за членов «Зверинца».

– Это не проблема, – отозвался Бреккер. – Хельвар кое-что скрыл от нас.

– Правда? – заинтересовалась Инеж.

– Это не... – Матиас провел рукой по короткостриженным волосам. – Как ты это делаешь, демжин? – зарычал он на Каза.

– Логика. Ледовый Двор – это шедевр из защитных механизмов и двойных проверочных систем. Стекланный мост, конечно, впечатляет, но на случай экстренной ситуации непременно должен быть другой путь, чтобы прислать подкрепление на Белый остров и вывести королевскую семью.

– Да, – раздраженно буркнул Матиас. – Есть и другой путь. Но там довольно грязно, – он покосился на Нину. – И его определенно не пройти в платье.

– Погодите, – перебил Джеспер. – Какая разница, сможете вы попасть на Белый остров, или нет? Предположим, Нина обворочит какого-то фьерданского вельможу, узнает, где спрятан Бо Юл-Баюр, и вы притащите его сюда. Мы все окажемся в ловушке. К тому времени тюремная стража окончит обыск и узнает, что каким-то образом шестеро заключенных сбежали из сектора. Шансов на то, чтобы уйти через посольские ворота и пропускные пункты, не останется.

Каз посмотрел через купол на двор посольства и кольцевую стену за ним.

– Уайлен, насколько сложно будет вывести из строя одни из этих ворот?

- Чтобы открыть их?
- Нет, чтобы закрыть.
- В смысле сломать? – парень пожал плечами. – Не думаю, что сложно. Я не видел механизм, когда мы входили через тюремные ворота, но, судя по схеме, он довольно стандартный.
- Шкивы, винтики и очень большие шурупы?
- Ну, где-то так, и еще крупная лебедка. Канат наматывается на нее, как на гигантскую катушку, а потом охранники просто поворачивают эту катушку с помощью какой-нибудь ручки или колеса.
- Я знаю, как работает лебедка. Так ты сможешь сломать одни из них?
- Наверное, но проблема в том, что к кабелю подключена сигнализация. Сомневаюсь, что мне удастся это сделать, не запустив Черный протокол.
- Хорошо, – кивнул Каз. – Так мы и поступим.
- Джеспер поднял руку.
- Я сильно извиняюсь, но разве Черный протокол – это не та штука, которую мы хотим избежать любой ценой?
- Я что-то припоминаю о фатальном конце, – произнесла Нина.
- Нет, если мы используем его против них. Сегодня большинство стражников сосредоточено на Белом острове и здесь, в посольстве. Когда зазвучит Черный протокол, стеклянный мост поднимут, и стража с гостями окажутся в ловушке на острове.
- А как же тот путь, о котором «забыл» упомянуть Матиас? – полюбопытствовала Нина.
- Основные силы по нему не пройдут, – поник фьерданец. – По крайней мере, не быстро.
- Каз задумчиво посмотрел на Белый остров, наклонив голову набок.
- Он снова что-то замышляет, – пробормотала Инеж.
- Несомненно, – кивнул Джеспер.
- Она будет скучать по этому выражению лица.
- В кольцевой стене трое ворот, – начал Бреккер. – Тюремные уже закрыты из-за Желтого протокола. Посольские ворота узкие, и там не протолкнуться из-за гостей – фьерданцы не отправят туда войска. Джеспер, это значит, что вам с Уайленом остаются ворота в секторе дрюскелей. Используйте их, чтобы активировать Черный протокол, а затем сломайте. Да так хорошо, чтобы любые отряды, которые успеют мобилизоваться, не смогли последовать за нами.
- Я обеими руками за то, чтобы запереть фьерданцев в их же «крепости», – ответил стрелок. – Честно. Но как тогда выберемся мы?

Когда Черный протокол активируется, вы, друзья мои, окажетесь в заточении на Белом острове, а мы – во внешнем круге. У нас нет ни оружия, ни взрывчатки.

Улыбка Каза была острой, как бритва.

– Слава святым, что мы все хорошие воры. Мы отправимся на небольшой шопинг... за счет фьерданцев. Инеж, – повернулся он, – начнем с чего-нибудь блестящего.

Спрятавшись за стеклянным куполом, Каз изложил детали того, что задумал. Старый план казался дерзким, но он, по крайней мере, строился на хитрости. Новый же был настолько отчаянным, что мог прийти в голову только безумцу. Они не просто объявят фьерданцам о своем присутствии, а будут трубить о нем на всех углах. Команда снова разделится и снова будет ориентироваться по ударам Эльдерклока, но на сей раз без права на ошибку.

Инеж прислушивалась к своему сердцу, ожидая отыскать там тревогу или страх, но чувствовала лишь готовность. Эту работу она выполняла не ради того, чтобы вернуть долг Перу Хаскелю. Не ради Каза и Отбросов. *Ей* этого хотелось – денег, чтобы осуществить свою мечту.

Пока Каз объяснял, а Джеспер резал веревку на равные куски ножницами из прачечной, Уайлен помогал подготовиться Нине и Инеж. Им нужны были татуировки, чтобы сойти за девушек из «Зверинца». Начали с Нины. Используя отмычку Каза и медный пирит, который Джеспер достал из крыши, Уайлен изо всех сил пытался воспроизвести перо «Зверинца» на руке Нины. Руководствуясь подсказками Инеж, он исправлял то, что не удалось. Затем Нина ввела в свою кожу чернила. Корпориялу не нужна иголка. Нина сделала все, чтобы сровнять шрамы на предплечье Инеж. Вышло так себе, но у них было мало времени, да и Нина не была портнихой по призванию. Уайлен нанес эскиз второго павлиньего пера на кожу Инеж.

Нина с сомнением посмотрела на подругу.

– Ты уверена?

Девушка сделала глубокий вдох.

– Это боевая раскраска, – ответила она не столько ей, сколько себе. – Нужна во имя цели.

– Это лишь на время, – заверила Нина. – Я уберу ее, как только мы окажемся в гавани.

Гавань. Инеж подумала о «Феролинде» с его яркими флагами и попыталась задержать этот образ в своей голове, наблюдая, как перо

павлина погружается в ее плоть.

Такие татуировки не прошли бы тщательного осмотра, так что оставалось надеяться, что им не будут уделять слишком много внимания.

Наконец все встали. Инеж предположила, что «Зверинец» опоздает, – Танте Хелен любила эффектные появления, – но им нужно было занять позиции и приготовиться действовать, когда наступит время.

Тем не менее Отбросы колебались. Понимание того, что они могут больше не увидаться и что некоторые из них – а возможно, и все, – не переживут эту ночь, легло тяжким грузом на их плечи. Карточный игрок, каторжник, блудный сын, потерявшаяся девушка-гриш, сулейка, ставшая убийцей, и парень из Бочки, превратившийся в монстра.

Инеж окинула взглядом свою странную команду: босые и дрожащие в испачканной копотью тюремной робе. Их силуэты, освещенные золотым светом из купола, смягчались туманом, повисшим в воздухе.

Что связало их вместе? Жадность? Отчаяние? Или дело в том, что они знали: если кто-то из них сегодня исчезнет, никто не станет его искать? Родители Инеж могли до сих пор лить слезы по пропавшей дочери, но, если она сегодня умрет, никто не будет горевать по той девушке, которой она стала. У нее не было семьи, – ни родителей, ни братьев и сестер – только люди, с которыми она будет бороться плечом к плечу. Возможно, за это тоже стоит поблагодарить судьбу.

Первым заговорил Джеспер.

– Ни траура, – сказал он с улыбкой.

– Ни похорон, – дружно ответили остальные. Даже Матиас тихо пробормотал эти слова.

– Если кто-нибудь из вас выживет, позаботьтесь, чтобы у меня был открытый гроб. – Джаспер закинул на плечо два тонких мотка веревки и подал сигнал Уайлену, чтобы тот шел за ним по крыше. – Мир заслуживает еще несколько минут наслаждаться этим прекрасным образом.

Инеж почти не удивилась, увидев напряжение во взгляде, которым обменялись Нина с Матиасом. Что-то изменилось между ними после битвы с шуханцами, но что именно – девушка не знала.

Дрюскель прочистил горло и неловко поклонился Нине.

– Можно тебя на пару слов?

Та ответила куда более элегантным поклоном и ушла вместе с ним. Инеж обрадовалась, потому что тоже хотела переговорить с Казом.

– У меня кое-что есть для тебя, – сказала она, доставая кожаные перчатки из рукава.

Он уставился на них.

– Как...

– Нашла в выброшенной одежде. Перед тем как взобраться на крышу.

– Шесть этажей в темноте.

Девушка кивнула. Она не ждала благодарностей. Ни за подъем, ни за перчатки, ни за что-либо еще.

Бреккер медленно натянул их, и она наблюдала, как черная кожа скрыла его бледные чувствительные руки. Руки истинного мошенника – длинные, изящные пальцы, созданные для того, чтобы взламывать замки, прятать монеты и заставлять вещи исчезать.

– Когда мы вернемся в Кеттердам, я заберу свою долю и покину Отбросов.

Он отвернулся.

– Правильное решение. Ты всегда была слишком хороша для Бочки.

Время идти.

– Да пребудут с тобой святые, Каз.

Тот схватил ее за запястье.

– Инеж. – Его палец в перчатке коснулся места, где бился её пульс, и задел верхушку татуировки с пером. – Если мы не выберемся, я хочу, чтобы ты знала...

Она ждала. Почувствовала, как надежда затрепетала крыльями внутри нее, готовясь к полету, если она услышит то, что ждет. Но девушка зажала ее в кулаке. Ей не дожидаться этих слов. *«Сердце – это стрела»*.

Инеж коснулась его щеки. Думала, что он снова отдернется или даже отмахнется от нее. За два года, на протяжении которых они бились плечом к плечу, вынашивали коварные планы до поздней ночи, совершали невозможные ограбления, справлялись с тайными поручениям, спешно ужинали жареной картошкой с гюцпотом, чтобы бежать на следующее дело, она ни разу не прикасалась к его коже без барьера в виде перчаток, пальто или рукавов рубашки. Инеж позволила себе погладить его по щеке. Кожа парня была прохладной и влажной от дождя. Он не шевелился, но она заметила, как по нему прошла дрожь, словно он боролся с самим собой.

– Если мы не переживем эту ночь, я умру без страха, Каз. А ты?

Его зрачки так расширились, что глаза казались почти черными. Инеж видела, что ему понадобились все силы, чтобы не отпрянуть от ее руки. И все же Бреккер оставался на месте. Она знала: это самое большее, что он может ей предложить. Но этого недостаточно.

Девушка опустила руку. Каз глубоко вдохнул.

Он сказал, что не нуждается в ее молитвах, и она не собиралась их произносить, но все равно пожелала ему удачи. Теперь у нее была цель, у

ее сердца появилось направление, и хоть ей было больно, что их дороги с Казом расходятся, она это переживет.

Инеж присоединилась к Нине, стоящей у купола, в ожидании прибытия «Зверинца». Широкий и невысокий стеклянный купол был украшен серебряной филигранью. Инеж увидела мозаику на полу просторной ротонды внизу. Она успела ее рассмотреть, несмотря на прохаживающихся внизу гостей, – два волка гонялись друг за другом, обреченные бегать по кругу так долго, пока будет стоять Ледовый Двор.

Посетителей, входивших через главную арку, собирали в небольшие группы и заводили в комнаты, где их обыскивали, чтобы они не пронесли оружие и другие опасные предметы. Инеж видела, как стражники выходят, держа в руках множество брошек, иголок дикобраза и даже орденских лент, в которых, как предположила девушка, был металл или проволока.

– Знаешь, ты ведь не обязана это делать, – заговорила Нина. – Тебе вовсе не нужно вновь закутываться в шелка.

– Я делала вещи и похуже.

– Знаю. Например, преодолела шесть этажей пекла ради нас.

– Я не это имела в виду.

Нина замолчала.

– Это я тоже знаю. – Помедлив, она все же спросила: – Тебе так нужны эти деньги?

Инеж с удивлением услышала нотки вины в голосе Нины.

Эльдерклок отбил девять ударов. Сулейка снова посмотрела на волков, гонявшихся друг за другом по полу ротонды.

– Не знаю, зачем я пошла на это дело, – призналась она. – Но знаю, ради чего его закончу. Теперь я понимаю, зачем судьба привела меня сюда, почему направила на путь к этому состоянию.

Инеж не стала вдаваться в подробности, так как не была готова обсуждать мечту, загоревшуюся в ее сердце: корабль под ее командованием, своя команда, своя война. Это казалось чем-то личным, новым семенем, из которого может вырасти что-то неординарное, если не заставлять его прорасти слишком рано. Она даже не умела ходить под парусом! И все же ей очень хотелось рассказать об этом Нине. Если та решит не возвращаться в Равку, Инеж очень бы пригодилась сердцеебитка в команде.

– Они тут, – заметила Нина.

Девушки из «Зверинца» клином прошли через двери ротонды, их платья мерцали в сиянии свечей, капюшоны плащей бросали тень на лица. Каждый капюшон символизировал какое-то животное – земенскую лань с

мягкими ушками и деликатными белыми пятнами, каэльскую кобылу с рыжим хвостом, шуханскую змею с красной чешуей из бисера, равкианскую лисицу, леопарда из Южных Колоний, ворону, горностаю и, конечно же, сулийскую рысь. Было очень заметно отсутствие высокой блондинки, играющей роль фьерданской волчицы с серебристой шерсткой.

Их встречали женщины-охранницы в форме.

– Я ее не вижу, – сказала Нина.

– Жди. Павлин заходит последней.

И, естественно, тут появилась она: Хелен Ван Хауден в мерцающем сине-зеленом атласе. Ее золотые кудри украшала изысканная корона из перьев павлина.

– Как утонченно, – хмыкнула Нина.

– Утонченность в Бочке не продается.

Инеж издала громкую трель. Откуда-то издалека послышался ответный свист Джеспера. «*Время пришло*», – подумала девушка. Она толкнула валун, и теперь он покатился по склону. Кто знает, какой ущерб он нанесет и что можно будет построить на обломках?

Нина, прищурившись, посмотрела через стекло.

– Как она не падает под весом этих бриллиантов? Наверняка подделка!

– О нет, они очень даже настоящие, – ответила Инеж. Эти драгоценные камни были заработаны потом, кровью и слезами таких девушек, как она.

Стражники поделили девушек «Зверинца» на три группы, а Танте Хелен увели в отдельную комнату. Павлин ни за что не станет выворачивать одежду и задира́ть юбку перед своими девочками.

– Вот эти, – Инеж указала на группу с сулийской рысью и каэльской кобылой. Они направлялись к дверям с левого бока ротонды.

Пока Нина наблюдала за девушками, Инеж двигалась по крыше, следуя по траектории их пути.

– Какая дверь? – крикнула она.

– Третья справа, – ответила Нина. Сулийка подошла к ближайшему воздуховоду и подняла решетку. Нине будет сложно пролезть, но ничего, справится. Инеж скользнула в трубу, пригнулась и поползла по узкой шахте между комнатами. Сзади она слышала кряхтение, а потом громкий стук – это Нина рухнула на дно шахты, как мешок с картошкой. Инеж поморщилась. Оставалось надеяться, что гул толпы внизу заглушит посторонние звуки. Ну, или же пусть думают, что в Ледовом Дворе завелись огромные крысы.

Они поползли дальше, заглядывая в вентиляционные отверстия. Наконец девушки увидели под собой небольшой зал для совещаний,

который сегодня отдали охранникам для обыска гостей.

Девушки из «Дома экзотики» сняли плащи и выложили их на длинном овальном столе. Пока одна из светловолосых охранниц ощупывала швы и подолы их нарядов и даже засовывала пальцы в волосы, другая следила за порядком, держа руку на винтовке. Было видно, что ей не часто приходилось иметь дело с оружием. Инеж знала, что фьерданцы запрещали женщинам служить в боевых подразделениях армии. Может, их призвали из другой части.

Инеж и Нина ждали, пока стражницы закончат обыскивать девушек, их плащи и маленькие сумочки, обшитые бисером.

– *Вен тиддер*, – сказала одна из женщин, затем они вышли из комнаты, чтобы девицы привели себя в порядок.

– Пять минут, – шепотом перевела Нина.

– Вперед, – кивнула ей Инеж.

– Мне нужно, чтобы ты подвинулась.

– Зачем?

– Я должна четко все видеть, а сейчас у меня перед глазами только твой зад.

Инеж отползла вперед, чтобы Нина могла заглянуть в вентиляционное отверстие, и через секунду услышала мягкие, глухие удары – девушки попадали на синий ковер.

Затем Инеж быстро сняла решетку и аккуратно спрыгнула на полированную поверхность стола. Нина вывалилась вслед за ней и рухнула с громким стуком.

– Прости, – простонала она, с трудом поднимаясь на ноги.

Инеж чуть не рассмеялась.

– Ты очень грациозна в битве, но не когда падаешь.

– Прогуляла этот урок в школе.

Они раздели сулийку и каэлку до нижнего белья, связали им руки и ноги шнуром от портьер и заткнули рты оторванными кусками своей тюремной одежды.

– Часы тикают, – поторопила Инеж.

– Прости, – прошептала Нина каэлке. Обычно она использовала пигменты, чтобы изменить свой цвет волос, но у них попросту не было времени. Нина перелила ярко-рыжий цвет волос девушки прямо себе на голову, оставляя несчастную каэлку с копной седых, местами ржавых, волос. Локоны Нины тоже не стали такими рыжими, как у каэлок, да и глаза у нее были зелеными, а не голубыми. Но такая кройка требовала терпения и времени, потому придется обходиться тем, что есть. Она

достала белую пудру из сумочки девушки и попыталась сделать свою кожу бледнее.

Пока Нина трудилась над своим обликом, Инеж перетаскивала других девушек к высокому стеклянному шкафу и упаковала их так, чтобы осталось место для каэлки. Проверая, надежно ли держится кляп у сулийки, она почувствовала укол вины. Танте Хелен, должно быть, купила ее взамен Инеж – у нее была та же бронзовая кожа, те же густые темные волосы. А вот фигура – другая: мягкая и женственная, а не худая и угловатая. Может, она пришла по своей воле, сама выбрала такую жизнь. Инеж очень на это надеялась.

– Да защитят тебя святые, – прошептала она.

Кто-то постучал в дверь и крикнул что-то на фьерданском.

– Им нужна комната для следующих девушек, – прошептала Нина.

Они втащили каэлку в шкаф, с трудом закрыли его на замок и надели новые костюмы. Инеж радовалась, что у нее не было времени задуматься о знакомом и неприятном ощущении шелка на своей коже, о жутковатом звоне колокольчиков на лодыжках. Они накинули на себя плащи и бросили быстрый взгляд в зеркало.

Ни один из нарядов не сидел так, как надо. Фиолетовые шелка Инеж слишком свободно висели на ее фигуре, а что же до Нины...

– Черт возьми, что это должно быть? – спросила она, разглядывая себя снизу доверху. Струящееся платье едва прикрывало солидную грудь девушки и туго обтягивало ягодицы. Сверху оно напоминало сине-зеленую чешую, переходящую в мерцающий шифоновый низ.

– Может, русалка? – предположила Инеж. – Или волна?

– Мне казалось, что я – кобыла!

– Ну, они же не могут сделать платье из копыт.

Нина разгладила руками свой дурацкий костюм.

– Чувствую, популярность мне обеспечена.

– Интересно, что скажет Матиас об этом наряде.

– Он не одобрит.

– Как и все, что тебя касается. Но когда ты смеешься, он оживает, как тюльпан в свежей воде.

Нина фыркнула.

– Матиас – тюльпан?!

– Большой задумчивый желтый тюльпан.

– Ты готова? – спросила сердцебитка, когда они скрыли лица под капюшонами.

– Да, – честно ответила Инеж, и только она понимала, что имеет в

виду. – Нам надо отвлечь их, иначе они заметят, что двух девушек не хватает.

– Предоставь это мне. И следи за подолом.

Как только они открыли дверь в коридор, охранницы нетерпеливо помахали им. Нина громко щелкнула пальцами под плащом, и одна из женщин вскрикнула, потому что у нее из носа буквально зафонтанировал неправдоподобно обильный поток крови. Вторая было отпрянула, но в следующую же секунду схватилась за живот. Зеник делала круговые движения запястьем, вызывая у женщины рвотные позывы.

– Подол, – спокойно повторила Нина.

Инеж едва успела подобрать его, прежде чем охранница согнулась пополам и вырвала свой ужин на плиточный пол. Гости ахнули и начали толкаться, пытаясь убраться подальше от этого беспорядка. Нина и Инеж проплыли мимо, издавая соответствующие брезгливые возгласы.

– Думаю, крови из носа вполне хватило бы, – прошептала Инеж.

– Лучше переусердствовать, чем не доделать что-то до конца.

– Если бы я тебя не знала, то подумала бы, что тебе нравится издеваться над фьерданцами.

Низко опустив головы, они слились с людьми, заходившими в ротонду, игнорируя земенскую лань, которая пыталась позвать их на другой конец комнаты. Было важно не приближаться к настоящим девушкам из «Зверинца». Единственное, о чем жалела Инеж, – это что их плащи очень заметны в толпе.

– Сюда, – сказала сулийка, подталкивая Нину в очередь, которая находилась далеко от того места, где стояли обитательницы «Дома экзотики». Казалось, она движется быстрее остальных. Но когда подошел их черед, Инеж задумалась, не ошиблась ли она в своем выборе. Этот охранник выглядел даже строже и безжалостнее остальных. Он протянул руку за документами Нины и внимательно стал изучать их своими холодными голубыми глазами.

– В описании сказано, что у тебя есть веснушки, – сказал он на керчийском.

– Есть, – без запинки ответила девушка. – Их просто не видно. Хочешь взглянуть?

– Нет, – сухо отрезал фьерданец. – И рост отличается: ты выше.

– Каблуки. Мне нравится смотреть мужчинам в глаза. У тебя они, кстати, очень красивые.

Он покосился на бумаги и осмотрел Нину с головы до пят.

– Держу пари, ты вешишь больше, чем тут указано.

Та изящно пожала плечами, и ее чешуйчатый вырез немного сполз.

– Люблю поесть под настроение, – ответила она, бесстыдно надувая губки. – А я всегда в настроении.

Инеж изо всех сил старалась сохранить равнодушное выражение лица. Если Нина еще и глазки строить начнет, она точно разразится хохотом. Но фьерданец, похоже, купился на ее уловки. Наверное, Нина производила ошеломляющий эффект на всех крепких северян.

– Проходи, – хрипло сказал он. Затем добавил. – Я... может, зайду позже на вечеринку.

Нина провела пальцем по его руке.

– Приберегу для тебя танец.

Он улыбнулся как дурак, затем прочистил горло, и суровое выражение лица вернулось на место. *«Святые, – подумала Инеж, – до чего же, наверное, утомительно постоянно быть таким флегматичным»*. Он бегло просмотрел бумаги Инеж, явно продолжая мечтать, как будет снимать слои сине-зеленого шифона с Нины, и махнул ей, чтобы проходила. Но когда Инеж шагнула вперед, то споткнулась.

– Стой, – приказал стражник.

Она замерла. Нина оглянулась через плечо.

– Что с твоими туфлями?

– Немного великоваты, – ответила сулийка. – Разносились больше, чем я ожидала.

– Покажи свои руки.

– Что?

– Выполняй! – рявкнул мужчина.

Инеж высунула руки из-под плаща и протянула их, показывая шероховатую татуировку с павлиньим пером.

К ним подошел стражник с нашивками капитана на форме.

– Что тут?

– Она определенно сулийка, и у нее есть татуировка «Зверинца», но перо выглядит как-то странно.

Инеж пожала плечами.

– Я сильно обожглась в детстве.

Капитан указал на окруженную охраной группу раздраженных гостей, собравшихся у входа.

– Все подозрительные идут туда. Отправь ее к ним, и мы отведем ее к контрольно-пропускному пункту на перепроверку документов.

– Но я пропущу вечеринку! – возразила девушка.

Не слушая, стражник схватил ее за руку и потащил к выходу под

взгляды и шепот стоящих в очереди. Сердце Инеж выбивало барабанную дробь.

Испуганное лицо Нины побледнело даже под пудрой, но Инеж ничем не могла ее обнадежить. Она лишь коротко кивнула подруге. «Иди, – мысленно попросила она. – *Теперь все зависит от тебя*».

29. Матиас

Девять ударов

– А что, если я откажусь, Бреккер?

Это было не более чем позерство, и Матиас это прекрасно знал. Время для возражений давно прошло. Они бежали по наклонной крыше посольства к сектору дрюскелей. Уайлен уже запыхался, Джеспер с легкостью шагал рядом, а Каз умудрялся каким-то образом поспевать за ними, несмотря на хромоту и отсутствие трости. Но парня раздражало, как легко этот жалкий вор мог прочесть его.

– А если я не стану отдавать тебе последние крохи себя и своей чести?

– Отдашь, Хельвар. Нина уже на пути к Белому острову. Ты действительно бросишь ее в беде?

– Ты много себе навывдумывал.

– По мне, так в самый раз.

– Это суды, да? – спросил Джеспер, пока они мчались по крыше, мельком рассматривая элегантные дворы внизу. В центре каждого стоял журчащий фонтан, а по бокам – шелестящие листвой ледяные ивы. – Ну, что ж, если нас и приговорят к смерти, это не самое худшее место для встречи с ней.

– Повсюду вода! – воскликнул Уайлен. – Фонтаны олицетворяют Джеля?

– Источник, – задумчиво произнес Каз, – где смывают все грехи.

– Или где тебя будут топить, чтобы выдавить признание, – сухо добавил Уайлен.

Джеспер фыркнул.

– Какие-то у тебя очень мрачные мысли. Боюсь, Отбросы плохо на тебя влияют.

Чтобы забраться на крышу дрюскелей, они связали два мотка веревки и прицепили к ней крюк. Для Уайлена пришлось сделать петлю, но

Джеспер с Казом с легкостью перебрались по веревке, меняя руки с поразительной скоростью. Матиас отнесся к этому переходу с большей осторожностью, и, хотя он этого не показывал, ему совсем не нравилось, как скрипели крепления и натягивалась под его весом веревка.

Каз с Джеспером вытащили его на каменную крышу, и, встав на ноги, фьерданец почувствовал головокружение. Ни в одном другом месте в Ледовом Дворе, ни в одном другом месте на земле Матиас не чувствовал себя так, как здесь, – он был дома. Но дом перевернулся с ног на голову, и жизнь стала видеться под другим углом. Вглядываясь в темноту, он увидел огромные стеклянные пирамиды, которые закрывали окна на крыше. У него появилось тревожное ощущение, что если он посмотрит в одно из них, то увидит себя, тренирующегося в спортивном зале или сидящего за длинным столом в столовой.

Вдалеке, из псарни у контрольно-пропускного пункта, слышались волчий вой и тьяканье. Звери не понимали, куда это ночью исчезли их хозяева. Узнали бы они его, если бы он подошел с протянутой рукой? Матиас и сам себя едва узнавал. Среди северных льдов его выбор казался ясным. Но теперь все мысли были изгажены этими бандитами и ворами, но было также и мужество Инеж, и отвага Джеспера, ну и, конечно же, Нина, всегда Нина. Он не мог не признать себе, что испытал огромное облегчение, когда она вылезла из шахты мусоросжигателя – растрепанная, запыхавшаяся, испуганная, но живая. Когда они с Уайленом вытащили ее из дымохода, он еле заставил себя отпустить девушку.

Нет, Матиас не станет заглядывать в эти окна. Он не может поддаться очередной слабости, особенно в такую ночь, как эта. Пора двигаться дальше.

Они дошли до края крыши, с которого открывался вид на ледяной ров. Отсюда он казался твердым, его отшлифованная поверхность блестела, как зеркало, и освещалась сторожевыми башнями с Белого острова. Но воды рва постоянно двигались, скрытые под тончайшим слоем льда.

Каз закрепил еще одну веревку к краю крыши и приготовился спускаться к берегу.

– Вы знаете, что делать, – обратился он к Джесперу и Уайлену. – Когда пробьет одиннадцать, и ни минутой раньше.

– Когда это я делал что-то раньше времени? – поинтересовался Джеспер.

Каз подобрался перед спуском и исчез за кромкой здания. Матиас последовал за ним, крепко вцепившись в веревку и упираясь босыми ногами в стену. Подняв голову, он увидел, что Джеспер и Уайлен смотрят

на него. Но в следующий раз, когда он посмотрел вверх, их не уже было.

Берег вокруг ледяного рва был не более чем тонкой, скользкой полосой белого камня. Каз прижимался к стене и хмуро смотрел на ров.

– Как мы переберемся? Я ничего не вижу.

– Потому что ты недостойный.

– Ага, но и не близорукий. Там ничего нет.

Матиас начал красться вдоль стены, ведя рукой по камню на уровне бедра.

– На Рингкелле дрюскели завершают обряд нашего посвящения. Из претендентов мы становимся новичками-дрюскелями на церемонии у священного ясеня.

– Во время которой с вами общается дерево.

Матиас поборол желание столкнуть Каза в воду.

– Во время которой мы надеемся услышать голос Джеля. Но это последний шаг. Сначала мы должны перейти ледяной ров незамеченными. Если нас посчитают достойными, Джель покажет путь.

На самом деле старшие дрюскели просто передавали секрет того, как пересечь ров, претендентам, которых хотели видеть в своих рядах. Таким образом отсеивались слабые и те, кто не смог удачно влиться в группу. Если тебе удалось найти друзей и показать себя с лучшей стороны, один из братьев отводил тебя в сторону и рассказывал, что в ночь инициации нужно подойти к берегу ледяного рва и провести ладонью по стене сектора дрюскелей. В ее центре ты найдешь выгравированного волка, указывающего, где находится второй стеклянный мост – не такой величественный и выгнутый, как тот, что был перекинут из посольского крыла, а плоский, ровный, и шириной всего в несколько футов. Он находился прямо под замерзшей коркой поверхности, невидимый для глаз, если не знать, куда смотреть. Матиасу рассказал о нем сам командир Брум и поделился хитростью, которая позволяла пересечь его незамеченным.

Хельвару пришлось дважды пройти вдоль стены, прежде чем его пальцы нащупали вырезанного на камне волка. Он быстро коснулся его рукой, отдавая дань традициям, связывающим его с орденом дрюскелей, – таким же древним, как сам Ледяной Двор.

– Здесь.

Каз захромал к нему, прищурился и посмотрел на ров. Парень наклонился, и Матиасу пришлось резко отдернуть его назад.

Он указал на сторожевые башни на вершине стены, окружающей Белый остров.

– Тебя заметят. Смотри, как надо.

Фьерданец потер рукой стену, и ладонь стала белой. В ночь своего посвящения он покрыл одежду и волосы тем же меловым порошком. Замаскированный от взглядов стражников на башнях, юный дрюскель пересек узкий мост, направляясь к острову, чтобы встретиться с братьями.

Сейчас они с Казом сделали то же самое, но Матиас заметил, как Бреккер сперва аккуратно спрятал свои перчатки. Должно быть, их вернула Инеж.

Хельвар ступил на тайный мост и услышал шипение Каза, когда его ноги погрузились в ледяные воды рва.

– Что, холодно, Бреккер?

– Жаль, у нас нет времени искупаться. Иди давай.

Несмотря на его насмешки над Казом, к тому времени, как они прошли полпути, Матиас сам страдал от холода: его ноги почти полностью окоченели, да и сторожевые башни высоко надо рвом серьезно нервировали. Чуть раньше, вечером, по тому же пути шли дрюскели. Он ни разу не слышал, чтобы какого-то претендента заметили или застрелили на мосту, но всякое может быть.

– И это все, что нужно, чтобы стать охотником на ведьм? – спросил Каз из-за спины Матиаса. – Отбросам подавай посвящение позамысловатей.

– Это лишь часть Рингкеллы.

– Да, знаю, а потом дерево рассказывает вам о секретном рукопожатии.

– Мне жаль тебя, Бреккер. В твоей жизни нет ничего святого.

Последовала долгая пауза, после которой Каз ответил:

– Ты ошибаешься.

Перед ними маячила внешняя стена Белого острова, покрытая рябью металлических чешуек. Понадобилось несколько минут, чтобы найти край пластинок, за которыми находились ворота. Еще пару часов назад в этой нише собирались дрюскели, чтобы поприветствовать новоприбывших братьев, но сейчас здесь было пусто, а железная решетка оказалась обвязана цепью. Каз быстро поколдовал над замком, и вскоре они уже шли по узкому проходу, который вел в сады за казармами королевской стражи.

– Ты всегда так хорошо справлялся с замками?

– Нет.

– А как научился?

– Как и всему остальному. Разбирал на части.

– А фокусы?

Каз фыркнул.

– Что, уже не считаешь меня демоном?

– Ты – демон, но трюки у тебя человеческие.

– Некоторые, увидев фокус, скажут: «Невероятно!» Они поаплодируют, радостно попрощаются с парой монет и забудут о нем уже через десять минут. Другие захотят узнать, как это делается. Вернутся домой, лягут в кровать и будут вертеться всю ночь, гадая, как же его провернули. Но и таким достаточно хорошо выспаться, чтобы забыть о трюке. А есть те, кто не сможет уснуть, кто будет прокручивать его в голове снова и снова, пытаясь понять, что ускользнуло от внимания, и найти то слабое место в фокусе, которое бы объяснило, как их обманули собственные глаза. Такие не успокоятся, пока сами не разгадают и не освоят трюк. Я как раз такой.

– Любишь плутовство.

– Люблю загадки. А плутовство – мой родной язык.

– Сады, – Матиас кивнул на изгороди впереди. – Мы можем идти вдоль них прямо до бального зала.

Только они собрались выйти из прохода, как из-за угла появились два стражника с винтовками – оба в черных, украшенных серебром мундирах дрюскелей.

– *Перьенджер!* – удивленно воскликнул один из них. «Заклученные». – *Стен!*

Матиас ответил не задумываясь:

– *Дешнет, Джель коменден!* – «Смирно, на то воля Джеля!» Слова, достойные командира дрюскелей, и он произнес их со всей властью, какой набрался у старших по званию.

Солдаты недоуменно переглянулись. Секундной задержки было достаточно. Матиас схватил винтовку первого и сильно ударил его прикладом по голове. Дрюскель свалился на землю.

Каз набросился на второго и сбил его с ног. Солдат свалился на бок, не выпустив винтовку, но Бреккер скользнул ему за спину, обхватил рукой горло и давил на него, пока дрюскель не потерял сознание. Его глаза закатились, голова упала на грудь.

Бреккер оттолкнул от себя тело и встал.

Вдруг Матиас со всей очевидностью осознал сложившуюся ситуацию, и она поразила его. Каз не подобрал оружие. У Матиаса в руках винтовка, а Каз Бреккер – безоружен! Они стояли над телами двух отключившихся дрюскелей – людей, которые считались братьями Хельвара. «Я мог бы застрелить его, – подумал Матиас. – Обречь на смерть Нину и остальных одним движением пальца». И снова у него появилось странное ощущение, что он смотрит на свою жизнь вверх ногами. Он был одет в тюремную

одежду и считался непрошеным гостем в месте, которое раньше называл домом. «Кем я стал?»

Фьерданец взглянул на Каза Бреккера – парня, который жил только ради себя. Тем не менее он умел выживать и был своего рода воином, на своем поле битвы. Он чтит их сделку. Демон мог в любой момент решить, что Матиас уже отыграл свою роль – когда он помог нарисовать схему Двора, когда они вышли из камер, когда Матиас показал тайный мост. И кем бы он сам ни хотел стать, Хельвар не будет стрелять в безоружного. Так низко он пока еще не пал.

Матиас опустил винтовку.

Губы Каза изогнулись в слабой улыбке.

– Я не был уверен, как ты поступишь, если дойдет до этого.

– Как и я, – признался Матиас. Бреккер поднял бровь, и тут фьерданца осенило, да так неожиданно, что он чуть не свалился с ног, как от удара. – Это была проверка! Ты *специально* не поднимал оружие!

– Я должен быть уверен, что ты действительно с нами заодно. Со всеми нами.

– Откуда ты знал, что я не выстрелю?

– Потому что от тебя разит порядочностью, Хельвар.

– Псих.

– Знаешь секрет азартных игр? – Каз наступил на приклад лежащей на земле винтовки. Та подскочила. За долю секунды Бреккер вооружился и наставил дуло на Матиаса. Никогда еще опасность не была так близка. – Жульничество. А теперь давай приберемся и наденем форму. Нам пора на вечеринку.

– Однажды у тебя закончатся трюки, демжин.

– Тебе же лучше, если не сегодня.

«Посмотрим, что принесет эта ночь, – подумал Матиас, принимаясь за дело. – Мошенничество – не мой родной язык, но я еще могу ему научиться».

30. Джеспер

Девять с четвертью ударов

Джеспер знал, что должен злиться на Каза – за то, что тот отправился за Пеккой Роллинсом и разнес в клочья первоначальный план, а новый

привел их к еще большей опасности. Но, пока они с Уайленом крались по крыше дома, где обитали дрюскели, к караульному помещению, он был слишком счастлив, чтобы злиться. Его сердцебиение участилось, адреналин приятно покалывал кожу. Немного напоминало поход на вечеринку в Западный Обруч. Тогда кто-то наполнил городской фонтан шампанским, и уже через две секунды Джеспер плескался в нем, раскрыв рот и не забыв снять ботинки. Теперь ощущение опасности переполняло его, у него кружилась голова, и он чувствовал себя непобедимым. Ему это нравилось, за что он себя и ненавидел. Парню стоило бы думать о том, как найти нормальную работу, достать деньги, расплатиться со всеми долгами, чтобы отец не страдал из-за его выходок. Но когда в его голове появлялся хоть намек на здравую мысль, все в нем испуганно отступало. Пытаться не умереть – вот самый лучший способ отвлечься.

Но даже в этом состоянии Джеспер, четко осознавал, насколько опасны были любые звуки, которые могли исходить от них, тем более они удалялись от шумной толпы и хаоса, царившего в посольстве. Эта ночь принадлежала дрюскелям. Рингкелла – их праздник, и они все благополучно наслаждались им на Белом острове. В данный момент это здание было самым безопасным укрытием для них с Уайленом. Но тишина, повисшая в секторе дрюскелей, казалась тяжелой, зловещей. Здесь не было ни ив, ни фонтанов, которые они видели в посольстве. Как и тюрьма, эта часть Ледового Двора не предназначалась для всеобщего обозрения. Джеспер поймал себя на том, что нервно ворочает языком балин, зажатый между зубов, и заставил себя остановиться прежде, чем тот активируется. Что-то ему подсказывало, что Уайлен никогда не даст ему забыть об этом промахе.

Высокая пирамида, закрывающая окно на крыше, позволяла рассмотреть внизу зал, похожий на тренировочный: пол был украшен изображением головы волка дрюскелей, а вдоль стен выстроились полки с оружием. В следующем окне виднелся большой обеденный зал. Одну стену занимал массивный очаг, увенчанный волчьей головой, вырезанной на камне. Противоположная стена была украшена гигантским штандартом без какого-либо определенного рисунка – просто пестрая смесь из тонких полосок ткани, по большей части красных и синих, но также и немного фиолетовых. У Джеспера ушло несколько секунд, прежде чем он понял, на что смотрит.

– Святые, – выдавил он, ему стало нехорошо. – Это цвета гришей.

Уайлен прищурился.

– На штандарте?

– Красный цвет корпоралиов, синий – эфиреалов, фиолетовый – субстанциалов. Это кусочки кафтанов, которые гриши надевают перед битвой. Трофеи дрюскелей.

– Их так много.

Сотни. Тысячи. *«Я бы носил фиолетовый, – подумал Джеспер, – если бы присоединился ко Второй армии»*. Он попытался вновь ощутить ту шипучую радость, которая еще мгновение назад бурлила внутри него. Парень был готов и даже хотел рискнуть попасть в плен и быть казненным как вор и наемник. Так почему же ему не хотелось, чтобы его поймали как гриша?

– Пошли дальше.

Караульное помещение в секторе дрюскелей было построено так же, как и в других секторах, в тюрьме и посольстве, – вокруг внутреннего двора, чтобы всех входящих можно было рассмотреть и расстрелять с крыш. Но поскольку ворота не работали, стенки с бойницами были такими же пустыми, как и все здание. Тут плиты из гладкого черного камня, инкрустированные серебряными волчьими головами, освещались жутковатым синим огнем. Единственная увиденная ими часть Ледового Двора, которая не была белой или серой. Даже ворота сделаны из какого-то черного металла, выглядевшего невероятно тяжелым.

Внизу, прислонившись к воротам караульного помещения, стоял стражник с ружьем на плече.

– Только один? – спросил Уайлен.

– Матиас говорил, что у нерабочих ворот должно стоять по четыре стражника.

– Может, Желтый протокол сработал нам на руку, – предположил Уайлен. – Их могли отправить в тюремный сектор или...

– Или внутри греются двенадцать огромных фьерданцев.

Парни наблюдали, как стражник открыл банку юрды и засунул в рот горсть сушеных оранжевых цветов. Вид у него был скучающий и раздраженный – наверное, злился, что его поставили так далеко от развлечений Рингкеллы.

«Я тебя не виню, – подумал Джеспер. – Но скоро твоя жизнь станет значительно веселее».

По крайней мере, на стражнике была обычная форма, а не черный мундир дрюскелей. Джеспер никак не мог забыть штандарт, увиденный на стене в столовой. Его мать была земенкой, но в папиных жилах текла каэльская кровь, которая подарила парню его серые глаза. Отец не мог до конца забыть о суевериях Блуждающего острова. Когда в Джеспере

впервые начала проявляться сила, это разбило ему сердце. Он настаивал, чтобы сын никому о ней не рассказывал. «Я боюсь за тебя, – говорил он. – Мир бывает жесток к таким, как ты». Но Джеспер всегда думал, что, может быть, отец сам его боится.

«Что, если бы я поехал в Равку, а не в Керчию? – подумалось ему. – Что, если бы я присоединился ко Второй армии?» Интересно, позволяли ли они фабрикатрам воевать, или те просто сидели за стенами своих мастерских? Равка отстраивалась, стала более стабильной. Обязательного призыва для гришей больше не было. Он мог бы наведаться туда, возможно, научиться лучше использовать свою силу, оставить позади игорные дома Кеттердама. Если им удастся доставить Бо Юл-Баюра Торговому совету, все станет возможно. Земенец помотал головой. О чем он думал? Ему нужна доза неизбежной опасности, чтобы вернуть ясность ума.

Джеспер поднялся на ноги.

– Я иду внутрь.

– Какой план?

– Увидишь.

– Давай помогу.

– Поможешь, если заткнешься и не будешь путаться под ногами. Вот, – стрелок прицепил веревку к краю крыши и опустил ее позади ряда каменных плиток, выложенных вдоль дорожки. – Дождись, пока я обезврежу стражников, а затем спускайся.

– Джеспер...

Тот пригнулся и побежал по крыше, осматривая весь широкий внутренний двор. Затем занял позицию на стене за стражником.

Бесшумно привязал конец веревки к крыше и начал медленно спускаться по стене. Охранник стоял прямо под ним. Джеспер не был Призраком, но если ему удастся тихо приземлиться за спиной стражника, то все закончится без лишнего шума.

Он напрягся, готовясь к прыжку. Из дома вышел второй охранник, который потирал ладони от холода и что-то громко говорил, а за ним появился и третий. Джеспер замер. Он висел посреди стены над тремя вооруженными стражниками, без какого-либо прикрытия. Вот почему Каз всегда планировал все заранее! На его лбу выступили капельки пота. Ему не победить трех стражников сразу. А вдруг в караульном помещении сидели другие, готовые бить тревогу?

– Тихо, – сказал один стражник. – Вы ничего не слышали?

«Не смотри вверх. Ох, святые, не смотри вверх».

Они медленно обошли двор, подняв винтовки. Один из них поднял голову, осматривая крышу. Он начал поворачиваться.

Воздух пронзил странный, мелодичный звук:

– *Скирден Фьерда, кенде хьертце-е-е-енг, лендтен исен эн де ва-а-а-а-анден.*

Фьерданские слова, которых Джеспер не понимал, лились над внутренним двором переливчатым, идеальным тенором, раскатываясь по бойницам из черного камня.

Уайлен.

Стражники развернулись, направив ружья на дорожку, которая вела ко двору, и пытались определить источник звука.

– Оландер? – крикнул один.

– Нильсон? – позвал второй.

Их оружие было поднято, но голоса казались скорее веселыми и заинтересованными, нежели агрессивными.

«Какого черта он вытворяет?!»

В арке у тропы появился чей-то силуэт, качающийся из стороны в сторону.

– *Скирден Фьерда, кенде хьертце-е-е-енг,* – пел Уайлен, производя на диво убедительное впечатление пьяного, но очень талантливого фьерданца.

Стражники разразились хохотом и присоединились к песне:

– *Лендтен исен...*

Джеспер прыгнул вниз. Схватил ближайшего фьерданца, свернул ему шею и забрал ружье. Когда следующий стражник повернулся, парень ударил его прикладом по лицу, и раздался тошнотворный хруст. Третий поднял оружие, но Уайлен неуклюже перехватил его руки сзади. Ружье выпало из рук охранника и со стуком ударилось о камень. Прежде чем он успел крикнуть, Джеспер рванул вперед и врезал прикладом ему в живот, завершая дело двумя ударами в челюсть.

Стрелок наклонился и кинул одну из винтовок Уайлену. Они замерли над телами охранников, задыхаясь, подняв оружие и ожидая, когда остальные фьерданские стражники выбегут из караульной. Никто не пришел. Может, четвертого охранника отозвали из-за Желтого протокола.

– Вот так ты затыкаешься и не путаешься под ногами? – прошептал Джеспер, пока они прятали тела стражников за одной из каменных плиток.

– Вот так ты благодаришь меня? – парировал Уайлен.

– Что это, черт возьми, за песня такая?

– Национальный гимн, – самодовольно ответил парень. – Школьный фьерданский, помнишь?

Джеспер покачал головой.

– Я впечатлен. Тобой и твоими преподавателями.

Они сняли форму с двух стражников, сложили тюремную одежду аккуратной стопкой. Затем связали руки и ноги тем, у кого еще бился пульс, и засунули им в рот оторванные куски тюремной одежды. Форма, которая досталась Уайлену, оказалась слишком велика, а рукава и штанины Джеспера выглядели до смешного короткими, но хоть обувь пришлось по размеру.

Уайлен указал на охранников.

– А это безопасно – оставлять их... ну, знаешь...

– Живыми? Я не очень люблю убивать людей без сознания.

– Можем разбудить их.

– Какой ты безжалостный, маленький купец! Ты когда-нибудь кого-нибудь убивал?

– Я даже трупов никогда не видел, пока не пришел в Бочку, – признался он.

– Тут нечего стыдиться, – сказал Джеспер, и даже сам немного удивился. Но он говорил искренне.

Уайлену нужно научиться заботиться о себе, но было бы хорошо, если бы он смог это сделать, не заводя панибратских отношений со смертью. – Проверь кляпы.

Они приняли дополнительные меры предосторожности, привязав стражников к основанию каменного столба. Скорее всего, бедняг обнаружат раньше, чем им удастся освободиться.

– Пойдем, – сказал Джеспер, и они пересекли двор и подошли к помещению охраны. Там было две двери – справа и слева от арки.

Парни пошли направо и тихо поднялись по лестнице. Джеспер не думал, что их там кто-то поджидает, хотя охранникам могли приказать защищать механизм ворот любой ценой. Но комната над аркой оказалась пустой и освещалась лишь газовой лампой на тумбочке. На ней еще лежали открытая книга, небольшая кучка орехов и скорлупа. У стен стояли стеллажи с винтовками, – очень дорогими винтовками, – и Джеспер предположил, что коробки на полках были наполнены боеприпасами. Нигде не было ни пылинки. Ох и чистюли эти фьерданцы!

Большую часть комнаты занимала длинная лебедка с ручками по бокам и толстыми цепями вокруг. Рядом с каждой ручкой они вытягивались тугими спицами через прорези в камне.

Уайлен склонил голову набок.

– Гм.

– Ой, не нравится мне этот звук. Что не так?

– Я ожидал веревку или кабель, а не стальные цепи. Если мы хотим сделать так, чтобы фьерданцы не смогли открыть ворота, нам придется резать металл.

– Но как тогда мы активируем Черный протокол?

– В этом-то и проблема.

Эльдерклок отбил десять ударов.

– Я ослаблю звенья, – предложил Джеспер. – Поищи напильник или что-нибудь с острым концом.

Уайлен протянул ножницы из прачечной.

– Подойдет, – кивнул земенец. Должно подойти.

«У нас еще есть время, – сказал он себе, сосредотачиваясь на цепи. – Мы сможем это сделать». Джеспер надеялся, что другим не встречались такие сюрпризы.

Может, Матиас ошибся насчет Белого острова. Может, ножницы сломаются в руках Уайлена. Может, Инеж потерпит неудачу. Или Нина. Или Каз.

«Или я. Может, я потерплю неудачу».

Шесть человек и тысяча вариантов, почему этот безумный план может рухнуть.

31. Нина

Девять с половиной ударов

Нина осмелилась бросить последний взгляд через плечо и увидела, как стражники уводят Инеж. *«Она умная и беспощадная. Инеж сможет за себя постоять».*

Эта мысль едва ли утешила ее, но нужно было отойти подальше от этого места. Очевидно, что они с Инеж были вместе, и Нине хотелось уйти прежде, чем охранники начнут подозревать и ее. Кроме того, она ничем не могла помочь подруге, не выдав себя и не загубив их замысел. Девушка нырнула в толпу гостей, сняла свой броский плащ из конских волос и протасила его за собой, прежде чем бросить под ноги толпе. Ее костюм все еще притягивал взгляды, но, по крайней мере, теперь Нине не нужно было волноваться о большом красном хохолке, из-за которого ее легко можно было обнаружить в толпе.

Стеклянный мост вырос перед ней блестящей аркой, сверкающей в синем свете фонарей на его шпилях. Люди смеялись и цеплялись друг за друга, взбираясь все выше над ледяным рвом – его поверхность сияла внизу, похожая на почти идеальное зеркало. Эффект был обескураживающим, головокружительным. Казалось, что и Нина в своих тесных вышитых бисером туфлях, и люди вокруг плывут по воздуху, будто под ними нет никакой опоры.

И снова у нее возникло неприятное ощущение, что это место, должно быть, в далеком прошлом было создано фабрикаторм. Фьерданцы заявляли, что Ледовый Двор был построен богом или Сенжем Эгмондом – одним из святых, в жилах которого, по их заверениям, текла фьерданская кровь. Но в Равке люди начали переосмысливать чудеса святых. Действительно ли это были чудеса или просто работа талантливых гришей? Был ли мост подарком от Дджеля? Древним продуктом рабского труда? Или Ледовый Двор был построен во времена, когда фьерданцы еще не смотрели на гришей как на монстров?

Добравшись до самой высокой точки арки, Нина впервые по-настоящему рассмотрела Белый остров и внутреннее кольцо. Издалека было видно, что остров защищен еще одной стеной. Но только с этого места она увидела, что стена построена в форме левиафана – гигантского ледяного дракона, который огibal остров и пожирал собственный хвост. Девушку передернуло. Волки, драконы, что дальше? В равкианских сказках чудовища ждали, пока их разбудит зов героя. *«Ну, – подумала она, – мы определенно не герои. Будем надеяться, что этот монстр не проснется».*

Спуск по мосту оказался даже более головокружительным, и Нина почувствовала облегчение, вновь ступив на твердый белоснежный мрамор. Тропинку обрамляли белые вишневые деревья и серебристые деревянные изгороди, а охрана на этой стороне моста выглядела значительно спокойней. Стражники на посту были одеты в изысканные белые мундиры, отороченные серебристым мехом и еще менее пугающим серебряным шитьем. Но Нина помнила слова Матиаса: ближе к центру охрана усиливается. Просто она не так заметна. Девушка посмотрела на гостей, поднимающихся по скользкой лестнице и проходивших в щель между хвостом и пастью дракона. Сколько из них были настоящими гостями, аристократами, артистами? А сколько – замаскированными фьерданскими солдатами или дрюскелями?

Они прошли через открытый каменный двор и дворцовые двери в сводчатый холл в несколько этажей. Дворец был сделан из того же чистого, белого, камня без единого украшения, что и стены Ледового Двора, и,

казалось, был выдолблен в леднике. Нина не знала, то ли дело в ее нервном возбуждении, то ли в богатой фантазии, или здесь действительно было холодно, но кожа покрылась мурашками, и ей пришлось сдерживать себя, чтобы не стучать зубами.

Она вошла в круглый бальный зал, забитый людьми, которые пили и танцевали под сверкающей волчьей стаей, вырезанной из льда. Тут было как минимум тридцать крупных скульптур бегущих, прыгающих зверей с гладкими, поблескивающими серебристым светом боками. С их медленно тающих морд со звериным оскалом время от времени капало на веселящихся внизу. Музыка, исполняемая невидимым оркестром, была еле различима в шуме разговоров.

Эльдерклок отбил десять ударов. У нее ушло слишком много времени, чтобы пересечь этот дурацкий стеклянный мост. Нине нужно найти место, с которого открывается лучший вид на зал. Направившись к крутой белокаменной лестнице, она увидела две знакомые фигуры в тени ближайшей ниши. Каз и Матиас. У них получилось! И они были одеты в форму дрюскелей. Нина подавила охватившую ее дрожь. Вид Матиаса в этом мундире пробирал ее до костей. Что он думал, когда надел его? Она быстро встретилась с ним глазами, но его взгляд был непроницаемым. Тем не менее присутствие Каза рядом с ним немного утешало. Она не одна, и они по-прежнему укладываются в график.

Нина кивнула им, приветствовать как-то иначе было рискованно, и стала подниматься на балконы второго этажа, откуда можно было лучше рассмотреть людские потоки. Этой хитрости она научилась в школе у Зои Назяленской. Существуют определенные схемы, шаблоны, как люди перемещаются, как группируются вокруг власть имущих. Они думали, что плывут по течению, бесцельно бродят, но на самом деле их притягивало к тем, кто имеет высокий статус. Неудивительно, что вокруг фьерданской королевы и ее придворных собралось больше всего народу. «*Странно*», – подумала Нина, глядя на их белые платья. В Равке белый считался цветом прислуги. Однако корона была вне всякой критики – извивающиеся бриллиантовые нити, которые напоминали ветви, светящиеся от свежей изморози.

Королевская семья слишком хорошо охранялась, чтобы можно было извлечь хоть какую-то пользу, но неподалеку Нина увидела еще один вихрь активности вокруг группы людей в военной форме. Если кто и знал о местонахождении Бо Юл-Баюра, то это кто-то из чиновников фьерданской армии.

– Красивый вид, не правда ли?

Нина чуть не подскочила, когда рядом с ней внезапно возник мужчина. Да-а, шпион из нее еще тот. Она даже не заметила, как он подошел!

Мужчина улыбнулся и положил руку ей на талию.

– Знаешь, здесь есть отдельные комнаты, в которых можно немного позабавиться. А твой внешний вид обещает больше, чем просто забавы. – Его рука скользнула ниже.

Нина замедлила его сердцебиение, и он камнем рухнул на пол, ударяясь головой о перила. Проснется минут через десять, с жуткой головной болью и, возможно, легким сотрясением мозга.

– С ним все нормально? – спросила проходящая мимо парочка.

– Перебрал малость, – беззаботно ответила девушка.

Она быстро спустилась по лестнице и слилась с толпой, упорно пробираясь к группе солдат в белых с серебряным шитьем мундирах, окруживших тучного мужчину с пышными усами. Если созвездие из медалей на его груди о чем-то и свидетельствовало, так это о том, что он либо генерал, либо кто-то приближенный к нему. Стоит ли нацеливаться именно на него? Ей нужен кто-то на достаточно высокой должности, чтобы иметь доступ к конфиденциальной информации, – кто-то достаточно пьяный, чтобы принимать необдуманные решения, но не настолько, чтобы не стоять на ногах. Судя по тому, как покраснели щеки генерала и как он покачивался, вряд ли этот вояка был на что-то способен, кроме как заснуть лицом в горшке с цветами.

Нина чувствовала, что драгоценные минуты уходят. Пора действовать. Девушка схватила бокал шампанского и осторожно стала обходить кружок военных. Когда один из них отделился от группы, она сделала шаг назад – прямо ему наперерез. Он столкнулся с ней. Парень хорошо держался на ногах, так что удар был не сильным, но Нина громко вскрикнула и сделала вид, будто летит вперед, разбрызгивая шампанское. В ту же секунду сразу же несколько сильных рук подхватили девушку и остановили падение.

– Болван! – прорычал генерал. – Ты чуть не сбил ее с ног!

«Ух ты, с первой попытки!» – подумала Нина. – *Забудьте, что я говорила. Я прекрасный шпион!»*

Щеки бедного офицера залились краской.

– Виноват, сударыня.

– Извините, – сказала она на керчийском, языке «Зверинца», и изобразила крайнюю растерянность – Я не говорю по-фьердански.

– Глубокие извинения, – попытался ответить парень на керчийском, а затем героически добавил на каэльском, – много жаль.

– О нет, это полностью моя вина, – с придыханием ответила Нина.

– Алгрен, прекрати измываться над ее языком и принеси новый бокал шампанского. – Офицер поклонился и поспешил исполнить приказ. – Вы в порядке? Может, вам нужно присесть? – спросил генерал на чистом керчийском.

– Он просто напугал меня, – улыбнулась Нина, опираясь на его руку.

– Такую девушку так и хочется свалить с ног.

Нина подавила желание поднять бровь. *«Ну, еще бы. Но сперва нужно узнать, что тебе известно».*

– И пропустить вечеринку?

– У вас бледный вид. Отдых в комнате на верхнем этаже непременно пойдет вам на пользу.

«Святые, а он не ходит вокруг да около». Прежде чем Нина успела ответить, что прекрасно себя чувствует, но не отказалась бы подышать воздухом на террасе, чей-то теплый голос сказал:

– В самом деле, генерал Эклунд, говорить даме, что у нее больной вид – не лучший способ добиться ее расположения.

Брови генерала сдвинулись к переносице, усы ошетинились, но через секунду он уже стоял по стойке смирно.

– Так точно, так точно, – нервно рассмеялся он.

Нина повернулась и почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. *«Нет, – ее сердце заколотилось в панике. – Невозможно. Он утонул. Он должен быть на дне океана!»*

Но если Ярл Брум и был мертв, из него вышел очень жизнерадостный труп.

32. Джеспер

Десять с половиной ударов

Одежда Джеспера была покрыта стальной пылью и стружкой. Украденная форма пропиталась потом, руки ныли, а головная боль, сверлившая левый висок, казалось, решила поселиться там навсегда. Уже почти полчаса он работал над единственным звеном в цепи, шедшей от левого конца лебедки в одну из щелей в каменной стене, используя свою силу, чтобы ослабить металл, пока Уайлен пилил его прачечными ножницами. Поначалу они были осторожны, боясь сломать звено и вывести ворота из строя до того, как наступит время поднимать их. Но сталь

оказалась сильнее, чем они ожидали, и процесс продвигался крайне медленно. Когда пробило три четверти, Джеспер начал паниковать.

– Давай просто поднимем ворота, – раздраженно проворчал он. – Запустим Черный протокол и будем стрелять по лебедке, пока она не сломается.

Уайлен смахнул кудри со лба и кинул на него быстрый взгляд. Джеспер видел кровь на его руках там, где лопнули волдыри, появившиеся, пока парень пилил звенья.

– Ты вправду так любишь оружие?

Стрелок пожал плечами.

– Я не люблю убивать людей.

– Тогда что?

Джеспер сосредоточился на звене.

– Не знаю. Звук выстрела. То, как мир сужается и остаешься только ты и мишень. Я работал с оружейником в Новом Земе, который знал, что я фабрикатор. Мы придумывали сумасшедшие штуки.

– Чтобы убивать людей.

– Ты делаешь взрывчатку, маленький купец. Не тебе меня судить.

– Меня зовут Уайлен. И ты прав. Я не имею права тебя критиковать.

– Только не начинай.

– Что?

– Соглашаться со мной. Это верная дорога к саморазрушению.

– Мне тоже не нравится сама мысль о том, чтобы убивать людей. Мне даже химия не нравится.

– А что нравится?

– Музыка. Числа. Уравнения. Они не такие, как слова. Они... не путаются.

– Если бы только с девушками можно было общаться при помощи уравнений.

Последовала долгая пауза, а затем, не сводя глаз с рубца, который появился на звене, Уайлен спросил:

– Только с девушками?

Джеспер еле сдержал улыбку.

– Нет. Не только.

Какая досада, что они, скорее всего, сегодня умрут. Эльдерклок начал отбивать одиннадцать ударов. Они с Уайленом переглянулись. Время вышло.

Джеспер вскочил на ноги, пытаясь смахнуть металлическую стружку с лица и рубашки. Продержится ли цепь достаточно долго? Или слишком

долго? Скоро им придется это выяснить.

– На позиции.

Уайлен занял место у правой ручки лебедки, а Джеспер схватился за левую.

– Готов услышать звук неизбежного конца? – спросил он.

– Ты просто не слышал, как кричит мой папа, когда разозлится.

– Твое чувство юмора становится все более подходящим для Бочки. Если мы выживем, я научу тебя ругаться матом. По моей команде! Пусть Ледовый Двор узнает, что Отбросы пришли бросить ему вызов.

Он сосчитал до трех, и они начали крутить лебедку, стараясь работать в одном темпе и следя за ослабленным звеном. Джеспер ожидал громоподобного шума, но, за исключением нескольких скрипов и лязганья, механизм не производил ни звука.

Ворота кольцевой стены начали медленно подниматься. Пять дюймов. Десять дюймов.

«Может, ничего и не произойдет, – подумал Джеспер. – Может, Матиас соврал, или все эти басни о Черном протоколе просто выдумка, чтобы люди даже не пытались открыть ворота».

И тут забили колокола Эльдерклока – громко и пугливо, визгливо и требовательно. Их эхо нарастало волной, звуки перескакивали с одного на другой, раскатываясь над Белым островом, ледяным рвом и стеной. Сработала сирена Черного протокола. Обратного пути уже не было. Парни одновременно отпустили ручки лебедки, позволяя воротам с грохотом опуститься, но звено все равно выдержало.

– Ну же! – обратился Джеспер с мольбой к упрямому куску металла. Хороший фабриктор наверняка быстро бы с ним справился. А под действием парема и того больше: превратил бы цепь в набор ножей для мяса и успел бы еще выпить чашечку кофе. Но Джеспер не относился к первому, и не имел второго, и его мастерства не хватало. Парень схватил цепь и повис на ней, налегая всем весом, чтобы попытаться оказать давление на звено. Уайлен сделал так же, и несколько секунд они просто висели на цепи, как пара сумасшедших белок, которые не освоили восхождение. В любую минуту стражники могли ворваться во двор, и им пришлось бы бросить это безумное занятие, чтобы защищаться. Ворота продолжают работать. Они потерпели неудачу.

– Может, попробуешь спеть им? – безнадежно предложил Джеспер.

А затем, с последней дрожью протеста, звено лопнуло.

Ребята упали на пол, и цепь выскользнула из их рук. Один конец исчез в щели, а другой заставил крутиться ручки лебедки.

– Мы сделали это! – перекричал Джеспер звон колоколов, разрываясь между радостью и ужасом. – Я тебя прикрою. Разберись с лебедкой!

Он взял ружье, прижался к щели в каменной стене, выходящей во двор, и приготовился к моменту, когда весь этот ад вырвется наружу.

33. Инеж

Десять с половиной ударов

– И как долго нам придется ждать? – спросил мужчина в бархатном костюме винного цвета. Стражники ему не ответили, но другие гости, толпившиеся у входа вместе с Инеж, раздраженно заворчали. – Я потратил большие деньги, чтобы приехать сюда, – продолжал он, – и не ради того, чтобы протоптаться все время у входных дверей.

Охранник, стоявший к ним ближе всего, произнес скучающим, монотонным голосом:

– Люди на контрольно-пропускном пункте заняты другими гостями. Как только они освободятся, вас проведут обратно через кольцевую стену и задержат на пропускном пункте, пока ваша личность не будет установлена.

– Задержат! – фыркнул мужчина. – Как преступников!

Инеж почти час слушала разные вариации этого же разговора. Девушка выглянула во двор, ведущий к посольским воротам. Если она собирается выполнить свою часть плана, нужно быть умнее и оставаться спокойной. Только задержка не входила в их план, и она определенно не чувствовала себя спокойно. Уверенность и оптимизм, которые она испытывала незадолго до этого, куда-то испарились. Инеж считала минуты и осматривала толпу. Но когда часы отбили три четверти, она поняла, что больше ждать не может. Нужно действовать незамедлительно.

– С меня хватит, – громко сказала сулейка. – Отведите нас к контрольно-пропускному пункту или отпустите.

– Стражники на контрольно-пропускном пункте...

Инеж встала перед группой и сказала:

– Нас уже тошнит от ваших отговорок! Отведите нас к воротам – и покончим с этим!

– Тихо! – скомандовал охранник. – Вы здесь всего лишь гости.

Инеж ткнула ему пальцем в грудь.

– Так относитесь к нам, как к гостям, – сказала она, изо всех сил

пытаясь симитировать Нину. – Я требую, чтобы меня немедленно отвели к воротам, ты, болван белоголовый!

Стражник схватил ее за руку.

– Так не терпится попасть к воротам? Пошли. Обрато ты уже не вернешься.

– Я только...

Вдруг в ротонде прозвучал другой голос:

– Стой! Эй, ты, я кому сказала!

Инеж учуяла запах ее духов – насыщенный, густой, золотой запах лилий. Девушку затошнило. Хелен Ван Хауден, владелица и хозяйка «Зверинца», «Дома экзотики», где весь мир был у твоих ног за определенную цену, проталкивалась сквозь толпу.

Разве она не говорила, что Танте Хелен любит появляться с шиком?

Стражник испуганно остановился перед женщиной.

– Мадам, вашу девочку вернут под конец ночи. Ее документы...

– Она не моя девочка, – Хелен злобно прищурилась. Инеж стояла неподвижно, но даже ей было не по силам исчезнуть, когда бежать некуда. – Это – Призрак, правая рука Каза Бреккера и одна из самых известных преступниц Кеттердама.

Люди вокруг начали пялиться на Инеж.

– Как ты смеешь приходить сюда под эгидой моего дома?! – прошипела Хелен. – Дома, который кормил и одевал тебя? И где Аджала?

Инеж открыла было рот, но нарастающая паника сдавила ей горло, придушив слова раньше, чем те успели сорваться с уст. Ее язык онемел и стал бесполезным. И снова она смотрела в глаза женщине, которая била, угрожала, купила ее, а затем продавала снова и снова.

Хелен взяла Инеж за плечи и потрясла.

– Где моя девочка?!

Сулийка скосила взгляд на пальцы, впивающиеся в ее плоть. На долю секунды она вспомнила все ужасы, случившиеся с ней, и стала по-настоящему призраком – привидением, покинувшим тело, которое принесло ей только боль. *Нет*. Это тело дало ей силу. Это тело переносило ее по крышам Кеттердама, служило ей в бою, подняло ее на шесть этажей вверх в крошечной тьме по испачканному копотью дымоходу.

Инеж схватила Хелен за запястье и резко крутанула вправо. Женщина вскрикнула, ее колени подогнулись, и стражники кинулись вперед, чтобы подхватить ее.

– Я сбросила твою девочку в ледяной ров, – прорычала Инеж, едва узнавая собственный голос. Второй рукой она схватила Хелен за горло и

сжала его. – И там ей лучше, чем с тобой.

Чьи-то сильные руки тянули ее назад, пытаясь стащить с женщины.

Инеж задыхалась, сердце бешено колотилось в груди. *«Я могла убить ее, – подумала она. – Я чувствовала ее пульс под своей рукой. Надо было убить».*

Хелен поднялась на ноги, хныкая и кашляя, все вокруг бросились помогать ей.

– Раз она здесь, Бреккер тоже где-то неподалеку! – завопила она.

В этот момент, словно подтверждая ее слова, зазвучала сирена Черного протокола, громко и настойчиво. На секунду все пораженно замерли. Затем вся ротонда пришла в действие: стражники поспешили на свои посты, а командиры начали раздавать приказы.

Один из стражников, явно капитан, сказал что-то на фьерданском. Единственное слово, которое узнала Инеж, было «тюрьма». Он схватил ее за шелковый плащ и прокричал на керчийском:

– Кто еще входит в вашу команду?! Какова ваша цель?!

– Я не стану говорить.

– Ты запоешь, если мы захотим, – сплюнул он.

Смех Хелен был низким и грудным от удовольствия.

– Я увижу, как тебя повесят. И Бреккера тоже.

– Мост закрыт, – объявил кто-то. – Сегодня никто больше не попадет на остров и не уйдет с него!

Рассерженные гости повернулись в поисках хоть кого-нибудь, кто станет их слушать, с кого можно требовать объяснений.

Стражники потащили Инеж через двор, мимо растерянных гостей, изумленно открывших рты, и вывели через ворота кольцевой стены под звуки колоколов. Теперь они не тратили время на вежливость или дипломатию.

– Я же говорила, что ты еще наденешь мои шелка, маленькая рысь, – крикнула Хелен со двора. Ворота уже опускались: согласно Черному протоколу охранники должны были все запечатать. – Теперь тебя в них повесят.

Ворота захлопнулись, но Инеж могла поклясться, что все равно слышала смех Хелен.

34. Нина

Десять с половиной ударов

Нина молилась, чтобы ей удалось скрыть свой страх. Узнал ли ее Брум? Он ничуть не изменился: длинные золотистые волосы с проседью на висках, вытянутый подбородок с аккуратной бородкой, форма дрюскеля – черная с серебром, правый рукав украшен серебряной головой волка. Они не виделись больше года, но она никогда не сможет забыть это лицо и твердый взгляд голубых глаз.

При их последней встрече Ярл Брум с нетерпением ждал Матиаса и его братьев-дрюскелей в трюме корабля. *Матиас*. Видел ли он Брума, своего бывшего наставника, который оказался живым и теперь разговаривал с Ниной? Наблюдал ли за ними сейчас? Она поборолла желание осмотреть толпу в поисках его или Каза.

И все же, в темном трюме корабля Нина была всего лишь одной из толпы пленников – грязных и напуганных. Сейчас она чистая и хорошо пахнет. Ее волосы стали другого цвета, кожа напудрена. Девушка неожиданно обрадовалась своему нелепому наряду. В конце концов, Брум тоже мужчина. Оставалось надеяться, что Инеж была права и он увидит в ней просто рыжую каэлку с очень глубоким декольте.

Нина низко присела в реверансе и посмотрела на него из-под ресниц.

– Очень приятно.

Он окинул взглядом ее фигуру.

– Не может быть. Вы из «Дома экзотики», не так ли? *Кеп ъе ном?*

– *Номме* Фианна, – ответила она на каэльском. Он что, проверял ее? – Но вы можете звать меня как угодно.

– Мне казалось, каэльские девушки из «Зверинца» носят плащ красной кобылы.

Нина недовольно надула губки.

– Наша земенка наступила на него и порвала подол. Уверена, она сделала это специально.

– Вот чертовка! Найдем ее и накажем?

Нина выдавила смешок.

– И как вы это сделаете?

– Как говорят, наказание должно соответствовать преступлению, но я считаю, что оно должно подходить преступнику. Будь вы моей пленницей, я бы непременно выяснил, что вам нравится и не нравится... ну и, конечно, чего вы боитесь.

– Я ничего не боюсь, – сказала девушка и подмигнула.

– Правда? Как интригующе. Фьерданцы очень ценят отвагу. Как вам наша страна?

– Волшебное место, – порывисто произнесла Нина. «*При условии, что*

вам нравится лед и еще больше льда». Она собрала волю в кулак. Если он понял, кто она, то самое время об этом узнать. А если нет, что ж, ей все еще нужно найти Бо Юл-Баюра. И до чего же будет приятно вытянуть эту информацию из легендарного Ярла Брума! Она наклонилась ближе:

– Знаете, где я действительно хотела бы побывать?

Он ответил тем же заговорщицким тоном:

– Я бы с удовольствием узнал все ваши секреты.

– В Равке.

Дрюскель поджал губы.

– Равка?! Страна богохульников и варваров!

– Верно, но увидеть гришей? Представляете, как это щекочет нервы?

– Заверяю вас, никакого удовольствия.

– Вы так говорите только потому, что носите знак волка. Это значит, что вы... дрюскель, так? – спросила она, делая вид, что с трудом произносит фьерданское слово.

– Я их командир.

Нина округлила глаза.

– Тогда, должно быть, вы одолели в битве многих гришей.

– В борьбе с такими созданиями не много чести. Я бы предпочел бороться с тысячей достойных мужчин с мечами, чем с одним из этих коварных колдунов с их противоестественной силой.

«А когда вы приходите со своими скорострельными винтовками и танками, когда охотитесь за детьми и грабите беспомощные деревни, мы не должны использовать оружие, которое имеем?» Нина закусила щеку.

– В Керчии тоже есть гриши, разве нет?

– Да, я слышала, но мне ни разу не доводилось видеть их в «Зверинце» или Бочке. По крайней мере, я об этом не знаю.

Стоит ли ей рискнуть и упомянуть юрду-парем? Откуда у девушки из «Зверинца» могут быть такие познания? Нина прильнула к Бруму, скривила губы в порочной, слегка виноватой улыбке, и понадеялась, что выглядит как девица, жаждущая острых ощущений, а не сведений.

– Я знаю, что они мерзкие, но... от них у меня мурашки по коже. Я слышала, их сила не знает границ.

– Ну-ну, – хмыкнул дрюскель.

Нина видела, что он колеблется. Лучше инсценировать стратегическое отступление. Она пожала плечами.

– Но, возможно, это не в вашей компетенции. – Девушка посмотрела ему за плечо и поймала взгляд юного аристократа, одетого в светло-серый шелковый костюм.

– Вы хотели бы увидеть гриша сегодня?

Ее взгляд метнулся обратно к Бруму. *«Все, что мне нужно, – это зеркало»*. У него где-то были запряжаны пленники-гриши? Ей хотелось побольше разузнать о Бо Юл-Баюре и юрде-пареме, но это тоже неплохое начало. Если ей удастся побыть с Брумом наедине...

Нина похлопала командира по груди.

– Вы дразнитесь.

– Ваша госпожа заметит, если вы исчезнете?

– А разве мы не за этим здесь, чтобы исчезать?

Он предложил ей руку.

– Тогда пойдём?

Девушка улыбнулась и взяла его под руку. Брум нежно погладил ее по ладони.

– Хорошая девочка.

Нина едва справилась с рвотным позывом. *«Может, я сделаю тебя импотентом»*, – мрачно подумала она, пока он выводил ее из бального зала через террасу с лесом ледяных скульптур: волк с кричащим двуглавым орлом в пасти, змея, скрутившаяся вокруг медведя.

– Как... примитивно, – пробормотала она.

Брум усмехнулся и снова погладил ее.

– Мы – культура воинов.

«Может, убить его прямо сейчас? Неужели без него не справимся? – размышляла она по пути. – Сделать это похожим на сердечный приступ? Или просто бросить его на морозе?» Но она сможет еще немного потерпеть мерзкие взгляды Ярла Брума на ее декольте, главное, спасти мир от юрды-парема.

К тому же если Бо Юл-Баюр и был на этом забытом святыми острове, то именно Брум приведет ее к нему. Стражники, дежурившие около двери в бальный зал, пропустили их, слегка подняв брови и ухмыльнувшись.

Прямо перед ними, в центре круглого двора стояло огромное серебристое дерево, его ветви раскинулись над камнями сверкающим навесом. *«Священный ясень»*, – поняла Нина. Значит, они сейчас в самом центре острова. Дворик окружали арочные колоннады. Если рисунки Матиаса и Уайлена были верны, в здании позади них хранилась казна.

Вместо того чтобы вести ее через двор, Брум свернул налево на дорожку, шедшую вдоль колоннады. В этот момент Нина заметила группу людей в черных плащах с капюшонами, идущую к дереву.

– Кто они? – спросила девушка, хотя догадывалась.

– Дрюскели.

- Разве вы не должны быть с ними?
- Это церемония знакомства новых братьев со старыми, а не с капитанами и офицерами.
- Вы тоже через нее проходили?
- Каждый дрюскель без исключения проходит через эту церемонию, с тех пор как Джель помазал первого из нас.

Нина чуть не закатила глаза. *«Конечно, огромный стремительный источник выбрал какого-то парня, чтобы тот охотился на невинных людей и убивал их. Очень правдоподобно».*

– Это мы и празднуем на Рингкелле, – продолжал Брум. – Каждый год, если среди кандидатов находятся достойные, дрюскели собираются у священного ясеня, где могут еще раз услышать голос бога.

«Джель говорит, что вы фанатики, упивающиеся собственным могуществом. Возвращайтесь в следующем году».

– Люди забывают, что это святая ночь, – пробормотал командир. – Они приходят во дворец, чтобы пить, танцевать и прелюбодействовать.

Нина прикусила язык. Учитывая интерес Брума к ее вырезу, она сомневалась, что его мысли отличались святостью.

– Разве это так плохо? – игриво поинтересовалась она.

Брум улыбнулся и сжал ее руку.

– Только если не знать меры.

– Умеренность – не моя сильная сторона.

– Вижу. Мне нравятся женщины, которые любят наслаждение.

«Я бы с большим наслаждением медленно удушила бы тебя», – подумала сердцебитка, проводя пальцами по его руке. Глядя на Брума, она поняла, что винит его не только за то, что он сделал с ее народом, но и за то, что он сделал с Матиасом. Он взял под опеку храброго, несчастного мальчика и кормил его ненавистью. Он заглушил его совесть своими предрассудками и обещанием услышать божественный голос, который наверняка был не более чем ветром, играющим с ветками древнего дерева.

Они дошли до дальнего конца колоннады. Нина внезапно поняла, что Брум намеренно водил ее по двору. Может, он не хотел приводить шлюху в священное место. Лицемер.

- Куда мы идем? – спросила она.
- В Сокровищницу.
- Хотите добиться меня с помощью украшений?
- Не думаю, что таких девушек, как вы, надо добиваться. Разве не в этом весь смысл?

Нина рассмеялась.

– Ну, каждой девушке нравится, когда за ней ухаживают.

– Тогда это вы и получите. И ту нервную дрожь, которую так искали.

Возможно ли, что Юл-Баюр в Сокровищнице? Каз сказал, что он будет в самом охраняемом месте Ледового Двора. Это может означать дворец, но с тем же успехом может и Сокровищницу. Почему бы и нет? Очередное круглое строение, сделанное из светящегося белого камня, но в сокровищнице не было ни окон, ни причудливых декораций, ни драконьих чешуек. Здание было похоже на гробницу. Вместо обычных стражников у тяжелой двери стояли два дрюскеля.

Внезапно Нину оглушил весь ужас того, что она сделала. Осталась наедине с одним из самых опасных людей во Фьерде, человеком, который с радостью будет пытаться и убьет ее, если узнает, кто она на самом деле. План состоял в том, чтобы найти кого-то, кто выдаст информацию о Бо Юл-Баюре, а не в том, чтобы кокетничать с самым высокопоставленным дрюскелем на Белом острове. Она пробежала взглядом по окружавшим деревьям и дорожкам, по лабиринту изгороди, который прижался к восточной стороне Сокровищницы. Девушка надеялась увидеть хоть какую-то тень, убедиться, что с ней есть кто-то еще, что она не осталась сама по себе. Каз поклялся, что выведет ее с этого острова, но его первый план провалился... может, и этот постигнет та же участь.

Солдаты даже не моргнули, когда Нина с Брумом прошли мимо, только быстро отсалютовали. Командир снял с шеи цепочку, на который висел странный круглый диск. Затем вставил его в почти незаметное углубление в двери и повернул. Нина настороженно покосилась на замок. Возможно, такой не по зубам даже Казу Бреккеру.

Бочкообразный свод оказался холодным и пустым, освещаемым тем самым белоснежным светом, что горел в камерах гришей в тюремном крыле. Ни газовых ламп, ни свечек. Ничего, чем могли бы манипулировать шквальные или инферны.

Девушка прищурилась.

– Где мы?

– В старой Сокровищнице. Хранилище переместили много лет назад.

А это здание превратили в лабораторию.

Лабораторию. От этого слова у Нины засосало под ложечкой.

– Зачем?

– Какая вы любопытная маленькая штучка.

«Я почти с тебя ростом», – подумала она.

– Сокровищница имела выгодное расположение на Белом острове и

хорошо защищалась, так что выбор был вполне логичным.

Совершенно безобидная фраза, но в животе у Нины образовался комок нервов, словно его сжали в ледяном кулаке, который давил ей на грудь. Она зашагала в ногу с Брумом по сводчатому коридору, мимо гладких белых дверей с небольшими стеклянными окошками.

– Вот мы и пришли, – сказал мужчина, останавливаясь перед дверью, которая с первого взгляда ничем не отличалась от других.

Нина заглянула в окошко. Камера была такой же, как те, что располагались на верхнем этаже тюрьмы, но панель наблюдений находилась на другой стороне – огромное зеркало, занимавшее половину противоположной стены. Внутри она увидела молодого парня в замызганном синем кафтане, который беспокойно мерил шагами камеру, бормотал что-то под нос и расчесывал себе руки. Его глаза были пустыми, волосы – засаленными. Он выглядел, как Нестор перед смертью. «Гриши не болеют», – подумала Нина. Но здесь речь шла о совсем другой болезни.

– Выглядит не очень угрожающе.

Брум встал позади нее. Его дыхание коснулось ее уха, когда он сказал:

– О, поверьте, он очень опасен.

По коже Нины пробежали мурашки, но она заставила себя прижаться к командиру спиной.

– Зачем он здесь?

– Ради будущего.

Нина повернулась и положила руки ему на грудь.

– А есть еще?

Брум нетерпеливо выдохнул и повел ее к следующей двери. Девушка лежала на боку, спутанные волосы падали ей на лицо. На ней была грязная сорочка, руки были в синяках. Командир громко постучал по окошку, напугав Нину.

– Шевелись, да поживее, – сказал он издевательским тоном, но девушка не двинулась с места. Его палец замер на медной кнопке, встроенной рядом с окном. – Если хотите увидеть настоящее представление, достаточно нажать эту кнопку.

– Что она делает?

– Прекрасные вещи. Невероятные, честное слово.

Нина догадалась – кнопка как-то введет в девушку дозу парема. Ради ее развлечения. Она потянула Брума прочь от двери.

– И без того весело.

– Я думал, вы хотели увидеть силу гришей.

– О да, но она не выглядит забавной. Есть еще?

– Около тридцати.

Нина вздрогнула. Во время гражданской войны в Равке Вторая армия была фактически уничтожена. Ей стало плохо от одной мысли, что здесь держат тридцать гришей.

– И они все в таком состоянии?

Брум пожал плечами и повел ее по коридору.

– Кто-кто лучше, кто-то хуже. Если я найду вам живенького, то какова будет моя награда?

– Скоро увидите, – промурлыкала Нина.

С нее хватит истощенных, напуганных гришей. Нужно срочно найти Бо Юл-Баюра. Брум должен знать, где он. Сокровищница была почти безлюдной. Внутри они не встретили ни одного стражника. Если ей удастся завести Брума в пустой коридор подальше от входа, чтобы охрана его не услышала... Сможет ли она начать пытаться закаленного в боях дрюскеля? Заставит ли его говорить? Нина подумала, что ей это по силам. Она закроет ему нос, надавит на гортань. Пара минут без воздуха смогут разговорить его.

– Почему бы нам не найти тихий уголок? – предложила девушка.

Брум гордо выпятил грудь.

– Сюда, *дирре*, – сказал он, используя каэльское слово, означавшее «милая».

Мужчина повел ее по пустому коридору и открыл дверь круглым ключом.

– То, что надо, – поклонился он, – немного уединения и романтики.

Нина подмигнула и протиснулась мимо него. Она ожидала увидеть какой-то кабинет или скромную комнатку для стражи. Но здесь не было ни стола, ни койки. Комнатка была совершенно пустой... не считая водостока в центре пола.

Девушка обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как захлопнулась дверь камеры.

– Нет! – крикнула она, царапая ногтями по поверхности двери, у которой не было ручки.

В окошке появился Брум. Его лицо источало самодовольство, а от взгляда веяло холодом.

– Я мог немного преувеличить с романтикой, но уединения тут достаточно, Нина.

Она отпрянула.

– Так тебя зовут, верно? Ты вправду думала, что я не узнаю тебя? Я помню твое упрямое личико на корабле работоторговцев, и у нас есть досье

на каждого активного равкианского гриша. Я считаю своим долгом знать их всех – даже тех, кого, как я надеялся, поглотило море.

Нина подняла руки.

– Ну же, давай, – сказал командир. – Раздави мои глаза в орбитах. Сожми сердце в груди. Эта дверь не откроется, и, пока ты будешь колдовать над моим пульсом, я нажму на эту кнопку. – Она не видела медную кнопку, но могла представить, как его палец замер на ней. – Знаешь, что она делает? Ты видела эффект юрды-парема. Хочешь прочувствовать его на себе? Она хороша как порошок, но в виде газа – даже лучше.

Нина замерла.

– Умная девочка. – От его улыбки волоски на ее руках встали дыбом. «Я не стану умолять», – сказала она себе. Но знала, что это ложь. Как только наркотик окажется в ее теле, она не сможет контролировать себя. Девушка вдохнула чистый воздух. Тщетный жест, даже немного детский, но она намеревалась держать воздух так долго, как только сможет.

Тогда Брум остановился.

– Нет. Эта месть мне не принадлежит. Кое-кто задолжал тебе гораздо больше. – Он исчез из окошка, и через секунду в нем появилось лицо Матиаса. Парень смотрел на нее безжалостными глазами.

– Как? – прошептала Нина, сомневаясь, могут ли они вообще ее слышать через дверь.

– Ты всерьез поверила, что я пойду против своего народа? – голос Матиаса был полон отвращения. – Что я предаю дело, которому посвятил свою жизнь? Я пошел и предупредил Брума, как только смог.

– Но ты говорил...

– Страна прежде всего, Зеник. Это то, чего ты никогда не понимала.

Нина прикрыла рот ладонью.

– Может, я никогда больше не буду дрюскелем. Мне придется вечно жить с табличкой «работорговец» на шее, но я найду другой способ служить Фьерде. И я увижу, как тебя накачают юрдой-паремом. Буду наблюдать, как ты убиваешь своих же и молишь о следующей дозе. Увижу, как ты предаешь людей, которых любишь, как просила меня предать моих братьев.

– Матиас...

Он стукнул кулаком по стеклу.

– Не произноси мое имя! – Затем он улыбнулся холодной и беспощадной, как северное море, улыбкой. – Добро пожаловать в Ледовый Двор, Нина Зеник. Теперь мы в расчете.

Откуда-то снаружи раздалась сирена Черного протокола.

35. Матиас

Одиннадцать ударов

– Она красивая, – сказал Брум, – даже чересчур. Ты очень сильный, раз смог противостоять такому соблазну.

«Но я не смог, – подумал Матиас. – И не только из-за ее красоты».

– Сирена... – начал он.

– Наверняка дело рук ее соотечественников.

– Но...

– Матиас, мои люди позаботятся об этом. Ледовый Двор в безопасности. – Он оглянулся на камеру Нины. – Мы можем нажать на кнопку прямо сейчас.

– Разве это не сделает ее еще более опасной?

– Мы смешали юрду-парем с седативным средством, которое делает их более покладистыми. Мы до сих пор работаем над правильным соотношением, но все впереди. Кроме того, после второй дозы зависимость контролирует их вместо нас.

– Не с первой дозы?

– Зависит от гриша.

– Сколько раз вы это проделывали?

Брум рассмеялся.

– Я потерял счет. Но поверь мне, она так отчаянно будет нуждаться в юрде-пареме, что не осмелится выступить против нас. Поразительная трансформация. Думаю, ты насладишься ею сполна.

У Матиаса скрутило желудок.

– Значит, вы оставили ученого в живых?

– Он сделал все возможное, чтобы повторить процесс создания препарата, но это не так просто. Некоторые партии работают, другие ничем не лучше пыли. Пока он нам нужен, ученый будет жить. – Брум опустил руку на плечо Матиаса, и его взгляд смягчился. – Я едва могу поверить, что ты действительно тут, стоишь передо мной, живой! Я думал, что ты умер.

– Я так же думал о вас.

– Когда я увидел тебя в бальном зале, то едва узнал, даже в этой униформе. Ты так изменился...

– Мне пришлось дать ведьме перекроить меня.

Командир не скрывал своего отвращения:

– Ты позволил ей...

Почему-то, увидев такую реакцию от кого-то еще, Матиасу стало стыдно за свое поведение перед Ниной.

– Это было необходимо. Она должна была поверить, что я предан делу.

– Теперь все кончено, Матиас. Ты наконец-то в безопасности и среди своих братьев. – Брум нахмурился. – Но тебя что-то тревожит.

Матиас посмотрел на камеру, соседнюю с Ниной, затем на вторую, третью, пробегая взглядом по коридору. Некоторые из пленников-гришей были взволнованы и беспокойно мерили шагами камеру. Другие прижались лицами к стеклу. Третьи просто лежали на полу.

– Вы знаете о пареме не больше месяца. Как давно существует эта лаборатория?

– Я построил ее около пятнадцати лет назад, получив благословение от короля и его совета.

Матиас резко втянул воздух.

– Пятнадцать лет? Зачем?

– Нам нужно было место, где мы могли бы держать гришей после суда.

– После? Если гришей признают виновными, их приговаривают к смерти.

Брум пожал плечами.

– Это тот же смертный приговор, просто более длительный. Мы давно обнаружили, что гриши могут быть полезным ресурсом.

Ресурсом.

– Вы говорили мне, что их нужно искоренить. Что они – паразиты в естественном мире.

– Так и есть... когда они пытаются притворяться людьми. Они неспособны на правильное мышление, не понимают человеческой морали. Их необходимо контролировать.

– И для этого вам нужен парем? – недоверчиво поинтересовался Матиас.

– Мы годами пытались использовать собственные методы, но это не привело к успеху.

– Но вы увидели, на что способен парем, и, что важнее, на что способны гриши под его действием...

– Пистолет – это не зло. Как и клинок. Юрда-парем обеспечивает повиновение, и делает из гришей тех, кем они всегда должны были быть.

– Второй армией? – спросил Матиас с презрением в голосе.

– Армия состоит из солдат. Эти существа предназначены для того, чтобы быть оружием. Они рождены, чтобы служить солдатам Джеля. – Брум пожал его плечо. – О, Матиас, как я скучал по тебе! Твоя вера всегда

была такой чистой. Я рад, что ты с недоверием относишься к этим мерам предосторожности, но это наш шанс нанести смертельный удар. Знаешь, почему гришей так трудно убить? Потому что они не из этого мира. Но они очень хорошо убивают друг друга. Они называют это: «подобное притягивает подобное». Подожди, пока не увидишь все, чего мы добились, оружие, которое помогли изготовить их фабрикаторы!

Матиас оглянулся на двери камер.

– Нина Зеник провела год в Керчии, пытаясь добиться моего освобождения. Не уверен, что это поступок монстра.

– Может ли гадюка притаиться перед прыжком? Может ли дикая собака облизать ладонь, прежде чем перегрызть тебе шею? Возможно, гриши и способны на добро, но это не меняет их истинную природу.

Матиас задумался. Вспомнил испуганное лицо Нины перед тем, как дверь камеры захлопнулась. Однако после всего, что им пришлось пережить, он не удивился нахлынувшей боли при виде того, как его мечты воплотились в жизнь.

– Какой из себя этот шуханский ученый? – спросил он Брума.

– Упертый. Все еще тоскует по своему отцу.

Матиас ничего не знал об отце Бо Юл-Баюра, но у него были вопросы и поважнее:

– Его надежно охраняют?

– Сокровищница – самое надежное место на острове.

– Вы держите его вместе с гришами?

Брум кивнул.

– Главное хранилище превратили в лабораторию, чтобы он мог работать.

– И вы уверены, что он в безопасности?

– Главный ключ у меня, – сказал командир, похлопав по диску на своей шее, – и его охраняют денно и ночью. Только избранные знают, что он здесь. Уже поздно, а мне нужно удостовериться, что с Черным протоколом разобрались, но, если хочешь, завтра я отведу тебя к нему. – Брум обнял Матиаса. – И сразу же займемся твоим возвращением и восстановлением.

– Меня все еще обвиняют в работоторговле.

– Мы легко заставим девчонку подписать заявление, в котором она отречется от обвинений. Поверь мне, как только она впервые попробует юрду-парем, то сделает все, о чем ты попросишь, и даже больше. Будет слушание, но я обещаю – ты снова будешь носить форму дрюскелей, Матиас.

Форму дрюскелей. Матиас носил ее с такой гордостью. А то, что он чувствовал к Нине, принесло ему только позор. Эти чувства никуда не делись и, возможно, никогда не исчезнут. Слишком много лет он провел, полный ненависти, чтобы она исчезла за одну ночь. Но теперь его стыд был всего лишь эхом, и все, что он чувствовал, это сожаление о времени, которое он потратил впустую, о боли, которую причинил, и да, даже сейчас, о том, что он собирался сделать.

Хельвар повернулся к Бруму – человеку, который стал ему отцом и наставником. Когда он потерял семью, именно Ярл завербовал его в дрюскели. Матиас был слишком юн, зол и совершенно неопытен. Но он отдал все, что осталось от его разбитого сердца, ради общего дела. Дела, которое оказалось ложным. Заблуждением. Когда он это понял? Когда помог Нине похоронить ее товарищей? Когда боролся с ней плечом к плечу? Или гораздо раньше – когда она спала в его объятиях в первую ночь на льду? Когда она спасла его от кораблекрушения?

Нина обманула его, но она сделала это, чтобы защитить свой народ. Она причинила ему боль, но затем сделала все, что было в ее силах, чтобы исправить это. Нина бесчисленное количество раз доказывала ему, что она благородная, сильная, щедрая и очень человечная, возможно, даже больше, чем все, кого он знал. И это говорило о том, что гриши не были злыми по природе. Они такие же, как все, – могут творить добро или приносить огромный вред. Если Матиас этого не поймет, то сам будет монстром.

– Вы так многому меня научили, – сказал он. – Ценить честь и силу. Дали оружие возмездия, когда я нуждался в нем больше всего.

– И благодаря ему мы построим великое будущее, Матиас. Время Фьерды наконец настало.

Матиас в ответ обнял своего наставника.

– Не знаю, ошибаетесь ли вы насчет гришей, – тихо произнес он. – Но вы точно ошибаетесь насчет нее.

Хельвар крепче сжал Брума, исполняя захват, которому его научили в просторных тренировочных залах базы дрюскелей... ему больше никогда их не увидеть. Он держал командира, пока тот пытался бороться, пока его тело не обвисло.

Когда Матиас отстранился, Брум потерял сознание, но юноша даже не мог вообразить ту степень ярости, которая исказила черты лица его наставника. Он заставил себя запомнить ее. Хельвар заслужил его гнев. Он наконец стал настоящим предателем и должен нести это бремя.

Когда Матиас и Каз вошли в бальный зал, они притаились в темном уголке у лестницы. Потом туда пришла Нина в этом возмутительном платье

из переливающихся чешуек. А затем Матиас заметил своего командира. Он испытал настоящий шок, увидев, что его наставник жив, и вдруг с ужасом понял, что Брум следит за Ниной.

– Брум знает, – сказал он Казу. – Мы должны помочь ей.

– Будь разумным, Хельвар. Ты можешь спасти ее и привести нас к Бо Юл-Баюру.

Матиас кивнул и нырнул в толпу.

– Порядочность, – пробормотал позади него Каз, – как дешевый одеколон.

Он перехватил Брума у лестницы.

– Сэр...

– Не сейчас.

Матиасу пришлось заступить ему дорогу.

– Сэр!

Тогда командир остановился. Сначала на его лице отразилась злость, что кто-то осмелился его задержать, затем замешательство, а потом и любопытство с недоверием.

– Матиас? – прошептал он.

– Прошу вас, сэр, – быстро заговорил Хельвар. – Дайте мне минутку, чтобы все объяснить. Тут есть гриш, которая намерена убить одного из ваших заключенных. Если вы согласитесь выслушать меня, я расскажу вам о ее замысле и как ее можно остановить.

Брум подал сигнал другому дрюскелю следить за Ниной и завел Матиаса в нишу под лестницей.

– Начинай, – кивнул он, и Матиас рассказал ему правду, но не всю. Он рассказал, как спасся от кораблекрушения, как чуть не утонул, как Нина выдвинула против него ложные обвинения в работорговле, о его заключении в Хеллгейте и, наконец, об обещанном помиловании. Всю вину он свалил на Нину, но ни слова не сказал о Казе и других. Когда Брум спросил, действовала ли она в одиночку, он просто ответил, что не знает.

– Она думает, что я проведу ее через секретный мост. Я сбежал, как только смог, и отправился на ваши поиски.

Ему было отвратительно, как легко ложь слетала с его губ, но Матиас не собирался оставлять Нину на милость Брума.

Теперь он смотрел на командира, который лежал, слегка приоткрыв рот. Одним из качеств, которое Хельвар больше всего уважал в своем наставнике, была его беспощадность, готовность идти на жестокие поступки ради общего дела. Но Брум наслаждался пытками над гришами и с радостью замучил бы до смерти Нину и Джеспера. Может, эти

жестокости никогда не были для него такой проблемой, как для Матиаса, не были священным долгом, который скрепя сердце исполняли ради Фьерды. Они были наслаждением.

Матиас снял главный универсальный ключ с шеи Брума, затащил его в пустую камеру и посадил на пол, прислонив к стене. Ему не хотелось оставлять наставника в таком недостойном виде: голова опущена на грудь, ноги распластались по полу. Он с ненавистью думал о том, какой позор ждет воина, которого предал тот, кому он доверял. Кого он любил. Матиас хорошо знал эту боль.

Он быстро прижался лбом ко лбу Брума. Знал, что наставник его не слышит, но все равно произнес эти слова:

– Жизнь, которую вы ведете, ненависть, которую чувствуете, – это яд. Я испил его сполна.

Матиас закрыл дверь камеры и побежал по коридору к Нине, к чему-то большему, чем ненависть.

36. Джеспер

Одиннадцать ударов

Джеспер ждал у бойницы в стене – идеальное место для такого снайпера, как он. «Что мы натворили?» – гадал парень. Но его кровь бурлила в жилах, ружье упиралось в плечо, а мир снова обрел смысл.

Так где же стражники? Парень ждал, что они мгновенно прибегут во двор, как только они с Уайленом запустят Черный протокол.

– Получилось! – крикнул маленький купец из-за спины.

Джесперу совсем не хотелось оставлять удобную позицию прежде, чем они узнают, чему противостоят, но у них заканчивалось время, и нужно было лезть на крышу.

– Ладно, пошли.

Они спустились вниз по лестнице. Когда парни собирались выбежать из арки караульного помещения, во двор заскочили шесть стражников. Джеспер резко остановился и вытянул руку.

– Возвращайся обратно, – скомандовал он Уайлену.

Но тот указывал на что-то в другом конце двора.

– Смотри.

Стражники бежали не к пункту охраны. Все их внимание было

приковано к мужчине в одежде болотного цвета, стоящему у одной из каменных плит. «*Эта форма...*»

Сквозь стену прошла женщина: ее силуэт материализовался из мерцающей дымки. Она встала рядом с незнакомцем. На ней была та же одежда.

– Проливные, – выдохнул Уайлен.

– Шуханцы.

Как только стражники открыли огонь, проливные испарились, а затем появились за спинами солдат и подняли руки.

Охранники закричали и выронили оружие. Вокруг них возникло красное марево. Оно становилось все гуще, стражники вопили. Их плоть, казалось, сохла на костях.

– Это их кровь, – сказал Джеспер, чувствуя, как к горлу подступила желчь. – Святые, проливные выпускают из них кровь.

Их выжали до последней капли.

Кровь собиралась в лужи с нечеткими контурами мужчин, зависала в воздухе скользкими тенями, мокрыми и красными, как гранат, а затем проливалась на землю, и в ту же секунду стражники падали. Их дряблая кожа свисала с высушенных тел нелепыми складками.

– Бегом к лестнице, – прошептал Джеспер. – Нужно выбираться отсюда.

Но было слишком поздно. Женщина-проливная исчезла. В следующий миг она оказалась на лестнице, оперлась руками на перила и ударила ногами Уайлена в грудь, толкая его на Джеспера. Они свалились на черный камень двора.

Ружье вылетело из рук Джеспера, отскочило в сторону и упало на плиты с громким стуком. Он попытался встать, но проливной ударил его по затылку. Парни лежали перед нависшими над ними гришами. Те подняли руки, и Джеспер увидел вокруг себя слабое красное марево. Проливные их тоже высушат. Он почувствовал, как угасают его силы. Посмотрел налево, но ружье лежало слишком далеко.

– Джеспер, – выдавил Уайлен. – Металл. Фабрикуй. – А потом закричал.

Через секунду Джеспера осенило. Он не мог выиграть эту битву с помощью оружия. Времени на раздумья и сомнения не было.

Не обращая внимание на боль, рвущую его тело, он полностью сосредоточился на кусочках металла, прицепившихся к его одежде, когда они пилили цепь, – стружке и металлической пыли. Он не был хорошим фабрикатом, но они не ожидают, что он вообще может быть гришом.

Парень вытянул руки, и частицы металла, осевшие на ткани, взлетели блестящим облаком, которое на долю секунды зависло в воздухе, а затем выстрелило в проливных.

Женщина закричала, когда металлическая пыль и стружка погрузились в ее тело, и попыталась обернуться туманом. Мужчина сделал то же самое: его черты расплылись, но затем снова затвердели. Лицо, испещренное частицами металла, посерело. Это не остановило Джеспера. Он изо всех сил давил на стружку, погружая ее в их тела, жизненно важные органы, как можно глубже. Он чувствовал, как проливные пытались манипулировать кусочками металла. Если бы их атаковали пулей или лезвием, у них, возможно, и получилось бы, но кусочков и ошметков стали было слишком много, и они были слишком мелкими. Женщина схватилась за живот и упала на колени. Мужчина закричал и закашлял черными сгустками крови с металлом.

– Помогите, – всхлипнула проливная. Ее контуры размылись, тело завибрировало, когда она попыталась опять трансформироваться в туман.

Джеспер опустил руки, и парни отползли подальше от извивающихся тел проливных.

Они умирали? Он только что убил двоих себе подобных? Джеспер просто хотел выжить. Ему снова вспомнился штандарт на стене, все те красные, синие и фиолетовые полосы.

Уайлен потянул его за руку. Лицо молодого купца было почти прозрачным, вены пульсировали слишком близко к коже.

– Джеспер, нам нужно идти.

Тот медленно кивнул.

– Сейчас.

Стрелок заставил себя подняться на ноги, последовать за Уайленом и забраться по веревке на крышу. Он чувствовал слабость и головокружение. Остальные зависели от него, парень это понимал. Он должен был идти. Но Джесперу казалось, что он оставил внизу, во дворе, какую-то частичку себя, что-то, чему он раньше не придавал значения, такое же неуловимое, как туман.

37. Нина

Одиннадцать с четвертью ударов

Когда Матиас открыл дверь камеры, какую-то долю секунды Нина колебалась. Ничего не могла с собой поделать. Сколько она будет жить, никогда не забудет лицо Матиаса в окошке, то, каким оно было жестоким. Или сомнения все еще жили в ее сердце. Да, она смотрела на него, стоящего в дверном проеме, и сомневалась, но когда парень протянул ей руку, поняла, что они оба побороли страх.

Нина подбежала к нему, и он подхватил девушку на руки.

Матиас зарылся лицом в ее волосы. Она чувствовала, как шевелились его губы у ее уха, когда он произносил:

– Больше никогда не хочу видеть тебя в этом.

– Ты о платье или о камере?

Его тело задрожало от смеха.

– Однозначно о камере. – Затем он взял ее лицо в свои руки. – *Er molle ne onet. Enel mёрd e ней афва тройем феррейтен.*

Нина сглотнула комок в горле. Она помнила эти слова и их истинное значение. «Я рожден, чтобы защищать тебя. Только смерть освободит меня от этой клятвы». Присяга дрюскелей на верность Фьерде. А теперь и клятва Матиаса на верность ей.

Нина знала, что должна сказать что-то проникновенное, что-то прекрасное в ответ. Вместо этого она выпалила:

– Если мы выберемся отсюда живыми, я зацелую тебя до потери пульса.

Его лицо расплылось в улыбке. Девушка уже не могла дождаться, когда снова увидит настоящую голубизну его глаз.

– Юл-Баюр в хранилище, – сказал он. – Пошли.

Нина побежала по коридору вслед за Матиасом, в ушах звенело от колоколов Черного протокола. Если Брум знал о ней, вероятно, другие дрюскели тоже знали. Вряд ли пройдет много времени, прежде чем солдаты начнут искать своего командира.

– Прошу, только не говори, что Каз снова куда-то исчез, – попросила она, пока они спешно пересекали коридор.

– Я оставил его в бальном зале. Мы должны встретиться у ясеня.

– Последний раз, когда я видела дерево, оно было окружено дрюскелями.

– Может, Черный протокол позаботится об этом.

– Возможно, мы переживем дрюскелей, но точно не переживем Каза, если убьем Юл-Баюра...

Матиас предостерегающе поднял руку, чтобы она остановилась у следующего угла. Они медленно подошли и осторожно завернули за него.

Нина быстро «поколдовала» над стражником, стоявшим у двери в хранилище. Матиас забрал его винтовку, вставил в замок ключ Брума, и круглый вход в хранилище открылся.

Нина подняла руки, приготовившись к атаке. Они ждали с бешено колотящимися сердцами.

Комната оказалась белой, как и все другие, но отнюдь не пустой. Длинные столы были заставлены колбами, пробирками, установленными над горелками, нагревающими и остужающими аппаратами, стеклянными баночками, до краев наполненными порошками разных оттенков оранжевого. Одну стену полностью выделили под огромную грифельную доску, исписанную уравнениями. Вдоль другой стояли стеклянные шкафчики с маленькими металлическими дверцами. Внутри цвели растения юрды, и Нина догадалась, что шкафчики подогреваются. У третьей стены стояла койка – тонкие простыни были смяты, вокруг разбросаны какие-то бумажки и тетради. На ней сидел, скрестив ноги, шуханский мальчик. Он уставился на гостей, держа на коленях блокнот. Его черные волосы падали на лоб. На вид ему было не больше пятнадцати.

– Мы не причиним тебе вреда, – сказала Нина на шуханском. – Где Бо Юл-Баюр?

Мальчик откинул волосы со своих золотых глаз.

– Он мертв.

Нина нахмурилась. Информаторы Ван Эка ошиблись?

– Тогда что это все?

– Вы пришли убить меня?

Девушка даже не знала, что на это ответить.

– Сэш-юэ? – рискнула она.

Лицо мальчика расслабилось от облегчения.

– Вы из Керчии.

Нина кивнула.

– Мы пришли спасти Бо Юл-Баюра.

Шуханец подобрал колени к груди и обнял их руками.

– Его уже никто не спасет. Мой отец умер, когда фьерданцы пытались остановить керчийцев, которые хотели вызволить нас из Амрат Ена. – Его голос дрогнул. – Он погиб под перекрестным огнем.

Мой отец. Нина перевела все сказанное Матиасу, пытаясь осознать, что это значило для них.

– Умер? – воскликнул Хельвар, и его широкие плечи слегка поникли. Нина знала, о чем он думает: они столько пережили, столько сделали, а Бо Юл-Баюр все это время был мертв.

Но фьерданцы неспроста оставили в живых его сына.

– Они хотят, чтобы ты воссоздал формулу, – предположила Нина.

– Я помогал папе в лаборатории, но не все помню. – Мальчик закусил губу. – И я тянул время.

Парем, что фьерданцы использовали на гришах, наверное, был из того запаса, который Бо Юл-Баюр вез в Керчию.

– Ты можешь это сделать? – спросила Нина. – Можешь воссоздать формулу?

Мальчик замешкался.

– Думаю, да.

Нина с Матиасом переглянулись.

Девушка сглотнула. Ей доводилось убивать раньше. Она и сегодня убивала, но это другое дело. Мальчик не наставлял на нее пистолет и не пытался ей навредить. Убив его, – а это несомненно убийство, – она предаст Инеж, Каза, Джеспера и Уайлена. Людей, которые рискуют жизнями в эту минуту, ради денег, которых никогда не увидят. Но затем она подумала о бездыханном теле Нестора на снегу, о камерах, полных гришей, потерявших самих себя в невыносимых страданиях. И все из-за этого порошка.

Она подняла руки.

– Прости. Если у тебя получится, страданиям, которые ты выпустишь на волю, не будет конца.

Шуханец посмотрел на нее твердым взглядом, упрямо задрал подбородок, словно знал, что этот момент может настать. Совершенно очевидно, что правильно будет убить ребенка быстро и безболезненно. Разрушить лабораторию со всем содержимым. Искоренить секрет юрды-парема. Если хочешь уничтожить виноградную лозу, нужно не просто отрезать ее, а выкопать растение из земли с корнями. Тем не менее ее руки дрожали. Разве не так же думали дрюскели? Истреби угрозу, сотри ее с лица земли, и неважно, что перед тобой невиновный человек.

– Нина, – ласково позвал Матиас, – он же просто ребенок. Один из нас.

Один из нас. Мальчишка, немногим младше ее, попавший на войну, которую сам не выбирал. Он умел выживать.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Кювей.

– Кювей Юл-Бо, – начала девушка. Что она собиралась сделать: вынести приговор? Извиниться? Молить о прощении? Кто его знает. Когда она вновь обрела голос, то просто сказала: – Как быстро ты сможешь уничтожить эту лабораторию?

– Быстро, – ответил он. Затем рассек рукой воздух, и пламя под одной из мензурок выстрелило синей аркой.

Нина уставилась на него.

– Ты гриш! Инферн.

Кювей кивнул.

– Юрда-парем – это ошибка. Отец пытался найти способ, как скрыть мои силы. Он был фабрикаторм. Гриш, как и я.

Мозг Нины вскипел: Бо Юл-Баюр – гриш, скрывавшийся прямо под носом, за границами Шухана. Времени на то, чтобы переварить эту информацию, не было.

– Нужно максимально уничтожить все сделанное тобой, насколько это возможно.

– Здесь есть горючее, – ответил Кювей, собирая бумаги и образцы юрды. – Я могу устроить взрыв.

– Только в хранилище. Тут есть другие гриши.

И стражники. И наставник Матиаса. Нина с радостью позволила бы Бруму умереть, но, хоть Матиас и предал своего командира, она сомневалась, что он захочет увидеть, как человек, ставший ему вторым отцом, будет разорван в клочья. Ее сердце сжималось от горя, что придется оставить гришей здесь, но им никак не доставить их к гавани.

– Остальное не трогаем, – сказала она Матиасу и Кювею. – Нам пора идти.

Юл-Бо разместил несколько баночек, наполненных жидкостью, над горелками.

– Я готов.

Они выглянули в коридор и поспешили к выходу из Сокровищницы. На каждом углу Нина ожидала увидеть дрюскелей или стражников, бегущих им навстречу, но они беспрепятственно прошли по всем коридорам. У главной двери ребята остановились.

– Слева от нас есть лабиринт из изгороди, – сказала Нина.

Матиас кивнул.

– Используем его как прикрытие, когда побежим к ясеню.

Как только они открыли дверь, звон колоколов стал практически невыносимым. Нина видела Эльдерклок на самом высоком серебристом шпиле дворца. Его циферблат сиял, как луна. Яркие лучи света из сторожевых башен обшаривали Белый остров, и Нина слышала крики солдат, собирающихся вокруг дворца.

Она прижалась к зданию и крадучись скользнула за Матиасом, стараясь держаться в тени.

- Быстрее, – сказал Кювей, нервно оглядываясь на лабораторию.
- Сюда, – кивнул Матиас. – Лабиринт...
- Стой! – крикнул кто-то.

Слишком поздно. Стражники мчались навстречу со стороны лабиринта. Им оставалось только бежать. Они рванули к входу в колоннаду и в круглый дворик. Дрюскели были повсюду – спереди, сзади. В любой момент их могли пристрелить.

Тогда-то и прозвучал взрыв. Нина скорее почувствовала его, нежели услышала: горячая волна сбила ее с ног и подкинула в воздух под оглушительный грохот. Девушка рухнула на белую брусчатку.

Все заволокло дымом. Нина с трудом поднялась на колени, у нее звенело в ушах. Одна стена Сокровищницы превратилась в обломки, клубы пыли взмыли в ночное небо.

Матиас уже шагнул к ней с Кювеем. Девушка поднялась на ноги.

– *Стен!* – крикнули два стражника, которые отделились от группы, бежавшей по направлению к Сокровищнице. – Что вы тут делаете?

– Мы просто наслаждались вечеринкой! – воскликнула Нина с искренней усталостью и ужасом. – А потом... потом... – Ей самой стало стыдно оттого, насколько легко было выдавить из себя слезы.

Стражник поднял пистолет.

– Предъявите документы.

– У нас нет документов, Ларс.

Охотник на ведьм резко поднял голову и посмотрел на Матиаса.

– Мы знакомы?

– Были когда-то, хотя я выглядел немного иначе. *Хье марден*, Ларс?

– Хельвар? Нам... нам сказали, что ты мертв.

– Так и было.

Ларс перевел взгляд с Матиаса на Нину.

– Это сердцебитка, которую Брум повел в Сокровищницу. – Тут он заметил Кювея, и все стало на свои места. – Предатель! – рявкнул он, глядя на Матиаса.

Нина подняла руку, чтобы замедлить пульс Ларса, но в эту секунду она заметила справа в тени какое-то движение. Ее чем-то ударили, и девушка вскрикнула. Опустив взгляд, она увидела, как вокруг затянулась петля из каната, крепко прижав ее руки к телу. Она не могла их поднять, не могла использовать свою силу. Матиас зарычал, а Кювей вскрикнул, когда веревки, брошенные из темноты, обвилились вокруг их тел и связали их.

– Вот как мы поступаем, кровопускательница, – презрительно усмехнулся Ларс. – Мы охотимся на такую мерзость, как ты. Знаем все

твои фокусы. – Он ударил Матиаса сзади по ногам, тот упал на колени и резко втянул воздух. – Нам сказали, что ты мертв. Мы оплакивали тебя, сожгли ветви ясеня в память о тебе. Но теперь я вижу, что нас защищали от новости похуже. Матиас Хельвар – предатель, который помогает нашим врагам и якшается с недоделанными тварями. – Он плюнул Матиасу в лицо. – Как ты мог изменить своему богу и своей стране?

– Джель – бог жизни, а не смерти.

– Кто-нибудь еще пришел за Юл-Баюром, кроме вас с этой тварью?

– Нет, – соврала Нина.

– Я не тебя спрашивал, ведьма! Не важно. Мы вытянем из тебя правду другим способом. – Дрюскель повернулся к Кювею. – А ты не думай, что тебе это сойдет с рук.

Он подал знак. Из тени колоннады выступили шеренги мужчин и юношей: дрюскели. Капюшоны прикрывали их длинные золотистые волосы, блестящие у воротников. В своей черной с серебром форме, они походили на существ, рожденных в темных трещинах, расколовших северный лед. Они окружили Нину, Матиаса и Кювея.

Нина вспомнила белые тюремные камеры, водостоки в полу. Уничтожили ли они весь парем вместе с лабораторией Кювея? Сколько у него уйдет времени на то, чтобы сделать новую партию, и чем ее будут пытаться до этого? Нина бросила последний отчаянный взгляд в темноту, мечтая подать какой-нибудь сигнал Казу. Может, его тоже схватили? Или он их просто бросил? Она хотела стать воином и должна подготовить себя к тому, что неизбежно произойдет.

Один из дрюскелей вышел вперед с чем-то похожим на хлыст с длинной ручкой, прикрепленный к связывающим их канатам, и передал его Ларсу.

– Узнаешь это, Хельвар? – спросил парень. – А должен бы. Ты помогал его конструировать. Втягивающиеся тросы для нейтрализации нескольких пленников сразу. И шипы, конечно же.

Ларс щелкнул пальцем по одному из канатов, и Нина ахнула, когда в ее тело вонзились маленькие шипы. Дрюскели расхохотались.

– Оставь ее в покое, – прорычал Матиас на фьерданском. Его слова сочились гневом. На мгновение вспышка паники охватила его бывших товарищей. Он был крупнее их всех, одним из лидеров, лучшим среди этих мальчиков-убийц. Затем Ларс еще раз щелкнул по тросу. Выскочили шипы, и Матиас громко выдохнул, согнувшись пополам от боли, снова становясь просто человеком в глазах дрюскелей.

Последовало угрожающее и злобное хихиканье.

Ларс резко дернул хлыст, и канаты натянулись, заставляя пленников неуклюже ковылять за ним.

– Ты все еще молишься нашему богу, Хельвар? – спросил Ларс, когда они проходили мимо священного дерева. – Думаешь, Джель слушает твяканье мужчин, которые позволили гришам осквернить себя? Думаешь...

Она услышала резкий животный визг. Нина и остальные даже не сразу поняли, что его издал Ларс. Он открыл рот, и кровь потекла по его подбородку на блестящие серебряные пуговицы формы. Хлыст выпал у Ларса из рук, и стоящий рядом дрюскель в надвинутом на глаза капюшоне кинулся вперед, чтобы поймать его.

У основания священного дерева раздался громкий треск. Нина узнала этот звук – она уже слышала его на северной дороге, когда они повалили дерево, перед тем, как устроить засаду на тюремный фургон. Ясень заскрипел и застонал. Его древние корни начали сворачиваться.

– *Ней!* – закричал один из дрюскелей. Они стояли, разинув рты, уставившись на многострадальное дерево. – *Ней!* – взвыл второй.

Ясень накренился. Он был слишком большим, чтобы с ним мог справиться один только солевой концентрат, но когда дерево наклонилось, из зияющей черной дыры под ним раздался громоподобный рев.

Вот откуда дрюскели слышали голос своего бога. И теперь он заговорил.

– Будет немного больно, – сказал дрюскель с хлыстом. У него был хриплый, знакомый голос. Руки были в перчатках. – Но если мы выживем, вы меня еще поблагодарите.

Капюшон упал, на них смотрел Каз Бреккер. Пораженные дрюскели подняли винтовки.

– Не лопайте балин, пока не достигнете дна, – крикнул Каз. Затем схватил Кювея и прыгнул в черную пасть под корнями дерева.

Нина вскрикнула, когда канаты рванули ее тело вперед. Она царапала камни, пытаясь хоть за что-то схватиться. Последнее, что Нина увидела, был Матиас, падающий в дыру вместе с ней. Раздались выстрелы. А затем она начала проваливаться в черноту, в холод, в глотку Джеля, в пустоту.

38. Каз

Одиннадцать с четвертью ударов

Каз подумывал о том, чтобы подслушать разговор Матиаса с Брумом в бальном зале, но не хотел упускать из вида Нину, когда вокруг было столько дрюскелей. Он спекулировал на чувствах фьерданца к девушке. И в таких ставках он всегда был уверен. Настоящий риск заключался в том, сможет ли кто-то столь честный, как Матиас, убедительно врать в лицо своему наставнику. Судя по всему, у Хельвара были скрытые таланты.

Каз проследил за Брумом и Ниной до Сокровищницы. Затем спрятался за одной из ледяных статуй и сосредоточился на своей убогой задаче – нужно было вытащить пакетики Уайлена с отравой для корней, которые он проглотил, прежде чем устроить засаду для тюремного фургона. Ему приходилось делать это каждый час, чтобы не переварить их, вместе с пакетиком хлорных пилюль и запасной парой отмычек, которые он отправил в путешествие по пищевому тракту на случай непредвиденных обстоятельств. Приятного в этом было мало. Бреккер научился этому трюку у одного из фокусников Восточного Обруча, который годами дышал огнем, прежде чем случайно отравил себя, проглотив керосин.

Закончив, Каз осмотрел периметр Сокровищницы, крышу, вход, но, в конце концов, ему больше ничего не оставалось делать, кроме как прятаться, быть начеку и волноваться обо всем, что может в эту секунду идти наперекосяк. Он вспомнил, как Инеж стояла на крыше посольства и буквально пылала каким-то новым азартом, который он не понимал, но все равно мог распознать – *цель*. Она наполнила ее светом. «Я заберу свою долю и покину Отбросов». Когда она раньше упоминала, что уедет из Кеттердама, Каз никогда не верил ей до конца. На сей раз все было иначе.

Он скрывался в тени западной колоннады, когда начали бить колокола Черного протокола. Удары Эльдерклока разносились над островом, сотрясая воздух. Со сторожевых башен ярким потоком полился свет. Дрюскели у ясеня прервали свой ритуал и начали раздавать команды, а затем волна стражников, спустившихся с башен, распространилась по острову. Каз выжидал, считая минуты, но ни Нины, ни Матиаса до сих пор не было видно. *«Они в беде, – подумал он. – Или ты смертельно ошибался насчет Матиаса и сейчас заплатишься за все свои насмешки над болтающим деревом».*

Он бы пробрался в Сокровищницу, но вокруг бегали дрюскели, а ему нужно было какое-то прикрытие, пока он будет взламывать замок. Затем он увидел, как из здания выбежали Нина с Матиасом и человек, который, по его предположению, должен был быть Бо Юл-Баюром. Только он собрался их позвать, как раздался взрыв, и его планы полетели к чертям собачьим.

«Они подорвали лабораторию, – подумал Каз, когда вокруг него

начали падать обломки. – *Я определенно не поручал им взрывать лабораторию!»*

Остальное было чистой импровизацией, и для объяснений не оставалось времени. Он только успел сказать Матиасу, что они должны встретиться у ясеня, когда начнет звонить Черный протокол. Бреккер думал, что у него будет время напомнить о балине, перед тем как прыгать во мрак. Теперь оставалось только надеяться, что они не запаникуют и что его удача притаилась где-то внизу.

Падение длилось невероятно долго. Каз очень рассчитывал, что шуханец, которого он схватил, был удивительно юным Бо Юл-Баюром, а не каким-то несчастным заключенным, которого Нина с Матиасом решили освободить. Он успел засунуть в рот мальчика диск и раздавить его собственными пальцами. Каз дернул хлыстом, ослабляя все тросы, и услышал крики напарников, когда канаты втянулись. По крайней мере, они не попадут в воду связанными. Бреккер долго, насколько это было возможно, медлил, прежде чем раскусить собственный балин. Когда он оказался в ледяной воде, то испугался, что у него остановится сердце.

Каз сам не знал, чего ожидал, но течение реки оказалось ужасающим, стремительным и сильным, как лавина. Шум оглушал даже под водой, но вместе со страхом Бреккер испытывал какое-то головокружительное чувство удовлетворения. Он был прав.

Голос бога. В легендах всегда крылась правда. Каз знал это не понаслышке, потратив столько времени на выстраивание собственного мифа. Он гадал, откуда берется вода для ледяного рва и фонтанов и почему речное ущелье было таким глубоким и широким. Как только Нина описала обряд посвящения в дрюскели, он понял: фьерданская крепость строилась не вокруг большого дерева, а вокруг источника. Джель – источник, подпитывавший моря, дожди и корни священного ясеня.

У воды был голос. Это знала каждая канальная крыса, любой, кто хоть раз спал под мостом или переворачивался вместе с лодкой в зимнюю бурю – вода могла разговаривать голосом любимого человека, давно потерянного брата и даже бога. Это был ключ, и, как только Каз понял это, все встало на свои места, словно кто-то наложил на Ледовый Двор и его службы идеально точный чертеж. Если он прав, Джель вынесет их в ущелье. Главное – постараться не утонуть к тому моменту.

А это было вполне реально. Балин давал им воздух только на десять минут, может, на двенадцать, если они будут дышать спокойно, в чем Бреккер очень сомневался. Его сердце выскакивало из груди, а легкие, казалось, уже сдавило кольцом. Тело онемело и ныло от низкой

температуры, а тьма была непроглядной. Вокруг – ничего, кроме приглушенного рокота воды и тошнотворного ощущения от непрекращающегося падения.

Он не знал точную скорость воды, но чертовски хорошо понимал, что цифры почти не оставляли им шансов. Цифры всегда были его верными союзниками – ставки, прибыль, искусство пари. Но сейчас не помешало бы положиться на что-то большее. «Какому богу служишь ты?» – спрашивала его Инеж. «Любому, кто предложит хорошую награду». Вряд ли хорошей наградой можно было назвать то, что он надрывал задницу в гонках на чайнике подо льдом на вражеской территории.

Что их ждет, если они вынырнут в ущелье? *Кто* их ждет? Джесперу с Уайленом удалось запустить Черный протокол. Но получилось ли у них все остальное? Увидит ли он Инеж на той стороне?

Выжить. Выжить. Выжить. Так Каз проживал свою жизнь, от мига к мигу, от вдоха к вдоху, с того ужасного утра, когда обнаружил, что Джорди все еще мертв, а он очень даже жив.

Бреккер вертелся во тьме. Он никогда раньше так не мерз. Вспомнилась ладонь Инеж на его щеке. Его разум взбунтовался против этого прикосновения, впал в полное недоумение. Он чувствовал и ужас, и отвращение, и – где-то в этом беспорядке эмоций, – возбуждение, желание, которое все еще испытывал, надежду, что девушка снова прикоснется к нему.

Когда ему было четырнадцать, Каз собрал команду, чтобы ограбить банк, который помог Герцуну обмануть их с Джорди. Они вышли с пятьюдесятью тысячами крюге, но он сломал ногу, падая с крыши. Кость срослась неправильно, и с тех пор он начал хромать. Поэтому парень нашел фабрикатора, который сделал для него трость. Это стало его декларацией. Не было такой частички него, которая не была бы сломанной или неправильно сросшейся, но и не было такой частички, которая не стала бы сильнее благодаря этому. Трость теперь – часть его мифа. Никто не знал, кто он на самом деле. Никто не знал, откуда он взялся. Он стал Казом Бреккером, калекой и самоуверенным парнем, подонком из Бочки.

Перчатки были его единственной уступкой собственной слабости. С той ночи, когда он лежал на горе трупов, а потом плыл от Баржи Жнеца, он не переносил ощущения прикосновения кожи к коже. Для него это было мучительно, омерзительно. Единственный кусочек его прошлого, который он не превратил во что-то опасное.

Балин начал пениться на губах. Внутрь просачивалась вода. Как далеко унесла их река? Сколько еще оставалось плыть? Он все еще держал

одной рукой Юл-Баюра за ворот. Шуханец оказался меньше Каза. Оставалось надеяться, что ему хватит воздуха.

В голове Бреккера мелькали яркие вспышки воспоминаний. Чашка горячего шоколада в руках с варежками, предупреждение Джорди, что шоколаду надо дать остыть, прежде чем можно будет его пить. Чернила, сохнувшие на бумаге, когда он подписал документы на «Клуб Воронов». Его первая встреча с Инеж в «Зверинце»: фиолетовые шелка и глаза, подведенные сурьмой. Нож с костяной рукояткой, который он подарил ей. Рыдания, доносившиеся из ее комнаты в Клепке в ночь, когда она совершила свое первое убийство. Рыдания, которые он проигнорировал. Каз помнил, как она иногда устраивалась на подоконнике его чердачного окна в тот год, когда он привел ее к Отбросам. Девушка кормила ворон, которые собирались на крыше.

– Не стоит заводить дружбу с воронами, – сказал он ей.

– Почему?

Каз отвел взгляд от стола, но что бы он ни хотел сказать, слова так и не слетели с его языка.

В кои веки выглянуло солнце, и Инеж повернулась к нему лицом. Ее глаза были закрыты, черные, как смола, ресницы откидывали тени на щеки. Ветер с гавани растрепал ее чернильные волосы, и на секунду Каз вновь почувствовал себя мальчиком, уверенным, что в этом мире есть волшебство.

– Почему? – повторила она, не открывая глаз.

Он сказал первое, что пришло в голову:

– У них плохие манеры.

– Как и у тебя, Каз.

Девушка засмеялась, и если бы звук можно было закупорить в бутылку и наслаждаться им каждую ночь, он бы так и сделал. Эта мысль ужаснула его.

Каз вдохнул последний раз, и балин растворился, а вода попала внутрь. Он прищурился, надеясь увидеть хоть намек на свет. Течение било его об стену туннеля. Давление в груди нарастало. *«Я сильнее этого, – убеждал себя парень. – У меня железная воля».* Но в его ушах раздавался смех Джорди: *«Нет, братец. Никто не сильнее. Ты обманывал смерть много раз. Жадность можно подкупить, но смерть не служит никому».*

Каз чуть не утонул в ту ночь в гавани, быстро работая ногами в темноте, держась на плаву с помощью тела Джорди. Теперь никто и ничто не поможет ему. Он попытался думать о брате, о мести, о Пекке Роллинсе, привязанном к стулу в доме на Зельверштрате, со ртом, набитым

торговыми контрактами, пока Каз заставлял его вспомнить имя Джорди. Но все его мысли занимала Инеж. Она должна жить. Она должна выбраться из Ледового Двора. А если не сможет, он должен жить, чтобы спасти ее.

Боль в легких была невыносимой. Он должен сказать ей... что? Она чудесная и храбрая, и он ее не заслуживает. Он неправильный, лживый, перекрученный, но не настолько безнадежный, чтобы не суметь собрать из себя некое подобие мужчины, который ей подходит. Сам того не понимая, он начал полагаться на нее, искать ее, нуждаться в ее близости. Нужно поблагодарить ее за новую шляпу.

Вода давила на грудь, требуя сделать вдох. «*Не буду*», – поклялся Каз. Но в конце концов он открыл рот, и вода хлынула внутрь.

Часть шестая. Хорошие воры

39. Инеж

Сердце Инеж колотилось о ребра. В воздушной гимнастике бывают такие моменты, когда ты отпускаешь одну перекладину и тянешься к следующей, и вдруг понимаешь, что ошиблась, что больше не чувствуешь себя невесомой, потому что падаешь.

Стражники потащили ее обратно через тюремные ворота. Их было гораздо больше, как и оружия, направленного на нее, чем при первом ее появлении в этом дворе, когда она вылезла из фургона вместе с остальной командой. Они вышли из пасти волка и поднялись по лестнице, а затем ее повели по проходу в огромном стеклянном корпусе. Нина перевела ей тогда надпись на плакате: «Фьерданская мощь». В тот раз девушка усмехнулась, глядя на танки и оружие, и наблюдая краем глаза за Казом и другими парнями в противоположной части помещения. Она гадала, кто же эти люди, которые демонстрируют свою силу беспомощным пленникам в цепях.

Охранники шли скорым шагом. Уже второй раз за вечер Инеж сделала вид, что споткнулась.

– Шевелись, – рывкнул на нее солдат на керчийском и подтолкнул вперед.

– Вы идете слишком быстро.

Он грубо дернул ее за руку.

– Хватит плестись.

– Разве ты не хочешь познакомиться с нашими инквизиторами? – спросил второй. – Они мигом тебя разговоят.

– Но ты уже не будешь такой красоткой после их допроса.

Они расхохотались, и у Инеж скрутило желудок. Она знала, что они специально говорят на керчийском, чтобы она все понимала.

Девушка подумала, что могла бы одолеть их, несмотря на отсутствие ножей и наличие у них винтовок. Руки Инеж не были связаны, а они продолжали считать, что поймали опальную проститутку. Хелен назвала ее преступницей, но для них она была просто маленькой воровкой в лоскутах фиолетового шелка.

Только она собралась перейти в атаку, как раздались шаги – им

навстречу шли два человека в форме. Удастся ли ей в одиночку победить четырех стражей? Инеж в этом сомневалась, но знала: когда они пройдут коридор, другой такой возможности не представится.

Она снова взглянула на плакат в стеклянном корпусе. Сейчас или никогда.

Инеж поддела ногой лодыжку стражника слева от нее. Он завалился вперед, и девушка врезала ему кулаком по носу, сломав его.

Второй стражник поднял ружье.

– Ты заплатишь за это!

– Ты не станешь в меня стрелять. Вам нужна информация.

– Я мог бы прострелить тебе ногу, – оскалился он, направив дуло вниз.

И тут же рухнул на пол. Из его спины торчала пара искореженных ножиц. Солдат, стоящий за ним, приветливо помахал рукой.

– Джеспер, – с облегчением выдохнула Инеж. – Наконец-то.

– Я тоже здесь, если ты не заметила, – сказал Уайлен.

Стражник со сломанным носом застонал и попытался поднять винтовку. Инеж хорошенько пнула его по голове. Больше он не двигался.

– Тебе удалось украсть большой бриллиант? – спросил Джеспер.

Инеж кивнула и достала огромное бриллиантовое кольцо из рукава.

– Поспеши, – сказала она. – Если Хелен еще не заметила пропажу, то скоро это случится.

Хотя, что, собственно, она могла сделать, пока действовал Черный протокол.

Джеспер разинул рот от удивления и вырвал у нее ожерелье.

– Каз сказал, что нам нужен бриллиант. Он не просил красть его у Хелен Ван Хауден!

– Просто приступай к работе.

Бреккер поставил перед Инеж две задачи: стащить достаточно крупный бриллиант, чтобы Джесперу было с чем работать, и быть в этом коридоре после одиннадцатого удара. Она могла украсть для их цели кучу других бриллиантов и придумать другой способ, чтобы привлечь к себе внимание стражников. Но ей хотелось облапошить именно Хелен. Несмотря на все секреты, которые она насобираала, документы, которые украла, и насилие, которое совершала, самой желанной добычей всегда оставалась Хелен Ван Хауден.

Хозяйка «Зверинца» облегчила ей задачу. Во время заварушки в ротонде Инеж сделала все возможное, чтобы она думала только о том, что ее душат, а не о том, что ее могут обокрасть. А потом Хелен в основном упивалась собственным злорадством. Девушка жалела лишь о том, что ее

не будет рядом, когда Танте Хелен обнаружит пропажу драгоценного кольца.

Джеспер зажег лампу и принялся за работу вместе с Уайленом. Только тогда Инеж заметила, что они оба были покрыты сажей после спуска обратно вниз по шахте мусоросжигателя. Ребята притащили с собой два грязных мотка веревки. Пока они работали, Инеж закрыла двери, встроенные в арки в стенах коридора. У них оставалось всего несколько минут: скоро придет следующий патруль и увидит дверь, которая не должна быть закрыта.

Уайлен, достав длинный металлический винт и нечто похожее на ручку громадной лебедки, пытался собрать их воедино в подобие чего-то, что, как надеялась Инеж, окажется уродливым, но рабочим сверлом.

За одной из дверей раздался топот.

– Скорее! – крикнула Инеж.

– От твоих криков я не стану работать быстрее, – проворчал Джеспер, сосредоточившись на драгоценных камнях. – Если я просто разобью их, они потеряют свою молекулярную структуру. Их нужно аккуратно разрезать и соединить острые края в одно идеальное сверло. У меня нет подготовки...

– И чья это вина? – вставил Уайлен, не отрываясь от своей работы.

– Это тоже не поможет!

Стражники заколотили в дверь. Инеж увидела через стекло, что по второму коридору несутся другие охранники, которые что-то кричали и целились в их сторону. Но стрелять было бесполезно: их разделяли две стены из пуленепробиваемого стекла.

Стекло сделал гриш. Нина сразу поняла это, когда они прошли мимо выставки, – фьерданская мощь, защищенная чарами гришей, – а единственное, что тверже стекла фабрикатора, – это алмаз.

Двери в конце коридора затряслись.

– Они идут! – крикнула Инеж.

Уайлен прикрепил алмазную деталь к самодельному сверлу. Когда инструмент прижали к стеклу, он издал неприятный скрежет. Джеспер повернул ручку. Дело продвигалось до ужаса медленно.

– Оно вообще работает?! – спросила Инеж.

– Стекло очень толстое!

Что-то врезалось в дверь справа от них.

– У них есть таран, – простонал Уайлен.

– Продолжайте, – поторопила Инеж, снимая тапочки.

Джеспер закрутил ручку быстрее, и сверло зажужжало. Парень провел им выгнутую линию, намечая начало круга, а затем нарисовал полумесяц.

Быстрее.

Деревянная дверь в конце коридора пошла трещинами.

– Бери ручку, Уайлен! – крикнул Джеспер.

Тот занял его место, крутя сверло так быстро, как только мог.

Джеспер взял ружья павших стражников и направил их на дверь.

– Они идут!

На стекле встретились две линии. Полная луна. Круг в стекле отделился и накренился вперед. Не успел он коснуться пола, как Инеж подхватила его.

– С дороги! – потребовала она.

Затем девушка побежала, ее ноги едва касались пола, шелковый наряд развевался, как перья. Она не обращала на это внимание. Ей удалось обхитрить Хелен Ван Хауден. Она забрала с собой частицу ее, пусть глупый символ, но для нее особенно ценный. Этого было недостаточно – никогда не будет достаточно, – и это лишь начало. Будут и другие содержательницы публичных домов, которых можно обмануть, другие работоторговцы, которых можно оставить в дураках. Ее шелка – перья, и она наконец свободна.

Инеж сконцентрировалась на этом отверстии в стекле – луне, отсутствии луны, двери в будущее – и прыгнула. Отверстие оказалось достаточно большим для ее тела. Инеж услышала, как с тихим свистом порвался ее шелковый наряд, шлейфом волочившийся следом, зацепившись за острый край стекла. Девушка выгнулась дугой и потянулась. У нее был только один шанс схватиться за металлический фонарь, висевший на потолке за ограждением. Это был невозможный прыжок, безумный прыжок, но она снова стала папиной дочкой, не поддающейся законам гравитации. Инеж зависла в воздухе на короткий ужасный миг, а потом ее руки схватились за основание фонаря.

Затем она услышала, как позади распахнулись двери и прозвучали выстрелы. *«Задержи их, Джеспер. Выиграй для меня время».*

Она раскачивалась взад-вперед, наращивая обороты. Мимо просвистела пуля. Случайность? Или кто-то прорвался мимо Уайлена и Джеспера и стрелял в нее через отверстие?

Набрав скорость, девушка отпустила фонарь и сильно врезалась в стену. Возможности сделать это более изящно не было, но ее пальцы успели вцепиться в край каменного выступа, на котором были выставлены древние топоры. Дальше было легче: она спустилась на нижний выступ и спрыгнула вниз, с глухим стуком приземлившись босыми ногами на крышу огромного танка. Инеж скользнула в металлический купол, находившийся в

центре боевой машины.

Затем покрутила разными рычагами, пытаясь найти нужные для управления. Наконец один из пулеметов поднялся вверх. Она нажала на спусковой крючок, и все ее тело затряслось, когда пули загрохотали по стеклянному корпусу, словно град, разлетаясь в разные стороны. Это лучший сигнал, который она могла послать Джесперу с Уайленом.

Инеж оставалось только надеяться, что ей удастся заставить работать главное орудие. Она устроилась в кабине танка и покрутила ручку. Ствол длинного пулемета встал на место. Рычаг был тут, как и сказал Джеспер. Она потянула за него изо всех сил. Раздалось поразительно тихое клацанье. Затем долгую ужасную секунду ничего не происходило. *«А вдруг он не заряжен? Если Джеспер прав насчет этой пушки, то фьерданцы были бы дураками, если бы позволили такой огневой мощи просто стоять у всех на виду».*

Где-то внутри танка раздался стук. Инеж услышала, как что-то покатилося в ее сторону, и испугалась, что сделала что-то неправильно. Что, если снаряд просто скатится по этому длинному стволу и взорвется у нее на коленях? Вместо этого что-то зашипело и заскрежетало, словно металл терся о металл. Оружие завибрировало. Воздух пронзил громopodobный взрыв, поднялось облако темно-серого дыма.

Снаряд попал в стекло, разбивая его на тысячи блестящих осколков. *«Краше всех бриллиантов»*, – восхитилась Инеж, надеясь, что ребятам хватило времени, чтобы найти укрытие.

Она подождала, пока дым рассеется и в ушах перестанет звенеть. Стекланный корпус исчез. Царила полнейшая тишина. Затем с перил мостика упали две веревки, и по ним спустились ее напарники: Джеспер двигался, как гибкое насекомое, а Уайлен – рывками и с паузами, извиваясь, будто гусеница, которая пытается выбраться из кокона.

– *Айор!* – крикнула девушка на фьерданском. Нина бы ею гордилась.

Инеж развернула пушку в другом направлении. На противоположной стороне стеклянной стены люди что-то кричали. Когда ствол начал двигаться в их направлении, все разбежались.

Девушка услышала топот и лязг металла, когда Джеспер и Уайлен забирались на танк. Появилась голова стрелка, свисающая вниз из башни.

– Дашь поводить?

– Если настаиваешь.

Она подвинулась, и парень радостно уселся за рычаги управления.

– Ну, здравствуй, дорогая, – счастливо произнес он. Затем дернул за второй рычаг, и бронированная машина словно ожила, содрогаясь и

извергая черный дым. «Что же это за чудище такое?» – подумала Инеж.

– Ну и шум! – крикнула она.

– Ну и движок! – загоготал Джеспер.

Они поехали вперед... безо всяких лошадей.

Сверху раздались выстрелы. Очевидно, Уайлен тоже разобрался с управлением.

– Ради всех святых! – воскликнул Джеспер. – Инеж, помоги ему прицелиться!

Она протиснулась к парню в куполообразную башню и прицелилась из второго небольшого пулемета, помогая закрыть люк башни, так как в оружейную бросились стражники.

Джеспер разворачивал танк и пытался отъехать как можно дальше назад. Один раз выстрелил из пушки. Снаряд разбил стеклянное ограждение, пролетел через проход и врезался в кольцевую стену за ним. В воздух взметнулись клубы пыли и белого камня. Он снова выстрелил. Удар пришелся по стене, и по ней побежали трещины. Снаряд проделал значительную вмятину, но не дыру.

– Готовы? – крикнул стрелок.

– Готовы! – дружно ответили Инеж с Уайленом и нырнули под орудийную башню. Щеки и шея Уайлена были испещрены царапинами от осколков стекла, но он радостно улыбался. Инеж схватила его за руки и сжала их. Они приползли в Ледовый Двор, как крысы, но уйдут они, как солдаты, живыми или мертвыми.

Инеж услышала громкий лязг и клацанье механизма. Танк взревел. Этот звук напоминал гром, оказавшийся в ловушке металлического барабана и требующий, чтобы его выпустили наружу. Катки танка пошли по гусеницам, а затем он рванул вперед. Они набирали скорость, разгоняясь все больше и больше. Машину подкинуло – должно быть, они выехали из выставочного комплекса.

– Держитесь крепче! – крикнул Джеспер, и они врезались в легендарную, неприступную стену Ледового Двора с грохотом, от которого сводило челюсть. Инеж и Уайлен отлетели к стене кабины.

Они вырвались, загрохотали по дороге, а позади все глуше раздавалось щелканье винтовочных выстрелов.

Инеж услышала пыхтение. Поднялась на ноги и повернулась к Уайлену. Тот заливался смехом.

Он выбрался из ниши купола и смотрел назад на Ледовый Двор. Когда девушка присоединилась к нему, то увидела дыру в кольцевой стене – черное пятно в белоснежном камне. Стражники выбегали через нее,

тщетно стреляя вслед поднимающему пыль танку.

Уайлен схватился за живот, похрюкивая от смеха, и показал вниз. Позади них тащился плакат, зацепившийся за гусеницы танка. Несмотря на пятна грязи и следы от пороха, Инеж все равно разобрала слова: «СТРАЙМАКТ ФЬЕРДАН». Фьерданская мощь.

40. Нина

Они выплыли из темноты на яркий лунный свет мокрые, в синяках, жадно глотающие воздух. Нина чувствовала себя так, словно ее избили. Остатки балина собрались липкими комочками в уголках губ. От платья почти ничего не осталось, и не будь девушка такой отчаянно, безумно счастливой, что они выжили, то наверняка бы обеспокоилась тем фактом, что она стоит босая и почти голая в ущелье северной речки, а до гавани, где они были бы в безопасности, оставалось еще полторы мили. Вдалеке продолжали бить колокола Ледового Двора.

Кювей откашливался от воды, а Матиас тащил по отмели вялое и безвольное тело Каза.

– Святые, он дышит? – спросила Нина.

Хельвар без особых церемоний перевернул его на спину и начал давить на грудь, прилагая больше усилий, чем было необходимо.

– Стоило. Позволить. Тебе. Умереть, – бормотал Матиас в перерывах между надавливаниями.

Нина выползла на камни и присела рядом с ним.

– Давай помогу, пока ты не сломал ему грудную клетку. У него есть пульс? – она прижала пальцы к горлу Каза. – Есть, но слабый. Расстегни ему рубашку.

Матиас помог разорвать мундир дрюскеля. Нина опустила одну руку на бледную грудь парня и сосредоточилась на сердце, заставляя его сокращаться. Второй сжала ему нос, открыла рот и вдохнула воздух в его легкие. Более опытный корпориа́л мог бы сам выкачать из него воду, но у нее не было времени сетовать на свою слабую подготовку.

– Он выживет? – спросил Кювей.

«Не знаю». Она снова прижалась губами ко рту Каза, регулируя дыхание вместе с ударами, которые она выколачивала из его сердца. «Ну же, давай, ты, бандит из гнилой Бочки! Ты выбирался из еще более жестких передраг».

Она почувствовала изменения, когда сердце Каза забилось в

собственном ритме. Затем он закашлялся, грудь свела судорога, изо рта полилась вода.

Он столкнул с себя девушку и резко втянул воздух.

– Прочь! – прохрипел Бреккер, вытирая рукой в перчатке себе рот. Его взгляд метался из стороны в сторону. Казалось, он смотрит прямо сквозь нее. – Не прикасайся ко мне!

– У тебя шок, демжин, – сказал Матиас. – Ты чуть не утонул. Хотя стоило бы.

Каз снова закашлялся, и его тело содрогнулось.

– Утонул... – повторил он.

Нина медленно кивнула.

– Ледовый Двор, помнишь? Невероятное похищение? Неминуемая смерть? Три миллиона крюге, ожидающие тебя в Кеттердаме?

Каз моргнул, и его взгляд прояснился.

– *Четыре* миллиона.

– Я знала, что это приведет тебя в чувство.

Он потер лицо руками, мокрый кашель продолжал сотрясать его грудь.

– Мы это сделали, – с удивлением сказал он. – Джель творит чудеса.

– Ты не заслуживаешь чудес, – насупился Матиас. – Ты осквернил священный яшень!

Каз поднялся на ноги, слегка покачнулся и сделал прерывистый вдох.

– Это символ, Хельвар. Если ваш бог такой неженка, может, стоит присмотреть другого? Давайте выбирать отсюда.

Нина всплеснула руками.

– На здоровье, неблагодарный негодяй.

– Поблагодарю, когда мы будем на борту «Феролинда». Шевелитесь. – Он уже тащился по валунам, выстроившимся вдоль дальней стороны ущелья. – По пути можете объяснить, почему наш прославленный шуханский ученый выглядит как один из школьных дружков Уайлена.

Нина покачала головой, разрываясь между раздражением и восхищением. Наверное, только так и можно было выжить в Бочке. Никогда не останавливаясь.

– Он – друг? – скептически поинтересовался Кювей на шуханском.

– Время от времени.

Матиас помог ей подняться, и они все последовали за Бреккером, медленно взбираясь по каменным стенам ущелья, что должно было привести их наверх, на другой конец моста и чуть ближе к Джерхольму. Нина еще никогда не чувствовала себя такой усталой, но отдыхать было некогда. Они получили свой трофей. Забрались дальше, чем любая другая

команда. Подорвали здание в самом сердце Ледового Двора. Но им ни за что не добраться до гавани без Инеж и остальных.

Она продолжала идти. У нее был еще один вариант – сесть на валун и ждать конца. Откуда-то со стороны Ледового Двора послышался отдаленный гул.

– О святые, пожалуйста, пусть это будет Джеспер, – взмолилась она, когда они перелезли через край ущелья и оглянулись на мост, украшенный лентами и ветвями ясеня к Рингкелле.

– Что бы это ни приближалось, оно большое, – сказал Матиас.

– Что будем делать, Каз?

– Ждать, – ответил он, и звук стал громче.

– А как насчет «спрятаться»? – спросила Нина, нервно переминаясь с ноги на ногу. – Или «Не трусьте! Я заныкал двадцать винтовок в этом удобном кустарнике»? Сделай хоть *что-нибудь*.

– А как насчет нескольких миллионов крюге?

По холму громыхал танк, из-под его гусениц летели грязь и пыль. Кто-то махал им из орудийной башни – нет, их было двое. Инеж и Уайлен кричали и бешено жестикулировали из-под купола.

Нина издала победный клич, а Матиас уставился на машину с недоверием. Когда девушка оглянулась на Каза, то не поверила своим глазам.

– Святые, Каз, ты выглядишь счастливым.

– Не будь душой, – рявкнул он. Но Нина не ошибалась. Каз Бреккер улыбался как идиот.

– Полагаю, мы их знаем? – спросил Кювей.

Радость Нины померкла, когда из-за горизонта выкатился достойный ответ Фьерды на все «художества» Отбросов из Бочки. На вершине холма появилась колонна танков. Они с грохотом катили вниз по освещенной луной дороге, пыль шлейфом поднималась из-под их гусениц. Может, Джеспер не закрыл ворота дрюскелей? Или их танки стояли где-то на территории? Учитывая всю военную мощь, которая скрывалась за стенами Ледового Двора, наверное, они должны считать себя счастливыми, но почему-то не чувствовали себя таковыми.

Пока танк не застучал по мосту, Нина не могла разобрать, что Инеж и Уайлен кричали: «Убирайтесь с дороги!»

Они отскочили, и танк пролетел мимо, а затем резко остановился.

– У нас есть танк! – удивилась Нина. – Каз, ты маленький противный гений! Твой план сработал. Ты добыл нам танк.

– Они добыли нам танк.

– У нас только один, – вставил Матиас и указал на орду металла и дыма, несущуюся к ним. – У них гораздо больше.

– Да, но знаешь, чего у них нет? – спросил Каз, пока Джеспер поворачивал громадный ствол миномета. – Моста.

Из бронированных внутренностей танка раздался металлический визг. Затем – чудовищный, пробирающий до костей взрыв. Нина услышала пронзительный свист, и что-то пролетело в воздухе мимо них, врезаясь в мост. Две первые эстакады вспыхнули огнем, и в ущелье посыпались искры и щепки. Пушка снова выстрелила. Издав последний стон, эстакада полностью развалилась.

Если фьерданцы захотят перебраться через ущелье, им придется лететь.

– У нас есть танк и ров! – не унывала Нина.

– Запрыгивайте, – крикнул Уайлен.

Они залезли на танк, цепляясь изо всех сил за любую выемку или край металла, и покатали по дороге к гавани на максимальной скорости.

Когда они мчались мимо уличных фонарей, из домов выходили люди, чтобы посмотреть, что происходит. Нина попыталась представить, как выглядит их одичавшая команда в глазах этих фьерданцев. Что они могли увидеть, выглянув в окна и за двери? Группу кричащих юнцов, несущихся вперед на танке, выкрашенном в цвета фьерданского флага, словно какие-то отставшие от парада, заблудившиеся психопаты. Девушка в фиолетовых шелках, парень с рыже-золотыми кудрями, торчащими из-за пушки, и четверо мокрых подростков, крепко держащихся за бока танка, – шуханец в тюремной одежде, два потрепанных дрюскеля и Нина, полуголая девушка в остатках сине-зеленого шифона, кричащая: «У нас есть ров!»

Когда они въехали в город, Матиас сказал:

– Уайлен, передай Джесперу, чтобы держался западных улиц.

Тот нырнул вглубь, и через секунду танк свернул на запад.

– Это район складов, – пояснил Хельвар. – Ночью тут пусто.

Танк затарахтел по мостовой, накрываясь вправо и влево на тротуарах и отъезжая назад, чтобы избежать столкновения с редкими прохожими, а затем поспешил в район гавани, мимо таверн, магазинов и портовых касс.

Кювей откинул голову назад, его лицо засветилось от радости.

– Я чувствую запах моря, – счастливо произнес он.

Нина тоже его чувствовала. Вдали мерцал маяк. Еще два квартала, и они будут на набережной – на свободе. Тридцать миллионов крюге. Ее и Матиаса долей хватит на то, чтобы отправиться, куда угодно, жить так, как они сами захотят.

– Почти на месте! – крикнул Уайлен.

Они завернули за угол, и сердце Нины ухнуло куда-то вниз.

– Стой! – воскликнула она. – Стой!

Могла и не надрыватьсь. Танк подскочил и остановился, чуть не скинув девушку вниз. Набережная была прямо перед ними, а за ней и гавань. На ветру развевались сотни флагов разных кораблей. Час был уже поздний, причал должен был быть пустым. Но он был заполнен войсками, стоящими шеренга за шеренгой людьми в серой форме. Как минимум две сотни солдат – и все стволы направлены прямо на них.

Нина все еще слышала звон Эльдерклока. Она оглянулась через плечо. Ледовый Двор возвышался над гаванью, усевшись на утесе, как угрюмая чайка с взъерошенными перьями. Его белокаменные стены подсвечивались снизу и сияли на фоне ночного неба.

– Что это? – спросил Уайлен Матиаса. – Ты ни разу не говорил...

– Они, наверное, изменили процедуру развертывания войск.

– Все остальное было неизменным.

– Я никогда не видел Черный протокол в деле, – рявкнул Матиас. – Может, они всегда отправляли войска в гавань. Я не знаю.

– Тихо! – сказала Инеж. – Замолчите.

Нина подскочила, услышав, как над толпой разнесся громоподобный голос. Сначала он говорил на фьерданском, потом на керчийском, и, наконец, на шуханском.

– Освободите узника Кювея Юл-Бо. Опустите оружие и отойдите от танка.

– Они не могут просто открыть огонь, – заметил Матиас. – Не будут рисковать из-за Кювея.

– Им и не нужно, – помрачнела Нина. – Смотри.

Между рядами солдат вели изможденного заключенного. Его волосы прилипли ко лбу. На нем был рваный красный кафтан, и человек цеплялся за рукав ближайшего стражника, лихорадочно шевеля губами, словно отчаянно доказывал какую-то непреложную истину. Нина знала, что он выпрашивает парем.

– Сердцебит, – пораженно сказал Матиас.

– Но он так далеко, – возразил Уайлен.

Нина покачала головой.

– Это не имеет значения.

Держали ли они его тут вместе со всеми войсками, размещенными в Нижнем Джерхольме? Почему бы и нет? Он – оружие лучше любого пулемета или танка.

– Я вижу «Феролинд», – пробормотала Инеж, указывая на доки. Нине понадобилась пара секунд, чтобы разглядеть керчийский флаг и жизнерадостный вымпел «Ханрад Бэя», развевающийся рядом с ним. Они были так близко...

Джеспер мог застрелить сердцебита. Они могли попробовать прорваться через войска на танке, но так им ни за что не добраться до корабля. Фьерданцы с удовольствием рискнут жизнью Кювея, чтобы не дать ему попасть в руки кому-нибудь еще.

– Каз? – позвал Джеспер из танка. – Сейчас самое время сказать, что ты это предвидел.

Бреккер посмотрел на море солдат.

– Я этого не предвидел. – Он покачал головой. – Хельвар, ты сказал, что однажды у меня закончатся трюки. Похоже, ты был прав.

Слова были предназначены Матиасу, но смотрел он на Инеж.

– Я больше не хочу в плен, – сказала она. – Они не возьмут меня живой.

– Меня тоже, – отозвался Уайлен.

Джеспер фыркнул из танка.

– Нам надо серьезно подумать над тем, чтобы помочь ему завести более подходящих друзей.

– Лучше умереть, размахивая кулаками, чем позволить какому-то фьерданцу насадить меня на пику, – сказал Каз.

Матиас кивнул.

– Значит, все согласны. Мы покончим с этим здесь.

– Нет, – прошептала Нина. Все повернулись к ней.

Голос из фьерданских рядов прозвучал снова:

– У вас есть время, пока мы будем считать до десяти, чтобы выполнить наше требование. Повторяю: освободите узника Кювея Юл-Бо и сдайтесь. Один...

Нина быстро заговорила с Кювеем на шуханском.

– Ты не понимаешь, – ответил он. – Одна доза...

– Я понимаю, – оборвала она парня. А вот другие не понимали, пока Кювей не достал маленький кожаный мешочек из кармана. Его края были испачканы порошком ржавого цвета.

– Нет! – закричал Матиас. Он потянулся за паремом, но Нина была быстрее.

Голос фьерданца монотонно гудел:

– Четыре...

– Нина, не будь душой! – разозлилась Инеж. – Ты видела...

– Некоторые гриши не становятся зависимыми после первой дозы.
– Не стоит рисковать.
– Пять...
– У Каза закончились трюки. – Девушка открыла мешочек. – А у меня – нет.

– Нина, прошу тебя, – взмолился Матиас. Она видела то же страдание на его лице в тот день в Эллинге, когда он подумал, что она предала его. В каком-то смысле она делала то же самое – снова бросала его.

– Шесть...

Первая доза была самой сильной, разве не так говорили? Кайф и ту силу, которую давал порошок, уже ничем не заменить. Она будет гнаться за ними всю оставшуюся жизнь. Или же Нина окажется сильнее наркотика.

– Семь...

Она быстро коснулась щеки Матиаса.

– Если станет совсем плохо, найди способ покончить с этим, Хельвар. Я верю, что ты поступишь правильно. – Она улыбнулась. – Как всегда.

– Восемь...

Затем девушка откинула голову назад и, высыпав парем себе в рот, сразу проглотила его. Нина узнала знакомый сладковатый, жженный вкус цветков юрды, но был и другой вкус, который она не могла до конца определить.

Нина перестала думать.

Ее кровь забурлила, сердце внезапно сильно забилося. Мир раскололся на крошечные вспышки света. Она увидела истинный цвет глаз Матиаса – яркую голубизну под серыми и коричневыми крапинками, которые она сама там оставила. Лунный свет освещал каждую волосинку на его голове. Она увидела пот на лбу Каза, почти невидимые следы уколов татуировки на его предплечье.

Нина взглянула на шеренги фьерданских солдат. Она слышала, как бились их сердца. Видела, как загораются нейроны, чувствовала, как формируются импульсы. Во всем появился смысл. Их тела превратились в карты из клеток, в тысячи уравнений, решенных за секунду, даже за миллисекунду, и Нина знала единственно верные ответы.

– Нина? – прошептал Матиас.

– Отойди, – приказала девушка и увидела свой голос в воздухе.

Она почувствовала сердцебита в толпе, движение его горла, когда он проглотил свою дозу. Он будет первым.

– Два... один...

Матиас увидел, как расширились зрачки Нины. Ее губы приоткрылись, и она оттолкнула его и сошла с танка. Воздух вокруг нее потрескивал, кожа мерцала, будто освещалась изнутри волшебным светом. Как если бы она припала устами прямо к струе Джеля, и теперь по ней текла божественная сила.

Нина немедленно занялась сердцебитом. Она тряхнула запястьем, и его глаза лопнули прямо в глазницах. Гриш упал на землю без единого звука.

– Будь свободен, – сказала она.

Потом подошла ближе к солдатам. Увидев, как те нацелили на девушку ружья, Матиас поспешил к ней на помощь. Нина подняла руки.

– Стойте!

Солдаты замерли.

– Опустите оружие. – Все как один повиновались.

– Спите, – скомандовала она и, взмахнув руками, провела дугу в воздухе. Солдаты попадали на землю безо всяких возражений – ряд за рядом, как стебли пшеницы под невидимой косой.

В воздухе повисла пугающая тишина. Уайлен и Инеж медленно слезли с танка. Джеспер и остальные последовали за ними и остановились в немом шоке. Все слова куда-то исчезли, пока они смотрели на поле поверженных тел. Все произошло очень быстро.

Другого способа добраться до гавани, кроме как идти по телам солдат, у них не было. Без лишних слов они начали прокладывать себе дорогу, и только далекий звон Эльдерклока нарушал тишину. Матиас коснулся руки Нины, и она тихонько вздохнула, позволив ему вести себя.

Доки за набережной были совершенно пустыми. Все направились к «Феролинду», Матиас и Нина медленно шли сзади. Хельвар видел Ротти на мачте, его челюсть отвисла от страха. Шпект ждал, когда можно будет снять корабль с якоря, и выражение его лица было таким же испуганным.

– Матиас!

Он повернулся. На набережной стояла группа дрюскелей в промокшей форме и с поднятыми капюшонами. На них были металлические маски, которые блестели серой сталью. За железной сеткой невозможно было увидеть их лица. Но Матиас узнал голос Ярла Брума, когда тот заговорил:

– Предатель! – сплюнул Брум из-под маски. – Ты продал свою страну и

своего бога. Тебе не покинуть эту гавань живым. Никому из вас! – Должно быть, дрюскели вытащили его из Сокровищницы после взрыва. Последовали ли они за Матиасом и Ниной к реке под ясенем? Стояли ли в верхнем городе лошади или танки?

Нина подняла руки.

– Ради Матиаса я дам вам последний шанс оставить нас в покое.

– Ты не можешь контролировать нас, ведьма, – сказал Брум. – Наши капюшоны, маски, каждый стежок одежды, которую мы носим, укреплены сталью гришей. Защита была создана по нашим требованиям и разработана именно для этой цели фабрикаторами, находящимися у нас в плену. Ты не можешь покорить нас своей воле. Не можешь навредить нам. Игра подошла к концу.

Нина взмахнула рукой. Ничего не произошло, и Матиас понял, что Брум говорил правду.

– Уходите! – крикнул им Матиас. – Прошу! Вы...

Брум поднял ружье и выстрелил. Пуля попала прямо в грудь Матиаса. Боль была неожиданной и ужасной, а затем внезапно исчезла. Хельвар собственными глазами увидел, как пуля вылетела из его груди и со стуком упала на землю. Он расстегнул рубашку. Раны не осталось.

Нина прошла мимо него.

– Нет! – закричал Хельвар.

Дрюскели открыли по ней огонь. Девушка вздрагивала каждый раз, когда пуля пронзала ее тело, на груди и оголенных бедрах расцветали красные пятна крови. Но она продолжала стоять. Она исцелялась так же быстро, как пули проходили сквозь ее тело и падали вниз, не причиняя ей никакого вреда.

Дрюскели уставились на Нину. Та расхохоталась.

– Вы слишком привыкли к пленным гришам. Мы очень ручные в клетках.

– Есть и другие способы укрощения, – сказал Брум, доставая длинный хлыст из-за ремня, похожий на тот, который использовал Ларс. – Твоя сила не действует на нас, ведьма, и наше дело – праведное.

– На вас – нет, – ответила Нина, поднимая руки. – А вот на них – вполне.

За спинами дрюскелей начали подниматься фьерданские солдаты, которых Нина погрузила в сон. Их лица совершенно ничего не выражали. Один вырвал хлыст из рук Брума, другие снимали капюшоны и маски с ошеломленных дрюскелей, тем самым делая их уязвимыми.

Нина сжала пальцы, и дрюскели выпустили оружие и схватились за

головы, крича от боли.

– За мою страну! – воскликнула девушка. – За мой народ! За каждого ребенка, которого вы отправили на костер. Пожинай то, что посеял, Ярл Брум!

Матиас наблюдал, как дрюскели дергались и бились в судорогах, кровь текла из их ушей и глаз. Другие фьерданские солдаты просто безучастно смотрели на происходящее. Все крики слились в единый гул. Клаас, который напился с ним в Авфалле. Гьерт, который научил его волка есть с рук. Они были чудовищами. Матиас знал это, но они также были мальчиками, такими же, как он, которых научили ненавидеть и бояться.

– Нина, – позвал он, все еще прижимая руку к гладкой коже на своей груди, где должна была быть рана от пули. – Нина, пожалуйста.

– Ты же знаешь, что они не проявили бы к тебе милосердия, Матиас.

– Знаю. Знаю. Но пусть лучше живут с позором.

Она колебалась.

– Нина, ты научила меня, как стать лучше. Их тоже можно научить.

Девушка перевела на него взгляд. Ее зеленые, как густой лес, глаза свирепо смотрели на него, зрачки были, как темные колодцы. Воздух вокруг Нины замерцал с новой силой, словно внутри нее горел тайный огонь.

– Они боятся тебя, как когда-то боялся я. Как когда-то ты боялась меня. Мы все чьи-то чудища, Нина.

Долгий миг она изучала его лицо. Наконец девушка опустила руки, и дрюскели, всхлипывая, рухнули на землю. Солдаты опять погрузились в сон. Ее рука снова взмыла в воздух, и Брум завопил. Он прижал руки к голове, и между его пальцев потекла кровь.

– Он выживет? – спросил Матиас.

– Да, – ответила Нина, поднимаясь на шхуну. – Просто облысеет.

Шпект выкрикивал команды, и «Феролинд» выходил из гавани, набирая скорость со вздувшимися от ветра парусами. Никто не бежал по докам, чтобы остановить их. Никто не стрелял с кораблей или из пушек. Никто не выносил последнее предупреждение и не подавал сигнал артиллерии наверху. Эльдерклок продолжал звенеть, но никто не обращал на него внимания. Корабль исчез в бескрайнем черном морском убежище, оставляя за кормой одни страдания.

Святые благословили их сильным ветром. Инеж чувствовала, как развеваются ее волосы, и не могла не думать о том, что приближается буря.

Как только они поднялись на палубу, Матиас повернулся к Кювею:

– Сколько времени это продлится?

Шуханец немного знал керчийский, но Нине приходилось иногда переводить. Делала она это рассеянно, ее глаза блуждали.

– Эйфория продлится около часа или двух. Зависит от того, сколько потребуется ее организму, чтобы переваривать такую большую дозу.

– Почему ты не можешь просто достать его из своего тела, как пули? – в отчаянии спросил Матиас у Нины.

– Не сработает, – ответил Кювей. – Даже если бы она могла остановить ломку на достаточно долгий период, чтобы начать очищать свое тело, она утратит способность вытаскивать из себя парем прежде, чем тот весь не выведется. Нужен другой корпориап, принимающий парем, чтобы добиться этого.

– Что препарат с ней сделает? – поинтересовался Уайлен.

– Ты сам видел, – сказал Хельвар с горечью в голосе. – Мы знаем, что произойдет.

Каз скрестил руки.

– Как все начнется?

– Ломота в теле, озноб, как при обычной простуде, – пояснил Кювей. – Затем появляется своего рода гиперчувствительность, сопровождаемая дрожью и ломкой.

– У тебя есть еще парем? – спросил Матиас.

– Да.

– Достаточно, чтобы довезти ее до Кеттердама?

– Я не стану больше принимать, – возразила Нина.

– Достаточно, чтобы ты чувствовала себя комфортно, – сказал Кювей. – Но если примешь вторую дозу, надежды больше не будет. – Он посмотрел на Хельвара. – Это ее единственный шанс. Возможно, тело очистится естественным путем и у нее не будет зависимости.

– А если нет?

Кювей пожал плечами и развел руками, как бы извиняясь.

– Без готового запаса наркотика она сойдет с ума. А с ним ее тело попросту изнашивается. Знаешь, что значит слово «парем»? Так его назвал мой отец. Это значит «безжалостный».

Когда Нина закончила переводить, наступила долгая пауза.

– Я больше не хочу ничего слышать, – сказала она. – Никакие слова не изменяют того, что надвигается.

Девушка побрела к носу корабля. Матиас смотрел ей вслед.

– Вода слышит и понимает, – пробормотал он себе под нос.

Инеж нашла Ротти и попросила его достать шерстяные пальто, которые они с Ниной оставили на шхуне, отдав предпочтение одежде для более холодной погоды, когда высаживались на северном побережье. Затем нашла подругу на носу корабля. Девушка смотрела на море.

– Час, может, два, – произнесла Нина, не оборачиваясь.

Инеж удивленно замерла.

– Ты слышала, как я подошла?

Никто не слышал Призрака, особенно при шуме ветра и волн.

– Не волнуйся. Тебя выдали не твои бесшумные шаги. Я слышу твой пульс и дыхание.

– И ты сразу поняла, что это я?

– Каждое сердце звучит иначе. Раньше я никогда этого не замечала.

Инеж встала рядом у поручней и передала Нине пальто. Та надела его, хотя, казалось, что холод совсем ее не беспокоил. Над ними между серебристыми редкими облаками ярко сияли звезды. Инеж была готова к рассвету, готова, чтобы эта долгая ночь наконец-то закончилась вместе с их путешествием. Она с удивлением обнаружила, что хочет снова увидеть Кеттердам. Девушка мечтала съесть порцию омлета и выпить чашку очень сладкого кофе. Хотела услышать, как стучит дождь по крышам, когда она сидит в своей теплой и уютной крошечной комнатке в Клепке. Впереди новые приключения, но они могут подождать, пока она примет горячую ванну, а, может, и не одну.

Нина уткнулась лицом в шерстяной воротник своего пальто и сказала:

– Хотела бы я, чтобы ты взглянула на мир моими глазами. Я слышу тело каждого на корабле, слышу, как кровь течет по их жилам. Слышу, как меняется дыхание Каза, когда он смотрит на тебя.

– Ты... ты слышишь?

– Он замирает каждый раз, словно видит тебя впервые.

– А что насчет Матиаса? – спросила Инеж, желая сменить тему.

Нина подняла бровь – ее так просто не обмануть.

– Матиас боится за меня, но его сердце бьется в четком ритме, несмотря на эмоции. Типичный фьерданец – такой дисциплинированный!

– Не думала, что ты оставишь в живых тех людей в порту.

– Не уверена, что это был правильный поступок. Я стану очередной страшной историей о грише, которой они будут пугать своих чад.

– Будьте послушными, или Нина Зеник придет за вами?

Девушка призадумалась.

– Что ж, мне *нравится*, как это звучит.

Инеж откинулась на перила и покосилась на подругу.

– Ты вся будто светишься.

– Это недолго продлится.

– Как и все в этой жизни. – Затем улыбка сулийки дрогнула. – Тебе страшно?

– Я в ужасе.

– Мы все будем рядом с тобой.

Нина прерывисто вдохнула и кивнула.

Инеж заключила бесчисленное количество союзов в Кеттердаме, но у нее почти не было друзей. Она положила голову на плечо Нине.

– Будь я сулийской провидицей, то заглянула бы в будущее и сказала тебе, что все будет хорошо.

– Или что я умру в агонии. – Нина прижалась щекой к макушке Инеж. – Все равно Расскажи мне что-нибудь хорошее.

– Все будет замечательно. Ты переживешь это. А затем станешь очень-очень богатой. Будешь петь матросские и застольные песни каждую ночь в кабаре Восточного Обруча и подкупишь всех зрителей, чтобы они аплодировали тебе стоя после каждой песни.

Нина тихо рассмеялась.

– Давай выкупим «Зверинец»!

Инеж усмехнулась, подумав о будущем и своем маленьком корабле.

– Выкупим и сожжем его дотла.

Какое-то время девушки просто наблюдали за волнами.

– Готова? – спросила Нина.

Инеж обрадовалась, что ей не пришлось ни о чем просить. Она задрала рукав, обнажая перо павлина и изуродованную кожу под ним.

На это понадобились всего лишь секунда и легкое прикосновение пальчиков Нины. Рука сильно зачесалась, но кожа на предплечье Инеж стала идеальной – даже слишком гладкой и безупречной, как новенькая.

Девушка прикоснулась к нежной коже. Вот и все. Если бы только от каждой раны можно было так легко избавиться.

Нина поцеловала Инеж в щеку.

– Пойду найду Матиаса, пока мне не стало хуже.

Но когда она отошла, Инеж увидела, что у Нины была еще одна причина, чтобы уйти. Каз стоял в тени у мачты. На нем было его пальто, и он опирался на свою трость с головой ворона. Бреккер снова выглядел самим собой. Ножи Инеж ждали ее в трюме вместе с остальными вещами. Она скучала по своим когтям.

Каз обмолвился парой слов с Ниной, и девушка удивленно отпрянула. Инеж не могла разобрать, о чем они говорили, но видела, что разговор вышел напряженным. Затем Нина раздраженно фыркнула и исчезла под палубой.

– Что ты ей сказал? – спросила сулийка, когда он присоединился к ней у поручней.

– У меня есть работа, которую она должна выполнить.

– Ее ждет ужасное испытание...

– А работа не ждет.

Прагматичный Каз. С чего бы сочувствию вставать у него на пути? Может, Нине и не помешает отвлечься.

Они застыли, глядя на волны. Молчание затянулось.

– Мы живы, – наконец сказал он.

– Похоже, ты молился правильному богу.

– Или отправился на дело с правильными людьми.

Инеж пожала плечами.

– Кто выбирает наши пути? – Каз ничего не ответил, и она не сдержала улыбки. – Никаких остроумных реплик? Никаких насмешек над моими сулийскими пословицами?

Парень провел пальцем в перчатке по перилам.

– Нет.

– Как мы встретимся с Торговым советом?

– Когда до берега останется пара миль, мы с Ротти поплывем на лодке к гавани. Найдём посыльного и отправим его к Ван Эку. Обмен проведем на Вельгелюке.

Инеж вздрогнула. Остров славился работоторговцами и контрабандистами.

– Это твой выбор или совета?

– Ван Эк предложил.

Девушка нахмурилась.

– Откуда купец знает о Вельгелюке?

– Торговля есть торговля. Может, Ван Эк не такой уж честный купец, каким кажется.

Они молчали какое-то время. Наконец она произнесла:

– Я хочу научиться ходить под парусом.

Каз сдвинул брови и удивленно воззрился на нее.

– Правда? Зачем?

– Хочу потратить деньги на то, чтобы нанять команду и снарядить корабль. – Она сказала это, и у нее перехватило дыхание. Ее мечта все еще

казалась такой хрупкой... Инеж не хотелось бы зависеть от мнения Каза, но что уж тут поделаешь? – Я буду охотиться на работоторговцев.

– Цель, – задумчиво произнес он. – Ты же знаешь, что не сможешь остановить их всех.

– Если не попытаюсь, то вообще никого не остановлю.

– Тогда я почти что им сочувствую. Они и понятия не имеют, что их ждет.

Щеки Инеж залились довольным румянцем. Но разве Каз не говорил всегда, что она опасна?

Девушка облокотилась на перила и уперлась подбородком в ладони.

– Но сначала я поеду домой.

– В Равку?

Она кивнула.

– Чтобы найти семью.

– Да. – Еще два дня назад она оставила бы все, как есть, уважая их негласный договор не копаться слишком глубоко в чужом прошлом. Но сейчас Инеж спросила: – Разве у тебя больше никого не было, кроме брата, Каз? Где твои мама с папой?

– У мальчиков из Бочки нет родителей. Мы рождаемся в гавани и вылезаем из каналов.

Сулийка покачала головой. Посмотрела, как меняется и дышит море – каждая волна словно вдох. Вдали виднелся горизонт – едва заметная разница между черным небом и еще более черным морем. Девушка подумала о родителях. Они разлучились почти три года назад. Изменились ли они? Сможет ли она снова стать их дочерью? Наверное не сразу. Но ей хотелось сидеть с отцом на ступеньках фургона и есть фрукты с деревьев. Хотелось увидеть, как мама стряхивает мел с рук, прежде чем приступить к приготовлению ужина. Хотелось взглянуть на высокую южную траву и бескрайнее небо над Сикурзойскими горами. Что-то, в чем она нуждалась, ждало ее там. А в чем нуждался Каз?

– Скоро ты станешь богатым. Что будешь делать, когда не останется больше крови, которую можно пролить, и возмездия, которое нужно совершить?

– Подобные вещи никогда не заканчиваются.

– Больше денег, больше хаоса, больше долгов, которые нужно вернуть. Неужели ты никогда не мечтал о чем-то другом?

Он ничего не ответил. Что выжгло всю надежду в его сердце? Возможно, она никогда не узнает.

Инеж повернулась, чтобы уйти. Каз схватил ее за руку и прижал ее к

поручням. Он не смотрел на девушку.

– Останься, – произнес парень грубым, как камень, голосом. – Останься в Кеттердаме. Останься со мной.

Инеж посмотрела на руку в перчатке, вцепившуюся в нее. Все в ней хотело ответить «да», но она не согласится на такую мелочь, особенно после всего, через что ей пришлось пройти.

– Какой в этом смысл?

Он сделал вдох.

– Я хочу, чтобы ты осталась. Я хочу... я хочу тебя.

– Ты хочешь меня. – Инеж обдумала эти слова. Ласково сжала его руку. – И как ты сможешь быть со мной, Каз?

Тогда он наконец-то поднял взгляд – горящие глаза свирепо смотрели на нее, губы сжались в тонкую линию. С таким лицом он шел в бой.

– Как ты сможешь быть со мной? – повторила она. – Полностью одетым, в перчатках, отвернув голову, чтобы наши губы никогда не соприкоснулись?

Парень отпустил ее руку. Его плечи ссутулились, взгляд наполнился злостью и стыдом, когда он повернулся лицом к морю.

Может, она смогла наконец произнести эти слова именно потому, что Бреккер стоял к ней спиной:

– Я буду с тобой, если ты скинешь броню, Каз Бреккер. Или не буду вовсе.

«*Ответь*, – мысленно взмолилась Инеж. – *Дай мне повод остаться*». Несмотря на его эгоизм и жестокость, Каз оставался мальчиком, который спас ее. Инеж хотелось верить, что он тоже достоин спасения.

Снасти заскрипели. Облака разошлись перед луной, а затем снова собрались вокруг нее.

Инеж оставила Каза наедине с завывающим ветром. До рассвета еще много времени.

43. Нина

Боли начались после рассвета. Через час уже казалось, что ее кости пытаются вырваться из суставов. Нина лежала на том же столе, за которым исцеляла ножевые ранения Инеж. Ее чувства все еще были достаточно обострены, чтобы она могла учуять медный запах крови сулийки, перебивавший аромат чистящего средства, которым Ротти оттирал дерево. Кровь пахла Инеж.

Рядом сидел Матиас. Он пытался взять ее за руку, но боль была слишком сильной. Когда его и ее кожа соприкасались, Нине казалось, что плоть саднит. Все выглядело неправильным. Все чувствовалось неправильным. Ее мысли занимал только сладкий, жженный вкус парема. В горле свербело. Собственная кожа казалась врагом.

Когда начались судороги, Нина умоляла Матиаса уйти.

– Не хочу, чтобы ты видел меня такой, – сказала она, пытаясь перевернуться на бок.

Он смахнул влажные пряди с ее лба.

– Насколько все плохо?

– Плохо. – Но она знала, что будет еще хуже.

– Хочешь попробовать юрду? – Кювей предположил, что маленькие дозы обычной юрды могут помочь Нине пережить этот день.

Она покачала головой.

– Я хочу... хочу... святые, почему здесь так жарко?! – Затем, несмотря на боль, девушка попыталась сесть. – Не давай мне вторую дозу. Что бы я ни говорила, Матиас, сколько бы ни умоляла. Я не хочу быть, как Нестор, или как те гриши в камерах.

– Нина, Кювей сказал, что воздержание может убить тебя. Я не позволю тебе умереть.

Кювей. В Сокровищнице Матиас сказал: «Он один из нас». Ей понравилось это слово. *Нас*. Слово без барьеров и границ. Оно наполняло надеждой.

Девушка откинулась на спину, и все ее тело взбунтовалось. Одежда стала, как битое стекло.

– Я бы убила всех дрюскелей до последнего.

– Мы все несем наши грехи, Нина. Мне нужно, чтобы ты выжила, дабы искупить свои.

– Ты же знаешь, что можешь сделать это и без меня.

Парень уткнулся головой в руки.

– Но не хочу.

– Матиас, – ласково произнесла она, проводя пальцами по его коротким волосам. Больно. Мир делал ей больно. Прикасаться к нему было больно, но она все равно это сделала. Кто знает, представится ли ей когда-нибудь еще такая возможность. – Я ни о чем не жалею.

Фьерданец взял ее за руку и нежно поцеловал костяшки пальцев. Нина скривилась, но когда он попытался отодвинуться, то лишь крепче вцепилась в него.

– Останься, – попросила девушка. Из ее глаз покатались слезы. –

Останься со мной до конца.

– И даже после, – ответил он. – Навсегда.

– Я хочу снова почувствовать себя в безопасности. Хочу вернуться домой, в Равку.

– Значит, я отвезу тебя туда. Будем поджигать изюм, или что вы там, безбожники, делаете забавы ради.

– Фанатик, – слабо выдавила она.

– Ведьма.

– Варвар.

– Нина, – прошептал Матиас, – моя маленькая красная птичка. Не улетай.

44. Джеспер

Пока шхуна мчалась на юг, весь экипаж, казалось, нес вахту. Все общались вполголоса, тихо ступая по палубе. Джеспер волновался о Нине ничуть не меньше остальных, – ну, не считая Матиаса, разве что, – но это почтительное молчание было для него невыносимо. Ему требовалось во что-то выстрелить.

«Феролинд» напоминал корабль-призрак. Матиас не отходил от Нины и попросил Уайлена помочь ухаживать за ней. Хотя тот и не любил химию, о настойках и смесях он знал больше, чем кто-либо на корабле, за исключением Кювея, но Матиас не понимал и половины из того, что говорил шуханец. Джеспер не виделся с Уайленом с тех пор, как они покинули джерхольмскую гавань, и должен был признать, что соскучился по их перепалкам с маленьким купцом. Кювей оказался довольно дружелюбным, но его керчийский оставлял желать лучшего, да и, похоже, он не любил много говорить. Иногда он просто выходил ночью на палубу и молча стоял рядом с Джеспером, глядя на волны. Это слегка нервировало. Одна Инеж была разговорчива, и то только потому, что начала проявлять огромный интерес ко всему, что касалось мореплавания. Большую часть времени она проводила со Шпектом и Ротти, учась вязать узлы и управлять парусами.

Джеспер всегда знал, что у них было мало шансов вернуться домой из этого путешествия. Их могли запереть в камерах Ледового Двора или насадить на пики. Но он полагал, что, если им удастся невозможное и они спасут Юл-Баюра, а затем доберутся до «Феролинда», дорога домой будет похожа на вечеринку. Они будут пить все, что Шпект, возможно, протащил

на корабль, доедать ириски Нины, вспоминать самые опасные моменты и каждую маленькую победу. Но он никак не мог предвидеть, что их загонят в угол в гавани, и уж точно не представлял, на что пойдет Нина, чтобы вытащить их из этой передраги.

Джеспер беспокоился о девушке, но мысли о ней вызывали у него чувство вины. Когда они поднялись на шхуну и Кювей объяснил, как действует парем, тоненький голосок в его голове сказал, что он тоже должен был предложить принять порошок. Хотя он и был неопытным фабрикаторм, возможно, он бы смог помочь Нине очистить организм от парема и освободить ее. Но это был голос героя, а Джеспер давно понял, что у него нет никаких задатков героя. Черт возьми, герой бы вызвался принять парем, еще когда они противостояли фьерданцам в гавани!

Когда на горизонте появилась Керчия, земенец почувствовал странную смесь облегчения и тревоги. Скоро их жизнь изменится таким образом, который до сих пор казался ему нереальным.

Когда они сбросили якорь и наступила ночь, Джеспер спросил, нельзя ли ему поплыть с Казом и Ротти к Пятой гавани. Они в нем не нуждались, но ему отчаянно хотелось отвлечься.

Кеттердам встретил их привычным столпотворением – с кораблей у доков выгружали товары; туристы, солдаты в увольнении выходили на берег и бескончаемым потоком, смеясь и перекрикиваясь, направлялись в Бочку.

– Выглядит точно так же, как в день нашего отплытия, – сказал Джеспер.

Каз поднял бровь. Он снова надел свой гладкий черно-серый костюм и безупречный галстук.

– А чего ты ждал?

– Даже не знаю, – признал парень.

Но он чувствовал, что изменился, несмотря на привычную тяжесть револьверов с перламутровыми рукоятками на бедрах и ружья за спиной. Он не мог забыть ту проливную, кричащую во дворе дрюскелей, с черными точками на лице. Джеспер посмотрел вниз, на свои руки. Хотел ли он быть фабрикаторм? Жить, как один из них? Он не мог изменить свою сущность, но хотел ли он развивать свою силу или продолжать скрывать ее?

Каз оставил Ротти с Джеспером в доке, а сам отправился на поиски посыльного, чтобы передать сообщение Ван Эку. Джеспер хотел пойти с ним, но Бреккер приказал остаться. Сильно раздосадованный этим, парень воспользовался возможностью размять ноги и почувствовал на себе взгляд Ротти. Что-то ему подсказывало, что это Каз попросил того не спускать глаз

со стрелка. Он что, думал, что Джеспер рванет напрямиком в ближайший игорный дом?

Парень поднял взгляд к затянувшемуся облаками небу. Чего уж тут скрывать? Его же действительно посещала такая соблазнительная мысль. Руки аж чесались, так хотелось взяться за карты. Может, ему действительно стоит уехать из Кеттердама. Как только он получит деньги и выплатит долги, он сможет податься в любое место мира. Даже в Равку. Оставалось надеяться, что Нина поправится, и, когда она придет в себя, Джеспер сядет с ней, поговорит и обсудит этот вариант. Необязательно уезжать прямо сейчас, но он же должен когда-нибудь побывать там, верно?

Через полчаса Каз вернулся с новостью, подтверждающей, что представители Торгового совета встретятся с ними на Вельгелюке на рассвете следующего дня.

– Посмотри на это, – сказал Каз, протягивая бумажку Джесперу. После описания всех деталей встречи было добавлено: *«Поздравляем. Страна вам благодарна»*.

Слова вызвали странное чувство в груди Джеспера, но он рассмеялся:

– Всегда пожалуйста, пока страна выплачивает мне наличкой. Совет знает, что ученый мертв?

– Я сообщил об этом в письме Ван Эку. Сказал, что Бо Юл-Баюр мертв, но его сын выжил и работал над воссозданием юрды-парема для фьерданцев.

– И он не торговался?

– По крайней мере, не в записке. Он выказал «глубокую обеспокоенность», но ни словом не обмолвился о сумме. Мы выполнили свою работу. Посмотрим, попытается ли он сбить цену в Вельгелюке.

Когда они поплыли обратно к «Феролинду», Джеспер спросил:

– Уайлен пойдет с нами на встречу с Ван Эком?

– Нет, – ответил Каз, барабанив пальцами по голове ворона на трости. – С нами будет Матиас, поэтому кто-то должен приглядывать за Ниной. Кроме того, если нам понадобится Уайлен, чтобы скрутить руки папочке, лучше не показывать свой козырь слишком рано.

Вполне логично. К тому же, какие бы разногласия ни существовали между Уайленом и его отцом, Джеспер сомневался, что тот захотел бы обсуждать их перед Отбросами и Матиасом.

Стрелок провел беспокойную ночь, ворочаясь в гамаке, и проснулся, когда уже наступил душный серый рассвет. Ветра не было, а море выглядело плоским и стеклянным, как в стоячем пруду.

– Упрямое небо, – проворчала Инеж. Прищурившись, она поглядывала

в сторону Вельгелюка. Ее правда. На горизонте не было ни облачка, но воздух казался густым от влаги, будто буря просто отказывалась собираться.

Джеспер осмотрел пустую палубу. Он предполагал, что Уайлен выйдет попрощаться с ними, но Нину нельзя было оставлять одну.

– Как она? – спросил он у Матиаса.

– Очень слабая, – ответил фьерданец. – Никак не может поспать. Но мы накормили ее бульоном, и у нее получилось удержать его.

Джеспер знал, что ведет себя глупо и эгоистично, но одна маленькая мыслишка не давала ему покоя. Не намеренно ли Уайлен держался подальше от него по пути в Кеттердам? Может, теперь, когда работа была сделана и он плыл к своей доле призовых, Уайлен решил больше не являться с преступниками.

– А где вторая лодка? – спросил Джеспер, когда он, Каз, Матиас и Инеж с Кювеем отплыли с Ротти от «Феролинда».

– В ремонте, – ответил Бреккер.

Вельгелюк был таким плоским, что они едва могли его рассмотреть, пока рассекали веслами воду. Остров был меньше мили в ширину – бесплодный кусок песка и камня, известный лишь затопленным фундаментом старой башни, которой пользовался Совет приливов. Контрабандисты прозвали его Вельгелюк – «добрая удача», из-за изображений вдоль основания того, что когда-то было обелиском: золотые круги, символизирующие монеты, знаки благосклонности Гезена – бога промысла и торговли. Джеспер с Казом уже бывали на острове, когда встречались с контрабандистами. Он находился далеко от кеттердамских портов, от патрулей, охранявших гавань, и здесь не было никаких строений или скрытых бухт, где можно было бы устроить засаду. Идеальное место для встреч со всякими подозрительными личностями.

Бригантина была пришвартована у противоположного берега острова, ее паруса вяло и бесполезно колыхались на ветру. Джеспер наблюдал, как она медленно плыла от Кеттердама в рассветной дымке – крошечная черная точка, которая выросла в громадное пятно на горизонте. Он слышал, как перекликались между собой матросы, работающие на веслах. Теперь экипаж спускал с борта на воду баркас, набитый людьми.

Когда их лодка доплыла до берега, Джеспер и остальные выпрыгнули, чтобы вытащить ее на землю. Стрелок проверил свои револьверы и увидел, как Инеж быстро коснулась пальцами каждого ножа, что-то нашептывая себе под нос. Матиас поправил ружье, закинутое за спину, и повел своими массивными плечами. Кювей молча наблюдал за ними.

- Ладно, – наконец сказал Каз. – Пора бы нам разбогатеть.
- Ни траура, – сказал Ротти, усаживаясь стеречь лодку.
- Ни похорон, – ответили остальные.

Они направились к центру острова. Кювей шёл за Казом, а Инеж и Джеспер – по бокам. Когда они подошли ближе, Джеспер увидел приближающегося мужчину в черном костюме торговца, сопровождаемого высоким шуханцем с темными волосами, убранными в хвостик. За ними плелась группа людей из городской стражи в фиолетовых кителях. В руках у каждого было по бите и многозарядной винтовке. Два человека тащили тяжелый сундук, взяв его за бока и слегка пошатываясь от его веса.

- Вот как выглядят тридцать миллионов крюге, – сказал Каз.

Джеспер тихонько присвистнул.

- Надеюсь, лодка не потонет.

– Только вы, Ван Эк? – спросил Бреккер у мужчины в костюме купца. – Остальные члены совета не потрудились явиться?

Так значит, это и есть Ян Ван Эк. Он был выше Уайлена, и у него были залысины, но Джеспер отметил определенное сходство.

– Совет посчитал, что я лучше всего подхожу для этой задачи, поскольку мы уже раньше имели с вами дело.

– Красивая булавка, – сказал Каз, взглянув на рубин, которым был заколот галстук Ван Эка. – Но не такая роскошная, как предыдущая.

Купец слегка поджал губы.

– Предыдущая была семейной реликвией. Ну как? – обратился он к шуханцу, стоящему позади.

– Это Кювей Юл-Бо. Прошел год с тех пор, как мы виделись последний раз. Он вырос, но остался точной копией своего отца, – ответил тот. Шуханец сказал что-то Кювею на родном языке и быстро поклонился.

Кювей покосился на Каза, а затем поклонился в ответ. Джеспер видел, как блестит пот на его лбу.

Ван Эк усмехнулся.

- Признаться, я удивлен, мистер Бреккер. Удивлен, но доволен.

- Вы сомневались, что мы преуспеем?

- Скажем так, я думал, что у вас мало шансов на успех.

- Поэтому вы подстраховались?

- Ах, так вы виделись с Пеккой Роллинсом.

– Он такой болтливый, если застать его в добром расположении духа, – ответил Каз, и Джеспер вспомнил кровь на его тюремной блузе. – Он сказал, что вы заключили сделку с ним и Грошовыми Львами от имени Торгового совета, чтобы они тоже отправились за Бо Юл-Баюром.

С легким чувством тревоги Джеспер гадал, что еще мог рассказать Казу Роллинс.

Ван Эк пожал плечами.

– Береженного бог бережет.

– Да и какая вам разница, если кучка канальных крыс порвет друг друга в куски в погоне за кушем?

– Мы знали, что шансы на успех у обеих команд были невелики. Я надеюсь, что вы как игрок меня понимаете.

Джеспер никогда не считал Каза игроком. Игроки всегда полагаются на удачу.

– Тридцать миллионов крюге залечат мои душевные раны.

Ван Эк подозвал стражников, стоящих у него за спиной. Они подняли сундук и поставили его перед Казом. Бреккер присел и открыл крышку. Даже издали Джеспер видел пачки купюр бледно-фиолетового керчийского цвета, украшенные тремя летающими рыбами. Они выстроились ряд за рядом, связанные бумажными лентами с восковыми печатями.

Инеж задержала дыхание.

– Даже ваши деньги странного цвета, – буркнул Матиас.

Джесперу захотелось провести ладонями по этим славным пачечкам и искупаться в них.

– По-моему, у меня потекли слюнки.

Каз достал одну из пачек и пролистал купюры пальцем в перчатке. Затем сунул руку в нижний слой денег, чтобы убедиться, что Ван Эк не пытался надуть их.

– Все тут, – вынес он вердикт.

Бреккер оглянулся через плечо и подозвал Кювея. Мальчик сделал несколько шагов, и Ван Эк указал ему встать рядом, похлопав его по спине.

Каз поднялся.

– Что ж, Ван Эк. Я бы и рад сказать, что с вами приятно иметь дело, но я не настолько хороший лжец. Мы пойдем.

Купец сделал шаг вперед, заслонив собой Кювея, и произнес.

– Боюсь, я не могу этого допустить, господин Бреккер.

Каз оперся на трость и пристально посмотрел на Ван Эка.

– Какие-то проблемы?

– Я насчитал несколько прямо перед собой. Вам ни за что не покинуть этот остров.

Мужчина достал свисток из кармана и выдал высокую ноту. В тот же миг его слуги достали оружие и откуда ни возьмись налетел воющий ветер.

Начался чудовищный шторм, который вихрем закрутился вокруг островка; море заволновалось.

Матросы на баркасе бригантины подняли руки, и волны за их спинами выросли.

– Проливные, – рявкнул Матиас, потянувшись за ружьем.

Затем с палубы бригантины прыгнули еще две фигуры.

– Шквальные! – крикнул Джеспер. – Они под действием парема!

Шквальные закружились в небе, ветер вокруг них превращался в смерч.

– Вы припрятали часть запаса, который Бо отправил совету, – прищурил глаза Каз.

Шквальные подняли руки, и ветер пронзительно завыл.

Джеспер достал револьверы. Разве он не хотел по чему-то пострелять? *«Полагаю, это место действительно приносит удачу, – подумал он с нетерпением. – Похоже, мое желание вот-вот исполнится».*

45. Каз

– Сделка есть сделка, Ван Эк! – Закричал Каз, стараясь перекричать шум нарастающей бури. – Если Торговый совет откажется держать свое слово, никто в Бочке никогда больше не станет иметь с вами дело. Ваши обещания ничего не стоят.

– Это *было бы* проблемой, господин Бреккер, если бы совет знал об этой сделке.

И тут его словно обожгло. Он все понял.

– Они никогда не принимали в этом участие, – прошептал Каз. Почему он поверил, что Ван Эк действовал с благословения Торгового совета? Потому что тот богатый, честный купец? Потому что он одевал собственных слуг и солдат в фиолетовую форму городской стражи? Каз встретился с Ван Эком в пустовавшем доме другого купца, а не в правительственном здании, и он купился на обычную подставу. Ситуация с Герцуном и кофейней повторилась, только теперь Каз был достаточно взрослым, чтобы лучше думать головой.

– Вы хотели заполучить Юл-Баюра. Вам нужна формула парема.

Ван Эк подтвердил догадку, кивнув головой.

– Нейтралитет – это роскошь, которой Керчия наслаждалась слишком долго. Члены совета думают, что их богатство защитит их, что они могут просто сидеть в сторонке и пересчитывать купюры, пока мир рушится.

– Но вы не такой?

– Именно. Юрда-парем – это не тот секрет, который можно спрятать, уничтожить или запереть в хижине на границе с Новым Земом.

– Значит, все ваши разговоры о торговых потоках и обвале рынка...

– О, все произойдет, как я и предсказал, мистер Бреккер. Я на это рассчитываю. Как только совет получил весточку от Бо Юл-Баюра, я начал скупать плантации юрды в Новом Земе. Когда парем ворвется в мир, каждая страна, каждое правительство будут требовать новых поставок юрды, чтобы давать ее своим гришам.

– Хаос, – подытожил Матиас.

– Да, – кивнул торговец. – Воцарится хаос, и я буду его хозяином. Очень богатым хозяином.

– Тем самым вы будете способствовать развитию работорговли и обречете гришей на смерть по всему миру, – сказала Инеж.

Ван Эк поднял бровь.

– Сколько тебе лет, девочка? Шестнадцать? Семнадцать? Народы поднимаются до вершин и падают. Рынки появляются и исчезают. Когда власть переходит в новые руки, кто-то непременно страдает.

– Когда прибыль переходит! – крикнул Джеспер.

Купец выглядел озадаченным.

– Разве это не одно и то же?

– Если совет об этом узнает... – начала Инеж.

– Совет никогда об этом не узнает, – отрезал Ван Эк. – Почему, по-вашему, я взял в компаньоны подонков из Бочки? О, признаю, вы куда более находчивее и умнее любых наемников. Но самое главное – вас никто не будет искать.

Ван Эк подал знак. Проливные покрутили руками. Каз услышал крик и повернулся, чтобы увидеть, как над Ротти зависла водяная спираль. Она врезалась в лодку, оставив от нее одни щепки, и он нырнул в море, чтобы спастись.

– Никто из вас не покинет этот остров, господин Бреккер. Все вы исчезнете, и всем будет наплевать. – Он вновь поднял руку, и проливные откликнулись. На «Феролинд» понеслась огромная волна.

– Нет! – закричал Джеспер.

– Ван Эк! – воскликнул Каз. – Твой сын на этом корабле!

Торговец быстро взглянул на парня. Он дунул в свисток. Проливные замерли, ожидая инструкций. Ван Эк неохотно опустил руку. Волна упала, не причинив никому вреда. Потрясенное море плескалось об борт «Феролинда».

– Мой сын? – переспросил мужчина.
– Уайлен Ван Эк.
– Господин Бреккер, вам наверняка известно, что он уже пару месяцев не живет дома.

– Я знаю, что вы писали Уайлену каждую неделю с того момента, как он ушел, и молили его вернуться. Так не поступают люди, которым наплевать на своего единственного сына и наследника.

Ван Эк рассмеялся – теплым, можно сказать, веселым смехом, однако было в нем что-то нервное и горькое.

– Позвольте мне рассказать вам о моем *сыне*. – Он выплюнул слово, словно оно отравляло его уста. – Ему было предназначено стать наследником одного из величайших состояний во всей Керчии, целой империи с построенными моим отцом и дедом судами, которые путешествуют по всему свету. Но мой *сын*, мальчик, от которого ждали, что он будет управлять этой великой империей, не может того, на что способен даже семилетний ребенок! Он может решить уравнение. Может рисовать и прекрасно играет на флейте. Чего мой сын не может, господин Бреккер, так это читать. Он не умеет писать. Я нанимал лучших репетиторов со всех уголков планеты. Испробовал разные методы, тонизирующие и укрепляющие средства, избиение, гипноз. Но он отказывался учиться. Наконец мне пришлось смириться, что Гезен посчитал нужным проклясть меня отпрыском-недоумком. Уайлен мальчик, который никогда не станет мужчиной. Он – позор моего дома.

– Письма... – начал Джеспер, и Каз увидел, как его лицо исказилось от злости. – Вы не просили его вернуться домой. Вы издевались над ним!

Джеспер был прав. «Если ты читаешь это, то знаешь, как сильно я хочу, чтобы ты вернулся домой». Каждое письмо было пощечиной для Уайлена, своеобразной злой шуткой.

– Он – ваш сын! – возмутился Джеспер.

– Нет, он – моя ошибка. И скоро я ее исправлю. Моя милая молодая женушка вынашивает дитя, и, будь это мальчик, девочка или тварь с рогами, именно этот ребенок станет моим наследником, а не какой-то пустоголовый идиот, который не может прочитать ни святые тексты, ни тем более бухгалтерские книги. Не какой-нибудь дурак, который сделает имя Ван Экос посмешищем.

– Это вы – дурак! – прорычал стрелок. – Он умнее, чем мы все, вместе взятые, и заслуживает отца получше, чем вы.

– Заслуживал, – исправил Ван Эк. А затем дважды подул в свисток.

Проливные не мешкали. Прежде чем кто-то успел вздохнуть, две

огромные волны выросли и обрушились на «Феролинд» с двух сторон. Корабль треснул между ними со страшным грохотом, и во все стороны полетели обломки.

Джеспер взвыл от ярости и нацелил револьверы.

– Джеспер! Опустит оружие! – приказал Каз.

– Он убил их! – сказал парень, скривив лицо. – Он убил Уайлена и Нину!

Матиас опустил руку на его плечо.

– Джеспер, – спокойно обратился он. – Не горячись.

Парень оглянулся на бушующие волны на месте, где секунду назад был корабль, а сейчас плавали обломки мачт и рваные паруса.

– Я... я не понимаю.

– Признаюсь, я тоже немного шокирован, господин Бреккер, – сказал Ван Эк. – Никаких слез? Никаких гневных заявлений о вашей утерянной команде? В Бочке всех воспитывают такими бессердечными?

– Бессердечными и предусмотрительными, – ответил Каз.

– Недостаточно предусмотрительными, судя по всему. По крайней мере, вам не придется жить, сожалея о своих ошибках.

– Скажите, Ван Эк, а вы будете каяться? Гезен не одобряет нарушенных сделок.

Ноздри купца вздулись.

– Что вы дали этому миру, господин Бреккер? Вы нажили состояние? Процветали? Нет. Вы крадете у честных людей и служите только самому себе. Гезен благосклонен к тем, кто этого заслуживает, к тем, кто строит города, а не к крысам, которые кормятся и паразитируют на устоях. Он благословил меня и мои деяния. Вы погибнете, а я буду процветать. *Такова воля Гезена.*

– Есть только одна проблема, Ван Эк. Для этого вам понадобится Кювей Юл-Бо.

– И как же вы заберете его у меня? Вы окружены вооруженными людьми.

– Мне не нужно забирать его. У вас никогда его и не было. Это не Кювей Юл-Бо.

– Жалкий блеф в лучшем случае.

– Я не очень люблю блефовать, не так ли, Инеж?

– Как правило, нет.

Купец широко улыбнулся.

– И почему же?

– Он предпочитает жульничать, – ответил мальчик, который не был

Кювеем Юл-Бо, на идеальном керчийском без малейшего акцента.

Ван Эк вздрогнул при звуке его голоса, а Джеспер удивленно отпрянул.

Шуханец протянул руку.

– Плати, Каз.

Тот вздохнул.

– Ненавижу проигрывать пари. Видите ли, Ван Эк, Уайлен поспорил со мной, что вы без всяких колебаний оборвете его жизнь. Считайте меня сентиментальным, но я не верил, что отец может быть таким черствым.

Ван Эк уставился на Кювея... или на мальчика, который, как он думал, был Кювеем Юл-Бо. Каз наблюдал, как он ломает голову над фактом, что изо рта Кювея доносится голос Уайлена. Джеспер тоже смотрел на него с недоверием. Он услышит объяснение, когда Каз получит свои деньги.

– Невозможно, – выдохнул купец.

Должно было быть невозможным. Нина была в лучшем случае сносной «портнихой», но под влиянием юрды-парема... Ну, как Ван Эк однажды сказал: «Невозможное становится возможным». Перед ними стояла почти идеальная копия Кювея Юл-Бо, но у нее был голос Уайлена, его манеры и – хоть Каз видел страх и обиду в его золотистых глазах – его удивительная храбрость.

После битвы в джерхольмской гавани маленький купец подошел к Казу, чтобы предупредить, что его нельзя использовать в качестве рычага против отца. Лицо Уайлена залилось краской, и он с трудом рассказал о своем «недуге». Каз только пожал плечами. Некоторые рождались поэтами. Другие – фермерами. Третьи – богатыми купцами. Уайлен мог идеально нарисовать здание в разрезе. Он сделал сверло, которое резало стекло гришей, из куска ворот и осколков драгоценных камней. Ну и что, если он не умеет читать?

Бреккер думал, что мальчик возмутится и откажется от идеи получить внешность Кювея. Столь экстремальная трансформация без помощи парема была не по силам ни одному гришу.

– Возможно, это навсегда, – предупредил его Каз.

Уайлену было плевать.

– Мне нужно знать. Я хочу наконец-то выяснить, что отец думает обо мне на самом деле.

Теперь он знал.

Ван Эк продолжал пялиться на Уайлена, пытаясь найти хоть какой-нибудь намек на черты своего сына.

– Не может быть.

Уайлен встал рядом с Казом.

– Может, тебе стоит помолиться Гезену, чтобы он ниспослал тебе понимание, отец.

Парень был немного выше Кювея, его лицо – круглее. Но Каз видел их, стоящих плечом к плечу, и сходство было невероятным. Работа Нины, которую она сделала на корабле до того, как силы начали убывать, была почти безупречной.

Лицо Ван Эка исказилось от ярости.

– Ничтожество! – зашипел он на сына. – Я знал, что ты дурак, но что ты окажешься предателем?

– Дурак ждал бы смерти на корабле. Что же касается «предателя», то за последние пару минут ты называл меня и похуже.

– Только представьте, – сказал Каз. – Что, если настоящий Кювей Юл-Бо находился на корабле, который вы превратили в зубочистки?

Голос Ван Эка оставался спокойным, но его шея покраснела от злобы.

– Где Кювей Юл-Бо?

– Позвольте нам безопасно покинуть остров с нашими деньгами, и я с радостью расскажу вам.

– Тебе не выбраться отсюда, Бреккер. Твоей маленькой команде не по силам тягаться с моими гришами.

Каз пожал плечами.

– Убьете нас – и никогда не найдете Кювея.

Торговец задумался, а затем отошел.

– Стража, ко мне! Убейте всех, кроме Бреккера!

Каз сразу же понял, что совершил ошибку. Все знали, что до этого может дойти. Нужно было довериться своей команде. Его взгляд должен был оставаться на Ван Эке. Вместо этого, в момент опасности, когда все его мысли должна была занимать битва, он посмотрел на Инеж.

И Ван Эк это заметил. Он дунул в свисток.

– Забудьте об остальных! Хватайте деньги и девчонку!

«Настаивай на своем», – говорил его внутренний голос. У Ван Эка есть деньги. Он – ключ. Инеж может защитить себя. Она – пешка, а не приз. Но Каз кинулся на подмогу в ту же секунду, когда напали гриши.

Проливные добрались до нее первыми, испарившись в тумане и возникнув рядом с девушкой. Однако только идиот попытался бы схватить Инеж в ближнем бою. Гриши были быстрыми – исчезали и появлялись, пытаясь поймать ее. Но она – Призрак, и ее ножи метили в сердце, горло, селезенку. На песок полилась кровь, и проливные рухнули, как две бездыханные кучи.

Краем глаза Каз заметил, что к Инеж вихрем мчится шквальный.

– Джеспер! – крикнул он.

Тот выстрелил, и шквальный полетел на землю.

Второй шквальный был умнее. Он летел низко, скользя над обломками. Джеспер и Матиас открыли огонь, но они стояли лицом к солнцу, и даже Джеспер не мог прицелиться вслепую. Гриш налетел на Инеж и быстро взмыл с ней в небо.

«Не двигайся», – мысленно убеждал ее Каз, доставая пистолет. Но Инеж не послушалась. Ее тело изогнулось, и она взмахнула кинжалом. Издалека донесся крик шквального. Он выпустил ее из рук. Инеж стремительно полетела на песок. Каз побежал к ней без всякого плана, не руководствуясь даже логикой.

Перед его глазами пронеслась какая-то тень. Третий шквальный подлетел и поймал Инеж за секунду до приземления и тут же нанес ей сильный удар по голове. Каз увидел, как тело девушки обмякло.

– Стреляйте в него! – проревел Матиас.

– Нет! – возразил Бреккер. – Если пристрелите его, она тоже упадет!

Гриш извернулся и исчез из поля зрения, сжимая Инеж в руках.

Они ничего не могли поделать, только стояли, словно истуканы, и смотрели, как силуэт девушки в небе становится все меньше и меньше – далекая луна, гаснущая звезда. И вот она исчезла.

Стражники и гриши Ван Эка сомкнулись, подняв купца и сундук с крюге в воздух, и понесли на ожидающую их бригантину. Месть за Джорди, все, над чем Каз столько работал, ускользало у него из рук. Ему было все равно.

– У тебя есть неделя, чтобы привезти мне настоящего Кювея, – сказал Ван Эк. – Или крики девчонки услышат в самой Фьерде! А если и это тебя не вразумит, я сделаю так, что все узнают о том, что ты прячешь самого ценного заложника в мире. Каждая банда, правительство, все контрабандисты и шпионы будут охотиться за твоей головой и за Отбросами. Тебе негде будет скрыться.

– Каз, я могу выстрелить, – предложил Джеспер, поднимая ружье. – Ван Эк еще в зоне досягаемости.

И тогда все будет потеряно – Инеж, деньги, все.

– Нет, – ответил Каз. – Пусть уходят.

Море успокоилось, не дул даже бриз, но оставшиеся в живых шквальные наполнили паруса судна попутным ветром.

Каз наблюдал, как бригантина мчится к Кеттердаму, в безопасность, в крепость, построенную на безупречной репутации Ван Эка. Он чувствовал

себя так, словно вглядывался в темные окна дома на Зельверштрате. Снова беспомощный. Он молился не тому богу.

Джеспер медленно опустил ружье.

– Ван Эк отправит на поиски Кювея солдат и гришей, – сказал Матиас.

– Они его не найдут. Ни его, ни Нину. – Ни в Клепке, ни в любой другой части Бочки. Нигде в Кеттердаме. Прошлой ночью Каз приказал Шпекту забрать Кювея и Нину с «Феролинда» на второй лодке, которую, как он сказал Джесперу, якобы ремонтировали. Они были надежно спрятаны в заброшенных камерах под старой тюремной башней Хеллгейта. Каз кое-что разузнал, когда посещал гавань, чтобы связаться с Ван Эком. После катастрофы на Хеллшоу клетки затопили, чтобы очистить их от зверей и трупов. С тех пор они пустовали. Матиасу претила сама мысль, что придется отпустить Нину куда-нибудь без него, особенно в ее нынешнем состоянии, но Каз убедил его, что оставлять их на борту «Феролинда» гораздо опасней.

Бреккер поразился собственной глупости. Тупее барана. Только сошел с корабля и уже планировал заработать состояние в Восточном Обруче! Его главная слабость находилась прямо рядом с ним. А теперь ее украли.

Джеспер рассматривал Уайлена, изучая его черные волосы, золотистые глаза.

– Зачем? – наконец поинтересовался он. – Зачем ты это сделал?

Парень пожал плечами.

– Нам необходим был рычаг.

– Это голос Каза.

– Я не мог допустить, чтобы вы пошли на обмен заложников, думая, что я могу послужить какой-то страховкой.

– Нина перекроила тебя?

– В ночь, когда мы отплыли от Джерхольма.

– Вот почему ты исчез на время путешествия! – воскликнул стрелок. – Ты не помогал Матиасу ухаживать за Ниной. Ты прятался.

– Вовсе нет.

– Ты... Сколько раз ты стоял со мной на палубе ночью, когда я думал, что это Кювей?

– Каждую ночь.

– Знаешь, возможно, у Нины не получится вернуть тебе прежний вид. По крайней мере, без дозы парема. Ты можешь навсегда застрять в этом теле.

– Какая разница?

– Не знаю! – рассердился Джеспер. – Может, мне нравилось твое

дурацкое лицо! – Он повернулся к Матиасу. – Ты знал. Уайлен знал. Инеж знала. Все, кроме меня.

– Спроси меня почему, Джеспер, – влез Каз, потеряв терпение.

Джеспер тревожно переминался с ноги на ногу.

– Почему?

– Это *ты* продал нас Пекке Роллинсу. – Сказал Каз обвиняющим тоном и ткнул пальцем в земенца. – Ты – причина, по которой нам устроили засаду, когда мы пытались отплыть из Кеттердама. Из-за тебя мы все чуть не погибли!

– Я ничего не рассказывал Пекке Роллинсу. Я бы никогда...

– Ты сказал одному из Грошовых Львов, что уезжаешь из Керчии, но скоро вернешься с большими деньгами, не так ли?

Джеспер сглотнул.

– Мне пришлось. Они начали давить на меня. Ферма моего отца...

– Я приказал никому не рассказывать, что мы покидаем страну! Я предупреждал тебя держать рот на замке!

– У меня не было выбора! Ты запер меня в «Клубе Воронов». Если бы ты позволил мне...

Каз обернулся.

– Позволил тебе *что*? Сыграть пару партий в «Ежевику на троих»? Закопаться еще глубже в могилу, раскопанную всеми боссами Бочки, которым хватило тупости одолжить тебе денег? Ты рассказал члену банды Пекки, что скоро будешь купаться в деньгах!

– Я не думал, что он пойдет к Пекке. Или что Роллинс знает о пареме. Я просто пытался выторговать себе немного времени.

– Святые, Джеспер, ты действительно ничему не научился в банде, не так ли? Ты все тот же глупый фермерский мальчик, сошедший с лодки.

Джеспер накинулся на него, и Каз почувствовал, как нарастающая в нем злоба перетекает в звериную жестокость. Наконец-то битва, которую он может выиграть! Но Матиас встал между ними, придерживая парней своими огромными ручищами.

– Хватит. Прекратите.

Каз не хотел прекращать. Ему хотелось избить их всех до полусмерти, а потом кулаками прокладывать себе путь через Бочку.

– Матиас прав, – сказал Уайлен. – Мы должны обдумать, что делать дальше.

– Нет никакого «дальше», – рявкнул Каз. Ван Эк об этом позаботится. Они не смогут вернуться в Клепку или попросить помощи у Пера Хаскеля и Отбросов. Купец будет наблюдать и ждать момента для атаки. Он

превратит Бочку, дом Каза, его маленькое королевство во вражескую территорию.

– Джеспер совершил ошибку, – продолжил Уайлен. – *Глупую* ошибку, но он не собирался никого предавать.

Каз отошел от них, пытаясь привести мысли в порядок. Он знал, что Джеспер сам не осознавал, что творил, но он также понимал, что никогда больше не сможет ему доверять. И, возможно, он не рассказывал ему о Уайлене, потому что хотел немного его наказать.

Через пару часов, когда они не выйдут на связь, Шпект приплывет за ними на баркасе. Сейчас не было ничего, кроме гладкого серого неба и мертвых скал этой жалкой пародии на остров. И еще не было Инеж. Казу захотелось кого-то ударить. Или чтобы кто-то ударил его.

Он посмотрел на тех, кто остался от его команды. Ротти все еще барахтался среди обломков лодки. Джеспер сидел, облокотившись на колени и подперев руками голову, а Уайлен с чужим лицом успокаивал его. Матиас глядел на воду в направлении Хеллгейта, как каменный страж. Если Каз был их лидером, то Инеж была магнитом, который притягивал их всех всякий раз, когда казалось, что они вот-вот разойдутся в разные стороны.

Нина замаскировала его татуировку с вороном и кубком, прежде чем они вошли в Ледовый Двор, но он и близко не подпустил ее к букве «Р» на бицепсе. Парень коснулся пальцами в перчатке места, где его рукав прикрывал эту метку. Сам того не осознавая, он позволил Казу Ритвельду вернуться. Он не знал, началось ли это с ранения Инеж, или с той отвратительной поездки в тюремном фургоне, но каким-то образом он позволил этому случиться, и это дорого ему стоило.

Но это не значит, что он допустит, чтобы какой-то лживый торговец обыграл его.

Каз посмотрел на юг, в сторону кеттердамских гаваней. На задворках его разума зашевелилась мысль, начала зудеть, тонко намекать. Это сложно было назвать планом, но однажды она может им стать. Бреккер уже видел, каким он будет – невозможным, абсурдным и требующим серьезных денег.

– Он что-то затевает, – пробормотал Джеспер.

– Определенно, – согласился Уайлен.

Матиас скрестил руки.

– Копаешься в своем мешке фокусов, демжин?

Каз сжал пальцы в перчатках. Как выжить в Бочке? Когда у тебя отнимают все, ты обращаешь ничто в нечто.

– Я придумаю новый трюк, – сказал Бреккер. – Такой, какой Ван Эк никогда не забудет. – Он повернулся к остальным. Он бы отправился за

Инеж в одиночку, если бы мог, но даже ему такое не по силам. – Мне понадобится подходящая команда.

Уайлен поднялся на ноги.

– За Призрака!

Джеспер тоже встал, все еще не встречаясь взглядом с Казом.

– За Инеж, – тихо произнес он.

Матиас коротко кивнул.

Инеж хотела, чтобы Каз стал лучше, благородным вором. Но такому здесь не место. Такой парень умер бы от голода в каком-нибудь переулке. Такой парень не смог бы вернуть ее.

«Я получу свои деньги, – поклялся Бреккер. – И верну свою девушку». Инеж никогда не будет по-настоящему его, но он найдет способ подарить ей свободу, которую так долго обещал.

Грязные Руки готов выполнять грубую работу.

46. Пекка

Пекка Роллинс засунул щепотку юрды за щеку и откинулся на спинку кресла, чтобы осмотреть оборванную команду, которую Доути привел в его кабинет. Роллинс жил над «Изумрудным дворцом», в огромных апартаментах из нескольких комнат. Каждый их дюйм был покрыт позолотой и зеленым бархатом. Он любил блеск во всем – в одежде, в друзьях, в женщинах.

Дети, стоящие перед ним, были полной противоположностью окружавшему его шику. На них были костюмы героев «Зверской Комедии», но никто не мог войти в его офис, не показав лицо, так что маски пришлось снять. Некоторых из них он узнал. Однажды он хотел завербовать сердцеемку Нину Зеник, но теперь она выглядела так, словно не протянет и месяца – сплошные торчащие кости, темные впадины и дрожащие руки. Похоже, он избежал плохой инвестиции. Она держалась за высокого фьерданца с бритой головой и холодными голубыми глазами. Он был огромным – скорее всего, бывший военный. Такие крупные мышцы ему быгодились. И где только Бреккер откопал этих людей?

Парень рядом с ними был шуханцем, но выглядел слишком юным, чтобы оказаться ученым, за которым они все так гонялись. Кроме того, Грязные Руки ни за что бы не привел такой подарок в «Изумрудный дворец». Ну и, конечно, Роллинс знал Джеспера Фахи. Стрелок наделал безумное количество долгов почти в каждом игорном доме Восточного

Обруча. Его болтливость помогла Роллинсу вывести, что Бреккер отправляется с командой во Фьерду. Пришлось немного покопаться и дать кучу взяток, но в итоге он выудил информацию о том, когда и откуда они отплывают – информация оказалась ложной. Бреккер был на шаг впереди него и Грошовых Львов. В конце концов этому канальному крысенышу удалось добраться до Ледового Двора.

Хотя в этом были и свои плюсы. Если бы не Каз Бреккер, Роллинс все так же сидел бы в камере этой чертовой фьерданской тюрьмы, ожидая следующей серии пыток – или, возможно, висел бы на пике кольцевой стены.

Когда Бреккер взломал замок на двери его камеры, Роллинс даже не знал, спасет он его, или убьет. Он много слышал о Грязных Руках с тех пор, как тот занял видное место среди Отбросов, – жалкой группке, которую Пер Хаскель звал бандой, – и они встречались пару раз в Бочке. Парень взялся из ниоткуда и постоянно приносил неприятности. Но он все еще был обычным лейтенантом, не генералом, просто терьером, покусывающим лодыжки Роллинса.

– Ну, здравствуй, Бреккер, – сказал Роллинс. – Пришел позлорадствовать?

– Не совсем. Ты меня знаешь?

Роллинс пожал плечами.

– Конечно. Ты – маленький негодник, который постоянно крадет у меня клиентов.

Выражение, мелькнувшее на лице парня, заставило Роллинса опешить. Это была ненависть – чистая, черная, давно закипевшая. «*Что я сделал этому мелкому выскочке?*» Но через секунду это выражение исчезло, и Роллинс задумался, а не привиделось ли это ему.

– Чего ты хочешь, Бреккер?

– Ты хочешь, чтобы я *отдал* тебе двести тысяч крюге? И что я получу за этот щедрый жест?

Бреккер сжал челюсть.

– Мою долю в «Клубе Воронов» и Пятой гавани.

Роллинс выпрямился.

– Ты продаешь свою долю?

– Да. А за дополнительные сто тысяч добавлю оригинал Де Каппеля.

Мужчина откинулся на спинку кресла и сцепил пальцы.

– Ты ведь понимаешь, что этого недостаточно для войны с Торговым советом?

– Это на команду.

– На эту команду? – он фыркнул. – Не могу поверить, что вы, жалкие создания, успешно ограбили Ледовый Двор.

– Поверь.

– Ван Эк закопает тебя живьем.

– Другие уже пытались. Но я всегда возвращаюсь из мертвых.

– Я уважаю твоё рвение, парень. И понимаю тебя. Ты хочешь получить свои деньги, вернуть Призрака, откусить кусок шкуры Ван Эка...

– Нет, – хрипло прорычал Бреккер. – Когда я приду за ним, то не просто заберу то, что принадлежит мне.

Я разрушу его жизнь. Сожгу его имя в гробу. От него ничего не останется.

Пекка Роллинс уже потерял счет тому, сколько угроз он слышал, скольких людей убил и скольким смертям стал свидетелем, но от взгляда Бреккера у него по спине побежали мурашки. Что-то гневное в этом мальчишке просилось на свободу, и Роллинс не хотел бы находиться рядом, когда оно сорвется с поводка.

– Открой сейф, Доути.

Роллинс протянул Казу деньги, а затем Бреккер подписал соглашение о передаче своей доли в «Клубе Воронов» и в золотой жиле, которой была Пятая гавань. Когда Пекка протянул руку, чтобы завершить сделку, от хватки Бреккера у него захрустели костяшки.

– Ты совсем меня не помнишь, не так ли? – спросил парень.

– А должен?

– Пока нет. – Та ненависть вновь мелькнула в глазах Бреккера.

– Сделка есть сделка, – сказал Роллинс, желая поскорее избавиться от этого странного создания.

– Сделка есть сделка.

Когда они ушли, Пекка посмотрел вниз. Часть пола была стеклянной и находилась над игровым залом «Изумрудного дворца».

– Неожиданно прибыльный конец дня, Доути.

Тот что-то крякнул в знак согласия, глядя на происходящее за столами внизу – кости, карты, «Колесо фортуны», проигранные и выигранные состояния. И самый вкусный кусочек этого пирога доставался Роллинсу.

– Зачем он носит эти перчатки? – спросил телохранитель.

– Полагаю, это дешевая театральность. Кто знает? Да и какая разница?

Роллинс наблюдал, как Бреккер и его команда идет по людному игровому залу. Они открыли дверь на улицу и на долю секунды превратились в силуэты в своих масках и плащах, очерченные светом от фонарей – калек, за которым тянется группа детишек в костюмах. Та еще

банда. Пекка полагал, что Бреккер был хитрым вором и достаточно жестким и изобретательным. Но, в отличие от тех бедных марионеток в Ледовом Дворе, Ван Эк готов к встрече с ним. Мальчик вступил в смертельную схватку. У него нет ни единого шанса.

Роллинс потянулся к часам. Приближалось время, когда приходила следующая смена крупье, а он любил проверять их лично.

– Сукин сын! – воскликнул он через секунду.

– Что не так, босс?

Роллинс поднял цепочку от часов. На месте украшенного алмазами хронометра внезапно оказалась репа.

– Маленький ублюдок... – затем ему пришла в голову еще одна мысль. Он потянулся за кошельком. Того на месте не оказалось. Как и булавки для галстука, каэльского амулета в виде монеты, который приносил удачу, и золотых пряжек на его обуви. Роллинс задумался, не проверить ли ему пломбы в зубах.

– Он обчистил ваши карманы? – с недоверием спросил Доути.

Никто не грабил Пекку Роллинса. Никто не смел. А вот Бреккеру хватило наглости, и Роллинс подумал, что это, возможно, только начало.

– Доути, я думаю, нам стоит помолиться за Яна Ван Эка.

– Думаете, Бреккер обставит его?

– Маловероятно, но если купец не будет осторожен, то может попасть прямоком на виселицу и позволить Бреккеру затянуть петлю. – Пекка вздохнул. – Будем надеяться, что Ван Эк убьет мальчишку.

– Почему?

– Иначе это придется сделать мне.

Роллинс затянул узел своего галстука, которому отчаянно не хватало булавок, и направился вниз в казино. Проблема по имени Каз Бреккер может подождать до следующего раза. Сейчас время зарабатывать денежки.

Благодарности

У меня прогрессирующее заболевание под названием остеонекроз. По сути, это слово переводится как «смерть костей», что звучит довольно готично и романтично, но на самом деле означает, что каждый мой шаг отдает болью, и иногда мне приходится ходить с тростью. Я не случайно решила создать главного героя, который страдает от похожих симптомов, и часто чувствовала, что мы с Казом вместе хромаем по этой дорожке. Мы не добрались бы до конца без множества чудесных людей.

Вся моя любовь – моей команде маргиналов и скандалистов: Мичи, Рахель, Саре, Робину, Джошу и особенно Морган, которая придумала название этой книги и помогла мне закончить ее. Огромное спасибо Джимми, который потащил меня в Санта-Барбару и мастерски справился с моим творческим кризисом.

Благослови Господь Ноя Уилера за то, что помог мне разгадать эту загадку и проявлял терпение, когда я становилась раздражительной и доставала белую доску для записей. Я глубоко благодарна Джин Фейвел, Лауре Годвин, Джону Ягеду, Молли Брюлле, Элизабет Фитиан, Ричу Диасу, Эйприл Вард и бесчисленному количеству других людей в издательстве «Генри Холт и Макмиллиан для детей», которые помогли мне оживить мир гришей и позволили продолжать изучать его вместе с читателями. Джоанна Вольп с «Нью-Лиф»: в твоём резюме непременно должно быть указано: «стойкая и искренняя». Я могу встретиться с любым испытанием, зная, что ты всегда прикроешь меня. Также спасибо Пое «он был молод» Шабазяну, Кейтлин Ортиз, Даниэлю Бартелю, Джейде Темперли и Джесс Дэллоу. Большое спасибо команде гришей в Великобритании: Фионе Кеннеди, Дженни Гленкросс и замечательной команде из «Ориона», особенно Нине Дуглас – великолепному издателю, отличному попутчику и прирожденному когтевранцу! Спасибо читателям, библиотекарям, продавцам книг, буктьюберам и блогерам, которые воспевают книжные истории по всему миру.

Любое хорошее похищение требует талантливого специалиста, и мне помогали лучшие: Стивен Кляйн предложил свои бесценные знания о том, как новички учатся магии, и обратил мое внимание на деятельность Эрика Мида и Аполло Роббинса – преступников-джентльменов. Анджела Депейс сделала все возможное, чтобы помочь мне найти реальный способ отключить полную комнату заключенных, но, в конце концов, пилули

хлора были продуктом чистого воображения (не пытайтесь повторить это дома). Ричард Уилер консультировал меня по поводу того, как правительственные здания и дома с высоким уровнем безопасности не пускают бандитов. Эмили Штейн рассказала мне все о ножевых ранениях и познакомила с замечательным термином: «вершина сердца». Король искусственных языков Дэвид Петерсон пытался подтолкнуть меня в правильном направлении и позволил упорствовать насчет улиц-«штрат». И спасибо Хэдвигу Аэртсу, моему дорогому другу, и Соберуми, что помогли мне измываться над голландским языком более вдумчиво.

Мэри Лю, Эми Кауфман, Робин Ла Фиверс, Джессика Броди и Гретхен МакНил заставляли меня безудержно смеяться и терпели мое нытье. Также спасибо Робину Вассерману, Холли Блэк, Саре Риз Бреннан, Келли Линг и Кассандре Клэр за советы по сюжету, коктейль «Маргарита» и за то, что посадили меня на сериал «Волчонок». Моя жизнь никогда не будет прежней. В кровотечении из носа фьерданской охранницы можете винить Анну Кэри. Отправляйте ей свои жалобы.

Кристина, Сэм, Эмили и Райан – я счастлива называть вас своей семьей. И дорогая Лулу – «ты подвела свой город»^[8]. Спасибо, что терпела перемены в моем настроении и заботилась о моей маленькой преступной банде.

Много книг помогло Кеттердаму, Бочке и моей команде воронов принять форму, но важнейшими были: «Самые черные улицы: жизнь и смерть викторианских трущоб» Сары Вайс, «Торговец кофе» Дэвида Лисса, «Амстердам: история самого либерального города в мире» Рассела Шорто, «Криминальный сленг: диалекты жаргона из самых низов» Винсента Дж. Монтелеона, «Выдающийся мошенник: история уверенного мужчины» Дэвида Маурера и «Похищая Рембрандтов: нерассказанные истории об известных кражах предметов искусства» Энтони М. Аморе и Тома Машберга.

И напоследок: вычитывать эту книгу мне хотелось под звуки «The Black Keys», «The Clash» и «The Pixies», но родилась она в старой, полной сквозняков школе, где на автореверсе играл альбом «*In a Time Lapse*», а под карнизом хлопала крыльями летучая мышь. Искреннее спасибо композитору Людовико Эйнауди. И мышке.

Примечания

1

Да (нид.).

Пит-босс – в обязанности пит-босса в игровом зале входит наблюдение за ходом игры и работой крупье.

Hellgate (*англ.*) – ворота ада.

Часы старейшин (*англ.*)

Водоносный горизонт, или *аквифер* (англ. aquifer), – горная порода, состоящая из водоносных слоев.

Рыцарский турнир.

Гвоздь.

Цитата из американского сериала «Стрела».